

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр РАН»

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»

А.А. Журтова, А.Н. Максимчик

**ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-
КАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVI–XIX В.:
ДВА ПОДХОДА К ОСМЫСЛЕНИЮ
ПРОБЛЕМЫ**

Владикавказ 2017

ББК 63.3-6
Ж 91

Серия «Первая монография»

Журтова А.А., Максимчик А.Н. Историография российско-кавказских отношений в XVI–XIX в.: два подхода к осмыслению проблемы: Монография / А.А. Журтова, А.Н. Максимчик. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – 440 с.

ISBN 978-5-91480-280-3

Научный редактор – доктор исторических наук,
профессор *П.А. Кузьминов*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Е.Ф. Кринко*
кандидат исторических наук *С.С. Цуцулаева*
доктор исторических наук *Д.В. Карев*
кандидат исторических наук *Е.Н. Филатова*
доктор исторических наук *С.А. Айларова*

Монография посвящена историографическому анализу принципиальной проблемы отечественной исторической науки: исследованию характера, особенностей и эволюции российско-кавказского исторического взаимодействия, на протяжении трех веков. Работа состоит из двух самостоятельных разделов, представленных молодыми историографами России и Беларуси, но дополняющих друг друга и создающих новое дискуссионное историографическое пространство осмысления заявленной проблемы. Авторы выявили сотни историографических источников, проанализировали их и предложили оригинальную трактовку наиболее значимых сюжетов сложного характера вхождения горских народов в состав России.

Журтова А.А. и Максимчик А.Н. – участники ежегодной Школы-конференции молодых ученых СОИГСИ, активно сотрудничают с Научно-образовательным центром СОИГСИ «Гуманитарий», по ходатайству которого Ученый совет принял решение о публикации проведенного ими исследования в серии «Первая монография».

Книга адресована научным работникам, преподавателям, студентам, а также всем, кто увлекается историей и историографией народов Северного Кавказа.

Печатается по решению Учёного совета СОИГСИ ВНЦ РАН

ББК 63.3-6

ISBN 978-5-91480-280-3

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017

© Журтова А.А., Максимчик А.Н., 2017

ЗАМЕТКИ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

В сентябре 2013 года на заседании совета по защите диссертаций Д 02.01.05 при Белорусском государственном университете состоялась успешная защита диссертации **А. Н. Максимчика** по теме: «**Присоединение Северного Кавказа к России в историографии XIX – начала XXI в.**». В феврале 2016 года в Адыгейском государственном университете в специализированном совете по защите диссертаций ДМ 212.001.08 прошла блестящая защита диссертации **А. А. Журтовой** «**Процесс вхождения народов Центрального Кавказа в состав России в отечественной историографии**». Термины «присоединение» и «вхождение» в современном историческом кавказоведении синонимичны, а небольшие расхождения в географических и хронологических рамках исследования, только подчеркивают генетическую близость исследуемых проблем в защищенных диссертациях. Таким образом, в двух братских славянских государствах, России и Белоруссии, были подготовлены два исследования, которые подвели определенный историографический итог изучению качества взаимоотношений народов Северного Кавказа и России.

Мое знакомство с Андреем Николаевичем на международной конференции в г. Москве в ноябре 2014 г., с одной стороны, и научное руководство над диссертацией Анжелы Ариковны, с другой стороны, привело к идее публикации этих оригинальных работ по набору историографических источников и фактов, по методологии, по историческим школам кавказоведения, по манере анализа исторического материала, но объединенных общим концептуальным видением проблемы, любовью и уважением к историческому прошлому горских народов Кавказа, в рамках одного научного издания, в одной книге. Эта, в целом, простая, но необычная для практического воплощения проблема, осталась бы «маниловской мечтой», если бы наш мир был черно-белым.

Несмотря на все финансовые трудности, переживаемые сегодня научным сообществом, в нем есть, и хочется надеяться,

всегда будут руководители, которые поддержат интересные проекты молодых ученых, несмотря на все объективные сложности повседневного научного бытия и бюджетное секвестрование научных программ. Почему, вопреки логики выживания, руководитель крупнейшего научного центра Северного Кавказа, директор СОИГСИ Залина Владимировна Канукова протягивает руку помощи в публикации книги, которая выполнена не ее сотрудниками, а значит она не несет за нее никакой юридической или моральной ответственности?

Ответ, прост. Данный проект не только подводит итог изучения важнейшей историографической проблемы кавказоведения, но и открывает перспективы ее дальнейшего исследования. Если сегодня наука не будет отвечать на запросы общества, то завтра ее место займут популисты, раздувающие националистический «огонь» в сфере взаимоотношений «центра и периферии». Для локализации и недопущения этой ситуации нужен государственный подход, который нивелирует «полюса» взглядов, поможет выработать общий подход к обсуждению проблемы.

Развитие исторической науки невозможно без критического осмысления предшествующего опыта, выступающего не только ценным историографическим наследием, но и основой для определения ее дальнейших возможностей и перспектив.

Характерный для современных исследований интерес к истории исторической науки закономерно ведет к усилению внимания к ее теоретическим и методологическим проблемам. Они включают в себя самые различные аспекты историографического исследования – от выяснения влияния политической, социально-экономической конъюнктуры на историческую науку до анализа характерной для каждого отдельного исторического направления методологической основы. В силу многообразия и разнородности этих аспектов возникает потребность в применении дифференцированного подхода к их изучению, что предполагает различные уровни и масштабы историографического исследования.

Один из подходов к пониманию предмета истории исторической науки реализуется в рамках проблемной историографии,

которая направлена на рассмотрение результатов профессиональной деятельности историков, изучение борьбы взглядов и концепций, научного опыта ведущих школ и направлений, на подведение итогов изучения той или иной исторической проблемы, выявление малоизученных и дискуссионных вопросов, определение направлений возможных будущих исследований. Поэтому предмет проблемной историографии не тождествен с предметом истории исторической науки в широком смысле этого слова.

Сегодня в свет выходит огромное количество научных и научно-популярных изданий по истории, и в этом потоке литературы сложно ориентироваться не только «любителям истории», но и профессионалам. Тем более что развитие исторической науки нередко сопровождается пересмотром и обновлением ранее сложившихся и уже устоявшихся в сознании многих людей концепций и идей.

К числу таких проблем относится проблема российско-кавказского исторического взаимодействия.

Сложные этнополитические процессы, наблюдаемые на Северном Кавказе после распада СССР, всплеск национализма, усиление сепаратистских и экстремистских тенденций в регионах, поиск механизмов, способных объединить российское общества в рамках одного полиэтничного пространства актуализировали изучение вопросов, связанных с историей взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. Среди них проблема вхождения народов региона в состав России, российско-кавказское взаимодействие в XVI-XVIII вв., Кавказская война, мухаджирство и др.

По справедливому замечанию В.В. Дегоева, история российско-кавказских взаимоотношений «с точки зрения фактографии, считается хорошо изученной, но это не помешало ей стать сегодня предметом острейших научных дискуссий, идеологических баталий, националистических и шовинистических спекуляций, топорного мифотворчества»¹. Данная проблема является одной из самых острых, как в геополитическом, так и историко-идео-

¹ Дегоев В.В. История российско-кавказских отношений как научно-образовательный проект // URL: <https://regnum.ru/news/polit/1589817.html> (дата обращения: 23.06.2017)

логическом плане, не только для России, но и для всего постсоветского пространства, в связи с нарастанием угрозы националистических и сепаратистских факторов дестабилизации социальной обстановки.

По мнению Е. Ф. Кринко, проблема вхождения народов Северного Кавказа в состав России давно и небезуспешно разрабатывается в отечественной историографии, найдя свое отражение в десятках коллективных трудов, монографий, диссертаций, сборников, сотнях статей и докладов на научных конференциях. Однако их изучение не раз становилось причиной для возникновения настоящих «боев за историю», участники которых нередко апеллировали к тем или иным событиям и явлениям прошлого для обоснования собственных идеологических и политических пристрастий. Очередной виток этих «боев» стал раскручиваться, с точки зрения историка, в 1990-е гг., будучи вызван не только поиском новых подходов и стремлением к методологическому обновлению самой исторической науке, но и процессами суверенизации северокавказских республик, потребностью в идеологическом обосновании национальной государственности. С 2000-х гг. стали преобладать противоположные тенденции – укрепление единства народов Российского государства, официальной поддержки центристских сил в обществе и науке. Но политическая составляющая в изучении рассматриваемой проблемы не исчезла. Все это в очередной раз доказывает не только научную актуальность, но и высокую общественно-политическую значимость осмысления накопленных исторических знаний о вхождении региона в состав России.

Профессор О. А. Яновский подчеркнул важность решения этой весьма сложной научной задачи: «обобщения огромного исследовательского наследия по острым вопросам вхождения в состав России регионов Кавказа и Закавказья, сконцентрировав свое внимание именно на Северном Кавказе как политико-территориальной данности современной России».

Историография данного вопроса в силу многомерности и сложности предмета изучения тяготеет, на наш взгляд, к междисциплинарному подходу. Междисциплинарность в исторических

и историографических исследованиях обуславливается исчерпанием в значительной степени объяснительного потенциала позитивистской и марксистской методологии исторического познания и традиционно реализуется через заимствование методов и концепций смежных дисциплин. Качественный прирост научно-исторического знания без овладения новейшими исследовательскими методиками и теоретическими достижениями мировой науки практически невозможен. Интердисциплинарный подход предполагает постановку научно-исследовательских задач на стыке истории и смежных дисциплин с использованием их теоретического потенциала и научного языка в исследованиях в целях достижения более объективной и целостной картины изучаемой проблемы.

В данной работе предпринята попытка создания единого исследования, сочетающего в себе традиционный историографический анализ проблемы российско-кавказских взаимоотношений, основанный на применении основных научных методов и принципов (А. Н. Максимчик), с нетрадиционным подходом, основанном на использовании дисциплинарной матрицы исторической науки Й. Рюзена (А. А. Журтова).

Детский интерес к истории далекого Кавказа, вылился у А. Н. Максимчика в завершённый научный труд. Откуда у белорусского паренька такое серьёзное увлечение, глубина, понимая исторических процессов, прозорливость в изучении событий далекого прошлого, мы не знаем. Важен итог проделанной работы, анализ событий и людей, освещающих их динамику. Хотя, конечно, это самостоятельный сюжет для будущего историка.

Исследование белорусского историка А. Н. Максимчика посвящено историографическому изучению проблемы присоединения Северного Кавказа к России. Автор впервые в белорусской исторической науке системно исследовал данную проблему с историографической точки зрения.

Как подчеркивает Д. В. Карев, белорусская историография еще не направляла «фокус своего научного аналитического интереса» на данную тему, как в историческом, так и историографо-источниковедческом смысле. А. Н. Максимчиком впервые

изучена направленность и специфика дореволюционных, советских и современных исторических работ, связанных с проблемой присоединения региона к России, изучена динамика концепций и идей».

В основу исследования А. Н. Максимчика положены традиционные для исторического и историографического исследования методы и подходы, в числе которых проблемно-хронологический принцип изложения материала, цивилизационный подход, позволяющий сфокусировать внимание на целостности общественных процессов, историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы. В процессе работы автор опирался на принципы историзма, объективности, системности и целостности.

Выбранная автором тема требовала детального анализа большого круга источников и литературы различного характера, происхождения и времени создания. Для аргументации своих выводов А. Н. Максимчик привлек достаточно обширный источниковый материал по проблеме, выявленный им самостоятельно в архивных фондах и музейных коллекциях современной Грузии, в частности, никем не изученный и не введенный в научный оборот личный фонд дореволюционного исследователя М. А. Полиевктова.

В работе на широком историографическом материале анализируется процесс становления и развития дореволюционной российской историографии, посвященной вопросам присоединения Северного Кавказа к России. В рамках этого этапа изучения были заложены основы отечественного кавказоведения, оформлены исследовательские подходы, оказавшие фундаментальное значение для последующего осмысления проблемы. А. Н. Максимчик подчеркивает, что в дореволюционных исследованиях были определены основания для установления хронологических границ присоединения территорий Северного Кавказа к России и периодизации этого процесса, сформулированы и обоснованы мотивы, цели и задачи внешнеполитического курса России в регионе и методы их реализации.

В рамках советского этапа изучения присоединения Северного Кавказа к России был осуществлен пересмотр имперского

исторического опыта. Исследования в данной области развивались в двух диаметрально противоположных исторических моделях присоединения: военной (концепция «абсолютного зла») и мирной (концепция «добровольного присоединения»).

Современный этап изучения проблемы протекает, по мнению А. Н. Максимчика, в созданном в советской историографии диапазоне крайних оценочных границ, отчетливо прослеживаются отличия в подходах между федеральными и национальными историками. Многие из них видят в военной историко-типологической модели наиболее правомерную и адекватную историческим реалиям платформу для изучения российско-северокавказских отношений. Признавая завоевательный характер этого процесса, исследователи вместе с тем оставляют за собой право отстаивания его прогрессивных последствий.

Особое внимание в работе уделено проблеме Кавказской войны. Анализ историографических источников показывает, что включение событий Кавказской войны в хронологические рамки процесса присоединения Северного Кавказа к России напрямую зависит от того, какие критерии вкладывает исследователь в само определение термина «присоединение». В силу этого Кавказская война, как период в истории российско-кавказских взаимоотношений, может рассматриваться и в качестве самостоятельного процесса, последовавшего за включением региона в состав России, или как завершающий этап присоединения.

В качестве основных элементов концепций, раскрывающих процесс присоединения Северного Кавказа к России, А. Н. Максимчик выделяет время присоединения и характер российско-северокавказских отношений, которые находят отражение в понятийном аппарате исследований. Новые хронологические рамки, новые даты присоединения, появляются в результате переосмысления ранее известных источников. Автор приходит к выводу, что полемика вокруг характера присоединения сводится к тому, что исследователи пытаются усилить в употребляемых терминах доминирование какого-либо скрытого смыслового значения: государственно-идеологического («добровольное вхождение», «объединение»), этно-эмоционального («завоевание», «геноцид»),

«оккупация»), рационально-критического («военно-политический союз», «подданство», «пророссийская ориентация»).

Вклад ученого в данную проблему обусловлен, во-первых, проведением первого не только в белорусской, но и российской историографии комплексного научного исследования значительного количества разноплановых работ российских историков XIX-XXI вв., в которых под разными углами зрения рассматривается проблема присоединения Северного Кавказа к России. Во-вторых, анализом этих историографических источников, позволивший представить доказательную базу подходов, точек зрения и концепций, сформировавшихся в российском историческом кавказоведении более чем за двести лет его развития. В-третьих, введением в научный оборот комплекса источниковых материалов по проблеме присоединения Северного Кавказа к России, что расширяет возможности дальнейшего ее научного осмысления. В-четвертых, систематизацией, критическим анализом и доказательством научной правомерности или деструктивности обширного терминологического и дефинитивного аппарата, который присущ российскому историческому кавказоведению, что дает возможность для дальнейшего более объективного и точного исследования проблемы присоединения Северного Кавказа к России.

Иной подход к исследованию проблемы российско-кавказского исторического взаимодействия демонстрирует А. А. Журтова. В ходе изучения противоречивого процесса вхождения Центрального Кавказа, стратегически важного региона, в состав России, ученые дают различные, иногда диаметрально противоположные оценки этому явлению, растянувшемуся на несколько веков. Соответственно, формируется понятийно-категориальный аппарат, который оперирует дефинициями «добровольное присоединение», «военно-политический союз», «вхождение», «подданство», «российскость» и др., в качестве определения установившихся взаимоотношений северокавказских народов с Россией в тот или иной исторический период. В связи с этим А. А. Журтова осуществляет терминологический анализ основных понятий и категорий, претендующих на максимально пол-

ное определение характера российско-кавказского исторического взаимодействия, и приходит к выводу, что термин, дефиниция и дата являются взаимозависимыми и составляют единое целое в концептуальном подходе ученого к проблеме присоединения. Процесс вхождения региона в результате «завоевания» датируется историками, как правило, периодом Кавказской войны; для обоснования мирного и добровольного характера интеграции в состав России осуществляется поиск более ранних дат.

Данная работа отличается комплексным подходом к проблеме. В историографическом ключе изучены основные этапы вхождения народов Центрального Кавказа в состав России: российско-северокавказские взаимоотношения в XVI-XIX вв., правовое оформление присоединения региона к Российской империи, Кавказская война и др.

В первой главе А. А. Журтова обосновала право использования в исследовании методологически новой для отечественного кавказоведения дисциплинарной матрицы Й. Рюзена, которая дала возможность провести системный историографический анализ проблемы. Дисциплинарная матрица, состоящая из пяти взаимосвязанных факторов: интересов, концептов обозначения, методов, форм репрезентации и функций, в некоторой степени заменяет традиционный историографический анализ и выступает в качестве инструмента классификации и типологизации историографических источников и фактов. Автору удалось с помощью этого метода показать динамику развития историографии проблемы, изучить какое влияние на этот процесс оказывали политические, социально-экономические и идеологические условия существования исторической науки. Дисциплинарная матрица Й. Рюзена позволила изучать развитие исторической науки, в том числе и кавказоведения, одновременно и как академическую дисциплину, и как средство удовлетворения духовных потребностей общественной жизни, ориентации ученых в научном пространстве и формирования всех видов идентичности.

А. А. Журтова исследовала дореволюционную, советскую и современную историографию по проблеме вхождения народов Центрального Кавказа в состав России и их взаимоотношений

с Российским государством в XVI-XIX вв. В исследовании обобщен и проанализирован значительный объем публикаций разных видов и жанров по изучаемой теме.

Исторические представления дореволюционных авторов, в среде которых А. А. Журтова условно выделяет три направления изучения проблемы: консервативное, либеральное и демократическое, стали основой для дальнейшего развития российского кавказоведения. Представители первого, по словам автора, отстаивая имперские интересы, осуществляли поиск наиболее эффективных способов управления национальными окраинами. Вторые являлись противниками насилия в российско-кавказском конфликте. Третьи призывали к «революционной борьбе» с имперской властью и ее институтами.

Можно согласиться с А. А. Журтовой в том, что исследования дореволюционного периода носили менее идеологизированный характер, чем новейшая историография, которая испытывает определенное давление со стороны различных слоев общества и государства.

Советская историография, пределы которой были установлены марксистско-ленинской методологией, развивалась в рамках двух антагонистических подходов к проблеме вхождения Центрального Кавказа в состав России: военного, содержащего в себе идеи «абсолютного зла» и «наименьшего зла», и мирного, выраженного в теории «о добровольном присоединении и его прогрессивных последствиях».

В современном кавказоведении утвердился методологический плюрализм и отчетливо прослеживается поляризация исследовательских позиций в вопросе российско-кавказского исторического взаимодействия. Окончательное вхождение Центрального Кавказа в состав России многие историки связывают с «жестокой колониальной политикой» имперского правительства в период Кавказской войны, часть исследователей стремится продемонстрировать мирный характер российско-горских взаимоотношений.

Внимательно проанализировав существующие подходы, А. А. Журтова предлагает собственное видение перспективных

проблем исследования вхождения региона в состав России. К ним отнесены взаимоотношения народов Северного Кавказа с Крымским ханством, всесторонний анализ российско-кавказских отношений в XVIII-XIX вв., включая не только описание военных действий в регионе, но и исследование социально-экономических и культурных связей между Россией и местными народами.

С точки зрения автора, в процессе исследования вхождения народов Центрального Кавказа в состав России важно избегать крайностей в оценках: не акцентировать внимание на военном противостоянии в регионе, с одной стороны, и на исключительной добровольности присоединения к империи – с другой. Эта исследовательская и гражданская позиция А. А. Журтовой в условиях усиливающейся «войны историографий» представляется наиболее взвешенной и конструктивной.

Выход на новый уровень в исследовании проблемы возможен, с ее точки зрения, при осуществлении синтеза исследовательских подходов, который позволит детально реконструировать российско-кавказские отношения в XVI-XIX вв.

Вклад ученого в данную проблему обусловлен, во-первых, самим предметом исследования. Во-вторых, разработан и внедрен в практику историографического исследования методологический подход дисциплинарной матрицы исторической науки Й. Рюзена, на основании которого проведен комплексный анализ процесса вхождения народов Центрального Кавказа в состав Российского государства. В-третьих, в соответствии с этапами развития исторического знания по исследуемой проблеме в имперский, советский и современный периоды, систематизированы и проанализированы теоретические конструкции историографии российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв. В-четвертых, выявлены изменения источниковой базы исследований и динамика совершенствования научных методов на всех этапах развития историографии. В-пятых, проанализировано воздействие внутренних и внешних факторов развития исторического знания на интенсивность научных исследований по проблеме, изменение тематики, методологии и характера освещения.

В-шестых, представлен научный прогноз дальнейшего изучения данной проблемы.

Таким образом, несмотря на разные подходы к историографическому анализу проблемы российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв., обоим авторам удалось провести сложное и многоплановое исследование, в котором анализ исторических идей и концепций сочетается с характеристикой динамики социальных и политических условий, определявших развитие науки. Объединение традиционного и нетрадиционного методологического инструментария приводит не к изменению целей историографического исследования, а к переориентации его интереса, «фокуса», пересмотру исследовательских процедур, учитывая многогранность и многофакторность процесса развития историографии рассматриваемой проблемы. Исследования А. А. Журтовой и А. Н. Максимчика во многом дополняют друг друга и позволяют создать целостное представление о предмете.

П.А. Кузьминов

Часть I
ПРОЦЕСС ВХОЖДЕНИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

Введение

Актуальность исследуемой проблемы. В отечественной историографии проблеме исторического взаимодействия России и населяющих её многочисленных народов отведено значительное место. Об этом свидетельствуют многочисленные историографические источники, материалы научных конференций, десятки защищенных диссертаций, значительный комплекс статей и очерков в средствах массовой информации, посвященных вхождению северокавказских народов в состав России.

Одной из главных задач политического руководства страны на протяжении всей истории становления и развития Российского многонационального государства являлась разработка практических механизмов защиты и противодействия сепаратистским движениям в обществе. Анализ историографического наследия в изучении процесса формирования современных территориальных границ России, историко-правовых основ распространения ее юрисдикции на присоединенные окраины, реализации принципов мирного сосуществования и взаимодействия в рамках одного полиэтнического пространства позволяют определить уровень идеологической безопасности и консолидированности государства и общества, а также выстроить новую линию российско-кавказских отношений в XXI веке.

В современной исторической науке сложилась ситуация, кардинально изменившая характер оценок взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. Историки, развивая или отвергая сложившиеся в имперской и советской историографии представления, приступили к новому прочтению документаль-

ных материалов, отражающих сложный характер вхождения народов северокавказского региона в административно-правовое пространство Российского государства. Использование новых комплексов материалов, новых методов в изучении уже известных фактов и устоявшихся представлений, приводит иногда к ранимированию/отрицанию концепций прошлого, которые в той или иной степени помогают отразить пройденный исторической наукой путь развития. Главная задача современных историков науки заключается в том, чтобы реконструировать события и исследовать процесс накопления и развития историографических источников и фактов.

В процессе изучения поставленной проблемы ученые и публицисты дают различные оценки взаимоотношений народов Центрального Кавказа с Российской империей. Концептуальные различия «завязаны» вокруг следующих понятий: «подданство», «добровольное присоединение», «вхождение», «военно-политический союз», «российскость» и др., при этом у разных авторов одна и та же категория наполнена различным семантическим содержанием. Одна часть ученых в качестве главного фактора имперской политики в регионе рассматривает стремление к территориальным приращениям, предполагающим жесткое подавление любых форм сопротивления со стороны завоеванных народов. Другая – сосредотачивается на обосновании того, что Российская империя по своему государственно-территориальному устройству представляла собой идеальный вариант организации власти и управления национальными окраинами, способствовавший благотворному влиянию русского народа на материальную и духовную культуру северокавказских этнических обществ. Все это создает сложную палитру мнений и оценок, которые политизируются, идеологически конфликтуют и создают дискурсивное поле, требующее глубокого научного исследования. Историографический анализ позволит определить степень изученности проблемы, проследить процессы преемственности и инноваций в исторической науке, определить круг вопросов, нуждающихся в дальнейшем изучении. Категориальный аппарат требует взвешенного политико-правового и терминологического

анализа, который в идеале должен привести научное сообщество к концептуальной интеграции.

Отсутствие в отечественной науке комплексных аналитических работ по историографии вхождения Центрального Кавказа в состав России, в которых последовательно и всесторонне проанализировано многообразие подходов к данной проблеме, демонстрирует актуальность данного исследования.

Степень изученности проблемы/Историография проблемы. Учитывая различия концептуальной и методологической основы в исторических исследованиях, в историографии вхождения Центрального Кавказа в состав России условно можно выделить два этапа.

Первый этап – 20-е – 80-е гг. XX в. связан с общим подъемом исторической науки, защитой первых диссертаций и публикацией исследований по данной тематике. На страницах журналов «Революция и горец», «Историк-марксист» и др. предпринимались попытки рефлексии исторической науки о «качестве» соблюдения в исследованиях марксистской методологии, активно звучали призывы покончить с преемственностью между советской и имперской историографией в изучении процесса присоединения Северного Кавказа к России². Одним из первых исследований по историографии вхождения Кавказа в состав России является работа Б. А. Гарданова³, в которой автор обвинил «дворянско-буржуазных историков» в «великодержавном шовинизме».

Историографический обзор накопленной литературы по про-

² Левонян Г. Страна «разбойников» или литературная халтура? // Революция и горец. – 1929. – № 1-2. – С. 52-57; Городецкий Б. М. Горские вопросы в русской журналистике и полиграфии. (1923-1928 гг.). Библиографический набросок // Революция и горец. – 1929. – № 1-2. – С. 58-63; Мамакаев М. Как не нужно писать о Чечне // Революция и горец. – 1929. – № 3. – С. 65-68; Ошаев Х. Д. Мюридизм в Чечне // Революция и горец. – 1929. – № 3. – С. 39-44; Алиев У. Состояние краеведения в горских областях и его постановка в дальнейшем // Революция и горец. – 1929. – № 4. – С. 21-26; Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм в горской историографии // Революция и горец. – 1931. – № 4. – С. 3-11; № 5. – С. 44-60; Его же. О великодержавных и националистических тенденциях в горской исторической литературе // Историк-марксист. – 1932. – № 1-2. – С. 140-161 и др.

³ Гарданов Б. А. Покорение Кавказа в военной историографии // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Орджоникидзе, 1935. – Т. 8. – С. 233-271.

блеме присоединения региона к России содержится в работах Т.Х. Кумыкова⁴. В частности, автор анализирует подход Г.А. Кокиева, Н.А. Смирнова, Е.Н. Кушевой к изучению вопроса. Историк внес большой вклад в исследование общественно-политических взглядов адыгской интеллектуальной элиты⁵, её отношения к политике Российской империи на Северном Кавказе. Ч.Э. Карданов⁶ изучил характер освещения российско-адыгских взаимоотношений в советской исторической науке. Авторы признавали необходимым демонстрацию в исследованиях «прогрессивно-исторического» значения включения Кабарды в состав России, поскольку такое «правильное» решение данной научной проблемы способствует воспитанию советского общества в духе «дружбы народов»⁷.

Среди исследований указанного периода необходимо выделить труды М.М. Блиева⁸, в которых проанализирована советская и зарубежная историография присоединения народов

⁴ Кумыков Т.Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. – Нальчик, 1957; Его же. Кабардино-русские отношения в XV-XVI вв. // УЗ КБНИИ. – Нальчик, 1959. – Т. 14. – С. 371-378; Его же. Добровольное вхождение адыгов в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 октября 1979 г., г. Грозный. – Грозный, 1982. – С. 70-79 и др.

⁵ Кумыков Т.Х. Жизнь и общественная деятельность Кодзокова Л.М. – Нальчик, 1962; Его же. Хан Гирей. – Нальчик, 1968; Его же. Кази Атажукин. – Нальчик, 1969; Его же. Дмитрий Кодзоков. – Нальчик, 1985 и др.

⁶ Карданов Ч.Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI в. (1550-1580 гг.) – Нальчик, 1972; Его же. У истоков дружбы. – Нальчик, 1982 и др.

⁷ Кумыков Т.Х. О прогрессивном значении добровольного присоединения Кабарды к России // Сборник статей по истории Кабарды. – Нальчик, 1955. – Вып. 4. – С. 65.

⁸ Блиев М.М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. – 1970. – № 7. – С. 43-56; Его же. Историография проблемы присоединения народов Северного Кавказа к России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 октября 1979 г., г. Грозный. – Грозный, 1982. – С. 241-248; Блиев М.М., Дегоев В.В., Киняпина Н.С. Современная буржуазная историография политики России на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. – 1988. – № 4. – С. 37-53 и др.

Северного Кавказа к Российскому государству. В частности, он изучил работы ведущих советских кавказоведов Т.Х. Кумыкова, В.П. Невской, Б.В. Скитского, Н.П. Гриценко и других. Анализируя труды этих авторов, он отметил, что советские исследователи смогли раскрыть характер вхождения северокавказских народов в состав России и прогрессивные последствия данного процесса, «не идеализируя внешнеполитических замыслов самодержавия и не приукрашивая тягот, принесенных новой властью социальным низам региона»⁹. Ш.Б. Ахмадов¹⁰, В.Б. Виноградов и С.Ц. Умаров¹¹ дали краткий историографический обзор дореволюционной и советской литературы по проблеме присоединения Чечни и Ингушетии к России, где обосновали идею о том, что альтернативы добровольного вхождения вайнахов в состав России не было. Взгляды российских демократов А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова на причины и характер российско-горского военного противостояния изучены в монографии В.Г. Гаджиева и А.М. Пикмана¹². По мнению авторов, революционные демократы «вскрыли суть агрессивной политики самодержавия», «вопреки официальной версии», представлявшей военные действия в регионе «как необходимую оборону против набегов «хищных» горцев»¹³.

В немногочисленных историографических обзорах середины 50-х – конца 80-х гг. XX в. исследования дореволюционной и раннесоветской исторической науки чаще всего критикуются и

⁹ Блиев М.М., Дегоев В.В., Киняпина Н.С. Указ. соч. – С. 38.

¹⁰ Ахмадов Ш.Б. Историография вхождения Чечено-Ингушетии в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 октября 1979 г., г. Грозный. – Грозный, 1982. – С. 248-253.

¹¹ Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. К пониманию дореволюционной историографии вхождения Чечено-Ингушетии в состав России // Археология и краеведение – вузу и школе (Тезисы докладов). – Грозный, 1981. – С. 11-13; Их же. Проблема добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России в исторической литературе // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Материалы Всероссийской научной конференции (10-12 мая 1982 г.). – Грозный, 1985. – Вып. 3. – С. 21-27 и др.

¹² Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1972.

¹³ Там же. – С. 70.

обвиняются в освещении российско-кавказского исторического взаимодействия с позиции «великодержавного шовинизма» либо «местного национализма».

Особый комплекс историографических источников составляют исследования жизни и творческой деятельности представителей региональной интеллектуальной элиты, в которых изучено концептуальное видение внутри- и внешнеполитической истории народов Северного Кавказа¹⁴.

Большую роль в данном исследовании играют работы, посвященные истории становления и развития исторической науки в республиках Северного Кавказа. В них нашел отражение общий процесс изучения прошлого в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, названы имена крупных историков, внесших большой вклад в разработку проблемы российско-кавказских взаимоотношений в средневековье и новое время¹⁵. Близ-

¹⁴ Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. – Орджоникидзе, 1957; Его же. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX в. – Орджоникидзе, 1968; Яндаров А. Д. Общественная мысль Чечено-Ингушетии в последней трети XIX начале XX века: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Алма-Ата, 1965; Его же. Ингушский просветитель Чах Ахриев. (1850-1914 гг.). – Грозный, 1968; Хашхожева Р. Х. Избранные труды Кази Атажукина. / Сост. Р. Х. Хашхожева. – Нальчик, 1971; Её же. Адыгские просветители второй половины XIX – начала XX в. – Нальчик, 1983; Саблиров М. З. Просветительское движение в Кабарде и Балкарии в начале XX в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Нальчик, 1971; Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX в.: Материалы конференции 28-29 марта 1974 г. – Нальчик, 1976; Цховребов З. П. Развитие общественно-политической и философской мысли Осетии. – М., 1977; Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Общественно-политические взгляды. – Нальчик, 1980 и др.

¹⁵ Берикетов Х. Г. Историческая наука на Северном Кавказе. – Нальчик, 1964; Невская В. П. Карачаево-Черкесия в советской исторической науке (Критико-библиографический обзор) // Труды КЧНИИ. – Ставрополь, 1968. – Вып. 5. – С. 275-309; Её же. Историография истории Карачаево-Черкесии. Ч. I // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии: Сборник научных трудов. – Черкесск, 1989. – С. 138-167; Санакоев М. П. Историография истории Осетии. – Цхинвали, 1971; Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сборник. – М., 1976. – Т. 6. – С. 3-10; Мамбетов Г. Х. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии // Торжество ленинской национальной политики: (материалы научной конференции). – Нальчик, 1983. – С. 155-167 и др.

ки к данной группе труды, в которых анализируются организационные основы научно-исследовательской работы в регионе, история создания и деятельности первых научных учреждений, процесс подготовки профессиональных кадров и т. д.¹⁶.

¹⁶ Гугов Р.Х. К истории организации Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института // УЗ КБНИИ. – Нальчик, 1957. – Т. XI. – С. 445-461; Джамбулатова З.К. Из истории научно-исследовательской работы в Чечено-Ингушетии. (1921-1941 гг.) // Труды ЧИНИИ. – Грозный, 1964. – Т. IX. – С. 112-124; Берикетов Х.Г. Сорок лет институту // УЗ КБНИИ. – Нальчик, 1965. – Т. 23. – С. 3-27; Цибилов Г.И. Из истории русского осетиноведения в первой трети XIX века // Сборник аспирантских работ. (Материалы научной конференции 1971 г.). – Орджоникидзе, 1972. – С. 71-81; Его же. История изучения Осетии в русской науке (XVIII в. – первая половина XIX века): автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Нальчик, 1974; Его же. Из истории русского осетиноведения в 40-50 годах XIX века // Сборник трудов молодых ученых. (Материалы научной конференции 1973 г.). – Орджоникидзе, 1974. – Вып. 3. – С. 99-110; Его же. Осетия в русской науке. (XVIII – первой половине XIX в.). – Орджоникидзе, 1981; Его же. Развитие науки и научных учреждений в Северной Осетии в переходный период. (1917-1937 гг.) // Северная Осетия: история и современность. – Орджоникидзе, 1989. – С. 175-187; Васильева Л.М. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX в. – Орджоникидзе, 1975; Шаманов И.М., Мусукаев А.И. Балкария и Карачай в русской науке 70-90-х годов XIX века // История горских народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 1976. – Вып. 2. – С. 86-104; Мамбетов Г.Х. Кабардино-Балкарскому НИИ пятьдесят лет (1926-1976). – Нальчик, 1976; Пронштейн А.П. Некоторые итоги разработки истории Дона и Северного Кавказа // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. – 1979. – № 4. – С. 24-29; Гугов Р.Х., Мамбетов Г.Х., Тхагапсов Х.Х. К изучению дореволюционной истории Кабардино-Балкарии в 20-30-х гг. XX в. // Вопросы культурного строительства в советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1984. – С. 70-82; Сабанчиев Х.-М.А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 1984; Его же. Пореформенная Балкария в отечественной историографии. – Нальчик, 1989; Дзамихов К.Ф. Отечественная историография о социально-экономическом строе Кабарды в XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 1985; Крикунов В.П. Вклад профессора М.С. Тотоева в развитие исторической науки на Северном Кавказе // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. (Сб. науч. тр.). – Орджоникидзе, 1985. – С. 63-70; Хутуев Х.И., Сабанчиев Х.-М.А. Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт как центр исторической науки в республике (К 60-летию института) // Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1987. – С. 6-67; Саблиров М.З. Кадры и историческая наука в Кабардино-Балкарии (1918-1941 гг.) // Культура народов Северного Кавказа: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ш.Я. Масаев. – Нальчик, 1989. – С. 33-49; Махмудова К.З. Чечено-Ингушетия в

Несмотря на устойчивый интерес к историографическим проблемам в советское время, историки так и не подготовили обобщающего исследования, посвященного истории вхождения Центрального Кавказа в состав России.

Второй этап – конец 80-х гг. XX в. – первое десятилетие XXI в., характеризуется изменениями в области методологии исторических исследований, обусловленными глубокой трансформацией в общественно-политической и экономической жизни народов СССР.

Большое значение имеют работы, в которых анализируются тенденции развития современного кавказоведения, достижения и недостатки концептуального поиска историков, разрабатываются новые методологические подходы к изучению тех или иных историографических проблем. В частности, к ним можно отнести исследования А. Х. Борова, А. В. Лубского, Т. А. Бульгиной и др.¹⁷.

российской науке (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Россия и Северный Кавказ. (Проблемы историко-культурного единства): Межвузовский сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Б. Виноградов. – Махачкала, 1990. – С. 43-58; Тютюнина Е. С. К вопросу о демократическом направлении в русском кавказоведении XIX в. (По материалам «Терского сборника» 1890-1893 гг.) // Там же. – С. 81-95; Её же. Проблемы истории Кабарды и Балкарии в русской исторической науке второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 1987; Её же. К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX века // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа. (Дореволюционный период): Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Т. Х. Кумыкова. – Нальчик, 1989. – С. 113-125; Невская В. П., Алексеева Е. П. Историография истории Карачаево-Черкесии // Вопросы истории и археологии Карачаево-Черкесии. Сб. науч. тр. – Черкесск, 1991. – С. 132-158 и др.

¹⁷Боров А. Х. Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки. – Нальчик, 1996. – Вып. 2. – С. 83-92; Его же. Проблема синтеза в историческом кавказоведении // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2008. – Вып. VI. – С. 3-27; Его же. Методологические проблемы синтеза в изучении региональной истории // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 166-180; Его же. Осмысление культурно-исторической специфики Северного Кавказа в отечественном кавказоведении: научная традиция и современные поиски // Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН. – 2012. – Вып. X. – С. 3-38; Аникеев А. А., Лубский А. В. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 1997. – № 3. – С. 53-64; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. – М., 2005; Историческая мысль Ку-

Методологический и концептуальный анализ категориального аппарата отечественного кавказоведения, а также теоретических проблем исторической памяти северокавказских народов проведен Э. А. Шеуджен¹⁸.

В современных исследованиях с различных методологических позиций осмысливается вопрос взаимоотношений исторической науки, политики и идеологии. Постепенно в научном сообществе утверждается мнение о неоправданной категоричности формулы Ю. Н. Афанасьева «феномен советской историографии»¹⁹, в которой сделан акцент на негативных результатах развития науки в

бани на пороге третьего тысячелетия. Сб. науч. ст. и юбилейных материалов: К 60-летию проф. Б. А. Трехбрatова / Отв. ред. А. Н. Еремеева. – Краснодар, 2000; Кузьминов П. А. Кавказоведение на грани веков // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.) / Отв. ред. А. Г. Кучиев. – Владикавказ, 2006. – С. 5-34; Булыгина Т. А. История Северного Кавказа: новые исследовательские подходы // Там же. – С. 35-42; Дзидзоев В. Д. Объективность и субъективность в современной историографии Кавказа (Постановка вопроса) // Там же. – С. 57-136; Черноус В. В. Интеграционные традиции и перспективы отечественного кавказоведения // Там же. – С. 149-159; Виноградов В. Б. Современные аспекты российского кавказоведения. (Мозаика новейших публикаций). – Москва; Армавир, 2007 и др.

¹⁸ Шеуджен Э. А. Проблемы местной истории в новой историографической перспективе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1997. – № 4. – С. 57-60; Её же. Проблемы северокавказской историографии // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27-28 августа 1999 г.) / Под ред. В. Г. Игнатова. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 81-86; Её же. Путь в историю: в поисках методологии исследования. – Майкоп, 2007; Её же. Историографический процесс: влияние на историографическую память и коллективное сознание народов Северного Кавказа // Адыги (черкесы) в историческом времени и пространстве. Материалы круглого стола (Майкоп, 9 апреля 2008 г.). – Майкоп, 2008. – С. 3-18; Её же. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. – М.; Майкоп, – 2010; Её же. Адыги: структура исторической памяти // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 2. – С. 53-61; Её же. Основные параметры проблемы «Кавказская война в пространстве исторической памяти» // Исторические чтения. К 145-летию окончания Кавказской войны (20 мая 2009 г.). – Майкоп, 2010. – С. 7-14; Её же. Адыги (черкесы), XIX век: опыт применения историко-антропологического подхода / Предисловие Р. Д. Хунагова. – М.; Майкоп, 2015 и др.

¹⁹ Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография. – М., 1996. – С. 7-41.

СССР и значительно преуменьшаются ее достижения²⁰. Большинство современных ученых отказывается также от нигилистического подхода к имперской исторической мысли и подчеркивают важность и значительный объем приведенного в дореволюционных источниках фактологического материала²¹.

Большой интерес представляют исследования белорусского историка А. Н. Максимчика²², в которых изучен значительный

²⁰ Булыгина Т. А. *Общественные науки в СССР (1945–1985)*. – М., 2000; Зеленов М. В. *Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы*. – Нижний Новгород, 2000; Бычков С. П., Корзун В. П. *Введение в историографию отечественной истории XX в.* – Омск, 2001; За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки. – СПб., 2002; Литвак Б. Г. *Парадоксы российской историографии на переломе эпох*. – СПб., 2002; Алексеева Г. Д. *Историческая наука в России. Идеология. Политика. 60-80-е гг. XX в.* – М., 2003; Дубровский А. М. *Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.)*. – Брянск, 2005; *Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации*. – М., 2005; Дьяков Ю. Л. *Историческая наука и власть (Советский период)*. – Тула, 2008 и др.

²¹ Малахова Н. Г. *Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв.* – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 18-25; Блиева З. М. *Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века*. / Под ред. А. А. Магомедова. – Владикавказ, 2005; Сабанчиев Х.-М. А. *Из истории академического кавказоведения // Образец служения науке: сборник статей к 80-летию Г. Х. Мамбетова*. – Нальчик, 2005. – С. 232-235; Калмыков Ж. А. *Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления. (Вторая половина XVIII – начало XX века)*. – Нальчик, 2007; Муратова Е. Г. *Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в.* – Нальчик, 2007. – С. 31-43 и др.

²² Максимчик А. Н. *Изучение процесса формирования многонационального Российского государства (на примере Северного Кавказа) // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб.* – Минск, 2009. – Вып. 5. – С. 38-44; Его же. *Полемика вокруг характера присоединения Северного Кавказа к России в современной историографии. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей*. – Минск, 2010. – Вып. 5. – С. 253-261; Его же. *Присоединение Северного Кавказа к Российской империи: историографические итоги дореволюционного этапа изучения // Российские и славянские исследования: науч. сб.* – Минск, 2012. – Вып. 7. – С. 285-294; Его же. *Присоединение Северного Кавказа к России в историографии XIX – начала XXI в.: дис. ... канд. истор. наук*. – Минск, 2013; Его же. *Аспекты присоединения Северного Кавказа к России на страницах советских исторических журналов (1920-е – начало 1940-х гг.) // Веснік БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права*. – 2013. – № 1. – С. 31-34; Его же. *Изучение истории российско-северокавказских взаимоотношений в пери-*

корпус историографических источников по проблеме присоединения Северного Кавказа к России в XIX – начале XXI в. Вместе с тем, работах данного автора, на наш взгляд, недостаточно внимания уделено анализу современной национальной историографии российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв.

Важное место в кавказоведении занимают труды К. Ф. Дзамихова²³, в которых изучена историография взаимоотношений России и адыгских народов в XVI-XVIII вв. В своих работах он проанализировал значительный комплекс дореволюционных, советских и современных историографических источников по данной проблеме, изучил их методологическую основу. Особый характер русско-кавказских взаимоотношений в XVI-XVIII вв. обосновал В. В. Трепавлов²⁴, который рассмотрел такие историографические конструкции, как «подданство», «холопство», «добровольное присоединение» и др.

Историографический и методологический аспекты изучения проблем Кавказской войны и участия в ней народов Северного Кав-

од Кавказской войны // Кавказская война: события, факты, уроки. Материалы международной научной конференции (г. Нальчик 15-19 октября 2014 г.). – Нальчик, 2014. – С. 80-103 и др.

²³ Дзамихов К. Ф. Историография и политико-правовой анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI – первой половине XVIII вв. Ч. 1 // Известия КБНЦ РАН. – Нальчик, 2007. – № 3, Ч. 2. – С. 108-117; Его же. Историография и политико-правовой анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI – первой половине XVIII вв. Ч. 2 // Известия КБНЦ РАН. – Нальчик, 2007. – № 4, Ч. 1. – С. 147-156; Его же. К проблеме вхождения адыгских народов в состав Российского государства: историографический и политико-правовой аспекты // Материалы Второго (очередного) съезда ученых-кавказоведов (Ростов-на-Дону, 27 февраля 2006 г.) / Отв. ред. М. Д. Розин. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 54-62; Его же. Адыги: вехи истории. – Нальчик, 2008. – С. 127-144 и др.

²⁴ Трепавлов В. В. Русско-кавказские отношения в XVI-XVIII вв.: историческая реальность и историографические схемы // Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции, 11-12 ноября 2004 года / Сост. В. Д. Дзидзоев; Сев.-Осет. ин-т гуманитарных и соц. иссл. им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А. – Владикавказ, 2005. – С. 265-273; Его же. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. – М., 2007. – № 11. – С. 155-163 и др.

каза проанализировал В.В. Дегоев²⁵. Автор констатировал поляризацию подходов в изучении процесса вхождения региона в состав России в современной историографии и подчеркнул, что «победа» любой концепции в данном противостоянии будет означать лишь одно – начало нового этапа идеологизации проблемы²⁶. Привлекают внимание работы В.В. Лапина²⁷, в которых автор анализирует различные концептуальные подходы к проблеме завоевания народов Северного Кавказа и подчеркивает, что рассмотрение российско-горского военного противостояния в качестве столкновения «двух политических организаций, опирающихся в своих действиях на сопоставимые культурные принципы», является основным недостатком современной историографии²⁸. Понятийно-категориальный аппарат историографии включения региона в состав Российской империи изучил А.Р. Тлепцок²⁹, в частности он проанализировал содержание таких понятий, как «туземцы», «иностранцы»,

²⁵ Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества / Под ред. О.М. Рапова. – М., 2000. – Т. 2 (150). – С. 225-251; Его же. О методологических альтернативах в изучении Кавказской войны XIX в. // Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. – М., 2001. – С. 285-309; Его же. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. / Под ред. В.В. Дегоева. – М., 2007. – С. 17-35 и др.

²⁶ Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в... – С. 244.

²⁷ Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. – СПб., 2003; Его же. Кавказская война в исторической памяти // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века). – СПб., 2007. – С. 153-164; Его же. Хронологические рамки Кавказской войны в контексте ее историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – СПб., 2007. – Вып.3. – С. 78-89 и др.

²⁸ Лапин В.В. Новейшая историография Кавказской войны // URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Lapin_00.pdf. (дата обращения: 01.05.2015)

²⁹ Тлепцок Р.А. Проблема колонизации в российской истории: диалектика понятий // Вопросы теории и методологии истории. – Вып. 5. – Майкоп, 2006. – С. 16-27; Его же. Проблема «имперского расширения» России в понятиях и терминах // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2010. – № 3. – С. 75-82; Его же. Процесс инкорпорации Кавказа в российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802-1918 гг.) / Ред. и автор предис. Э.А. Шеуджен. – М., 2010; Его же. Советская историография пореформенного развития Северо-Западного Кавказа: уровень теоретического осмысления и характер дискуссий // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп, 2013. – № 2. – С. 28-32 и др.

«иноверцы», «колонизация», «присоединение», «освоение». Статья В. В. Воропаева³⁰ посвящена анализу дискуссионных аспектов процесса колонизации Северного Кавказа. Автор подчеркнул, что в современной исторической науке произошла сильная политизация данной проблемы, и различные национальные силы переписывают историю в собственных интересах³¹. Характер освещения в российской историографии событий Кавказской войны, а также ее роли в исторической памяти адыгов исследовали В. Ф. Патракова и В. В. Черноус³². С их точки зрения, «на основе односторонних или паранаучных интерпретаций данных» по истории русско-адыгских отношений в конце XX века сформировалась «этномобилизующая политическая мифология», которая оказывает большое влияние на развитие исторической науки³³. Историографию включения северокавказских обществ в административно-политическую систему Российской империи изучила Е. И. Кобахидзе³⁴. Она отметила, что в современной историографии наряду с «традиционными исследова-

³⁰ Воропаев В. В. Из истории колонизации Северного Кавказа (вопросы историографии) // Власть: Общациональный научно-политический журнал. – М., 2010. – № 8. – С. 172-174.

³¹ Там же. – С. 173.

³² Черноус В. В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20-50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. – 2003. – № 1. – С. 50-64; Патракова В. Ф. Завершающий этап Кавказской войны в общественном мнении России (40-60-е годы XIX в.) // Кавказская война: уроки истории и современность (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.). – Майкоп, 2006. – С. 418-425; Патракова В. Ф., Черноус В. В. Историография, историческая память адыгов о Кавказской войне XIX в. и современные политические провокаторы // URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2011/12/23/adygy-istoriografija-i-sovremennye-politicheskie-provokatory.html> (дата обращения: 15.04.2015); Их же. Кавказская война и «черкесский вопрос» в исторической памяти и мифах историографии // URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2013/06/04/kavkazskaja-vojna-i-cherkesskij-vopros-v-istoricheskoi-pamjati-i-mifah-istoriografii-ii.html> (дата обращения: 28.10.2014).

³³ Патракова В. Ф., Черноус В. В. Кавказская война и «черкесский вопрос»...

³⁴ Кобахидзе Е. И. Политико-административное взаимодействие России и горских обществ Центрального Кавказа в конце XVIII-XIX вв.: некоторые историографические итоги и перспективы исследования // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2007. – Выпуск VI. – С. 29-38; Её же. Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления: дис. ... д-ра истор. наук. – Владикавказ, 2010 и др.

тельскими парадигмами» развивается совершенно иная, интерпретирующая процесс вхождения Северного Кавказа в состав России «в терминах взаимодействия различных социокультурных систем»³⁵.

В сборнике «Россия и Кавказ – сквозь два столетия», содержатся интересные статьи, в которых проанализированы взгляды высокопоставленных российских чиновников и военных середины XIX века на Кавказскую войну и в целом на политику российского правительства в регионе. В частности, Л. Г. Захарова³⁶ изучила письма и мемуары А. И. Бяратинского и Д. А. Милютина, в которых ярко отражена их позиция по проблеме покорения Северного Кавказа, продемонстрирована их точка зрения о том, с помощью каких мер проще и быстрее можно осуществить присоединение местных народов. В статье И. В. Карпеева³⁷ осуществлен источниковедческий и историографический обзор документов Российского государственного военно-исторического архива о Кавказской войне XIX в., среди которых личные фонды военного историка, генерала от артиллерии Н. Ф. Дубровина, генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича, генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского и др. Л. И. Цвижба³⁸ исследовала различные документы периода Кавказской войны, в частности, она произвела обзор еще неопубликованных источников по проблеме взаимоотношений России и народов Северо-Западного Кавказа в XIX в., в числе которых «Записки», письма, рапорты генерал-майора А. И. Мендта, генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича и др.

С. В. Солдатов³⁹ проанализировал отношение российской интеллигенции, военных и чиновников к военным действиям на

³⁵ Кобахидзе Е. И. Политико-административное взаимодействие... – С. 31.

³⁶ Захарова Л. Г. Россия и Кавказ: взгляд из XIX века // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения: Сборник материалов конференции «Россия и Кавказ: взгляд из 2000 года» / Сост. и подгот.: Г. Г. Лисицыной, Я. А. Гордина. – СПб., 2001. – С. 126-137.

³⁷ Карпеев И. В. Документы РГВИА о Кавказской войне XIX в. // Россия и Кавказ... – С. 239-246.

³⁸ Цвижба Л. И. Источники взаимоотношений России и народов Северо-Западного Кавказа в XIX веке // Там же. – С. 246-256.

³⁹ Солдатов С. В. Кавказская война 1817-1864 годов в оценке современников: дис. ... канд. истор. наук. – Челябинск, 2004.

Кавказе в XIX в. Теоретические подходы к изучению проблем Кавказской войны в марксистской историографии рассмотрела О. А. Бутова⁴⁰.

Комплексный анализ истории развития отечественного кавказоведения осуществила И. Х. Дамения⁴¹. В её работе изучены труды историков, внесших наиболее заметный вклад в изучение проблемы вхождения Северного Кавказа в состав России. Большую исследовательскую работу по обобщению историографических источников дореволюционного периода развития отечественного кавказоведения провела М. Е. Колесникова⁴². Она изучила деятельность академических экспедиций в регионе, основы научно-исследовательской работы столичных и провинциальных научных учреждений и обществ.

Е. Г. Муратова⁴³ исследовала историографические источники

⁴⁰ Бутова О. А. Кавказская война в трудах советских историков // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева. – Краснодар, 2013. – Вып. 2. – С. 161-167.

⁴¹ Дамения И. Х. Историография истории народов Кавказа. XIX – начало XX в. – СПб., 1996.

⁴² Колесникова М. Е. У истоков отечественного кавказоведения: академические экспедиции на Северный Кавказ во второй половине XVIII – начале XIX в. // Вопросы истории естествознания и техники. – 2010. – № 1. – С. 55-62; Её же. Изучение Северного Кавказа в России во второй половине XVIII – начале XX в.: дис. ... д-ра истор. наук. – Ставрополь, 2011; Её же. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. – Ставрополь, 2011; Историография и источниковедение истории Северного Кавказа вторая половина XVIII – первая треть XX века. Библиографический указатель. Предварительный список / Автор-сост., предисл. и прим. М. Е. Колесникова. – Ставрополь, 2012; Её же. История изучения Северного Кавказа во второй половине XVIII – начала XX в. в отечественной историографии: основные этапы // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2012. – Вып. 78 (1). – С. 14-17 и др.

⁴³ Муратова Е. Г. Основные проблемы истории Балкарии (XVII-XIX вв.) в современной историографии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. – 2006. – № 4. – С. 46-52; Её же. Некоторые итоги изучения истории Балкарии XVII-XIX вв. в постсоветской историографии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. – 2006. – № 5. – С. 31-37; Её же. Концептуальные итоги изучения истории Балкарии XVII-XIX веков в постсоветской историографии // Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН. – Нальчик, 2006. – Вып.3. – С.71-87; Её же. Историографические итоги изучения истории Балкарии XVII-XIX веков // Кавказский сборник / Под ред. В. В. Дегоева. – М., 2010. – Т.6 (38). – С.147-156 и др.

начиная с XVIII в. по вопросам социально-экономической и политической истории Балкарии, а также по проблеме русско-балкарского исторического взаимодействия и присоединения балкарцев к Российскому государству. Историографии включения северокавказских народов в российскую социально-экономическую и административно-политическую систему, а также вопросам развития отечественного кавказоведения посвятил свои труды П. А. Кузьминов⁴⁴. В. Х. Кажаров⁴⁵ проанализировал историографические источники новейшего времени, посвященные различным аспектам политической истории Кабарды в XVI – XVIII вв.

В современном кавказоведении применяются новые подходы к изучению творческой деятельности национальных интеллектуальных элит XIX – начала XX в. В частности, в работах С. А. Айларовой, М. Б. Нагоева, З. Я. Емтыль, С. Я. Цикушевой и др.⁴⁶ иссле-

⁴⁴ Кузьминов П. А. Дореволюционная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе // Кавказский сборник / Под ред. В. В. Дегоева. – М., 2008. – Т. 5. – С. 166-200; Его же. Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. – Нальчик, 2009; Его же. Кризис науки и новые методологические подходы изучения институциональных преобразований 50-70-х гг. XIX в. на Северном Кавказе // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2010. – Вып. IX. – С. 142-158; Его же. Концептуальные представления либеральных преобразований 50-70-х годов XIX века на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 2. – С. 85-93; Его же. Эпоха преобразований 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. – Нальчик, 2011; Его же. Историк науки в историографическом пространстве кавказоведения // Вопросы теории и методологии истории. – Майкоп, 2011. – Вып. 8. – С. 43-55; Его же. Региональная историография в системе вузовской науки // Высшее образование в России. – М., 2013. – № 6. – С. 76-81 и др.

⁴⁵ Кажаров В. Х. Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. – Нальчик, 2012; Его же. Политическая история Кабарды в XVI-XVIII веках в постсоветской историографии // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – Вып. 5. – С. 21-28 и др.

⁴⁶ Ка-рачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное в двух томах / Сост., предисл. и комм. Т. Ш. Биттировой. – Нальчик, 1996. – Т. 1, 2; Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. – Владикавказ, 2002; Её же. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003; Емтыль З. Я. Общественно-политическая деятельность адыгской интеллигенции. (Начало XX века) // Труды Кубанского

дуются условия формирования, место и роль северокавказской интеллигенции в структуре имперской элиты и горских обществ, обусловивших ее особую позицию в отношении российской политики в регионе.

Несмотря на интерес к проблемам развития исторической науки, до настоящего времени не создано специального обобщающего исследования, в котором изучена историография вхождения Центрального Кавказа в состав России. В динамичном развитии отечественной науки заложены необходимые предпосылки для успешного осмысления проблемы на уровне историографического анализа.

Целью исследования является комплексное изучение, систе-

государственного технологического университета. – Т. XVII. Серия: Гуманитарные науки. – Краснодар, 2003. – Вып. 2. – С. 41-54; Её же. Адыгская интеллигенция: история становления и общественная деятельность. – Краснодар, 2004; Её же. Кавказская война и махаджирство в адыгской публицистике начала XX века // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г. – Майкоп, 2006. – С. 243-254; Её же. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. – Краснодар, 2010; Её же. Теоретические аспекты исследования истории адыгской интеллигенции 1917-1920-х гг. XX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2010. – №3. – С. 35-41; Цикушева С.Я. Основные параметры исторической концепции Хан-Гирея и Ш. Ногмова // Вопросы теории и методологии истории. – Вып. 5. – Майкоп, 2006. – С. 38-48; Её же. Становление адыгской историографии (первая половина XIX в.): Ш. Ногмов и Хан-Гирей. – Майкоп, 2008; Её же. Хан-Гирей «Записки о Черкесии»: источниковая база // Вопросы теории и методологии истории. – Майкоп, 2009. – Вып. 7. – С. 94-100; Жемухов С. Н. Хан-Гирей об альтернативах русско-адыгских отношений // Кавказская война: уроки истории и современность (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.). – Майкоп, 2006. – С. 260-267; Нагоев М.Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX в.: исследования и материалы. – Нальчик, 2007; Гугиева Э. Ш. Формирование осетинской интеллигенции // Вестник Владикавказского института экономики, управления и права. – Владикавказ, 2007. – № 4. – С. 109-111; Её же. Формирование интеллигенции в Осетии: гендерный аспект // Современная методология гуманитарного исследования. Материалы III Всероссийской летней историко-филологической школы-семинара молодых ученых. – Владикавказ, 2008. – С. 95-110; Дзагалов А. С., Шапарова А. К. Эльбаздуко Канаметович (Владимир Николаевич) Кудашев: неизвестные страницы биографии. – Нальчик, 2010 и др.

матизация и обобщение итогов развития отечественной историографии вхождения народов Центрального Кавказа в состав Российского государства.

Реализация поставленной цели осуществляется через решение следующих **задач**:

- обосновать теоретико-методологические основы изучения историографии российско-кавказского исторического взаимодействия;

- выявить основные этапы исследования проблемы вхождения Центрального Кавказа в состав России, их содержание и особенности;

- изучить процесс утверждения и закономерности смены исторических концепций, отражающих характер присоединения региона к Российскому государству;

- проанализировать проблематику научных работ, указать на нерешенные и дискуссионные вопросы российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв.;

- определить изменения в состоянии источниковой базы, ее информационные возможности и перспективы расширения;

- обозначить основные направления дальнейшего изучения проблемы;

- рассмотреть организацию научных исследований, ее воздействие на интенсивность и содержание исследовательского процесса.

Источниковая база. В силу специфики исследования источниковую базу составляют историографические источники: монографии, обобщающие труды, статьи, материалы конференций, рецензии, диссертационные работы, справочная и учебная литература, касающиеся проблемы вхождения народов Центрального Кавказа в состав России, а также документальные источники, несущие информацию о развитии исторической науки. По жанру привлеченные источники можно разделить на научную, научно-популярную, мемуарную, биографическую, краеведческую, учебную и справочную литературу.

В процессе историографического анализа первостепенное значение имеют монографии и научные статьи, посвященные

российско-кавказским взаимоотношениям в XVI-XIX вв. Эти источники информативно насыщены и дают возможность обосновать исследовательскую позицию по ключевым вопросам защищаемой концепции. Авторы, как правило, стремятся к комплексному анализу проблемы, предлагают свое видение темы.

Важное место в ряду историографических источников занимают материалы научных конференций различного уровня. В них находят отражение различные дискуссионные вопросы. На таких научных мероприятиях создаются условия для институционализации отдельных концепций.

В процессе исследования широко использовались обобщающие работы, посвященные различным проблемам истории народов Центрального Кавказа, в которых демонстрируется официально принятая и поддержанная большинством ученых точка зрения относительно причин, характера и итогов присоединения региона к России.

В историографическом источниковедении важную роль играют рецензии, которые отражают отношение профессионального сообщества к той или иной концепции и являются важным инструментом рефлексии исторической науки.

Особое значение среди историографических источников имеют диссертационные работы. Они позволяют судить о степени изученности проблемы, её актуальности для современного общества, о возникновении новых направлений и теоретических подходов к исследованию вопроса и т.д. Качество диссертационных исследований является серьезным показателем уровня развития исторической науки в целом, поскольку в них аккумулируется творческий потенциал значительной группы ученых: руководителя или консультанта работы, экспертов, оппонентов и членов диссертационного совета и др.

В работе широко использовалась литература научно-справочного характера: историографические и библиографические обзоры, справочные издания, позволяющие выявить новые источники по истории российско-кавказских связей, а также на-

учно-популярная и учебная литература, формирующая массовое историческое сознание.

Наряду с историографическими источниками в работу вошли материалы, извлеченные из фондов Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики и научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. В ЦГА КБР хранятся документы по истории Ленинского учебного городка (Ф. Р-188), Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (Ф. Р-187), Кабардино-Балкарского государственного университета (Ф. Р-892), а также личные фонды историков С. Н. Бейтуганова (Ф. Р-1243), Ч. Э. Карданова (Ф. Р-1248), Т. Х. Кумыкова (Ф. Р-1225), Г. Х. Мамбетова (Ф. Р-856) и др. В научном архиве СОИГСИ содержатся личные фонды исследователей А. К. Джанаева (Ф. 1), Г. А. Кокиева (Ф. 33) и др. В привлеченных архивных материалах конкретизируются и уточняются сведения историографических источников, а также содержится информация о жизни и научной деятельности историков региона, их творческой лаборатории и условиях исследовательской работы.

Комплекс привлеченных материалов позволил реализовать поставленную в работе цель: создать специальное исследование, отразившее сложный процесс становления и развития отечественной историографии вхождения Центрального Кавказа в состав России.

Методологическую основу исследования составляют современные представления о функциях, принципах и методах исторического и историографического исследования. Творчество историков разных поколений оценивается с учетом их реального вклада в изучение темы, общественно-политической атмосферы, окружавшей ученых, состояния источниковой базы, уровня профессионализма, культуры и т.д.

В качестве инструмента историографического анализа в исследовании используются теоретико-методологические подходы известных ученых Р. Коллингвуда, М. Блока, А. С. Лаппо-Данилевского, Л. П. Репиной, а также *дисциплинарная матрица исторической науки Й. Рюзена*, каждый элемент которой на том или

ином этапе развития истории как академической дисциплины, как культурной практики, в рамках одной научной парадигмы, определенного историографического направления играет особую роль и обладает конкретной спецификой. Данная схема факторов исторической науки демонстрирует, с одной стороны, как работа исследователя зависит от практической жизни и относится к ней, с другой – что она имеет собственную сферу для достижения знаний, находящуюся вне практических целей жизненной ориентации. Дисциплинарная матрица позволяет проанализировать ход развития российской исторической науки, в том числе и кавказоведческой, максимально учитывая всю сложность и многофакторность этого процесса.

Среди исторических методов, используемых в исследовании, можно выделить *историко-сравнительный*. Он позволяет проводить необходимые сравнения различных исторических концепций с целью выявления их особенностей, общих черт, степени заимствования. Применение данного метода дает возможность изучить историографические факты в связи с исторической и политической обстановкой, в которой они создавались, и особенности их изменения на различных этапах развития.

Важным для нашего исследования является метод *периодизации*, позволяющий выделить этапы изучения поставленной проблемы, определяющие направления развития исторической мысли в каждом конкретном периоде.

Применение *историко-типологического* метода дает возможность обосновать факт существования научных течений по данной исторической проблеме, определить принадлежность историков к тому или иному направлению, помогает классифицировать историографические источники.

Методология данной работы опирается на *принципы историзма, объективности, целостности, системно-структурного анализа*. Их комплексное применение позволяет рассмотреть формирование исторических концепций по истории исследования проблемы присоединения народов Центрального Кавказа к России в их конкретно-исторической обусловленности, не вырывая из контекста научного знания, отобразить наиболее значимые

для понимания сути проблемы положения, а также выяснить какое место занимает конкретная работа в историографическом ряду аналогичных исследований, появившихся на свет в тот же период.

Глава 1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В XVI – XIX ВВ.

1.1. Проблема периодизации отечественной историографии российско-кавказского исторического взаимодействия

Проблема периодизации – одна из самых острых в исторической науке, поскольку она всегда условна и несет печать субъективизма. Вместе с тем, она позволяет выделить движущие силы развития науки, акцентировать внимание на принципиальных проблемах, требующих осмысления. С точки зрения П. А. Кузьминова, высокая значимость периодизации в истории исторической науки определяется тем, что она позволяет решить следующие задачи:

- 1) увидеть общий процесс развития науки;
- 2) показать формирование и изменение структуры научных и образовательных учреждений;
- 3) исследовать процесс накопления фактических знаний о человеческом обществе;
- 4) проанализировать появление и смену историографических школ, течений, направлений, концептуальных и методологических построений;
- 5) изучить процесс изменения и совершенствования методов и приемов источниковедческого анализа;
- 6) исследовать объективные условия развития исторической науки⁴⁷.

История изучения Северного Кавказа является одной из составных частей российской историографии. Возникновение отечественного кавказоведения большинство современных исследователей относит ко второй половине XVIII века, связывая его с внешнеполитической деятельностью Российской империи, направленной на расширение государственной территории посредством присоединения Кавказа. В ходе проведения первых науч-

⁴⁷ Кузьминов П. А. Эпоха преобразований 50-70-х годов XIX века... – С. 121.

ных экспедиций, накопления и обобщения полученных фактов складывались традиции российского кавказоведения.

Известный исследователь северокавказской историографии М. Е. Колесникова разработала периодизацию отечественного кавказоведения, в которой выделила три основных этапа.

Первый период – XIX в. – начало 1930-х годов – представляет собой, с её точки зрения, значительный этап дореволюционной историографии, многие положения исторических концепций которого оказали влияние на историографию советского периода. Созданные в это время работы были близки по структуре, форме изложения материала и методам историописания. В 1920-е годы происходит становление научной школы отечественного краеведения, формируются научные представления о его предмете, объекте и методах исследования. Верхняя хронологическая грань рассматриваемого периода определена началом 1930-х годов, поскольку к этому времени начала складываться советская концепция отечественной истории, которая в основных своих принципах сохранилась до конца 1980-х годов⁴⁸. В указанный период был накоплен огромный фактический материал, проведено его научное осмысление, сложились научные традиции отечественного кавказоведения.

Второй период соответствует общепринятой в науке периодизации советской историографии и датируется М. Е. Колесниковой серединой 1930-х – концом 1980-х годов. Данный этап характеризуется реорганизацией научных учреждений гуманитарного профиля, структурированием основных проблем кавказоведения, появлением первых обобщающих трудов и специальных исследований по истории изучения Северного Кавказа⁴⁹. Российская история, в том числе и северокавказская, изучалась в советский период с позиции традиционной марксистской методологии в русле формационной концепции, которая основывалась на

⁴⁸ Колесникова М. Е. Изучение Северного Кавказа в России... // URL: <http://www.dissercat.com/content/izuchenie-severnogo-kavkaza-v-rossii-vo-vtoroi-polovine-xviii--nachale-xx-v> (дата обращения: 31.10.2014).

⁴⁹ Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция... – С. 10.

приоритете социально-экономических факторов в объяснении тех или иных исторических явлений и процессов⁵⁰.

Смена политико-идеологических ориентиров в советском обществе во второй половине 1980-х гг. отразилась на структуре и содержании российской историографии: в исторической науке стали разрабатываться новые сюжеты общегосударственной и региональной истории. В это время, по определению М. Е. Колесниковой, появляется методологическая и идеологическая «разноголосица», которая в дальнейшем вылилась в методологический плюрализм, захвативший и северокавказскую историю науки.

Отличительной чертой третьего этапа, с начала 1990-х годов и по настоящее время, является появление новых подходов к изучению дореволюционной истории России. Произошли изменения в проблемном поле историографии, перед учеными встали новые исследовательские задачи, в числе которых изучение сюжетов, связанных с организационной структурой дореволюционной исторической науки, с историей региональных научных обществ, биографиями провинциальных исследователей. Исследование человека во всем многообразии его отношений с обществом стало приоритетным направлением в современной историографии⁵¹.

Периодизацию отечественной историографии вхождения северокавказских народов в состав России предложили Н. В. Самарина и А. В. Щербина⁵².

В XIX в., в соответствии с представленной периодизацией, складывается концепция имперской российской историографии. Военные историки, писавшие о Кавказской войне, расширительно определяли ее хронологические рамки XVI в. – началом 1860-х годов. Тем самым взаимоотношения России с народами Кавказа трактовались как многовековая борьба двух мировых религий –

⁵⁰ Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция... – С. 10.

⁵¹ Колесникова М. Е. Изучение Северного Кавказа в России...

⁵² История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года / Под ред. Н. В. Самариной, А. В. Щербины. – Ростов-на-Дону, 2001 // URL: [http://hist.citl.cc.rsu.ru/Don_ NC/XVI-XIXbeg/Koncepc_istoriogr.htm](http://hist.citl.cc.rsu.ru/Don_NC/XVI-XIXbeg/Koncepc_istoriogr.htm) (дата обращения: 31.10.2014).

православного христианства и ислама, как противостояние цивилизации и варварства, завершившееся покорением «диких» народов. Авторы подчеркивали приоритет политических целей в действиях России, задачи ее геополитики.

В советской историографии первых десятилетий центром тяжести в освещении темы стало разоблачение колониальной политики самодержавия и разработка концепции насильственного покорения Кавказа. С конца 30-х годов XX в. в науке утвердилась оценка факта присоединения народов окраин к России как «наименьшего зла» для них. Утверждение это, как полагают Н. В. Самарина и А. В. Щербина, не основывалось на конкретно-исторических исследованиях и определялось идеологическими задачами оформившегося тоталитарного режима. На рубеже 50-60-х гг. XX в. перед историками республик региона, правящей партийной элитой была поставлена задача: найти свидетельства мирного и возможно более раннего «вхождения» того или иного народа в состав империи. Итогом пересмотра оценок стала конференция в г. Грозном в 1979 году на тему «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа». В ее рекомендациях было заявлено, что интеграция всех без исключения народов региона в Российскую империю носила мирный и добровольный характер⁵³.

В постсоветской исторической литературе обнаружилось принципиально различающиеся подходы к изучению вопроса. Выявились резкое неприятие и критика концепции «добровольного вхождения» малых народов в состав России. Необходимость специального изучения этносоциальной политики России, ее принципов, форм и методов, как в период создания империи, так и впоследствии, является, с точки зрения Н. В. Самариной и А. В. Щербины, вполне очевидной⁵⁴.

К. Ф. Дзамихов монографически изучил историографию российско-кавказских отношений в XVI – XVIII вв. и предложил своё видение содержания основных этапов ее развития.

К характерным чертам русской историографии XVIII века он

⁵³ История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен ...

⁵⁴ Там же.

относит внимание к вопросам историко-географического характера, обусловленное процессом постепенного расширения территории русского государства, и связь с этнографическим изучением многонационального населения, вошедшего в состав России. Кроме того, во второй половине XVIII – начале XIX века благодаря усилиям М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина и других историков опубликовано большое количество летописных материалов о русско-кавказских исторических связях.

Важным этапом в развитии отечественного кавказоведения К. Ф. Дзамихов считает вторую половину XIX в., когда на кавказоведческую мысль большое влияние оказали общий подъем русской исторической науки и обогащение документальной базы, что во многом связано с деятельностью, учрежденной в 1864 г. Кавказской археографической комиссии⁵⁵.

В отечественной историографии 1920-1970-х гг. проблема присоединения изучалась и эволюционировала в контексте двух основных концептуальных построений: теории колониального завоевания и концепции мирного добровольного присоединения. Отмеченные особенности развития отечественной историографии в полной мере отразились и на северокавказской.

В первые десятилетия Советской власти динамика изучения характера вхождения нерусских народов в состав России, согласно К. Ф. Дзамихову, выглядела как линия идейного развития от «абсолютного зла» к «наименьшему злу». В ходе Великой Отечественной войны и в послевоенные годы наметилась тенденция к идеализации и облагораживанию политики царизма. Одновременно тема российско-кавказских отношений в XVI-XVIII вв. стала разрабатываться в контексте внешней политики России⁵⁶.

Приметной особенностью советской историографии с 1950-х гг. стало стремление оценить вклад, сделанный всеми народами СССР, в историю страны и в мировой исторический процесс. На смену прежним взглядам пришла идея о прогрессивной роли присоединения народов к России. Широкий резонанс получила теория их «добровольного вхождения» в единое централизован-

⁵⁵ Дзамихов К. Ф. Историография и политико-правовой анализ... – Ч. 2. – С. 110.

⁵⁶ Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. – Нальчик, 2008. – С. 136.

ное государство. В основе трансформации отмеченных точек зрения, как утверждает К. Ф. Дзамихов, лежали политические и социальные причины⁵⁷. К концу 70-х гг. все еще сохранялись основные концептуальные положения, выработанные в предшествующий период.

Работа всесоюзных научных конференций конца 1980-х гг.⁵⁸ продемонстрировала, что, во-первых, резко усилился общественно-политический резонанс выступлений профессиональных историков; во-вторых, внутри научного сообщества наметилась явная идеологическая и политическая дифференциация; в-третьих, происходит масштабная переоценка фактов, явлений и процессов российской истории.

В постсоветский период Г. Х. Мамбетов, Б. К. Мальбахов и К. Ф. Дзамихов, используя достижения отечественной науки, в своих исследованиях разрабатывают концепцию военно-политического союза Кабарды с Россией (середина XVI – 70-е гг. XVIII в.)⁵⁹.

Учитывая сложившуюся историографическую ситуацию и вклад ученых в изучение данной проблемы, считаем, что наиболее целесообразным и логичным представляется вариант разделения исторической литературы, посвященной проблеме взаимоотношений народов Центрального Кавказа и России в XVI-XIX вв., на три периода: дореволюционный, советский и современный.

В дореволюционный период развития историографии (вторая половина XVIII в. – начало XX в.) шел процесс накопления источников по истории Кавказа, были собраны сведения об исторических связях местных народов с Россией, об их политическом, социально-экономическом строе, материальной и духовной культуре. Внутри данного периода можно выделить два этапа:

⁵⁷ Дзамихов К. Ф. Историография и политико-правовой анализ... – Ч. 1. – С. 149.

⁵⁸ «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность» – круглый стол редакции журнала «Вопросы истории». 20-23 февраля 1989 г.; «Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития» – Совещание, организованное институтом истории СССР АН СССР. Звенигород, 20-24 ноября 1989 г.

⁵⁹ Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. – Нальчик, 2008. – С. 144.

первый – вторая половина XVIII в. – 1860-е гг., связан с активизацией на Кавказе деятельности Академии наук, с экспедициями путешественников и военных историков в период Кавказской войны; и второй – конец 1860-х – начало XX вв., связанный с деятельностью новых научных обществ России, появлением новых серийных и периодических изданий, увеличением количества и качества публикаций по исследуемой теме. Особое значение в деле публикации исторических сведений о народах Кавказа, в частности о российско-кавказских взаимоотношениях, имели крупнейшие газеты, журналы, ежегодные периодические издания: «Терские ведомости» (Владикавказ), «Кубанские войсковые (областные) ведомости» (Екатеринодар), «Сборник сведений о кавказских горцах» (Тифлис), «Терский сборник» (Владикавказ), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (Тифлис, Махачкала), «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии» (Ставрополь) и мн. др.⁶⁰ На колоссальную роль «журналистики в истории исторической науки» обратил внимание М. П. Мохначева, утверждавшая, что «журналистика в XIX столетии была основным каналом информационного обмена в России»⁶¹. В имперский период были заложены основы отечественного кавказоведения, накоплена обширная источниковая база для дальнейших научных исследований в области российско-кавказского исторического взаимодействия.

Советская историография (начало 20-х – конец 80-х гг. XX в.) характеризуется отсутствием методологической альтернативы в исторической науке, развивавшейся в рамках одной марксистской парадигмы, и отражает связанные с подобными условиями ее существования достижения и недостатки. В советский период шло дальнейшее развитие отечественной науки, сформировалась национальная историческая школа, появились первые обобщающие труды по истории каждого северокавказского народа, был изучен целый корпус исторических и историографических источников по проблеме русско-кавказских взаимоотношений в прошлом. Советскую историческую

⁶⁰ Кузьминов П. А. Эпоха реформ 50-70-х годов... – С. 36.

⁶¹ Мохначева М. П. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII-XIX вв. – М., 1998. – Т. 1. – С. 41.

науку также можно разделить на два этапа: 1920-е – середина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х – 1980-е гг. Подобная периодизация обусловлена внешними и внутренними факторами развития советской историографии по вопросам исторического взаимодействия России и народов Кавказа, главными из которых являются смена исследовательских подходов к освещению истории русско-кавказских отношений и эволюция политических установок существующей власти.

Для третьего периода развития отечественного кавказоведения (конец XX в. – первое десятилетие XXI в.) характерно становление методологического плюрализма в исторических и историографических исследованиях. В науке сформировались новые методы и исследовательские подходы в изучении проблемы взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI-XIX вв. Здесь также можно условно выделить два этапа: первый – конец 1980-х – 1990-е гг., характеризующийся реорганизацией старых и созданием новых научных учреждений, методологическим поиском в отечественном кавказоведении; и второй – первое десятилетие XXI, связанный с установлением относительной организационной и методологической стабильности в науке.

Данная периодизация, как и любая другая, является достаточно условной, поскольку каждый исследователь устанавливает собственные критерии, позволяющие выделить ключевые этапы развития исторической науки по той или иной проблеме, определить их хронологические рамки и основное содержание.

1.2. Понятийно-терминологический аппарат исследований процесса вхождения народов Центрального Кавказа в состав Российского государства

Постмодернистский вызов истории последних десятилетий был направлен против концепций исторической реальности и объекта исторического познания, которые выступают в новом толковании не как нечто внешнее для познающего субъекта, а как то, что конструируется языком и дискурсивной (речевой)

практикой. Язык рассматривается не как простое средство отражения и коммуникации, а как главный смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение⁶².

Язык науки – многоуровневая система, центральной подсистемой которой является терминология⁶³. Она служит главным источником информации и является наиболее чувствительной к внешним воздействиям частью лексики, что позволяет использовать ее при изучении исторических этапов развития государств, обществ, цивилизаций, определения их культурного и научного потенциала.

«Появление слова, – писал М. Блок – это всегда значительный факт, даже если сам предмет уже существовал прежде; он демонстрирует, что наступил решающий период осознания»⁶⁴. Поэтому, подчеркивает А. Я. Гуревич, историк в процессе исследования стремится вскрыть смысл, который вкладывали люди изучаемой эпохи в свои слова и формулы⁶⁵.

Исследование объектов, связанных с развитием общества и человека, осложняется принципиальной их ненаблюдаемостью. Следствием этого является многообразие взглядов историков на один и тот же объект изучения. Проявление этого многообразия – множественность дефиниций научных понятий. Используемые в исследовании термины характеризуют подход ученого к той или иной проблеме. Отечественная историография российско-кавказских взаимоотношений в средневековье и новое время изобилует различными, нередко противоречащими друг другу понятиями и категориями, которые служат основой той или иной теории, исто-

⁶² Репина Л. П. История исторического знания: пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М., 2006 // URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/repina9.htm> (дата обращения: 29.10.2014).

⁶³ Макарихина О. А. Анализ и моделирование понятийной структуры терминов социально-гуманитарных наук (на примере термина «этнос»): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2007. – С. 3.

⁶⁴ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е. М. Лысенко. Прим. А. Я. Гуревича. – М., 1986. – С. 95.

⁶⁵ Гуревич А. Я. Марк Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е. М. Лысенко. Прим. А. Я. Гуревича. – М., 1986. – С. 216.

рического направления, научной парадигмы, и, в конечном итоге, эксплицируют особенности исторического сознания.

1. Первой дефиницией, отражающей характер российско-кавказских отношений, является понятие «подданство». Оно широко используется в кавказоведческих исследованиях конца XVIII – начала XX вв. для обозначения взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией.

Определить содержание термина «подданство» достаточно сложно, поскольку его смысловое содержание постоянно менялось. Ядром данного понятия является совокупность прав и обязанностей индивида, составляющих основу его взаимоотношений с государством. Немецкий юрист начала XX в. Пауль Лабанд выделял следующие обязательства в качестве базовых для института подданства: 1) повиноваться государственной власти независимо от того, находится ли лицо на государственной территории или за границей. Повиновение предполагает несение натуральных повинностей (в частности – воинской). 2) ничего не предпринимать во вред государству, т. е. быть ему «верным»⁶⁶.

Подданство также предполагает наличие определенных прав: 1) государственная власть обязана оказывать своим подданным защиту и вне государственной территории; 2) подданный имеет право находиться на территории своего государства⁶⁷.

Российский юрист и государственный деятель В. М. Гессен, изучая историю возникновения и развития института «подданства» в России подчеркнул, что «присяга на верность» предполагала клятву на верность военной службе царю/монарху, а не фактическое принятие российского подданства⁶⁸, как синонима вхождения в состав России.

Для российской истории XVI-XVIII вв. изучение подданства осложняется размытостью критериев этого института. Одни владения, на территории Центрального Кавказа, находясь в ста-

⁶⁶ Цит. по: Брун М. Подданство // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1890-1907 // URL: <http://enc-dic.com/brokgause/Poddanstvo-3480.html> (дата обращения: 28.10.2014).

⁶⁷ Цит. по: там же.

⁶⁸ Гессен В. М. Подданство, его установление и прекращение. – СПб., 1909. – Т. I // URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10071937> (дата обращения: 12.05.2015).

туса подданства, входили в состав России реально, другие – номинально. Причем степень реальности зачастую понималась по-разному в столичных инстанциях и на «национальных окраинах». Для удобства исследования В.В. Трепавлов предпринял попытку определить объективные параметры подданства изучаемой эпохи: во-первых, это включенность территории (народа) в высшую государственную символику – большой царский титул или большой государственный герб; во-вторых, налогообложение в пользу единого государства и, в-третьих, распространение на данный регион действия общероссийского законодательства⁶⁹.

Активные политические связи между кавказскими правителями и российским правительством начались с середины XVI столетия. Они нередко оформлялись шертями (договорами) и сопровождалась заверениями в «холопстве». Но в те времена представления о подданстве, покровительстве, сюзеренитете оказывались условными и зыбкими. Кавказоведы не склонны буквально воспринимать заключавшиеся тогда соглашения как обращение в подданство «белому царю»⁷⁰. Их чаще всего интерпретируют как результат временного совпадения интересов местной правящей элиты и российских властей, как свидетельство политического союза, направленного против третьих сил – соседних держав, боровшихся за Кавказ⁷¹. «Подданство» прежде всего предполагало личные обязательства горских князей перед царем, персональную службу ему, за что и шло персональное же жалованье⁷².

2. В отечественной исторической мысли XIX в. включение Северного Кавказа в состав России определялось как его «покорение» или «завоевание» силами имперской регулярной армии⁷³,

⁶⁹ Трепавлов В. В. «Добровольное вхождение в состав России»... – С. 158.

⁷⁰ Дзамихов К. Ф. Адыги: веки истории. – Нальчик, 2008. – С. 44.

⁷¹ Трепавлов В. В. Россия и народы Кавказа: проблемы цивилизационного взаимодействия // История народов России в исследованиях и документах. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. – М., 2011. – Вып. 5. – С. 11.

⁷² Трепавлов В. В. Русско-кавказские отношения в XVI – XVIII вв... – С. 268.

⁷³ Потто В. А. Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). – СПб., 1887. – Т. 1. – С. 13, 14.

казачества, национальной милиции⁷⁴ в ходе Кавказской войны.

Проблема Кавказской войны, как особая форма взаимоотношений горских народов с Россией, является одной из самых дискуссионных в советском и современном кавказоведении. Спорными остаются практически все основные аспекты проблемы: сама дефиниция, хронологические рамки, причины и характер борьбы, становление российской администрации и правовой системы в ходе Кавказской войны, социальные и политические процессы у народов Северного Кавказа, мухаджирство и др.⁷⁵.

Термин «Кавказская война» был введен в научный оборот военным публицистом генералом Р. А. Фадеевым⁷⁶ еще до ее окончания⁷⁷. В самом общем смысле Кавказская война представляет собой совокупность военных действий, связанных с присоединением народов Северного Кавказа к Российской империи. Наиболее распространенные в историографии хронологические рамки войны определяются 1817-1864 годами. Нижняя дата связывается с назначением командующим Кавказского корпуса генерала А. П. Ермолова⁷⁸, верхняя – годом окончательного завоевания Западной Черкессии⁷⁹. Значительная группа историков Кабарды отстаивает тезис о 100-летней войне (1763-1864 гг.), где нижняя граница (1763 г.) обусловлена открытой экспансией России в регионе и строительством крепости Моздок на исконных кабардинских землях⁸⁰.

⁷⁴ Лапин В. Армия России на Кавказе: Приватизация войны // НЛО. – 2008. – № 93 // URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/la12-pr.html> (дата обращения: 27.10.2014).

⁷⁵ Черноус В. В. Отечественная историография народно-освободительных движений...

⁷⁶ Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. – Тифлис, 1860.

⁷⁷ Бобровников В. О. «Русско-черкесская» или «Кавказская»? Война или войны? // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/242940/> (дата обращения: 28.10.2014).

⁷⁸ Патракова В. Ф. Черноус В. В. Кавказская война и «черкесский вопрос»...

⁷⁹ Олейников Д. И. Большая Кавказская война // Родина: российский исторический иллюстрированный журнал. – 2000. – № 1-2. – С. 50.

⁸⁰ Дзамихов К. Ф. Национально-освободительная борьба Кабарды в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик, 1994. – С. 110-122; Кумыков Т. Х. К вопросу о периодизации Кавказской войны // Кавказ-

Д. И. Олейников выделяет три устойчивые трактовки Кавказской войны. Во-первых, это российская имперская традиция, начало которой ведется от курса лекций генерала Д. И. Романовского. Ее ключевыми словами, т. е. теми образами, наличие которых позволяет отличить это направление от других, являются «умиротворение Кавказа» и «колонизация» (в смысле – освоение территории)⁸¹.

Во-вторых, традиция сторонников движения горцев, обожывающая их право бороться за свободу и независимость, в основе которой лежит антиномия «завоевание» – «сопротивление» («conquest» – «resistance»). В советское время (конец 1920-х – 1930-е гг. и после 1956 г.) завоевателем объявлялся некий антропоморфный «царизм» и «империализм», отделенный от «народа»⁸². Из-за пропагандируемого лозунга «дружбы народов», русский народ в целом никак не мог быть объявлен «завоевателем и колонизатором Кавказа»⁸³.

В-третьих, на Западе широко распространена геополитическая традиция, в основе которой лежит убеждение в изначально присущем России стремлению расширяться и «поработать» соседние территории. Среди ключевых понятий этого направления – русская колониальная «экспансия», «наступление» на Азию и противостоящий этому северокавказский «щит» или «барьер».

Между этими тремя традициями с момента их возникновения идет, по определению Д. И. Олейникова, «Кавказская война историографий», которая образовала к рубежу XXI в. настолько замкнутое пространство, что дальнейшее нормальное развитие исторических исследований в этом направлении сильно затрудне-

ская война. Спорные вопросы и новые подходы. – Махачкала. 1998. – С. 30-32; Бижев А. Х. Кавказская война: хронологические рамки, основные этапы // Там же. – С. 32-34; Калмыков Ж. А. Размышления историка в поисках истины. – Нальчик, 2009 и др.

⁸¹ Олейников Д. И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. – СПб., 2001. – С. 69.

⁸² Там же. – С. 71.

⁸³ Савельев А. Е. Новые подходы к определению термина «Кавказская война» в отечественной историографии // URL: <http://refdb.ru/look/3961970.html> (дата обращения: 27.10.2014).

но, поскольку зафиксировано в постоянно повторяющихся дискуссиях⁸⁴.

Две основные точки зрения на природу Кавказской войны в советской и постсоветской историографии сформулировал В.В. Дегоев. Согласно первой версии, Кавказская война – это национально- (народно) освободительное и антифеодальное движение против русского царизма и его местных классовых союзников, в интересах которого Шамиль объединил дагестанские и чеченские общины и создал мощную государственно-теократическую структуру – имамат. Согласно другому мнению, Кавказская война – это, в конечном итоге, процесс образования собственности, классов, государства, вызванный переходом от патриархально-родового строя к раннефеодальному и отягощенный расширяющимся присутствием России. Обе точки зрения основаны на марксистском понимании исторических явлений и процессов⁸⁵. В.В. Дегоев призывает не замыкаться на «формационном», «классовом» подходе, найти альтернативные методы исследования, «освоение которых раздвинет горизонты познания, откроет неожиданные ракурсы и скрытые пласты»⁸⁶.

На проходившей в 1990 г. в Нальчике научно-практической конференции под названием «Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства» был введен в научный оборот термин «Русско-кавказская война»⁸⁷. По мнению З.Г. Мамбетова, данная дефиниция является более приемлемой, чем понятие «Кавказская война», поскольку в ней четко обозначены стороны конфликта: Российская империя, «открыто проводившая завоевательную, захватническую политику» и противостоявшие ей народы Кавказа⁸⁸.

Использовавшееся в советской исторической науке понятие

⁸⁴ Олейников Д. И. Большая Кавказская война... – С. 50.

⁸⁵ Дегоев В. В. Кавказская война: альтернативные подходы к её изучению // URL: <http://interstroy-omsk.ru/historygraphia/kavkazskaya-vojna-alternativnye-podhody-k-ee-izucheniyu.php> (дата рождения: 28.10.2014).

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Дзамихов К. Ф. Национально-освободительная борьба Кабарды... – С. 121.

⁸⁸ Мамбетов З. Г. Кавказская или русско-кавказская война? // Хасэ. – 1994. – 18 мая.

«Кавказские войны» в современной историографии получило новое теоретическое обоснование. В частности, А. Н. Маремкулов считает, что термин «Кавказские войны» наиболее полно «отражает весь спектр событий», происходивших в регионе в XVIII – XIX вв., в числе которых военные действия в Кабарде, Чечне, Дагестане, на Северо-Западном Кавказе, а также политика европейских держав в отношении местных народов⁸⁹.

3. Возникшая в имперской историографии идея о «подданстве» северокавказских народов России с изменением политических приоритетов в обществе трансформировалась в советской исторической науке в теорию об их «добровольном присоединении», или «вхождении» в её состав в XVI-XVIII веках.

А. Н. Максимчик определяет присоединение как политический акт включения территории (мирным или военным путем) в состав какого-либо государства, завершающийся установлением административной и государственной власти⁹⁰.

К. Ф. Дзамихов выделил следующие условные критерии, согласно которым то или иное национально-государственное образование может считаться частью другого государства, в данном случае Российского:

1) обозначение территорий в высшей государственной символике;

2) компетенция ведомств (то есть какое ведомство – внутри или внешнеполитическое – занимается делами, связанными с данной территорией);

3) выплата налогов в общероссийскую казну;

4) распространение действий общероссийского законодательства и учреждение российской администрации на присоединенных территориях⁹¹.

⁸⁹ Маремкулов А. Н. Кавказская война: новые подходы к определению термина // Проблемы методологии исследования государственно-правового развития народов Кавказа: Материалы III Международной научно-практической конференции / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шапсугов. – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 63.

⁹⁰ Максимчик А. Н. Изучение процесса формирования... – С. 39.

⁹¹ Дзамихов К. Ф. К вопросу политико-правового оформления русско-кабардинских отношений (вторая половина XVI – начало XVIII века) // Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения / Сост. Ж. А. Калмыков. – Нальчик, 2012. – С. 8.

Присоединение Северного Кавказа к России было длительным и сложным процессом, протекавшим в XVI – XIX столетиях. В связи с этим отдельного изучения требуют проблемы, связанные с фактическим и юридическим присоединением северокавказских территорий к России.

Вхождение де-юре в состав России зафиксировали мирные соглашения, заключенные в результате русско-турецких и русско-иранских войн первой трети XIX века, согласно которым шах и султан признавали право царя на «вечное» владение данной территорией. Они служили международно-договорным оформлением вхождения Северного Кавказа в состав России. В подобном качестве, как утверждает В.В. Дегоев, не могли выступать бесчисленные «присяги» и «клятвы» горских племен на верность российскому императору, ибо во всех этих процедурах изъявления верноподданства не хватало самого важного – субъекта международного права. Если исходить из законов и правил, принятых в отношениях между великими державами того времени, то Российская империя добилась юридической санкции на владение Северным Кавказом лишь в конце 20-х гг. XIX в.⁹².

Фактическое вхождение Северного Кавказа в состав Российской империи завершилось во второй половине XIX века, став результатом множества военных столкновений различной интенсивности и длительности⁹³ между российской армией и местными народами.

С. А. Арутюнов полагает, что термины «присоединение» и «вхождение» не являются тождественными. Присоединение, с его точки зрения, означает, что какая-то меньшая часть примыкает к другой, большей. При этом первая остается автономной, сохраняя свой суверенитет. Если же такая часть входит в состав, то она, скорее, как бы растворяется в субъекте, в который вошла. Причем это не всегда означает ассимиляцию⁹⁴.

Обе дефиниции являются предельно условными, поскольку

⁹² Дегоев В. В. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX в.) // Кавказский сборник. – М., 2005. – Т. 2 (34). – С. 107.

⁹³ Лапин В. В. История Кавказской войны... – С. 20.

⁹⁴ Арутюнов С. А. Плюсы и минусы 450-летнего союза // Кабардино-Балкарская правда. – 2007. – 27 февраля. – С. 3.

в XVI-XVIII вв. судьба народов решалась представителями высших социальных страт, при этом ни одно государство или потестарное образование не желало по собственной воле лишаться независимости, обратившись в «холопов белого царя». Местные правящие слои, утверждает В. В. Трепавлов, соглашались поступиться частью своих прерогатив в пользу русских властей в обмен на военную защиту и равноценные привилегии. Категории «присоединение» к России или «вхождение» в ее состав отсутствовали в лексиконе политиков XVI-XVIII веков⁹⁵.

4. Военно-политический союз – термин, возникший в постсоветской историографии для обозначения характера русско-кабардинских отношений после 1557 года, когда в Москве между Иваном IV и представителями Кабарды был заключен договор о ее принятии в «холопство» «белому царю». Основатель теории о военно-политическом союзе К. Ф. Дзамихов стремился с помощью этого понятия определить юридическую природу русско-кабардинского договора 1557 года и политико-правовое содержание русско-адыгских взаимоотношений в XVI – XVIII вв. В его интерпретации заключенный между Россией и Кабардой военно-политический союз имел в своей основе договор о покровительстве 1557 года и фиксировался в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального вассалитета⁹⁶. Вассалитет в средневековом обществе представлял собой, с одной стороны, форму коммендации – покровительства, с другой, – форму подчинения слабого сюзерена сильному путем насилия или угрозы применения силы, или отдавшегося на прекарных началах под покровительство сильного. Данный вид зависимости основан на условном землевладении, на признании за сюзереном права на верховную собственность в отношении земель вассала, следовательно, отныне он – источник власти вассала, фелония последнего ведет к потере власти⁹⁷.

В формулировке Т. Х. Алоева русско-кабардинский договор 1557 года представляет собой по содержанию типичный военно-политический альянс, а по форме – сеньориально-вассальный

⁹⁵ Трепавлов В. В. «Добровольное вхождение в состав России»... – С. 162.

⁹⁶ Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России... – С. 35.

⁹⁷ Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. – Нальчик, 2008. – С. 375, 376.

контракт с присущей ему субординацией. Исследователь полагает, что не стоит буквально воспринимать такую терминологию, как «холопство», более уместно рассматривать его как дань потоку⁹⁸.

Б. Х. Бгажноков определил русско-адыгский альянс понятием симмахия (от греч. *symmachia* – *sym* «вместе» + *machomai* «сражаюсь»), который известен со времен Древней Греции и представляет собой военный, преимущественно наступательный, союз между отдельными государствами. В случае надобности и по мере возможности каждая из сторон в этом союзе обязывалась оказывать другой военную помощь в борьбе с внешними и внутренними врагами⁹⁹.

С точки зрения Э. А. Шеуджен, идея о военно-политическом союзе между Россией и Кабардой в середине XVI века не сняла дискуссионности проблемы, а, напротив, породила новые вопросы, связанные с иерархическим рангом российских монархов и статусом адыгских властителей, несопоставимостью политических, военных и экономических ресурсов договаривающихся сторон¹⁰⁰.

5. В рамках исследования проблем Кавказской войны в современной историографии возникли понятие «фронтир» и теория «контактных зон». С. М. Маркедонов, отстаивающий тезис о необходимости изучения Кавказа в контексте мировой истории и современной глобальной политики¹⁰¹, утверждает, что слово «фронтир» не имеет адекватного перевода на русский язык. Своеобразной калькой этого понятия выступает понятие «граница».

⁹⁸ Алоев Т. Х. К вопросу о содержании и характере внешнеполитических связей Кабардинского княжества и Московского государства во второй половине XVI века // Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН. – Нальчик, 2007. – Вып. V. – С. 8, 9.

⁹⁹ Бгажноков Б. Х. Россия и Кабарда: истоки военно-политического союза // Кабардино-Балкарская правда. – 2006. – 3 нояб. – С. 3.

¹⁰⁰ Шеуджен Э. А. Идеи исторического опыта Ф. Анкерсмита и проблемы северокавказской историографии // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 3. – С. 70.

¹⁰¹ Голованова С. А., Шнайдер В. Г. Концепция «фронтира» в современной кавказоведческой литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – № 3 // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-frontira-v-sovremennoy-kavkazovedcheskoj-literature> (дата обращения: 30.10.2014).

Фронтир, согласно Маркедонову, представляет собой зону межкультурного (межцивилизационного) взаимодействия вне четко установленных и признанных государственных границ. Это граница различных идентичностей, на которой происходит их взаимодействие в форме конфликта или диалога. Исторически так сложилось, что кавказский регион – «кавказский фронтир» имеет значение «контактной зоны» различных этнических и религиозных групп, взаимодействие которых складывало в различные исторические периоды свою неповторимую «кавказскую мозаику»¹⁰².

В современном историческом кавказоведении приверженцами теории «контактных зон» являются Л. С. Гагагова, В. В. Черноус, Д. И. Олейников, Е. Г. Берберова и др. Это научное направление предпочитает говорить о российско-кавказских взаимоотношениях не как о вооруженном противостоянии, а как о встрече культур на фоне цивилизационного разлома. При таком подходе исследовательский акцент делается не на соперничество, а на взаимодействие в рамках «контактной зоны»¹⁰³.

Э. А. Шеуджен выступила против применения теории фронта в исследовании российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв. Утверждение о северокавказском фронтире как «границе», где встречаются «дикость» и «цивилизация» представляется ей недостаточно обоснованным. Автор считает, что с момента вхождения Северного Кавказа в состав России идея фронта как «границы» «теряет реальный смысл и может быть рассмотрена как искусственное, умозрительное построение»¹⁰⁴.

6. Как полагает О. В. Матвеев, для одних современных историков «фронтир» предстает своеобразной лазейкой, призванной обосновать преимущественно конфронтационный характер

¹⁰² Маркедонов С. М. Кавказский фронтир, или ошибка Хантингтона // URL: <http://www.ipma.ru/publikazii/etnosotn/911-print.php> (дата обращения: 30.10.2014).

¹⁰³ Матвеев О. В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопознания // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11 // URL: http://www.teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/11/istoriya/matveev.pdf (дата обращения: 30.10.2014).

¹⁰⁴ Шеуджен Э. А. Зона ли фронта Северный Кавказ? // Вопросы теории и методологии истории. – Майкоп, 2006. – Вып. 5. – С. 4.

формирования российского Северного Кавказа, другим позволяет осмыслить механизмы исторически обусловленной интеграции. Последняя позиция, с его точки зрения, представлена в науке исследованиями «школы В. Б. Виноградова»¹⁰⁵, которая ввела в научный оборот понятие «российскость»¹⁰⁶.

«Российскость», согласно исследованиям «школы», – это «тенденция к равноправному историческому партнерству народов под эгидой России, как великой евразийской державы, выполняющей интегрирующую роль в социальных, культурных, политических и иных процессах внутри своей этносферы»¹⁰⁷. «Российскость» в их концепции предстает как некое имманентное качество местных народов, которое определило их «тяготение к России» и стремление к обретению «общей судьбы в границах единой Родины»¹⁰⁸. На наш взгляд, возникновение концепции «российскости» во многом обусловлено определенным уровнем ее идеологической значимости для современного многонационального российского общества.

Перечисленными терминами отнюдь не исчерпывается весь понятийно-категориальный аппарат, сформировавшийся в отечественной историографии российско-кавказских взаимоотношений в XVI – XIX вв. Вместе с тем, подобное расхождение во взглядах и подходах историков свидетельствует о наличии проблемы определения характера связей между Россией и народами Северного Кавказа на том или ином этапе их исторического взаимодействия. Очевидно, что научный поиск дефиниции, спо-

¹⁰⁵ Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа) / Под ред. В. Б. Виноградова. – Армавир, 1999; Кавказоведческая школа В. Б. Виноградова: Становление, современность, перспективы. – Армавир, 2002; «Российскость» в истории Северного Кавказа. – Армавир, 2002; Кавказовед В. Б. Виноградов в изучении зарубежной истории. – Армавир, 2006; Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова. 2009-2010 гг. – Армавир, 2010 и др.

¹⁰⁶ Матвеев О. В. К преодолению историографического тупика...

¹⁰⁷ Виноградов В. Б. Средняя Кубань. Земляки и соседи // URL: <http://www.zolka.ru/articles/19-6/306---q---xvi-xix-q>. (дата обращения: 15.05.2013).

¹⁰⁸ Виноградов В. Б., Кужева К. В., Шаова С. Д. Адыго-абазинский и казачье-гребенский авангард добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав России // Вопросы южнороссийской истории. – Москва; Армавир, 2006. – Вып. 12. – С. 90.

собной наиболее полно отразить все аспекты данной проблемы, будет продолжаться в отечественном кавказоведении и в дальнейшем. В процессе исследования исторических связей России с местными этническими группами необходимо, на наш взгляд, избегать крайностей в оценках, не акцентируя внимание на военных столкновениях в регионе, и, в то же время, на исключительной добровольности присоединения к империи. Здесь нужен синтез исследовательских подходов, который позволит детально реконструировать российско-кавказские отношения в XVI-XIX вв.

1.3. Проблема системности в историографическом анализе: дисциплинарная матрица исторической науки Й. Рюзена

В последние годы как в западной, так и в российской исторической науке возросло внимание к историографии. Это объясняется, по словам Э. А. Шеуджен, общим «ускорением» развития исторической науки, интересом историков к теоретико-методологическим проблемам, объемом и разнообразием накопленных историографических источников¹⁰⁹.

В современной отечественной науке наблюдается интенсивный поиск новых моделей и подходов к познанию истории на теоретико-методологическом уровне, а также в исследовании конкретных исторических и историографических проблем. Ученые все чаще занимаются вопросами, связанными с выяснением изменчивости понятий и категорий, культурно-исторической природы познавательных средств, динамики познавательных проблем и т.д.¹¹⁰.

В постсоветский период в среде историографов произошло определенное методологическое размежевание, основанное на различном понимании смысла, задач, функций и методики историографических исследований. В историографическом дискурсе,

¹⁰⁹ Шеуджен Э. А. Историография. История исторической науки. Курс лекций. – Майкоп, 1999. – С. 3.

¹¹⁰ Ипполитов Г. М. Формационный подход к познанию истории: исчерпан ли его потенциал? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11. – №6. – С. 231.

по нашему мнению, можно выделить два основных подхода к этим вопросам.

Один из них реализуется в рамках проблемной историографии, которая традиционно направлена на рассмотрение результатов профессиональной деятельности историков, изучение борьбы идей и концепций, на подведение итогов изучения той или иной исторической проблемы, выявление неизученных и дискуссионных вопросов, определение направлений возможных будущих изысканий.

Второй подход, рассматривая историографию в рамках интеллектуальной истории, направляет внимание историографов на интеллектуальную деятельность историков, ее условия и формы¹¹¹. Л. П. Репина полагает, что в поле зрения историографов должны оказываться не только результаты профессиональной деятельности историка, но и вся его творческая лаборатория, исследовательская психология и практика, т. е. культура творчества историка¹¹².

Размышляя над теоретическими проблемами познания истории, С. О. Шмидт подчеркивал, что история науки – это, прежде всего, история людей, творивших её и воспроизводивших результаты этой деятельности. Поэтому изучать и показывать историографические явления следует на широком фоне истории интеллигенции, общественной жизни и культуры¹¹³. В силу этого, можно утверждать, что одной из главных задач современной историографии является поиск концепции структурирования исторической мысли, призванной объяснить смену научных парадигм, концепций, теорий и идей.

В исследовании исторических источников А. С. Лаппо-Данилевский выделял два этапа (уровня): первый этап – «методология

¹¹¹ Камынин В. Д. Теоретические проблемы историографии как научной и учебной дисциплины на рубеже XX – XXI столетий // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 3 (78). – С. 54.

¹¹² Репина Л. П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории // Историческая наука на рубеже веков. – М., 2001. – С. 189.

¹¹³ Шмидт С. О. К изучению истории советской исторической науки 1920-1930-х годов // Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – С. 135.

источниковедения» – имеет целью рассмотрение произведения, созданного человеком, как явления культуры определенного времени, социального и географического пространства; второй этап составляет методология исторического построения, целью которой является достижение целостного знания о самой культуре, проявившей себя тем, что в ней создано данное произведение¹¹⁴. Подобный подход плодотворен и при анализе историографического источника, являющегося, как любой исторический источник, «реализованным продуктом человеческой психики»¹¹⁵ и определенной исторической эпохи.

В качестве основы для структурного анализа российского кавказоведения в данном исследовании используется схема дисциплинарной матрицы исторической науки, разработанная Йорном Рюзеном. Она позволяет решить задачу одновременного анализа этапов развития исторической науки и историографии определенной историографической проблемы. Матрица восходит к исследованиям Томаса Куна, выдвинувшего тезис о том, что прогресс в науке совершается не в виде накопления фактов и новых знаний, а с помощью революционных переворотов, представляющих собой смену «нормальной науки» новыми «парадигмами»¹¹⁶.

Понятие «дисциплинарная матрица» было введено Т. Куном для уточнения смысла термина «парадигма». Это понятие учитывает, во-первых, принадлежность ученого к конкретной дисциплине и, во-вторых, систему правил научной деятельности, которые состоят из символических обобщений (понятий, теорий, законов); метафизических положений, задающих способ видения универсума и его онтологию; ценностных установок, влияющих на выбор направлений исследования; «общепринятых образцов» – схем решения конкретных задач («головоломок»), предоставля-

¹¹⁴ Медушевская О.М. Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. – М., 1999. – Вып. 2 (120). – С. 115, 116.

¹¹⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – М., 2006. – С. 330.

¹¹⁶ Кун Т.С. Структура научных революций / Перевод с английского И.З. Налетова. – М., 1975 // URL: <http://psylib.org.ua/books/kunts01/index.htm> (дата обращения: 22.10.2014).

ющих ученым методика разрешения проблем в их повседневной научной работе¹¹⁷. Как полагает Б.Г. Юдин, понятие «дисциплинарной матрицы» позволяет ответить на вопрос, каким образом осуществляется проецирование символических конструкций на сферу научного опыта. Абстракции могут соотноситься с реальностью посредством аналогий, т. е. использования уже решенных задач в качестве эвристических моделей для решения задач в других областях науки¹¹⁸. Очевидно, в гуманитарных исследованиях подобное проецирование представляет собой применение методов смежных наук и междисциплинарный подход.

Позднее Т. Кун отличал «дисциплинарную матрицу», являющуюся инструментом описания теоретического и методологического консенсуса научного сообщества, от парадигмы в значении «образца», под которым он подразумевал конкретное решение проблемы, опирающееся на «признанные примеры»¹¹⁹.

Модель дисциплинарной матрицы Й. Рюзена, на наш взгляд, охватывает главные категории исторического познания, исходя из «принципов исторических понятий» в систематической взаимосвязи. Данная конструкция интересна тем, что основу анализа историографических источников в ней составляют пять циркулярно взаимосвязанных базовых факторов, которые включают как условия обыденной жизненной практики, так и требования научного исследования.

1. Исходным пунктом исторической мысли являются «интересы», которые тесно переплетаются с жизненной практикой¹²⁰ (потребность в ориентации во временном изменении современного мира)¹²¹.

Исторические знания являются важной составной частью культурной жизни общества. Они подвержены как сиюминут-

¹¹⁷ Юдин Б.Г. Дисциплинарная матрица // URL: <http://iph.ras.ru/elib/0986.html> (дата обращения: 22.10.2014).

¹¹⁸ Юдин Б.Г. Дисциплинарная матрица...

¹¹⁹ Кун Т. С. Указ. соч.

¹²⁰ Бон Т. Историзм в России? О состоянии русской исторической науки в XIX столетии // URL: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/3634435> (дата обращения: 22.10.2014).

¹²¹ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории... – С. 13.

ным, так и долговременным интересам определённой современности. Влияние фактора современности на историю должно учитываться теорией исторического познания¹²². Общество задает вопросы исторической науке, а она на них отвечает. Общество требует от историков создания соответствующей социальным ожиданиям системы исторических представлений. Историография позволяет выявить общественные запросы к исторической науке и показать их влияние на историческую концепцию¹²³.

Познавательный интерес к прошлому порождается тем, что цели и стремления людей, социальных и этнических групп, целых обществ выходят за рамки текущей ситуации, а их последствия не совпадают с первоначальными намерениями. Отсюда, с точки зрения А. Х. Борова, потребность в ориентации во временном измерении современного мира¹²⁴.

2. Академическая историография дает ответ данной социальной потребности с помощью исторических интерпретаций, представляющих собой «концепты обозначения» (теории, перспективы, категории¹²⁵), которыми руководствуются профессиональные историки в своем общем понимании прошлого¹²⁶.

Используемые историками понятия, полагает Ю. Кока, накладывают глубокий отпечаток на реконструируемую ими историческую действительность¹²⁷. Наличие терминов предполагает определенный уровень осмысления материала. Ведь новые идеи, справедливо утверждает Э. А. Шеуджен, проникают в исторические исследования именно через терминологию¹²⁸. В связи с этим

¹²² Буллер А. О предмете и методе теории исторического познания // Логос. – 2001. – № 5-6. – С. 112-131 // URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_5_6/12.htm (дата обращения: 24.10.2014).

¹²³ Камынин В. Д. Теоретические проблемы историографии... – С. 58.

¹²⁴ Боров А. Х. Методологические проблемы синтеза в изучении региональной истории // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 171.

¹²⁵ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории... – С. 26.

¹²⁶ Боров А. Х. Методологические проблемы синтеза... – С. 171.

¹²⁷ Кока Ю. Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире // Новая и новейшая история. – 2003. – № 3. – С. 19.

¹²⁸ Шеуджен Э. А. Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны. – Майкоп, 2009 // URL: <http://www.s-history.adygnet.ru/struct/sheudzhenb9.doc> (дата обращения: 28.10.2014).

большой научный интерес современных исследователей вызывает история понятий, пространственных, временных и социальных категорий, «ментальных схем»¹²⁹ и др.

М. А. Барг представлял историю исторической науки как эмпирически зримую цепь сменявших друг друга историографических школ и направлений¹³⁰. Но этот подход, несмотря на его ценность, уходит в прошлое. Сегодня, утверждает Л. П. Репина, одной из исходных предпосылок современной историографии и интеллектуальной истории является осознание исследователями неразрывной связи между историей самих идей и концепций¹³¹.

3. Основу «концептов обозначения» составляют исторические знания, которые добываются из источников с помощью специальных «методов» (правила эмпирического исследования)¹³².

Основная функция метода – внутренняя организация и регулирование процесса познания, ориентация на принципы и требования, которым должно следовать при решении конкретных задач, направленных на достижение результата в исследовательской деятельности¹³³.

Методы исследования представляют собой наиболее динамичный компонент исторической науки, который движет ее вперед. Появление новых методов часто приводит к изменению роли и соотношения старых и новых, а не к утрате первыми всякого значения¹³⁴. В отличие от конкретно-исторических фактов и концепций, подверженных быстрому обновлению, методы исследования отличаются, по оценке И. Д. Ковальченко, наибольшей «живучестью»¹³⁵.

¹²⁹ Кока Ю. Указ. соч. – С. 19.

¹³⁰ Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М., 1987. – С. 6.

¹³¹ Репина Л. П. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. – Челябинск, 2011. – С. 24, 25.

¹³² Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории... – С. 13.

¹³³ Шеуджен Э. А. Историография: Вопросы теории и методологии: курс лекций. – Майкоп, 2005. – С. 164.

¹³⁴ Ипполитов Г. М. Формационный подход к познанию истории... – С. 231.

¹³⁵ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – М., 1987. – С. 4.

Применение методов и подходов позволяет историографии отойти от описательности, библиографичности, простой регистрации вышедшей литературы, изложения ее содержания¹³⁶.

4. Достигнутые в ходе исследовательского процесса результаты вводятся в научный оборот посредством особых «форм репрезентации»¹³⁷. Форма представления полученного исторического знания должна обеспечивать возможность его критической проверки со стороны профессионального сообщества¹³⁸.

Исторический нарратив в виде научного повествования, представленный в определенной литературно-семантической форме и заявленный в рамках некой репрезентативной стратегии, ориентированной на круг читателей, превращается в важнейший элемент предметного поля историографии. Определенному типу исторического сознания соответствует особый характер историописания.

Й. Рюзен в своих исследованиях¹³⁹ выделил 4 типа нарратива, каждый из которых можно связывать с определенным периодом в развитии исторического сознания и исторического знания¹⁴⁰:

1) *традиционный тип нарратива* утверждает значимость прошлых образцов поведения, воспринимаемых в настоящем и являющихся основой для будущей деятельности (при этом идентификация достигается принятием заданных культурных образцов);

2) *назидательный нарратив* утверждает правило, являющееся обобщением конкретных случаев (здесь идентификация пред-

¹³⁶ Камынин В. Д. Теоретические проблемы историографии... – С. 57.

¹³⁷ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории... – С. 13.

¹³⁸ Боров А. Х. Методологические проблемы синтеза... – С. 171.

¹³⁹ Rusen J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason // History and Theory. – 1987. – Vol. 26. – No. 4. – Beiheft 26: The Representation of Historical Events. – P. 87-97; Rusen J. History: narration, interpretation, orientation. – New York, 2005; Rusen J. Historical consciousness: narrative structure, moral function, and ontogenetic development // Theorizing historical consciousness / ed. P. Seixas. – Toronto, 2006. – P. 63-86.

¹⁴⁰ Алеврас Н. Н. Русская историография XIX – начала XX века. Десять тем из лекций по истории исторической науки. – Челябинск, 2012 // URL: <http://entelehia.ru/lec-2515.html> (дата обращения: 25.10.2014).

полагает применение конкретного опыта прошлого к современной ситуации);

3) *критический тип нарратива* отрицает значимость прошлого опыта для современности путем создания альтернативных нарративов (критика позволяет освободиться от влияния прошлого);

4) *генетический нарратив* представляет осмысление сущности истории как изменения (прошлые образцы деятельности трансформируются, чтобы быть включенными в современные условия)¹⁴¹.

5. Историография призвана выполнять «функции» культурной ориентации (временная направленность человеческих поступков и концепции исторической идентичности)¹⁴². Неслучайно Р. Дж. Коллингвуд подчеркивал, что история необходима «для человеческого самопознания»¹⁴³, включающего в себя «не только познание человеком его личных особенностей», но и «человеческой природы» как таковой¹⁴⁴.

Г. Люббе определил историзм как специально организованную и исторически беспрецедентную по размаху и интенсивности культуру историографического изображения собственной и чужой идентичности¹⁴⁵. Тезис о роли истории в формировании идентичности является, с точки зрения В. Н. Сырова, самоочевидным. Память о прошлом, транслируемая ли посредством устного предания или формируемая официальными концепциями истории, является необходимым условием и составной частью формирования идентичности¹⁴⁶.

¹⁴¹ Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л. П. Репиной. – М., 2012. – С. 17, 18.

¹⁴² Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории... – С. 13.

¹⁴³ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980. – С. 13.

¹⁴⁴ Там же. – С. 13, 14.

¹⁴⁵ Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. – 1994. – №4. – С. 112.

¹⁴⁶ Сыров В. Н. История и идентичность: есть ли связь? // URL: <http://любомудр.рф/index.php/stati/179-istoriya-i-identichnost-est-li-svyaz> (дата обращения: 25.10.2014).

Поскольку образы прошлого, воспринимаемые как достоверные «воспоминания» (как «история»), составляют значимую часть общей картины мира и играют важную роль в поведении, ориентации и самоидентификации индивидов и групп, в поддержании коллективной идентичности, возникает потребность в научном анализе процесса формирования отдельных исторических мифов, их конкретных функций, среды их бытования, использования и идеологической переоценки, в том числе в сменяющих друг друга или конкурирующих нарративах национальной истории¹⁴⁷.

Из взаимосвязей названных пяти факторов матрицы Й. Рюзен выводит три «сферы образования исторических понятий»¹⁴⁸:

а) в отношении между интересами и функциями исторические исследования реализуют *политическую стратегию коллективной памяти*. Она помещает научные выводы историков в область борьбы за власть и делает их главным средством обоснования и развенчания всех форм господства и управления;

б) в отношении между концептами и методами осуществляется *познавательная стратегия производства исторических знаний*. Эта стратегия обосновывает научный характер исторических исследований. Она, согласно Й. Рюзену, подчиняет курс истории концептуальному языку, правилам методического доказательства, проверке опытом и достижению согласия рациональными средствами;

в) в отношении между формами и функциями воплощается *эстетическая стратегия поэтики и риторики исторической репрезентации*. Данная стратегия погружает историческое знание в условия современной жизни, наделяя его силой для того, чтобы двигать разум посредством культурной ориентации¹⁴⁹.

Взятые вместе эти три стратегии позволяют представить историческую науку как глубокий «синтез обращения к прошло-

¹⁴⁷ Репина Л. П. Опыт социальных кризисов... – С. 7.

¹⁴⁸ Бон Т. Указ. соч.

¹⁴⁹ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории... – С. 14.

му» в трех различных измерениях: когнитивном, эстетическом и политическом¹⁵⁰.

На основе этой модели Й. Рюзен вместе с Ф. Йегером приняли попытку конкретизировать понятие историзм в качестве основной научной парадигмы XIX в. Факторы дисциплинарной матрицы при этом, как считает Т. Бон, приобрели следующее выражение:

1. Интересы – объективность в смысле «политической морали» и «практического разума».

2. Отношения толкования, или концепты обозначения – «концепция идеи» как эстетическая и этическая рецепции действия движущих сил в политической истории.

3. Методы – исторический метод как орудие реконструкции взаимосвязей на основе фактов, полученных из критической интерпретации источников.

4. Коммуникативные формы, или формы репрезентации – рассказ или повествовательное описание.

5. Функции – интересы сформировавшегося гражданского слоя общества, требовавшего от монархического государства участия в политической жизни в качестве народных представителей¹⁵¹.

Перечисленные принципы могут меняться с течением времени, но их отношение, систематический порядок, в котором они зависят друг от друга, будет оставаться тем же¹⁵². Благодаря этому матрица становится универсальным инструментом изу-

¹⁵⁰ Линченко А. А. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – Т. 13. – Вып. 4. – С. 22-27; Его же. Проблема исторического сознания в немецкой философии и теории истории во второй половине XX – начале XXI века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2013. – № 4 (32). – С. 137-142; Линченко А. А., Станкевич Л. П. Нарративный поворот и будущее философии истории в XXI веке. Рецензия на книгу Э. Доманска «Философия истории после постмодернизма» // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – № 1 (10). – С. 151-154 и др.

¹⁵¹ Бон Т. Указ. соч.

¹⁵² Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории... – С. 13.

чения отечественной исторической науки в разные периоды ее развития.

Каждый элемент модели на том или ином этапе развития истории как академической дисциплины, как культурной практики, в рамках одной научной парадигмы, определенного историографического направления, играет особую роль и обладает конкретной спецификой. «Интересы» обуславливаются особенностями социально-экономической, политической системы общества, уровнем развития духовной культуры и самой исторической науки. Профессиональное сообщество историков отвечает на социальный запрос в форме концепций и теорий, в основе которых лежат понятные и адекватные своему времени понятия и категории, а сами исторические исследования проводятся в соответствии с определенными правилами и методами научного анализа. Полученное знание должно быть репрезентировано в такой форме, которая будет сочетать в себе строгое соответствие научным требованиям и доступность изложения. Результатом всего данного процесса становится формирование субъектной и коллективной идентичности, как главной социальной функции исторической науки.

Главное предназначение модели дисциплинарной матрицы Й. Рюзен видит в её способности «ослабить напряженность в отношениях между модернизмом и постмодернизмом, ответить на вызов, брошенный дискуссией о памяти и ввести его в рамки внутридисциплинарной саморефлексии исторической науки, направив его тем самым к более глубокому и более современному самосознанию»¹⁵³. История, которая своей основной задачей считает познание прошлого, получила в соответствии с определением Й. Рюзена ещё и задачу рефлексии о собственных познавательных процессах¹⁵⁴. Рефлексия исторической науки в широком смысле предстает в образе историографии и интеллектуальной истории.

Предложенная Й. Рюзенем схема факторов исторической науки демонстрирует, с одной стороны, как работа исследова-

¹⁵³ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории... – С. 15.

¹⁵⁴ Буллер А. Указ. соч.

теля зависит от практической жизни и относится к ней, с другой – что она имеет собственную сферу для достижения знаний, находящуюся вне практических целей жизненной ориентации. Матрица помогает объяснить, почему история всегда переписывалась в соответствии с изменениями общественных интересов и функций исторического знания в жизни людей, и почему при этом существует определенная преемственность и развитие, даже прогресс в реализации познавательной стратегии, позволяющей получить относительно прочные знания о прошлом¹⁵⁵. Дисциплинарная матрица Й. Рюзена позволяет, по нашему мнению, проанализировать ход развития российской исторической науки, в том числе и кавказоведческой, системно, максимально учитывая всю сложность и многофакторность этого процесса.

¹⁵⁵ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории... – С. 15.

Глава 2. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА К РОССИИ

2.1. Официальная историография российско-горских взаимоотношений

Представления о Северном Кавказе, о его взаимоотношениях с Российской империей в отечественной исторической мысли менялись неоднократно. Его рассматривали то, как полусказочную страну на краю света, то как край диких первобытных горцев под боком у цивилизованной Европы, который предстояло усмирить и цивилизовать¹⁵⁶.

Основы отечественного кавказоведения закладывались в конце XVIII – начале XX вв. Его становление и развитие шло параллельно с завоеванием региона Российским государством. Кавказоведческие исследования осуществлялись преимущественно сотрудниками Академии наук и военными чинами. Труды, созданные в конце XVIII в., носили, как правило, описательный характер, в них рассматривались различные этнографические сюжеты. В это время шло ознакомление с местностями Кавказа, с материальной и духовной культурой населяющих его народов¹⁵⁷.

В первой трети XIX в. общее направление исследований несколько изменилось. Романтизм, господствовавший в Западной Европе и России, оказал большое влияние как на художественную литературу и публицистику, так и на научные исследования о Кавказе. Продолжая систематизировать кавказские материалы, русские и зарубежные авторы увлеклись изучением социальных сюжетов.

В отечественной исторической мысли конца XVIII – начала XX века условно можно выделить три направления изучения

¹⁵⁶ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 18.

¹⁵⁷ Колесникова М. Е. Изучение Северного Кавказа в России...

российско-кавказских взаимоотношений: консервативное, или официально-охранительное, либеральное и демократическое.

В самом общем виде консерватизм представляет собой идеологическое направление, сторонники которого отстаивают идеи сохранения существующего государственного положения, форм управления и традиций в социально-политической жизни, культуре, быту и духовной сфере¹⁵⁸.

Консерватизм в России получил широкое распространение в начале XIX в. Как политическая идеология и система фундаментальных социокультурных ценностей, он ориентировался на сохранение и поддержание исторически сложившихся форм государственной и общественной жизни, её морально-правовых оснований, воплотившихся в национальной культуре, законодательстве, собственности, религии и семье.

Российская консервативная идеология синкретизировала элементы западноевропейских консервативных и либеральных ценностей. В зависимости от исторических условий русский консерватизм принимал различные формы. В кризисной ситуации, когда опасности подвергалось само государство, а вместе с ним общественные и личностные ценности, усиливалось «охранительное», консервативное начало идеологии. В благоприятной ситуации оно ослабляется, открывая возможность для развития либерального начала¹⁵⁹.

С точки зрения А. В. Репникова, консерватизм в России не был универсальной идейной конструкцией с четко очерченной системой взглядов, но в нем присутствовал стержень в виде православной религии¹⁶⁰.

В указанный период развития отечественной историографии в основе консервативной концепции российско-кавказского

¹⁵⁸ Орлов А. С., Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. Исторический словарь. – М., 2012. – С. 237.

¹⁵⁹ Голиков А. К. Русский консерватизм XIX – начала XX века в контексте западноевропейского консерватизма // URL: <http://www.politex.info/content/view/187/30/> (дата обращения: 15.02.2015).

¹⁶⁰ Репников А. В. В лабиринтах русского консерватизма // URL: <http://www.политуправление.рф/aktual/authors/repnikov.htm> (дата обращения: 15.02.2015).

исторического взаимодействия лежали следующие «принципы исторического мышления»¹⁶¹:

1. **Интересы.** Кавказская война вызвала огромный научный и практический интерес к региону. С активизацией военных действий наблюдается интенсивное изучение этнополитических и этнокультурных особенностей региона, что объясняется трансформацией целей и методов российской политики на Северном Кавказе. Из потребностей военно-административных структур постепенно вырастает и складывается кавказоведение¹⁶². Повестку дня теперь определяла проблема завоевания народов Кавказа и включения его территории в состав Российской империи. Помочь в решении этой задачи могла и должна была историческая наука.

Познавательный интерес консервативно настроенных исследователей был обусловлен прежде всего поиском наиболее эффективных способов покорения и управления местными народами. В их трудах характер исторических связей России и северокавказских народов в XVI-XIX вв. трактуется через призму геополитических интересов России в регионе. Странники официально-охранительного направления историографии подчеркивали приоритет политических целей в действиях России, ее стремление к завоеванию Кавказа ради расширения и укрепления империи.

2. **Концепты обозначения.** Консервативная историографическая традиция олицетворяла собой имперскую позицию в вопросе российско-кавказских отношений. Генерализирующая концепция сторонников официального направления кавказоведения, как считает П. А. Кузьминов, опиралась на тезис об исключительной роли самодержавия, которое по своему «желанию» решает судьбы народов¹⁶³. Ключевыми понятиями этого направления были «колонизация», «усмирение», «завоевание», «покорение» и т. д.

¹⁶¹ В соответствии с дисциплинарной матрицей Й. Рюзена.

¹⁶² Тхагапсоев Х. Г. Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. – СПб., 2008. – С. 9.

¹⁶³ Кузьминов П. А. Дореволюционная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе // Кавказский сборник. – М., 2008. – Т. 5. – С. 169.

При исследовании дореволюционных историографических источников консервативного течения бросается в глаза отношение к кавказским народам как к «хищникам», «варварам» и т. д. Подобные характеристики объясняются стадийным разрывом уровней социокультурного развития кавказских народов и российского общества. В. В. Черноус подчеркивает, что боевые столкновения в период Кавказской войны необходимо рассматривать как цивилизационно-культурный конфликт¹⁶⁴.

3. Методы. В XIX в. основой науки становится историзм, появляются исторические сочинения, основанные на тщательном, скрупулезном изучении документов¹⁶⁵. Рассмотрение исторических явлений в процессе их возникновения и развития сменяет прагматическое повествование и психологизм, сложившиеся на базе рационализма в философии XVIII в.¹⁶⁶.

В кавказоведческих исследованиях имперского периода обнаруживается стремление к объяснению того или иного явления в среде горцев, к анализу их природы, возникает то, что в современной историографии обозначается задачей «открытия Другого». Данная установка, согласно А. Х. Борову, «выглядела как элемент военного планирования, нацеленного на определение сильных и слабых мест противника»¹⁶⁷. Реализация этой установки в процессе исследовательской деятельности привела к формированию особой модели представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа, которая может быть определена как политико-этнологическая¹⁶⁸.

¹⁶⁴ Черноус В. В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа: Научный и общественно-теоретический журнал. – Ростов-на-Дону, 1999. – № 3 // URL: <https://www.kavkaz-uzel.ru/articles/19905/> (дата обращения: 10.05.2014).

¹⁶⁵ Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция... – С. 184.

¹⁶⁶ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. – М., 1941. – С. 198.

¹⁶⁷ Боров А. Х. Осмысление культурно-исторической специфики Северного Кавказа... – С. 8.

¹⁶⁸ Боров А. Х., Муратова Е. Г. Общество и власть на Северном Кавказе в XIX – начале XX в.: предметное поле и концептуальные основы исследований в отечественном кавказоведении // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4 // URL: www.science-education.ru/110-9989 (дата обращения: 14.11.2014).

4. Формы репрезентации. Военное противостояние в регионе оказало огромное влияние на развитие кавказоведения. В научных и публицистических работах возобладал военный нарратив, который разогревал негативные настроения в российском обществе.

В XVIII в. в России складывается совершенно новый общественно-политический дискурс, появляются газеты, журналы, художественное слово. Русский язык превратился в важнейший политический символ и стал основанием российского патриотизма.

Символика исследований официально-охранительного направления занималась выработкой синтеза имперского и православного начал, что в большей мере удавалось на почве обращения к военному прошлому и настоящему. Риторика консерваторов основывалась, прежде всего, на дидактике, посредством которой в основе общественного сознания утверждалась картина мира с центральной идеей о величии Российского прошлого, настоящего и будущего. Ее основополагающим идеологическим кредо становится теория официальной народности.

5. Функции. Территориальная экспансия Российской империи в XIX веке воспринималась как нормальный исторический процесс не только в среде правящих кругов, военных деятелей, но и в российском обществе. В данном контексте Кавказская война оценивалась большинством представителей государственной власти и обществом как оправданный с исторической и геополитической точек зрения процесс укрепления позиций Российской империи в северокавказском регионе¹⁶⁹.

Имперский подход соединял в себе геополитическое обоснование неизбежности российского продвижения на Кавказ и культурно-цивилизационное обоснование необходимости именно военного покорения горских обществ, лишенных начал гражданственности и основанных в значительной степени на «хищниче-

¹⁶⁹ Солдатов С.В. Кавказская война 1817-1864 годов в оценке современников: дис. ... канд. истор. наук. – Челябинск, 2004 // URL: <http://www.dissercat.com/content/kavkazskaya-voina-1817-1864-godov-v-otsenke-sovremennikov#ixzz3J2UR2jP9> (дата обращения: 10.11.2014).

стве»¹⁷⁰. «Великой православной державе» необходимо было приводить в исполнение свою «высокую христианскую и цивилизаторскую миссию на Востоке»¹⁷¹. Историки-консерваторы в своих исследованиях решали важную задачу легитимации Российской политики в регионе.

Исследуемая проблематика затрагивалась уже в работе А. И. Манкиева¹⁷². Это одно из первых исследований, в котором имеются материалы, характеризующие русско-кабардинские отношения в XVI веке. В частности, здесь упоминается об адыгских посольствах в Москву в середине XVI в.¹⁷³.

В. Н. Татищев в своём многотомном труде¹⁷⁴ приводит материалы о посольстве адыгов в 1557 г., прибывшего с целью «служити государю»¹⁷⁵. В период губернаторства в Астрахани (1741–1745) В. Н. Татищев собрал различные материалы о кабардинцах, которые вошли впоследствии в его работы¹⁷⁶.

Одной из первых работ, в которой явно просматриваются мотивы консервативного течения российской историографии, стал многотомный труд М. М. Щербатова¹⁷⁷, в котором уделено особое внимание предпосылкам сближения кабардинцев и части западных адыгов с Россией в XVI веке. Официальный историограф Российского двора утверждает, что основная причина установления тесных взаимоотношений с Российским государством заключалась в стремлении Кабарды добиться у него защиты от «внешних врагов», т. е. Турции и Крыма. Начиная с 1552 года, когда в Москву прибыло посольство от «народов Черкесских и

¹⁷⁰ Боров А. Х., Муратова Е. Г. Общество и власть на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. ...

¹⁷¹ Цагарели А. А. Сношения России с Кавказом в XVI-XVIII столетиях: Речь проф. А. А. Цагарели, чит. на годич. акте... С.-Петерб. ун-та 8 февр. 1891 г. – СПб., 1891 – С. 48.

¹⁷² Манкиев А. И. Ядро Российской истории. – М., 1799.

¹⁷³ Там же. – С. 232, 233.

¹⁷⁴ Татищев В. Н. История Российская. – М., 1768-1847. В 5-ти кн., Его же. Лексикон Российский, исторический, географический и гражданский // Избранные произведения. – Л., 1979.

¹⁷⁵ Татищев В. Н. История Российская. – Кн. 5. – С. 478, 479.

¹⁷⁶ Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. – Нальчик, 2008. – С. 128.

¹⁷⁷ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. – СПб., 1770-1791. – Т. 1-7.

Кабардинских» с просьбой принять их в подданство, Россия стремилась установить свою власть над всеми «горскими черкесскими народами»¹⁷⁸.

В работе автор неоднократно подчеркивает важность установления взаимоотношений с Московским государством для Кабарды, поскольку её народ благодаря этому взаимодействию приучался к «порядочной жизни», учился быть «удобным» для общения с другими народами¹⁷⁹.

Во многом аналогичные взгляды выражены в исследовании Н. М. Карамзина¹⁸⁰, где рассматриваются проблемы российско-кабардинского исторического взаимодействия начиная с «касожского» периода вплоть до XVIII века. Наиболее тесные связи налаживаются, как полагает автор, с 1557 года, когда «князь Черкесские, присягнув Государю в верности, требовали, чтобы он помог им воевать Султанские владения и Тавриду»¹⁸¹.

Главная ценность работ Н. М. Карамзина и М. М. Щербатова заключается в том, что благодаря их исследовательской деятельности в научный оборот были введены важные источники и летописные материалы¹⁸², формировалось концептуальное видение характера первых российско-адыгских связей.

Известный декабрист П. И. Пестель¹⁸³ в программном документе Южного общества – «Русская правда» с консервативных позиций рассматривает проблему включения Кавказа в состав России, которое могло способствовать установлению «выгоднейших торговых сношений с Южною Азиею»¹⁸⁴. Военный образ жизни, по словам декабриста, наделил горцев «отважностью» и «предприимчивостью», но, в то же время, стал причиной их необразованности. Согласно автору, горцы в качестве союзников

¹⁷⁸ Щербатов М. М. Указ. соч. – Т. 5, Ч. 1. – С. 429, 430.

¹⁷⁹ Щербатов М. М. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 60.

¹⁸⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. – Калуга, 1993. – Т. 1-12.

¹⁸¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. – Т. 8. – С. 167.

¹⁸² Шеуджен Э. А. Н. М. Карамзин о первых контактах народов Руси и Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 1. – С. 78.

¹⁸³ Пестель П. И. Русская правда // URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM#2_11 (дата обращения: 15.05.2015).

¹⁸⁴ Там же.

безнадежны, а как соседи – опасны, и «склонить сии народы к спокойствию средствами кроткими и дружелюбными» невозможно, поэтому необходимо «решительно покорить» их, создать здесь российские поселения, и превратить регион «в спокойную и благоустроенную область Русскую»¹⁸⁵.

Привлекает внимание работа П. П. Зубова¹⁸⁶, посвященная географическим, этническим и культурным особенностям Кавказа, а также истории его взаимоотношений с Россией. Согласно автору, горцы «неоднократно обращали на себя праведную кару ... правительства, которое... продолжает почти ежегодные против них экспедиции по необходимости, дабы положить преграду их хищничествам и разбоям»¹⁸⁷.

Говоря о статусе Кабарды в XVI в. на Северном Кавказе, автор подчеркивает, что «кабардинцы имеют преимущество над всеми горскими народами, кроме одних дагестанцев; все прочие роды, как то: кумыки, чеченцы, осетинцы, абазинцы, бесленейцы, ингушевцы и другие, не только им подражают в нравах и во всех обычаях, но частью от них зависели и платили дань»¹⁸⁸. Безусловно, эта информация была важна для Российского государства, стремящегося включить в сферу своего влияния весь Кавказ. Как и предыдущие авторы, П. П. Зубов главную причину сближения Кабарды и России в XVI веке видит во внешней угрозе независимости адыгов со стороны Крымского ханства и Турции.

Насильственная политика в регионе оправдывалась и А. П. Карабановым¹⁸⁹. В понятие «Кавказская война» автор вкладывал многовековую историю российско-кавказского противостояния: начиная с похода Святослава Игоревича в 968 г. к ясам и косогам до захвата в 1848 г. аула Гергебиль отрядом под командованием князя М. З. Аргутинского-Долгорукова. Большое значе-

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Зубов П. П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. – СПб., 1834-1835. – Ч. 1-4.

¹⁸⁷ Зубов П. П. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 89.

¹⁸⁸ Там же. – С. 92.

¹⁸⁹ А. П. К. Кавказские войны // Военный энциклопедический лексикон: в 14 т. – СПб., 1854. – Т. 6. – С. 601-653.

ние в «водворении спокойствия» в Кавказских владениях России историк придает деятельности А. П. Ермолова¹⁹⁰.

Граф, историк и писатель В. А. Сологуб был активным сторонником российского присутствия на Кавказе. «Восточный вопрос» трактовался автором как борьба с исламом и поэтому Кавказская война воспринималась им «как война, поддерживаемая Россией для защиты оскорбленного Креста»¹⁹¹.

Ценными трудами, не потерявшими своего научного значения и для современного кавказоведения, являются работы видного представителя официально-охранительного направления историографии Р. А. Фадеева¹⁹². Одну из них он посвятил Кавказской войне, начало которой связал с 1801 годом, когда к России была присоединена Грузия. Это событие, по его словам, «определило новое отношение государства к полудиким племенам Кавказа»¹⁹³.

Характер российско-кавказских исторических связей трактуется автором через призму геополитических интересов России в регионе. Р. А. Фадеев считает, что насильственное присоединение кавказских территорий «было первой государственной необходимостью»¹⁹⁴. Но покорять регион необходимо только силой оружия, поскольку «разбой был главным ремеслом горцев», договориться «с подобными людьми» было невозможно¹⁹⁵. Позитивные результаты, с точки зрения автора, могла принести «методическая война», предполагающая, что завоевание будет происходить постепенно, «клочек по клочку». Кавказская война завершилась, согласно Р. А. Фадееву, в 1859 году, когда была завоевана вся территория Чечни¹⁹⁶. В работах Фадеева содержится богатый материал о наиболее значимых событиях Кавказской войны, военной истории России и о возможных путях дальнейшего развития имперской политики в регионе.

¹⁹⁰ Там же. – С. 621.

¹⁹¹ Сологуб В. А. Кавказ в восточном вопросе. – Тифлис, 1856. – С. 47.

¹⁹² Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. – Тифлис, 1860; Его же. Собрание сочинений. СПб., 1889-1890. – Т. 1-3.

¹⁹³ Фадеев Р. А. Шестьдесят лет... – С. 4.

¹⁹⁴ Там же. – С. 15.

¹⁹⁵ Там же. – С. 25.

¹⁹⁶ Там же. – С. 48.

К консервативному направлению отечественного кавказоведения правомерно отнести исследование А. П. Берже¹⁹⁷. Кавказская война, с его точки зрения, стала неизбежным и «естественным результатом государственного роста» Российской империи, поскольку «всегда и везде мелкие полудикие народности поглощались более сильными народами и если утрачивали при этом национальные особенности ..., то за это получали право на умственное и нравственное развитие и приобретали более высокую степень материального благосостояния»¹⁹⁸.

В разжигании этого многолетнего военного конфликта автор обвиняет «турецкое правительство и европейскую дипломатию, которые вовсе не думали о благоденствии горцев, но пользовались ими как средством противодействия развитию России», обещая им всяческую помощь в борьбе с ней. В результате война унесла массу жизней, тогда как население Северного Кавказа «должно было жить и, оставив свои дикие нравы и порядки, воспринять цивилизацию...»¹⁹⁹. В работе А. П. Берже также рассматриваются причины и основные этапы выселения северокавказских народов в Турцию.

Обширные сведения по проблеме присоединения Кавказа к России, этнографическим и культурным особенностям региона приводятся в многотомной работе Н. Ф. Дубровина²⁰⁰. Понимая стратегическое значение Кавказского региона для России и всю сложность, с которой этот край завоевывался, автор главное предназначение своего исследования видит в том, чтобы изложить все события «так, как они происходили на самом деле».

С точки зрения Н. Ф. Дубровина, «войскам необходимо знать, храбр ли его противник или трус, каковы его силы», иметь представление о характере и быте того народа, с которым приходит-

¹⁹⁷ Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – Тифлис, 1882. – Т. XXXIII. – Январь. – С. 161-176; Февраль. – С. 337-363; Т. XXXVI. – Октябрь. – С. 1-32.

¹⁹⁸ Берже А. П. Указ. соч. – Т. XXXIII. – Февраль. – С. 345.

¹⁹⁹ Там же. – С. 349.

²⁰⁰ Дубровин Н. Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871-1888 гг. – Т. 1-6.

ся бороться²⁰¹. Н. Ф. Дубровин считает, что «всё существование черкеса сложилось так, что без хищничества не было для него жизни, не было удовольствий в настоящем, не было блаженства и в будущем мире»²⁰². Это «хищничество», утверждает автор, заставило главнокомандующего на Кавказе князя П. Д. Цицианова принять меры по его уничтожению среди кабардинцев, которые в начале XIX века оказались «в зависимости России»²⁰³. Очевидно, к этому времени автор и относит присоединение Кабарды к Российскому государству. В данной работе содержатся небольшие очерки по истории и этнографии каждого народа Центрального Кавказа, что придает ему особую ценность как историческому и историографическому источнику.

Российский генерал, военный историк В. А. Потто²⁰⁴ считал «покорение» «воинственных, гордых и свободолюбивых племен» Кавказа «вынужденным настоятельными государственными потребностями России»²⁰⁵. Но завоевание региона затянулось на десятилетия, поскольку «враг» отличался особой «силой» и «дерзостью», и только «непоколебимому русскому духу» было дано «сломить железное упорство этих врагов, обладавших рядом с наивностью детей природы – и мужеством львов»²⁰⁶. Присоединение Кабарды стало одной из первоочередных задач российской внешней политики со времен Петра I, и судьба её в XIX в., как считает автор, была уже predetermined.

Осетины, по словам В. А. Потто, были «заперты в своих ущельях» кабардинцами, поэтому русские войска, впервые появившиеся здесь в годы правления Екатерины II, были встречены как настоящие «избавители»²⁰⁷. Но вскоре доверие осетин было утеряно, что связывается автором с ошибками российской администрации в регионе. В результате целой серии карательных

²⁰¹ Там же. – С. 14.

²⁰² Там же. – С. 64.

²⁰³ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. – Т. 4. – С. 22.

²⁰⁴ Потто В. А. Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). – СПб., 1887-1889. – Т. 1-5.

²⁰⁵ Потто В. А. Указ. соч. – Т. 1. – С. 3.

²⁰⁶ Потто В. А. Указ. соч. – Т. 2. – С. 390.

²⁰⁷ Потто В. А. Указ. соч. – Т. 5. – С. 102, 103.

экспедиций против «хищников», в особенности после военных действий отряда генерала И. Н. Абхазова в 1830 г.²⁰⁸, были завоєваны Кистинское и Тагаурское ущелья и образовано приставство, «которое должно было внести в жизнь осетинского народа начало гражданского порядка»²⁰⁹. Данное исследование ярко демонстрирует существовавший в сознании дореволюционной интеллигенции образ того или иного северокавказского народа. И в соответствии с этими представлениями, видимо, избирались подходы к освещению российско-кавказского исторического взаимодействия.

Консервативное крыло исторической науки представлено также работой Н. В. Гильченко²¹⁰, в которой изучены взаимоотношения осетин с соседними народами и Россией в период средневековья и нового времени. Автор утверждает, что осетины, «стесненные в горных ущельях, страшно бедствовали»: отсутствие плодородной почвы обусловило «недостаток пищевых средств, а доставка их с севера и юга, в виду враждебности населения грузинских феодалов и кабардинцев, была в высшей степени трудна»²¹¹. Такая ситуация длилась веками, пока на Кавказе не появились русские, которые «много сделали для осетин, разрозненных кровавыми междоусобицами внутри, угнетаемых кабардинцами извне», влачивших «жалкое существование, пока русское правительство не приняло участия в их судьбе»²¹². Участие это выразилось в повелении графу Гудовичу в 1792 г. «охранять» осетин от кабардинцев. С этого времени, замечает Н. В. Гильченко, «осетины вздохнули свободнее» и перешли «под владычество русских»²¹³. Таким образом, Северная Осетия была присоединена к России уже в конце XVIII века, и произошло это исключительно мирным путем.

²⁰⁸ Блиев М., Тотров Р. Карательная экспедиция генерала Абхазова // URL: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=12> (дата обращения: 22.04.2013).

²⁰⁹ Потто В. А. Указ. соч. – Т. 5. – С. 155.

²¹⁰ Гильченко Н. В. Материалы для антропологии Кавказа. Осетины. – СПб., 1890.

²¹¹ Там же. – С. 39, 40.

²¹² Там же. – С. 41.

²¹³ Там же. – С. 42.

В. Чудинов подробно изучил содержание военной экспедиции генерал-майора И. Н. Абхазова в Тагаурское общество в 1830 году. К числу причин, «вызвавших экспедицию», историк относит «своеволие, неповиновение властям, разбой и хищничества»²¹⁴ осетин. Действия генерала обрели желаемый успех – посредством установления приставства в Осетии было положено «основание гражданскому порядку» и «жители были поголовно приведены к присяге»²¹⁵. С этого времени, как утверждает В. Чудинов, есть основания считать осетин «покоренными и достаточно покорными»²¹⁶. По словам автора, после 1830 года у северных осетин «нет более истории», поскольку они «быстро ассимилировались», войдя в состав России²¹⁷.

В аналогичном русле написаны работы Е. Д. Максимова и Г. А. Вертепова²¹⁸, посвященные истории северокавказских народов. Авторы полагают, что поводом для осложнения кабардино-осетинских отношений стала «предгорная плоскостная земля, в которой нуждались обе народности»²¹⁹. В условиях отсутствия земли, жестком давлении соседей, Осетия встретила первые русские войска в крае, появившиеся здесь при Екатерине II, «как своих избавителей». «Первым делом русских было движение на Кабарду, отодвинувшее ее от гор, и давшее возможность осетинам спуститься на плоскость»²²⁰, – подчеркивают авторы.

Отношения с Россией ухудшились в первой трети XIX века, когда стали происходить нападения «осетинских шаек» на войска, проезжавшие по Военно-Грузинской дороге. Эти обстоятельства «побудили Паскевича принять решительные меры к покорению осетин и водворению у них русской гражданственности»²²¹.

²¹⁴ Чудинов В. Окончательное покорение осетин // Кавказский сборник. – Тифлис, 1889. – Т. XIII. – С. 70.

²¹⁵ Там же. – С. 109, 110.

²¹⁶ Чудинов В. Окончательное покорение осетин... – С. 114.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Максимов Е. Д., Вертепов Г. А. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. – Владикавказ, 1892. – Вып. 1; Вертепов Г. А. В горах Кавказа // Терский сборник. – Владикавказ, 1903. – Вып. 6. – С. 94-148.

²¹⁹ Максимов Е. Д., Вертепов Г. А. Указ. соч. – С. 10.

²²⁰ Там же. – С. 15.

²²¹ Там же.

В результате русских военных экспедиций в 1830 г. Северная Осетия была разделена на приставства и включена в состав Терской области и Тифлисской губернии. Как отмечают Е. Д. Максимов и Г. А. Вертепов, с этого времени среди осетин снова «начинается переход в христианство». Авторы придают большое значение распространению православия в Осетии, поскольку оно выполняет важную «цивилизующую» функцию²²².

Идея «методичной войны» была развита в статье генерала К. Ф. Сталя²²³, подчеркивавшего, что «спокойная» с российской стороны настойчивость и непрерывные военные действия способны «утомить» горцев и «довести их до того, что они станут сомневаться в самих себе...»²²⁴. Тогда горские общества, убедятся в бесполезности борьбы, и Кавказская война «кончится торжеством» российского оружия и цивилизации.

Традиции официально-охранительной историографии ярко отразились в исследовании Д. Н. Дубенского²²⁵, изданном под псевдонимом Служивый²²⁶. Начало Кавказской войны автор связывает с присоединением Грузии, что «наложило на Россию нравственную обязанность защищать единоверный народ от окружавших его многочисленных врагов ... и привело к завоеванию сначала народов Закавказья, а потом и всех горных племен»²²⁷.

«65 летняя Кавказская война» делится автором на 6 периодов: на первом этапе войны (1800-1816 гг.), российские войска, завоевав Закавказье, должны были «удерживать в повиновении» многочисленных врагов и одновременно вести войну с Турцией и Ираном. Ермоловский период Кавказской войны (с 1816 по 1827 гг.) характеризуется проведением систематической «внутренней

²²² Там же. – С. 16.

²²³ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. – 1900. – Т. XXI. – С. 53-173 // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Stahl_K_F/text1.htm (дата обращения: 12.05.2015).

²²⁴ Там же.

²²⁵ Служивый (Дубенский Д. Н.). Очерки покорения Кавказа. – СПб., 1901.

²²⁶ Толстяков А. П. Кто вы, маска? Создается новый словарь псевдонимов // Книжное обозрение. – 1998. – № 12. – 24 марта. – С. 16.

²²⁷ Служивый. Указ. соч. – С. 6.

работы над укреплением русской власти на Кавказе»²²⁸. Третий этап (1827-1831 гг.) ознаменовался, согласно Д. Н. Дубенскому, развитием мюридизма. Период с 1831 по 1846 гг. характеризуется отсутствием в действиях российских войск какой-либо системы. С назначением Кавказским наместником князя М. С. Воронцова начинается новый этап боевых столкновений (1846-1856 гг.), война принимает характер постоянной блокады Чечни и Дагестана с очень осторожными наступательными действиями. Шестой и последний период Кавказской войны (1856-1864 гг.) связывается Д. Н. Дубенским с именем князя А. И. Барятинского, который «обдуманно и энергично» занялся проблемой завоевания Восточного Кавказа. Результатом его деятельности стало взятие Гунгиба и плен Шамиля в 1859 г. Покорение Западного Кавказа затянулось до 1864 г. и завершилось уже при Великом князе Михаиле Николаевиче²²⁹.

Присоединение Кавказа, как утверждает автор, привело Россию «в соприкосновение с теми азиатскими народами», в среду которых ей необходимо было внести «наш гений, нашу культуру, нашу науку»²³⁰. Д. Н. Дубенский является одним из первых исследователей, который ввел в научный оборот периодизацию истории Кавказской войны.

Консервативный подход в изучении проблем российско-кавказского исторического взаимодействия характеризует работу И. Иванина²³¹. По его данным, впервые российские казачьи поселения у «ворот Кавказа» появились в период правления Ивана III, а «царь Иван Васильевич Грозный отдал во владение казакам эту страну, и при нем была построена Терская крепость»²³².

Окончательное присоединение региона автор относит к лету 1859 года, когда была «покорена» Чечня. После чего Кавказ, наконец, встал «на путь правильного развития граждан-

²²⁸ Там же. – С. 7, 8.

²²⁹ Служивый. Указ. соч – С. 9, 10.

²³⁰ Там же. – С. 144.

²³¹ Иванин И. Кавказская война и её герои. Очерки покорения Кавказа. – М., 1904.

²³² Там же. – С. 4.

ственности, как обширная и богатая область великого государства»²³³.

Военный историк С. С. Эсадзе²³⁴ подчеркивал, что территориальное расширение Российской империи к югу стало результатом «естественного» стремления «славянского племени к соединению в сильное государство в пределах, указываемых его географическим положением»²³⁵. То есть северокавказские земли явились важным инструментом укрепления государственного строя России.

Таким образом, в исследованиях официального направления отечественной историографии ярко отразилась позиция имперского руководства в вопросе российско-кавказского исторического взаимодействия. Представители данного течения оправдывали государственную политику в регионе и создавали идейную основу ее легитимизации. Они подчеркивали историческую обусловленность вхождения Северного Кавказа в состав России, доказывали необходимость строительства крепостей, военных экспедиций для решения важнейших геополитических задач империи. Вместе с тем, в исследованиях данного направления системно обосновывался позитивный характер русского влияния на северокавказскую культуру, в результате которого местные народы приобщались к основным ценностям европейской цивилизации.

2.2. Включение Центрального Кавказа в состав России в оценке либеральных историков

Либерализм – это идеологическое и общественно-политическое течение, сторонники которого отстаивают идеи правового государства и парламентского строя, права частной собственности

²³³ Там же. – С. 144.

²³⁴ Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис, 1907. – Т. 1, 2; Его же. Штурм Гуниба и пленение Шамиля: Ист. очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. – Тифлис, 1909; Его же. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. – Тифлис, 1913; Его же. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. – Майкоп, 1993.

²³⁵ Эсадзе С. С. Исторический очерк распространения... – С. 70.

сти и свободы предпринимательства, установления гражданского общества и равенства граждан перед законом, предоставления демократических свобод²³⁶. Он является продуктом западноевропейской культуры. Основная идея либерализма – осуществление свободы личности путем устранения всего, что грозит существованию индивидуальной свободы, в первую очередь неограниченные полномочия государственной власти²³⁷. Ценности общества совпадают с ценностями индивидов, которые его составляют²³⁸.

Вопрос о происхождении русской либеральной традиции остается одним из самых дискуссионных в современной науке. С точки зрения К.И. Шнейдера, полноценный, национально адаптированный либеральный феномен появился в отечественной общественной мысли во второй половине 1850-х – середине 1860-х гг.²³⁹ Социально-политическая и мировоззренческая ориентация русских мыслителей, обращавшихся по тем или иным поводам к западноевропейскому либерализму, определялась, прежде всего, российской действительностью.

Либерализм в российской версии, как утверждает В.И. Приленский, имел ряд отличительных особенностей, в числе которых, отсутствие у него прочной социальной поддержки в обществе, сильная антидемократическая тенденция, склонность опираться на принцип монархизма, ярко выраженное консервативное начало и отсутствие в первоначальный период гражданских свобод в российском обществе²⁴⁰. Эти явления хорошо прослеживаются в

²³⁶ Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. – М., 2012. – С. 279.

²³⁷ Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914) // Антология мировой политической мысли. Политическая мысль в России. – М., 1997. – Т. 4 // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem4/62.php (дата обращения: 15.11.2014).

²³⁸ Гавра Д.П., Слуцкий П.А. Эволюция либеральной идеологии в США и развитие коммерческих связей с общественностью // Медиаскоп. – 2013. – Вып. 1 // URL: <http://www.mediascope.ru/node/1282> (дата обращения: 17.11.2014).

²³⁹ Шнейдер К.И. Ранний русский либерализм: власть свободы или свобода власти? // URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/50382884/> (дата обращения: 17.11.2014).

²⁴⁰ Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. – М., 1994 // URL: <http://philosophy.ru/iphtras/library/prilensk.html> (дата обращения: 15.11.2014).

отечественной исторической мысли, в том числе и в кавказоведении.

«Принципы исторического мышления», составлявшие основу либеральной концепции российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв., имели, на наш взгляд, следующее содержание:

1. **Интересы.** Познавательный интерес либеральных исследователей конца XVIII – начала XX вв. заключался в стремлении изучить и понять психологию горцев, структуру их мышления и мировоззрения, социально-экономическую, политическую и духовную основу существования северокавказских этнических общностей. Признавая главной экзистенциальной ценностью личность, её права, свободы и интересы, представители либерального направления имперской историографии стремились найти наиболее мирные, «цивилизованные» способы «завоевания» народов Центрального Кавказа, которые помогут избежать насильственных и противоправных действий с обеих сторон.

2. **Концепты обозначения.** Российские либералы, опираясь на принцип монархизма, поддерживали стремление властей к завоеванию Северного Кавказа, но при этом обосновывали необходимость более гибкой имперской политики в регионе, основанной на ценностях гуманизма и демократии. Как правило, в работах либеральных исследователей подчеркивается взаимовыгодный, союзнический характер российско-кавказского исторического взаимодействия и меньше акцентируется внимание на «цивилизаторской» роли империи в жизни местных народов. Представители либеральной исторической мысли отстаивали тезис о многолетнем российском «подданстве» северокавказских народов, периодическое нарушение которого со стороны горцев приводило к неизбежным столкновениям с частями имперской армии.

3. **Методы.** Основные труды либерального направления отечественной историографии были созданы в середине – второй половине XIX в. Историческим фоном появления этих работ стали мероприятия по подготовке и проведению буржуазных преобразований 1860-х – 1870-х гг., которые стимулировали появление либерально-просветительских подходов в исследованиях²⁴¹.

²⁴¹ Боров А. Х. Осмысление культурно-исторической специфики... – С. 13.

С точки зрения А.Х. Борова, познавательные предпосылки становления новой модели представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа в этот период создавали профессионализация сферы научного изучения Кавказа, превращение его в интегральную часть академической науки в условиях становления научного историзма и роста влияния позитивистской теории социальной эволюции. Базовой чертой этой модели являлся социоцентризм, т. е. превращение общества в предмет преимущественного интереса²⁴².

В соответствии с установками позитивного метода познания прошлого, представители общественно-политической и научной мысли второй половины XIX в. считали, что прошлое непосредственно дано историку в виде исторических документов и вещественных памятников. Задача исследователя состояла в том, чтобы наиболее точно воспроизвести прошлое по документам и избегать умозрительных рассуждений²⁴³.

4. Формы репрезентации. Большинство научных текстов либеральных кавказоведов представляли собой по содержанию естественное сочетание тактико-стратегических соображений по поводу скорейшего преодоления российско-горского противостояния, исторических экскурсов и воспоминаний с крупными вкраплениями этнографических наблюдений²⁴⁴. Многие исследования насыщены яркими эпитетами и метафорами в адрес «мужественных» и «свободолюбивых» горцев²⁴⁵.

5. Функции. Российская либеральная мысль, так же как и европейская, конструировала национальную идентичность²⁴⁶. С.М. Соловьев понимал историческую науку как «науку на-

²⁴² Боров А. Х. Осмысление культурно-исторической специфики... – С. 13.

²⁴³ Савельева И. М., Полегаев А. В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. – М., 2007. – Вып. 18. – С. 73, 74.

²⁴⁴ Лукирский А. Н. Генерал-«кавказец» М. Я. Ольшевский и его «Записки» // Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866. – СПб., 2003. – С. 7.

²⁴⁵ Потто В. А. Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). – СПб., 1887. – Т. 2. – С. 392.

²⁴⁶ Narskij I.V. Intellectuals as missionaries: the liberal opposition in Russia and their notion of culture // Studies in East European Thought. – 2010. –Vol. 62. – № 3-4. – P. 350.

родного самопознания»²⁴⁷. Либералы в своих работах пытались решить главную национальную проблему определения исторической судьбы российского государства. Они доказывали идентичность путей развития России и Европы, единство исторического процесса²⁴⁸, призывали следовать западной цивилизации, разделив ее главные ценности, к числу которых относится имперская форма государственного устройства²⁴⁹. В. О. Ключевский подчеркивал, что «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией»²⁵⁰. Присоединение Северного Кавказа способствовало укреплению имперской идентичности, усилению Российского государства на международной арене.

К числу первых либеральных исследований, в которых анализируется политика России в регионе, в частности в Осетии, относятся очерки И. А. Гюльденштедта²⁵¹. В 1768 г. он был приглашен Академией наук для участия в экспедициях, обследовавших юго-восточные области России²⁵². Автор характеризует горцев как «предприимчивых и хитрых»²⁵³. Осетины, по данным исследователя, доставляли с давних пор много хлопот русским войскам на линии, досаждали нападениями и убийствами путешественников; когда их наказывали, они признавали господство и защиту русских, но, когда они не предвидели близкого наказания,

²⁴⁷ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. – М., 1872. – С. 5.

²⁴⁸ Сирота Н. М. Идеологии и идеологические течения: Классическое наследие и современность: Учебное пособие. – СПб, 2009. – С. 43.

²⁴⁹ Кантор В. К. Империя как путь России к европеизации // Вопросы литературы. – 2007. – № 4 // URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/4/ka17.html> (дата обращения: 21.11.2014).

²⁵⁰ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. – М., 1987. – Т. 1: Курс русской истории. – С. 50.

²⁵¹ Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. – СПб., 1809.

²⁵² Иоганн Антон Гюльденштедт // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz /XVIII/1760-1780/Gildenstedt/otryv1.htm> (дата обращения: 22.04.2014).

²⁵³ Гильденштедт И. А. Указ. соч. – С. 80.

снова становились враждебными²⁵⁴. Поэтому характер российско-осетинских взаимоотношений в новое время был достаточно сложным и неоднозначным.

В дневнике капитана российской армии Л. Штедера²⁵⁵ содержатся важные сведения об отношении осетинского народа к деятельности российских властей в Осетии. Автор подчеркивает, что Кавказ обладает большим стратегическим значением для России, поскольку через него проще осуществлять контроль над Грузией, кроме того регион богат «минералами и металлами и сулит большие доходы».

В 1781 г. офицер стал свидетелем развернувшегося социального конфликта в Северной Осетии между баделятами (владельческая элита Дигорского общества Осетии. – А. Ж.) и крестьянами²⁵⁶. Положение было настолько серьезным, что баделята были готовы отдать «себя и все свое благосостояние на безграничную милость России», позволив капитану Л. Штедеру «закончить дела с народом»²⁵⁷. Противостояние завершилось заключением договора, согласно которому осетины должны были принести «клятву верности России», а «все дигорцы, сделанные бадилатами рабами, должны быть отпущены...»²⁵⁸. В результате более трех тысяч «оссов сделались подданными России»²⁵⁹.

Автор полагает, что в характере осетин «можно отметить черты хороших от природы людей, которые только благодаря привычкам и предрассудкам получили ложное направление», поэтому «их вспыльчивому гневу», по мнению капитана, необходимо идти навстречу, а «нерешительность» предупреждать силой²⁶⁰.

Российский ученый П. С. Паллас во время своего путеше-

²⁵⁴ Там же. – С. 91.

²⁵⁵ Штедер Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. (XIII-XIX вв.). – Орджоникидзе, 1967. – С. 27-70.

²⁵⁶ Кокиев Г. А. Дневник Штедера. Введение // URL: <http://www.iriston.com/nogbon/news.php?Newsid=358> (дата обращения: 21.04.2013).

²⁵⁷ Штедер Л. Указ. соч. – С. 65, 66.

²⁵⁸ Там же. – С. 66.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же. – С. 39.

ствия по Северному Кавказу изучал историю и культуру местных народов. По его данным, в XVI в. кабардинцы «перешли под покровительство царя Ивана Васильевича, который в 1560 г. женился на черкесской княжне Марии, дочери Темрюка»²⁶¹. В следующем столетии адыги «находились под крымским владычеством», а в начале XVIII в., «когда они хотели освободиться из-под этого ига, крымский хан проник до Кабарды»²⁶². С целью получить военную защиту, как полагает автор, кабардинцы снова обратились «к покровительству русских, но до сего времени продолжают оставаться беспокойными и ненадежными подданными», поскольку эта «храбрая народность рыцарей ... не может переносить никакого ярма»²⁶³.

В одной из самых содержательных работ по истории Кавказа в XVIII в. историка и государственного деятеля П. Г. Буткова²⁶⁴ присутствует значительный объем документальных материалов по истории российско-вайнахских взаимоотношений. Ингуши («кисты, или киштинцы»), согласно автору, «искали (возможности. – А. Ж.) освободиться от притеснения кумыков и кабардинцев» и в 1769 г. обратились к кизлярскому коменданту с просьбой о принятии их в российское подданство и «дали аманатов»²⁶⁵. Коменданту было предписано обходиться с аманатами «осторожно, справедливо, ... с умеренною ласкою, но не раболепно, дабы лёгким и уступным обхождением не попустить их к наглости, поелику они чрезмерно льстивы, обманчивы, ... и по своему магометанскому закону суть нам тайные и явные неприятели; при том, они чрезмерно величавы, горды, честолюбивы»²⁶⁶.

С чеченцами, «издавна счисляющимися в российском под-

²⁶¹ Паллас П. С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. – Нальчик, 1974. – С. 218.

²⁶² Там же.

²⁶³ Паллас П. С. Заметки о путешествиях... – С. 216.

²⁶⁴ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. – СПб., 1869. – Ч. I, II.

²⁶⁵ Бутков П. Г. Указ. соч. – Ч. I. – С. 300.

²⁶⁶ Там же. – С. 162.

данстве»²⁶⁷ дело обстояло иначе: они периодически нападали на казачьи станицы, что стало причиной карательного похода в Чечню генерала Де Медема в феврале 1770 г. В данной ситуации, если процесс присоединения Ингушетии обозначен П. Г. Бутковым как завершённый к концу XVIII века, то включение Чечни в состав Российской империи было делом будущего.

К либеральному направлению отечественного кавказоведения можно отнести исследование Г.-Ю. Клапрота²⁶⁸. В 1807 году он, по предложению Императорской Академии наук, отправляется на Кавказ²⁶⁹ «для исследования вновь приобретенных стран»²⁷⁰. По сведениям путешественника, осетины «не подчиняются никакому властителю» и желают принять православие²⁷¹. С этой целью в 1745 г. в Осетию были отправлены архимандрит Пахомий и несколько священников. Эти духовные деятели «вернули неверующих к истинной вере» и убедили их в целях обеспечения собственной безопасности «объявить себя в подчинении России», что было приведено «в исполнение курачскими и чимскими старейшинами» в 1748 г.²⁷². Согласно Г.-Ю. Клапроту, православное крещение имело решающее значение в процессе присоединения Осетии к Российскому государству. Автор в своей работе изучает также историю и культуру Кабарды и сообщает, что свой образ жизни и свободу кабардинцы считают самым «привлекательным», «предпочитают их всему на свете» и готовы за них «отдать всё»²⁷³.

К наиболее важным трудам первой трети XIX века по исто-

²⁶⁷ Там же. – С. 300.

²⁶⁸ Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. (XIII-XIX вв.). – Орджоникидзе, 1967. – С. 105-179.

²⁶⁹ Данилов А. В. Генрих-Юлий Клапрот (1783-1835) // URL: <http://okavkaze.ru/ludi-kavkaza/24-genrih-klaprot> (дата обращения: 22.04.2013).

²⁷⁰ Клапрот, Генрих-Юлий // Русский биографический словарь. – М., 1994. – Т.8. – С.728.

²⁷¹ Клапрот Г.-Ю. Указ. соч. – С. 113.

²⁷² Там же.

²⁷³ Каченовский М. Т. Извлечение из Путешествия г-на Клапрота к горам Кавказским // Вестник Европы. – 1812. – Часть 64. – № 13 // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820/Klaproth/text1.htm> (дата обращения: 12.06.2015).

рии Кавказа относятся работы С. М. Броневского²⁷⁴, в которых анализируются взаимоотношения северокавказских народов друг с другом и с российскими властями. Начало тесного сближения Кабарды и России автор относит к 1552 году, когда «Терские, Пятигорские и другие Черкасы прислали послов к царю Ивану Васильевичу, подвергая себя и землю свою под власть Российской, лишь бы дана была им защита от Крымских татар»²⁷⁵. Это событие, с его точки зрения, «произвело весьма выгодное для России сближение» с кабардинцами и черкесами, «которые в походах царя на Лифляндию, Польшу и против Крымских татар» своей «храбростью» во многом «способствовали его победам»²⁷⁶. В период Смуты российско-адыгские связи прерываются и возобновляются только в XVIII в. А в 1774 году, благодаря Кючук-Кайнарджийскому договору, «кабардинцы возвратились под российское подданство»²⁷⁷.

В работах С. М. Броневского содержится богатый материал по истории и культуре вайнахов. Нравы чеченцев, согласно автору, отличают его от других кавказских этнических групп «свирепым бесстрашием в разбоях, составляющих главное ремесло чеченцев», в связи с чем «сношения» их с Россией носят преимущественно военный характер²⁷⁸. Историк предоставляет сведения о «военных поисках» российских главнокомандующих на Кавказе в XVIII веке, предпринимаемых с целью «усмирения» чеченцев, и завершавшихся каждый раз принятием ими присяги и представлением аманатов «в знак подданства».

«Частные разорения» от кабардинцев «побудили ингушей в 1770 году предаться Российскому покровительству»²⁷⁹. Автор подчеркивает, что ингуши платили дань кабардинцам, но «подвластны-

²⁷⁴ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. – М., 1823. – Т. 1-2; Его же. Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича донныне // URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3109/> (дата обращения: 07.06.2012).

²⁷⁵ Броневский С. М. Новейшие географические... – Т. 2. – С. 79, 80.

²⁷⁶ Броневский С. М. Новейшие географические... – Т. 2. – С. 80.

²⁷⁷ Там же. – С. 84.

²⁷⁸ Там же. – С. 172, 173.

²⁷⁹ Там же. – С. 164.

ми им никогда себя не признавали, а тем паче не признают себя с того времени, как они поступили в российское подданство»²⁸⁰. На основе анализа архивных документов он сделал вывод о том, что влияние Российской империи на кавказские народы «три раза усиливалось и два раза ослабевало, по мере общих и частных политических соображений». В работах историка главным критерием, определяющим ключевые моменты в истории российско-северокавказских взаимоотношений, выступает международно-правовое признание принадлежности региона России (в соответствии с Белградским, Кючук-Кайнарджийским мирными договорами). В своих исследованиях С.М. Броневский опирался на публично-правовые материалы, извлеченные из архива Коллегии иностранных дел, которые обогатили кавказоведение и теперь стали доступны читателям.

По выражению генерал-лейтенанта И. Ф. Бларамберга, кавказские народы «проницательны и весьма рассудительны по натуре, но наряду с этим почти всегда подозрительны и переменчивы в суждениях»²⁸¹. У горцев, как сообщает офицер, «нет управления с установленными правилами, они предпочитают разрешать распри и кончать ссоры немедленно, это сделало их настолько нетерпимыми в этом отношении, что они даже согласны быть невинно наказанными, чем ожидать своего оправдания в результате длительного судебного разбирательства»²⁸². Главным фактором, способствовавшим обращению кабардинцев к Российскому государству в XVI в., автор считает «междоусобицы», вследствие которых многие известные князья, в частности Сунчалеевы и Келеметевы, «покинули Кабарду» и приобрели известность под фамилией Черкасских²⁸³.

С точки зрения исследователя, «трудно найти на земле ... народы, которые защищали бы свою свободу и независимость с большим упорством и которые в то же самое время беспокоили бы еще больше своих соседей, чем жители Кавказа»²⁸⁴.

²⁸⁰ Там же. – С. 165.

²⁸¹ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Перевод с французского языка, введение и комментарии И. М. Назаровой. – М., 2005. – С. 29.

²⁸² Там же. – С. 27.

²⁸³ Там же. – С. 195.

²⁸⁴ Там же. – С. 38.

Интересный материал по истории присоединения Кабарды содержится в работе выдающегося российского исследователя XIX века профессора С. М. Соловьева²⁸⁵. В XVI веке, согласно автору, начинается новый период российской истории, ознаменованный «наступательным движением на Азию». Адыги, в условиях феодальной раздробленности и постоянных набегов со стороны Крыма, обратились к царю с просьбой о подданстве и «волею-неволею затыгивали Московское государство все далее на восток»²⁸⁶. Это суждение маститого ученого отвергает существование у России стратегических целей в «восточном» внешнеполитическом направлении.

Во второй половине XIX века, после окончания Кавказской войны, произошла окончательная интеграция кавказских народов в состав Российской империи, которая стремилась упрочить здесь свои позиции. Административные, политические и социально-экономические преобразования, происходившие в государстве в этот период, обусловили дальнейшее развитие отечественного кавказоведения: произошло обогащение документальной базы российского кавказоведения, связанного, в первую очередь, с деятельностью, созданной в 1864 году Кавказской археографической комиссии²⁸⁷.

Либеральное направление отечественного кавказоведения в пореформенный период представлено трудами генерала Д. И. Романовского²⁸⁸. С его точки зрения, основание российскому «владычеству на Кавказе» положила внешняя политика Петра I, в результате которой к России были присоединены «Кавказский берег Каспийского моря и часть Персии» и началось «устройство» Кавказской линии. С присоединением Грузии в начале XIX века «Кавказ составил часть России», и последовавшая за этим

²⁸⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – М., 1960. – Кн. 3. Т. 6.

²⁸⁶ Там же. – С. 707.

²⁸⁷ Археографические комиссии // URL: http://www.vseslova.com/brokgauz_ufron4/page/arheograficheskie_komissii.9251/ (дата обращения: 20.06.2012).

²⁸⁸ Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа генерал штаба полковником Романовским Д. И. – СПб., 1860; Его же. Генерал-фельдмаршал князь Барятинский и Кавказская война. – М., 1881.

политика «усмирения» края, считает автор, «сделалась неизбежным подвигом, отступить перед которым было бы несовместно с достоинством России и несогласно с ее исторической судьбой»²⁸⁹. Систематические действия «против кавказских воинственных племен» начинаются в период командования А. П. Ермолова, одной из главных заслуг которого стало «упрочение» российской власти в Кабарде²⁹⁰.

Генерал убежден, что «война против кавказских горцев должна иметь свой особый самобытный характер», который заключается в постепенных и систематических действиях²⁹¹. Он считает необходимым «наглядно убедить горцев», что «подчинение» российскому руководству «не есть ненавистное для них рабство», что имперские власти уважают их религию, обычаи, «даже рассудки» и требуют лишь одного – «отказаться от хищничества и от необузданной свободы»²⁹².

Благодаря «умиротворению» Кавказа, подчеркивает историк, «прорубается окно» в Европу «для западной Азии, Персии, Армении, Месопотамии, погруженных в вековое оцепенение», и тем самым выполняется «великий долг, лежащий на России относительно цивилизации»²⁹³. Исследования Д. И. Романовского стали одной из первых попыток комплексного изучения проблем Кавказской войны.

Важнейшим дореволюционным историографическим источником по проблеме вхождения Кабарды в состав России является работа Н. Ф. Грабовского²⁹⁴. Главной предпосылкой сближения Кабарды и России в середине XVI века он считает потребность адыгов в военной защите. В последующем они выступали в качестве союзников в войнах с Крымом. А при царе Федоре Ивановиче «к титулу русских государей был присоединен титул «Госуда-

²⁸⁹ Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. – С. 28.

²⁹⁰ Там же. – С. 122.

²⁹¹ Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. – С. 31.

²⁹² Там же. – С. 123.

²⁹³ Там же. – С. 30.

²⁹⁴ Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба её за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1876. – Вып. 9. – С. 132-231.

ря земли Кабардинской»²⁹⁵. Но, несмотря на это, полагает автор, отношения были «фиктивного свойства», нередко кабардинцы нападали на российские «провинции для грабежей и разбоев». Россия нуждалась в полном подчинении Кабарды, и в 1772 г. «в силу заключенного в Карасу трактата с крымцами, кабардинцы были признаны подданными Российского государства»²⁹⁶. Главной международно-правовой основой вхождения Кабарды в состав России Н. Ф. Грабовский признает заключенный с Турцией Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года. В последующем кабардинцы не раз предпринимали попытки осуществить антироссийское восстание, которые были окончательно пресечены А. П. Ермоловым в 1825 году²⁹⁷.

Одну из своих статей²⁹⁸ Н. Ф. Грабовский посвятил истории и культуре ингушей. В 1769 году, по его сведениям, ингуши, «как народ трудолюбивый и покойный, желая избавиться от кумыков и кабардинцев, в зависимости от которых они находились», приняли российское подданство²⁹⁹. Но, несмотря на приобретенный статус, ингуши продолжали платить дань кабардинцам, в связи с чем в 1810 году был заключен договор между бывшим комендантом Владикавказской крепости генерал-майором И. П. Дельпоцо и представителями 6 ингушских фамилий. Согласно этому соглашению, ингуши «на вечные времена» вступали в «верноподданническое состояние» к России, обязывались охранять Военно-грузинскую дорогу; не платить дань кабардинцам, чеченцам и др.³⁰⁰ Текст данного договора содержится в Актах Кавказской Археографической комиссии³⁰¹, благодаря которой он был введен в научный оборот.

²⁹⁵ Там же. – С. 116.

²⁹⁶ Там же. – С. 144.

²⁹⁷ Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды... – С. 209.

²⁹⁸ Грабовский Н. Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1876. – Вып. 9. – С. 21-131.

²⁹⁹ Там же. – С. 22.

³⁰⁰ Там же. – С. 27, 28.

³⁰¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А. П. Берге. – Тифлис, 1870. – Т. 4; Акты Кавказской археографической комиссии об Ингушетии и ингушах. Сборник документов / Сост. Л. М. Парова, отв. ред. Т. Х.-Б. Муталиев. – Назрань, 1995. – С. 81-90.

Военный историк второй половины XIX века А. Л. Зиссерман³⁰² характеризовал северокавказских «туземцев» как «весьма сметливых и политичных». Автор считает, что наместнику, как единственному представителю российской власти в регионе и важному «орудию для введения гражданского порядка и ассимилирующего начала», необходимо заслужить их уважение³⁰³. Разделяя главные либеральные ценности, А. Л. Зиссерман выступал против любого проявления насилия в отношении местных народов и осуждал сформировавшуюся за годы Кавказской войны привычку «опираться исключительно на могущество штыков»³⁰⁴.

Я. Абрамов, порицая насильственные действия со стороны имперских войск, подчеркивал, что «печальные результаты» карательных экспедиций на Кавказе наносят большой удар российскому авторитету, «загладить который не будут в состоянии никакие военные успехи»³⁰⁵.

Историк С. А. Белокуров в конце XIX века опубликовал большое количество документов Посольского приказа, опираясь на которые написал исторический очерк по истории русско-кавказских связей со времен Святослава до начала XVII века³⁰⁶. В нем автор рассказывает об адыгских посольствах 1552 и 1557 гг., о строительстве крепости Терки, совместных военных действиях Кабарды и России. С. А. Белокуров считает, что в лице адыгов Московское государство приобрело «подданных, союзников, от которых в нужное время оно могло получить помощь против Крыма»³⁰⁷. В работе упоминается и о первом вайнахском посольстве в Москву 1588-1589 гг. Оно было отправлено князем

³⁰² Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). – СПб., 1879. – Ч. 1.

³⁰³ Там же. – С. 120.

³⁰⁴ Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. – С. 289.

³⁰⁵ Абрамов Я. Кавказские горцы // Дубровин Н. Ф. Черкесы (адыге). Материалы для истории черкесского народа. – Нальчик, 1991. – Вып. 1. – С. 295.

³⁰⁶ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. – М., 1889.

³⁰⁷ Там же. – С. 45.

Ших-мурзой³⁰⁸ с просьбой о защите его владений от «недругов» и обещанием служить «государю»³⁰⁹.

В исследовании капитана М. Я. Ольшевского³¹⁰, впервые опубликованном в 1893 году³¹¹, освещены взаимоотношения чеченцев с русскими. Автор, излагая факты несоблюдения вайнахами условий российского подданства, стремился выяснить причины их инвариантного поведения. В частности, он писал: «Чеченцы обвинялись нами в легковерии и непостоянстве за то, что они отрекались от своих обещаний и даже изменяли нам. Да были ли ясно истолкованы наши требования и были ли поняты ими как следовало? В свою очередь, не имели ли права чеченцы обвинять нас за то, что мы, русские, сами были нарушителями заключаемых с ними условий»³¹². Автор признает неправомерным обвинять «целый народ» «в коварстве и вероломстве, доходивших до измены», и вести переговоры о прекращении антироссийской деятельности «со всем чеченским населением», а не «с десятком чеченцев, не бывших ни представителями, ни депутатами»³¹³.

Офицер придавал большое значение деятельности князя А. И. Барятинского по завоеванию региона, который сумел сосредоточить «на важном театре военных действий главные силы» и в 1859 г. «завершить падение Восточного Кавказа»³¹⁴. Исследователю представляется, что чеченцы и дагестанцы «не перестают благославлять то время, когда кончилась кровавая и тяжелая для них война» с Россией³¹⁵. Остро поставив вопрос «кто виноват» в противостоянии горцев и местных властей, М. Я. Ольшевский создал дискуссионную среду вокруг комплекса вопросов, связан-

³⁰⁸ Ахмадов Я. З. Первое вайнахское посольство в Москву (1588-1589 гг.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1983. – С. 18.

³⁰⁹ Белокуров С. А. Указ. соч. – С. 63.

³¹⁰ Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866. – СПб., 2003.

³¹¹ Николаи А. П. По поводу записок генерала М. Я. Ольшевского // Русский архив. – Тифлис, 1893. – № 10 // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Olsevskij/nikolai.htm> (дата обращения: 12.06.2015).

³¹² Ольшевский М. Я. Указ. соч. – С. 65.

³¹³ Там же.

³¹⁴ Там же. – С. 424.

³¹⁵ Там же. – С. 424.

ных с проблемой вхождения северокавказских народов в состав России.

Представитель либерального направления дореволюционной исторической мысли Г. А. Ткачев³¹⁶ считал, что любая «война есть ничто иное, как разорение народа», и призывал «слабых» вайнахов «покориться» «сильному» Российскому государству, тем более что чеченцы и ингуши, «одаренные хорошим здоровьем и умом», могут «жить мирно»³¹⁷.

Роли казачества в процессе присоединения региона посвящены работы либералов И. Д. Попко, Ф. А. Щербини и др.³¹⁸, подчеркивавших, что казаки завоевав Кавказ, «с честью выполнили свою историческую роль» и отдали дань русскому государству³¹⁹. И. Д. Попко утверждал, что «взяв у черкеса вооружение, одежду, седловку и посадку», казак «вместе с тем усвоил себе живость и удаль своего противника»³²⁰. По мнению Ф. А. Щербини, в российско-черкеском боевом противоборстве адыги занимали оборонительную позицию: «Чем чаще и строже, – пишет историк, – карали русские черкесов, тем ожесточеннее черкесы производили набег. ... Пылали черкесские аулы, хлеб и сено, угонялся скот и приносились в жертву военному Молоху человеческие жизни»³²¹. Кабардинцы, сообщает автор, действовали иначе, чем русские войска: «они покоряли и водворяли, а не грабили и разоряли»³²².

Особое место в либеральной историографии занимают работы представителей национальной интеллектуальной элиты Северного Кавказа. Региональная общественно-политическая мысль зародилась в начале XIX века под воздействием русской и

³¹⁶ Ткачев Г. А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. – Владикавказ, 1911. – Вып. 2.

³¹⁷ Там же. – С. 50.

³¹⁸ Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. – СПб., 1858; Его же. Терские казаки со стародавних времен: исторический очерк. – СПб., 1880. – Вып. 1.; Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. – М., 2012; Его же. Очерки борьбы русских с черкесами: Исторические очерки. – Екатеринодар, 1912. – Вып. 1 и др.

³¹⁹ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. – С. 232.

³²⁰ Попко И. Д. Черноморские казаки... – С. 192.

³²¹ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. – С. 185.

³²² Там же. – С. 406.

европейской культуры, своеобразно преломив их главные ценности через призму задач национального развития³²³.

Для горской интеллигенции 60-х – 70-х гг. XIX в., как и для российской, отстаивание европейских идеалов свободы являлось доминирующей чертой мировоззрения, но европеизация в ее понимании должна была привести, по утверждению С. А. Айларовой, не к разрыву в культурно-исторической преемственности Северного Кавказа, а к гармонизации либеральных форм жизни и сознания с сохранением национальной специфики местных культур³²⁴.

С точки зрения З. Я. Емтыль, генезис северокавказской национальной интеллигенции носил нетрадиционный характер, поскольку первостепенная роль в ее формировании принадлежала не социально-экономическим и культурным процессам, а сложным социально-политическим изменениям, связанным с утверждением российского господства в регионе³²⁵. В условиях адаптации к новым общественно-политическим реалиям в среде адыгов и других этнических общностей возникла потребность в выделении такой социальной группы, которая была способна выработать новые общественно значимые идеи, направленные на формирование ценностных основ их существования и дальнейшего развития. Как полагает М. А. Кошев, горская интеллигенция выступила своеобразным катализатором процесса национального самоопределения северокавказских народов и стремилась использовать благоприятный политический момент для национально-демократического развития региона³²⁶.

Местная интеллектуальная элита выступала посредником

³²³ Айларова С. А. Общественно-политическая мысль народов Северного Кавказа (XIX век): автореф. дис. ... докт. истор. наук. – Владикавказ, 2003 // URL: <http://cheloveknauka.com/obschestvenno-politicheskaya-mysl-narodov-severnogo-kavkaza> (дата обращения: 21.11.2014).

³²⁴ Айларова С. А. Проблема взаимодействия модернизирующих реформ и этнической культуры в творчестве Чаха Ахриева // URL: <http://svarkhipov.narod.ru/vip/aila.htm> (дата обращения: 12.12.2014).

³²⁵ Емтыль З. Я. Адыгская интеллигенция: история становления... – С.122.

³²⁶ Кошев М. А. Штрихи в северокавказском политическом процессе 1917 года // Кошев М. А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX – XX век). – С. 96.

между имперской властью и этническими группами в период масштабных общественных преобразований второй половины XIX века. Модернизационной идеологией, которую исповедовали представители северокавказской интеллигенции, являлось просветительство. В нем виделся главный фактор перестройки местных обществ на новых гражданских началах³²⁷.

Российско-кавказские взаимоотношения рассматривались интеллигенцией XIX века через призму просветительской теории общественного договора. Процесс вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи осмысливался, по определению С. А. Айларовой, «как исторически выстраданная форма обретения местными народами безопасности и общественного порядка, гражданственности, европейски-развитых государственных норм»³²⁸.

Проблема присоединения Кабарды к России так или иначе поднималась в работах Измаила Атажукина, Шоры Ногмова, Хан-Гирея, Адиль-Гирея, Владимира Кудашева и других представителей адыгской интеллигенции³²⁹. Они отмечали важность политической ориентации адыгов на Москву в середине XVI в., ставшей следствием военной опасности со стороны турок и крымских татар, и видели возможность дальнейшего культурного развития адыгского общества в дружбе и сотрудничестве с Российским государством.

«Полезный чиновник»³³⁰ Ш. Б. Ногмов в установлении российско-кабардинских связей особое значение придавал деятельности князя Темрюка Идарова, усилиями которого было достиг-

³²⁷ Айларова С. А. Общественно-политическая мысль...

³²⁸ Там же.

³²⁹ Атажукин Из. Краткое описание жителей горских Черкес; Записка о жителях Кавказа Большой и Малой Кабарды // К. Ф. Дзамихов. Адыги: веки истории. – Нальчик, 1994. – С. 72-102; Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. – Нальчик, 1994; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978; А.-Д. Г. Обзор последних событий на Кавказе // Военный сборник. – СПб., 1859. – №10. – С. 475-518; Его же. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный сборник. СПб., 1860. – Т. XI. – С. 273-324; Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Нальчик, 1991 и др.

³³⁰ ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

нуто соглашение 1557 года о союзе Кабарды с Московским государством³³¹.

По данным Хан-Гирея, по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Кабарда приобрела статус подданной России³³². Фактическое её завоевание автор связывает с деятельностью А. П. Ермолова, с экспедицией 1821 г., посланной в Кабарду «для выселения их аулов на равнины и очищения подножья гор от скопища грабителей, производивших набеги на русские границы»³³³.

Подполковник Казы-Гирей в своем письме и докладной записке наместнику Кавказа М. С. Воронцову подчеркивал, что только «из пользы России ... может истечь благо» для адыгов³³⁴. Офицер неоднократно заявлял о необходимости поиска мирных способов завоевания региона, благодаря которым у горцев «ослабится ненависть к русским и родится доверие»³³⁵.

Опираясь исключительно на помощь и поддержку Москвы, подчеркивал В. Н. Кудашев, «кабардинцы могут сохранить свою независимость, самостоятельность и самобытность от притязаний крымских ханов и других соседей»³³⁶. Без российского покровительства, считает автор, кабардинцы могли погибнуть, «во всяком случае, народ не достиг бы того изобилия, в каком находится теперь»³³⁷. Украинский историк Н. П. Василенко писал о В. Н. Кудашеве, что это был человек, «горевший каким-то не признанным кабардинским патриотизмом, желавший быть полезным своему народу и его культурному развитию»³³⁸, под которым представитель адыгской интеллигенции подразумевал, с одной стороны, «развитие Кабарды на национальной основе, с другой – он так сжился с Россией и с русскими, ... что хотел приобщения кабардинцев к русской культуре»³³⁹. Подобная двойственность созна-

³³¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. – Нальчик, 1994. – С. 122.

³³² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 2008. – С. 191.

³³³ Там же. – С. 192.

³³⁴ ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 14 доп. Д. 8. Л. 2.

³³⁵ ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 14 доп. Д. 8. Л. 6.

³³⁶ Кудашев В. Н. Указ. соч. – С. 46.

³³⁷ Там же. – С. 62.

³³⁸ ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 12. Д. 12. Л. 7.

³³⁹ Там же.

ния была характерна большинству представителей северокавказской интеллигенции XIX – начала XX в.

Региональная интеллектуальная элита обосновывала предпочтительность сотрудничества завоевательной политике имперских властей, призывала к поиску мирных путей в решении российско-горского конфликта. Б. Шарданов подчеркивал, что «нельзя ко всем иметь общую мерку, если азиата устрашает сила репрессий»³⁴⁰, то с черкесом дело обстоит сложнее. «Загляните к нему глубже в душу, дайте ему почувствовать, что вы его любите, и вы с ним сделаете всё»³⁴¹ – писал он.

Представители осетинской интеллигенции³⁴² также выступали против применения военных методов «покорения» региона. А. А. Гассиев подчеркивал, что «от русского общества требовалось дать направление ... богатым нравственным и умственным силам горцев, направить их к деятельности среди мирной человеческой гражданственности..., на нем лежал долг воспитать горские племена»³⁴³.

Совокупность боевых действий в 1801-1864 гг. А. Т. Цаликов³⁴⁴ определял как Черкесскую войну, которая «изгнала и уничтожила горцев, в корень разрушила их культуру»³⁴⁵. Демонстрируя смену тактических и стратегических мероприятий России по завоеванию Северного Кавказа, автор писал, что поначалу «русские ограничивались продвижением вперед оборонительной линии, ..., время от времени совершая экспедиции для «наказания» гор-

³⁴⁰ Шарданов Б. Забытый народ // Кубань. – Екатеринодар, 1906. – № 76. – С. 10.

³⁴¹ Там же.

³⁴² Ардасенов А. Г. Избранные труды. – Владикавказ, 1997; Цаголов Г. М. Просвещение горцев // Терские ведомости. – 1898. – 15 июля; Гассиев А. А. Земельно-экономическое положение туземцев и казаков на Северном Кавказе. – Владикавказ, 1909; Его же. Избранные произведения. – Владикавказ, 1992; Цаликов А. Т. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – Нальчик, 2014 и др.

³⁴³ Гассиев А. А. По части книжных древностей // Кавказ. – 1873. – № 36.

³⁴⁴ Цаликов А. Т. Избранное. – Владикавказ, 2002; Его же. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – Нальчик, 2014 и др.

³⁴⁵ Цаликов А. Т. Избранное. – С. 106.

цев»³⁴⁶, а в 1830-х гг. «эта система «репрезалий» была остановлена, и уступила место планомерному движению русских войск с проложением дорог, прорубкой просек и одновременным колонизованием закубанского края»³⁴⁷.

Исследователь балкарской истории М. К. Абаев³⁴⁸ датировал вхождение Балкарии в состав России 1827 годом, когда представители горских таубиев прибыли в Ставрополь-Кавказский к командующему российскими войсками генерал-лейтенанту Эммануэлю и подали прошение о принятии их в русское подданство³⁴⁹. Таубии выдвинули ряд условий, выполнение которых позволило бы установить добрососедские отношения с Россией, в числе которых было сохранение «их права по отношению к подвластному им населению и ... на земли, и чтобы религия и обычаи народа не были тронуты»³⁵⁰. В результате «Государь повелел принять это подданство и считать присоединенными к России эти народы»³⁵¹. Таким образом, согласно М. К. Абаеву, присоединение Балкарии к России произошло мирным, ненасильственным путем.

Ингушский историк Ч. Э. Ахриев³⁵² полагал, что благодаря установлению российской системы управления в регионе ингуши оказались в «весьма благоприятных условиях относительно своего нравственно-прогрессивного развития», результатом чего станет их постепенное приобщение к «цивилизации и гражданственности»³⁵³. Как проявление «дикости» и «невежества» характеризует автор Назрановское восстание 1858 года против осуществляемых правительством общественных преобразований и

³⁴⁶ Там же. – С. 95, 96.

³⁴⁷ Там же. – С. 96.

³⁴⁸ Абаев М. К. Балкария: Исторический очерк. – Нальчик, 1992.

³⁴⁹ Там же. – С. 22.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Там же.

³⁵² Ахриев Ч. Э. О характере ингушей // Терские ведомости. – 1871. – № 30; Его же. Этнографический очерк ингушевского народа с приложением его сказок и преданий // Терские ведомости. – 1872. – № 27-35; Его же. Ингуши (их предания, верования и поверья) // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1875. – Вып. 8. – С. 1-40 и др.

³⁵³ Ахриев Ч. Э. Этнографический очерк ингушевского народа... – № 35.

призывает своих соплеменников выйти «за пределы узкой, патриархальной жизни»³⁵⁴.

Чеченский автор У. Лаудаев³⁵⁵ «усиление» России на Северном Кавказе связывал с политикой Петра I, которому горские племена «изъявляли свою покорность». Российские власти «позволили чеченцам занять плоскость» на определенных условиях, к главным из которых относится признание вайнахами своей «покорности русскому царю», «ответственность за хищничество» и др.³⁵⁶

Таким образом, отечественные либеральные исследователи конца XVIII – начала XX века, опираясь в своих работах на идеи гуманизма, выступали против любого нарушения прав и свобод представителей той или иной этнической группы имперскими органами власти, отстаивали возможность плодотворного поиска компромиссных способов «покорения» горских обществ, альтернативных насильственным. В то же время российский либерализм, обладая сильным консервативным началом и являясь одним из источников укрепления монархической власти, представлял политику территориального расширения России как процесс неизбежный, определенный её «исторической судьбой» и позитивный для народов Центрального Кавказа и других национальных окраин.

Северокавказская интеллигенция XIX – начала XX века выполняла функцию прямого субъекта духовного производства. Без обеспечения сохранности и трансляции, упорядочивания и распространения культурных ресурсов, удержания норм и ценностей, исторической памяти было невозможно ни сохранение горских обществ, ни их адаптация к изменяющимся условиям существования в границах Российской империи. Представители национальной интеллектуальной элиты выступали за единение с Россией, видя в ней будущие перспективы развития своих народов. Их исследовательская деятельность заложила основы регионального кавказоведения.

³⁵⁴ Ахриев Ч. Э. О характере ингушей...

³⁵⁵ Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1872. – Вып. VI. – С. 1-62.

³⁵⁶ Лаудаев У. Чеченское племя... – С. 7, 8.

2.3. Отношения России и народов Терека в оценке представителей демократического течения

В середине XIX в. в отечественной историографии складывается демократическое направление, немногочисленные представители которого достаточно жестко оценивали внутреннюю политику Российского правительства вообще, и в вопросе российско-кавказских взаимоотношений в частности. Специальных работ, посвященных завоеванию Кавказа Россией, у представителей данного течения не выявлено, но по отдельным замечаниям и высказываниям можно определить их отношение к имперской политике в регионе в период Кавказской войны.

Генезис философии радикализма определялся его критическим духом, направленным на преодоление несправедливых и антигуманных феодально-крепостнических и буржуазных отношений, деспотизма государства и власти³⁵⁷. Как писал Н. А. Бердяев, «самосознание было у нас восстанием против окружающей действительности, против императорской России»³⁵⁸.

Радикализм явился специфической идейной и практической реакцией интеллигенции на процессы модернизации России, результатом противоборства бюрократии и интеллигенции в условиях отсутствия средних слоев общества³⁵⁹.

Дисциплинарная матрица демократической исторической мысли XIX – начала XX вв. обладала следующими характеристиками:

1. **Интересы.** Особенность философии демократов заключалась в ее отчетливо выраженной социальной направленности. В своих многочисленных высказываниях они призывали к демократическому переустройству российского общественного и государственного строя путем революции, что должно было привести к социальному и политическому освобождению личности,

³⁵⁷ Гуторов В. А., Ачкасов В. А. Политология. Учебник для ВУЗов. – СПб., 2005 // URL: <http://all-politologija.ru/knigi/politologiya-uchebnik-dlya-vuzov-achkasova-gutorova/osobennosti-razvitiya-russkoj-politicheskoy-misli> (дата обращения: 27.07.2015).

³⁵⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М., 1990. – С. 20.

³⁵⁹ Гуторов В. А., Ачкасов В. А. Указ. соч.

расширению ее гражданских прав и свобод, созданию условий для ее духовного развития. В сознании интеллигенции свобода личности оказывается неразрывно связанной со свободой общества или народа. В иерархии ценностей свобода народа оказывается выше свободы личности, свобода личности может приноситься в жертву народной свободе³⁶⁰.

2. **Концепты.** Радикальное крыло историографии рассматривало движение народов Северного Кавказа в русле общероссийского освободительного процесса. Видя в царском самодержавии реакционную систему и «жандарма Европы», стоявшего на пути всемирного «раскрепощения трудящихся масс», его представители считали «прогрессивной», «освободительной», «справедливой» любую борьбу, направленную против него³⁶¹.

Представители радикального течения дореволюционной историографии выступали резко против российской завоевательной политики в регионе, подчинения самодержавной власти других народов, характеризовали действия имперских властей как антигуманные и антидемократические.

3. **Методы.** В исследованиях демократического направления дореволюционной историографии нашли отражение позитивистские установки познания исторических явлений. Авторы исходили из возможности познания человеком окружающего мира с помощью чувства и разума, выделяя при этом значение природы как исходного начала познания. Но познание не сводилось к пассивному восприятию субъектом окружающего его мира, что было свойственно материализму XVIII в. Напротив, демократами всячески подчеркивалась активность сознания, тот факт, что человек не только испытывает воздействие внешнего мира, но и сам может, опираясь на разум, изменять его³⁶².

³⁶⁰ Сабурова Т. А. Взаимоотношения интеллигенции и власти в России во второй половине XIX века: опыт моделирования // URL: http://www.ihist.uran.ru/uiv/n10_11/272.html (дата обращения: 27.07.2015).

³⁶¹ Дзамихов К. Ф. Актуальные вопросы историографии Кавказской войны // Кабардино-Балкарская правда. – 2014. – 21 мая. – С. 3.

³⁶² Философия: Учебник / Под ред. проф. О. А. Митрошенкова. – М., 2002 // URL: http://society.polbu.ru/mitrosheikov_philosophy/ch22_all.html (дата обращения: 23.07.2015).

Опираясь на антропологизм Л. Фейербаха, революционеры-демократы рассматривали человека как высший результат деятельности природы. Преимущество их взглядов в том, что они в значительной степени преодолели пассивность, созерцательность прежнего материализма, сумев понять рациональный характер гегелевской диалектики, интерпретируя ее в духе материализма и сделав вывод о неизбежности прогрессивного развития общества и человека³⁶³.

4. **Формы репрезентации.** Русская революционная символика опиралась на французское просвещение и французскую революцию. В то же время в поисках высоких слов, по словам Г. Г. Хазагерова, она обращалась к церковнославянскому источнику. Работы теоретиков революционного течения историографии пронизывал бескомпромиссный дух православного «стояния за правду» для борьбы с властью, для утверждения идей «вольности и прав»³⁶⁴. Революционная символика в середине XIX века обогатилась концептом «народность». Во времена А. С. Пушкина и В. Г. Белинского под народностью еще понималось то, что сегодня обозначается как национальная специфика, менталитет народа. Со времен же Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского «народность» воспринимается как близость к простому народу, который с этих пор настойчиво противопоставляется «верхушке». В символику, гомилетику и ораторику революционного мышления активно входил концепт «политического просвещения», предполагавшего пропаганду революционных идей в обществе³⁶⁵.

5. **Функции.** Демократическое направление дореволюционной исторической мысли было немногочисленным по своему составу, но своей активностью, политической заостренностью, влияло на формирование общественного мнения по наиболее актуальным вопросам того времени. Исследования представителей данного течения выполняли функцию пропаганды общественной борьбы с имперским строем и его институтами, индустриального развития и демократизации политической жизни стра-

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Хазагеров Г. Г. Указ. соч.

³⁶⁵ Хазагеров Г. Г. Указ. соч.

ны. Демократы создали идеологическую основу революционного движения в стране.

Известный ученый, философ, гуманист Ю. А. Жданов полагает, что Кавказ сыграл важную роль в развитии русского освободительного движения, становлении «свободолюбивых черт и идей» в сознании отечественной интеллигенции. По его словам, «свободолюбие горцев, их непреклонность перед внешним насилием возбуждали встречный, ответный ток в сердцах лучших русских людей»³⁶⁶, в числе которых были А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и др. Здесь побывали ссыльные декабристы, знаменитые писатели и поэты, для которых Кавказ стал источником вдохновения. По выражению В. Г. Белинского, «Кавказ сделался для русских заветною странкою не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, странкою кипучей жизни и смелых мечтаний»³⁶⁷. Н. П. Огарев писал, что на Кавказе с первой четверти XIX века «не исчезал приют русского свободомыслия, где, по воле правительства, собирались изгнанники»³⁶⁸.

Одним из первых свою позицию в отношении российской политики на Северном Кавказе высказал поэт, государственный и общественный деятель А. С. Грибоедов. Он призывал властей, не прибегать к насилию, не навязывать горским обществам не соответствующих их «нравам и обычаям законов, которых никто не понимает и не принимает»³⁶⁹, предлагал сохранить местные органы управления и судопроизводства с условием присутствия в них депутатов, назначенных российским правительством³⁷⁰.

Философ, публицист, активный борец против самодержавия А. И. Герцен откровенно выражал свою ненависть к императору Николаю I «за бесцеремонность его деспотизма», называл период его правления «мрачной» эпохой, «которая торжественно откры-

³⁶⁶ Жданов Ю. А. Кавказ в традициях русской культуры // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Gdan_Kavkaz.php (дата обращения: 17.11.2014).

³⁶⁷ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. – М., 1955. – Т. 7. – С. 373.

³⁶⁸ Огарев Н. П. Кавказские воды. – М., 2010. – С. 16.

³⁶⁹ Грибоедов А. С. Сочинения. – Л., 1945. – С. 510.

³⁷⁰ Там же.

лась виселицами, шествуя вперед, утопая в крови и слезах Польши и Кавказа»³⁷¹.

С точки зрения автора, для российского монарха война являлась единственным средством приобрести популярность и сохранить свою власть³⁷². Кавказскую войну он считал бессмысленной³⁷³, истощавшей силы народа и не дававшей «взамен ничего, кроме множества калек и несколько лубочных картин, представляющих генералов, лошадей, трупы и дым»³⁷⁴. А. И. Герцен утверждал, что российское общество, «сильно падавшее, оставалось равнодушным, хотя и было меньшинство», воспитанное в духе европейских ценностей, которое «радовалось неудачам» генералов в регионе³⁷⁵. При этом философ признавал несправедливым отождествлять русский народ, на который он возлагал большие надежды в осуществлении революции, с российским правительством. «За петербургскими декорациями», по его словам, «народа было не видать и не слышать, а слышался барабан и официальный говор, виделись штыки и писаря»³⁷⁶.

Русский мыслитель и революционер М. В. Буташевич-Петрашевский предпринимал попытки распространения революционных идей, в том числе среди черкесов, проживавших в Петербурге. Он подчеркивал, что «война России с Кавказом не есть желание народа, а только политика правительства»³⁷⁷.

Позиция революционера-демократа Н. Г. Чернышевского по проблеме «покорения» Кавказа ярко продемонстрирована в его

³⁷¹ Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том тринадцатый. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1857-1858 годов. – М., 1958. – С. 141, 142.

³⁷² Там же. – С. 199.

³⁷³ Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том седьмой. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851-1852 годов. – М., 1956. – С. 182.

³⁷⁴ Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том четырнадцатый. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859-1860 годов. – М., 1958. – С. 98.

³⁷⁵ Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том семнадцатый. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1863 года. – М., 1959. – С. 94.

³⁷⁶ Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том четырнадцатый... – С. 11.

³⁷⁷ Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. – М., 1922. – С. 136, 137.

высказывании: «Удерживать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны – это гнусно»³⁷⁸. По мнению философа, любая война, преследующая цель «завоевание или перевес над другими нациями, не только безнравственна и бесчеловечна, но также положительно невыгодна и вредна для народа», независимо от ее результатов³⁷⁹.

Представитель демократического направления отечественной исторической мысли, публицист Н. А. Добролюбов проанализировал особенности имперской политики на Северном Кавказе, вызвавшей «ненависть свободных горских племен к русскому владычеству»³⁸⁰. В частности, А. П. Ермолов, по его версии, «умел раздроблять силы врагов и ослаблять их, ... не жертвуя русскими войсками», а «ссора их между собою»³⁸¹.

Затяжной характер война приобрела, с точки зрения автора, по нескольким причинам: во-первых, «ненависть к чужому господству» всегда была сильна в северокавказских народах; во-вторых, российское «управление на Кавказе не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями», «не вникало в дух народа» и не стремилось к привлечению «обитателей на свою сторону», воспринимая их «покоренными издавна и окончательно»³⁸². Усложняло российско-кавказские взаимоотношения, как считает Н. А. Добролюбов, также «неустройство управления и проистекающая оттуда неясность отношений покоренных к завоевателям»³⁸³.

После окончательного завоевания Центрального и Восточно-

³⁷⁸ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. – М., 1951. – Т. 10. – С. 302.

³⁷⁹ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. – М., 1949. – Т. 6. – С. 105.

³⁸⁰ Добролюбов Н. А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений в девяти томах. Том пятый. Статьи и рецензии (июль – декабрь 1859). – М., Л., 1962. – С. 434.

³⁸¹ Там же. – С. 433.

³⁸² Добролюбов Н. А. О значении... – С. 434, 435.

³⁸³ Там же. – С. 439.

го Кавказа в 1859 г. предстояло совершить «обрусение Кавказа», его «цивилизацию», которая станет новым периодом борьбы. Главная задача российского руководства заключается в том, чтобы вызвать у местных народов «любовь к общему благу и требовать дружного содействия к интересам родной страны»³⁸⁴. Как полагал философ, завоевать доверие горцев возможно только с помощью значительного улучшения их быта и установления «в покоренной стране правильной, честной и благожелательной администрации, – не для собственных видов покорителей, но в интересах самих покоренных племен»³⁸⁵, поскольку там, где новое руководство «ставит себя в не совсем честное отношение к народу..., начинаются волнения... гибельные для страны»³⁸⁶.

Идеолог бунтарского направления в народничестве М. А. Бакунин подчеркивал, что в течение «многих десятков лет Кавказ служил военной школою» для имперской армии³⁸⁷. Мыслитель осуждал завоевательную политику России, которая проводилась под лозунгом внесения «цивилизации Запада на Восток»³⁸⁸. Подобное объяснение военных действий на Кавказе, в Средней Азии, с его точки зрения, было неубедительным и годилось лишь «для академических или официальных речей», «доктринерных книг, брошюр и журналов, всегда наполненных возвышенным вздором и говорящих всегда противное тому, что делается и что есть»³⁸⁹. По выражению автора, у человека, «сколько-нибудь знакомого с природою и с побуждениями» российских правителей, утверждение о том, что петербургское правительство руководствуется «в своих предприятиях и действиях сознанием цивилизаторского назначения России», может вызвать только смех³⁹⁰.

Революционер-демократ К. Л. Хетагуров³⁹¹ утверждал, что

³⁸⁴ Там же. – С. 449.

³⁸⁵ Там же. – С. 451.

³⁸⁶ Там же. – С. 450.

³⁸⁷ Бакунин М. А. Избранные сочинения. – М., 2014. – Т. 1. – С. 147.

³⁸⁸ Там же. – С. 146.

³⁸⁹ Бакунин М. А. Избранные сочинения. – С. 146.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Хетагуров К. Л. Неурядицы Северного Кавказа // URL: http://hetagurov.ru/tvorchestvo/proza/publicistika/Neuriadicy_Severnogo_Kavkaza.htm (дата обращения: 12.12.2014); Его же. Собрание сочинений. – Дзауджикау, 1951. – Т. 1-3 и др.

если Россия «преследует всестороннее приобщение туземцев Северного Кавказа к общегосударственному организму и его культуре, то практикуемые до сих пор для этого меры ведут к совершенно противоположным результатам»³⁹². Главную причину долгого «неповиновения» горских народов он видел в их стремлении «сохранить свою духовно-нравственную самобытность, и потому каждое мероприятие русской власти, направленное против таковой, они встречали с большим неудовольствием»³⁹³. Начало XIX века К. Л. Хетагуров считал периодом окончательного присоединения осетин к России³⁹⁴, ставшего результатом их военных столкновений с имперской армией.

Философы К. Маркс и Ф. Энгельс в своей переписке высказывали отношение к завоеванию Россией Кавказа. В частности, К. Маркс в 1864 г. в одном письме писал другу: «Чрезвычайный шаг, предпринятый в настоящее время русскими на Кавказе, – шаг, на который Европа взирает с идиотским равнодушием, почти вынуждает их закрывать глаза на то, что делается на другой стороне, а также облегчает им такую возможность»³⁹⁵. Подавление восстания в Польше и «овладение Кавказом» он считал «самыми серьезными европейскими событиями» с 1815 г.³⁹⁶ Ф. Энгельс признавал, что Россия действительно играет «прогрессивную», «цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей...»³⁹⁷.

Основатель СССР В. И. Ленин в своих дореволюционных работах проанализировал национальную политику Российской империи, которую называл «тюрьмой народов»³⁹⁸. С его точки зрения, форма правления и государственно-территориального устройства России исключала «свободу и равноправие национальностей, будучи кроме того главным оплотом варварства,

³⁹² Хетагуров К. Л. Неурядицы Северного Кавказа...

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Хетагуров К. Л. Собрание сочинений. – Т. 3. – С. 517.

³⁹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1963. – Т. 30. – С. 335.

³⁹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 30. – С. 335..

³⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Предметный указатель ко второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (40-50 тома). – М., 1986. – С. 241.

³⁹⁸ Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 26. Июль 1914 – август 1915. – М., 1969. – С. 107.

зверства и реакции как в Европе, так и в Азии»³⁹⁹. Возможность свержения монархии он связывал с объединением «пролетариата всех наций России», способных «на революционную борьбу»⁴⁰⁰ за территориальную автономию⁴⁰¹.

Автор выделил признаки, в соответствии с которыми какая-либо окраина могла быть определена как колония. В их числе наличие, во-первых, «незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам»; во-вторых, «сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия»⁴⁰². В соответствии с указанными критериями Кавказ являлся, по мнению В. И. Ленина, колонией Российской империи, «экономическое завоевание» которой завершилось «гораздо позднее, чем политическое»⁴⁰³.

В пореформенный период, по словам вождя революции, имперский капитализм «втягивал Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности – остаток старинной патриархальной замкнутости», создавая новые рынки для продукции российских фабрик⁴⁰⁴. В результате горские общества, стоявшие «в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории», превратились «в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы» и пр., а «господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея»⁴⁰⁵. Произведения В. И. Ленина являются одними из наиболее ценных историографических источников дореволюционного периода, оказавших большое влияние на развитие российской исторической науки последующих десятилетий.

³⁹⁹ Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 23. Март – сентябрь 1913. – М., 1973. – С. 316.

⁴⁰⁰ Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу... – С. 316.

⁴⁰¹ Там же. – С. 321.

⁴⁰² Ленин В. И. Развитие капитализма в России. – М., 2012. – С. 512.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Ленин В. И. Развитие капитализма... – С. 513.

⁴⁰⁵ Там же.

Характер и проблематика исследований в имперский период определялись как внутренней логикой развития самой исторической науки, так и внешними факторами ее существования. С началом военных действий в регионе наблюдается интенсивное изучение истории и культуры народов Центрального Кавказа с целью выстраивания стратегии и тактики Российской политики в отношении горцев. Имперская территориальная экспансия воспринималась большинством исследователей как неизбежный исторический процесс.

Познавательный интерес представителей консервативного, либерального и демократического направления отечественного кавказоведения был обусловлен разными причинами. Официальная историография, отстаивавшая имперские интересы, осуществляла поиск наиболее эффективных военных и административных способов управления национальными окраинами. Авторы либерального направления, изучавшие особенности характера и менталитета северокавказских народов, являлись противниками насилия в российско-горском противостоянии. Демократы призывали к «революционной борьбе» с имперской системой власти и её институтами.

Исследователи конца XVIII – начала XX вв., по-разному оценивая и характеризуя государственную политику в регионе, единогласно определяли процесс российско-кавказского исторического взаимодействия как сочетание добровольного и взаимовыгодного «подданства» на начальном этапе взаимоотношений и принудительной «колонизации» во второй половине XVIII – середине XIX вв. Большинство исследователей полагали, что в 1557 г. Кабарда приняла российское подданство, международно-правовое оформление которого произошло только в 1774 году благодаря Кючук-Кайнарджийскому договору. Окончательное вхождение Кабарды в состав России историки связывают с деятельностью А. П. Ермолова и датируют первой четвертью XIX в. Русско-балкарские взаимоотношения в XVIII в. определяются как мирные и процесс присоединения Балкарии, т. е. ее «добровольного подданства», считается завершенным в 1827 г. Включение Северной Осетии в состав Российской импе-

рии по одним данным состоялось в конце XVIII века, по другим – в 1830 г. Включение Ингушетии в состав России, согласно исследованиям конца XVIII – начала XX вв., было осуществлено если не мирным, то куда менее кровопролитным путем, чем «покорение» Чечни в результате Кавказской войны. В качестве даты, когда обозначенный процесс был завершен, авторами рассматриваются 1770, 1810, 1830 гг. – для ингушского народа, и 1858-1859 гг. – для чеченского.

Работы дореволюционных авторов представляли собой результат творческих наблюдений, имевших научно-исследовательский характер ввиду использования исторических источников, летописей, архивных и печатных материалов. Романтизм, господствовавший в первой трети XIX в. в Западной Европе и России, изменил проблематику кавказоведческих исследований, привел к более глубокому изучению социальных сюжетов. Историзм, предполагавший анализ любого явления в связи с конкретно-историческими условиями его существования, постепенно становился философской основой науки. В середине XIX в. происходит профессионализация сферы научного изучения Северного Кавказа, растет влияние позитивистской теории на процесс исследования прошлого и настоящего горских обществ.

Созданные в имперский период труды послужили важной основой для дальнейшего развития отечественного кавказоведения и являются ценнейшими историческими и историографическими источниками, не потерявшими своего значения и для современной науки. Дореволюционные исследования, на наш взгляд, характеризуются меньшей степенью идеологизированности, чем новейшая историография, которая превратилась в важный инструмент национальной и социальной политики и испытывает постоянное давление со стороны государственных и общественных структур.

Глава 3. ДОСТИЖЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ИЗУЧЕНИЯ ВХОЖДЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

3.1. Становление и развитие марксистской историографии российско-кавказского исторического взаимодействия в 1920-х – середине 1950-х гг.

Идейно-политические реалии жизнедеятельности государства всегда оказывают заметное влияние на историографию. Изменяется только интенсивность этого воздействия на внутренний мир науки и сфера его охвата, которые находятся в прямой зависимости от политического режима и социальной обстановки в той или иной стране. В советской историографии, с точки зрения Л. П. Репиной, идейно-политическая составляющая вышла на первый план⁴⁰⁶.

Как отмечает Т. А. Булыгина, история исторической науки в советском обществе непосредственно вписывалась в историю формирования и функционирования новой государственной и интеллектуальной элиты и советской номенклатуры. Историческая мысль находилась и взаимодействовала с социокультурным пространством советского общества, была объектом и субъектом властных решений⁴⁰⁷. Но вместе с тем она развивалась по законам науки, накапливая источники и совершенствуя научный инструментарий обработки фактологического материала.

С 1920-х годов начинает проявляться сильное давление на историческое сознание со стороны государственных, политических структур с целью придания ему нужной политико-идеологической направленности⁴⁰⁸. Все научные, культурно-просве-

⁴⁰⁶ Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М., 2004. – С. 221.

⁴⁰⁷ Булыгина Т. А. Отечественная историография в 20-е годы XX века: продолжение и разрыв традиций // Харьковский историографический сборник. – Харьков, 2006. – Вып. 8. – С. 106.

⁴⁰⁸ Свирида Н. Н. Специфика исторического сознания советского общества: культурно-философский контекст // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2011. – Вып. 20. – С. 51.

тельные учреждения, печать, радио и другие очаги культуры были призваны вести идеологическую работу среди населения⁴⁰⁹.

Осуществлялась активная государственная политика в деле трансформации старой системы исторического образования и научно-исследовательской деятельности на новых основах. Первоначальная задача, решаемая в рамках становления нового марксистского облика исторической науки – это марксистизация преподавания в высшей школе, которая в начале 1920-х гг. выглядела как попытка, направленная на «прерывание» старой историко-научной традиции, введение обществоведческих начал, понижение статуса исторического знания⁴¹⁰.

В 1919 г. были ликвидированы историко-филологические и юридические факультеты университетов и образованы факультеты общественных наук (ФОНы), главной функцией которых стало распространение идей научного социализма и ознакомление широких масс с переменами в общественно-политическом строе России⁴¹¹.

Важным условием превращения марксизма в государственную идеологическую доктрину было формирование новых институтов исторической науки. Уже в октябре 1921 года начал свою работу Институт красной профессуры (ИКП), специальное высшее учебное заведение ЦК ВКП (б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в вузах⁴¹². Наряду с этой целенаправленной работой по созданию фундамента марксистской исторической науки, исследователи отмечают ряд негативных факторов, которые начинают

⁴⁰⁹ Наков М. К. Об идеологической работе в республике // Ученые записки КБНИИ. – Нальчик, 1947. – Т. II. – С. 4.

⁴¹⁰ Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX в. Учебное пособие. – Омск, 2001 // URL: <http://cornholio.narod.ru/history6/chapter5par2.htm> (дата обращения: 12.02.2015).

⁴¹¹ Козлова Л. А. «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933-1935 годы // URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj2-01koz.html> (дата обращения: 15.02.2015).

⁴¹² Козлова Л. А. Институт красной профессуры (1921-1938 годы): Историкографический очерк // URL: http://www.intellect-invest.org.ua/content/userfiles/files/social_history_pedagogic/material_zagalni/Kozlova_IPK.pdf (дата обращения: 15.02.2015).

деформировать представления о прошлом. В 1930 году, с переходом Академии наук к составлению комплексного плана научных исследований⁴¹³, с открытием в 1935-1936 гг. Института истории АН СССР, полагает П. К. Урбан, относительная свобода научного творчества, существовавшая в первое десятилетие советской власти, была постепенно ликвидирована⁴¹⁴.

Пройдя сложный путь становления в имперский период, историческая наука Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии обрела в 20-е годы XX века новые методологические основы и организационные формы. Ее развитие происходило в непосредственной связи со «строительством социализма» в СССР – от небольших газетных и журнальных статей к крупным обобщающим работам и монографическим исследованиям ключевых проблем региональной истории⁴¹⁵.

В 1917 г. в системе Российской академии наук был создан первый региональный исследовательский центр – Кавказский историко-археологический институт. В мае – июне 1920 г. на территории освобожденного Северного Кавказа возобновили работу экспедиции Академии Наук⁴¹⁶.

Несмотря на отсутствие необходимой материально-технической базы, достаточного числа квалифицированных специалистов для организации и ведения научно-исследовательской работы, в мае 1920 г. в г. Владикавказе был создан Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт краеведения с отделениями в Москве и Ленинграде. Он просуществовал до 24 ноября 1926 г., когда распался по автономным областям⁴¹⁷. К

⁴¹³ Создание фундамента социалистической экономики в СССР (1926-1932 гг.). – М., 1977 // URL: http://www.libma.ru/istorija/sozdanie_fundamenta_socialisticheskoi_yekonomiki_v_ssr_1926_1932_gg/p16.php (дата обращения: 14.02.2015).

⁴¹⁴ Урбан П. К. Смена тенденций в советской историографии. Исследования и материалы. – Мюнхен, 1959. – Серия 1. – Вып. 44. – С. 6.

⁴¹⁵ Мамбетов Г. Х. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии // Торжество ленинской национальной политики: (материалы научной конференции). – Нальчик, 1983. – С. 156.

⁴¹⁶ Есаков В. Д. От императорской к российской Академии наук в 1917 г. // Отечественная история – 1994. – № 6. – С. 129.

⁴¹⁷ Кузьминов П. А. Эпоха преобразований 50-70-х годов XIX века... – С. 43.

началу 1930-х гг. в регионе уже функционировали Дагестанский, Ингушский, Чеченский, Северо-Осетинский, Адыгейский, Карачаевский, Черкесский, Кабардино-Балкарский и Горский НИИ. В программу их приоритетных научных задач входили изучение и анализ предпосылок, причин и последствий завоевания Кавказа, национально-освободительной борьбы горцев в XIX в.⁴¹⁸

Как подчеркивает Э. А. Шеуджен, на смену отдельным энтузиастам, на свой страх и риск ведущим исследования по истории и этнографии народов Северного Кавказа в дореволюционный период, пришла планомерная работа научно-исследовательских учреждений⁴¹⁹. Первое десятилетие «новой эпохи», по её мнению, несмотря на объективные трудности стало «золотым веком» для северокавказского краеведения: складывалась его структура, происходило интенсивное накопление источников, развивалась исследовательская проблематика, широко издавались периодические издания. К определяющим факторам «бурного развития краеведения» историк относит подъем общекультурного уровня населения, организацию научными центрами страны историко-этнографических экспедиций, повышение внимания общественных организаций к культурно-экономическим и национально-бытовым проблемам горских народов. Наиболее распространенным типом научных учреждений стали краеведческие организации (общества, музеи, институты)⁴²⁰.

Объединить усилия этнографических учреждений и краеведческих организаций, по словам П. А. Кузьмина, был призван созданный в 1933 г. Институт антропологии и этнографии, преобразованный в 1937 г. в Институт этнографии АН СССР, ставший научным и координационным центром по изучению малых народов Советского Союза⁴²¹.

16 мая 1934 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление об историческом образовании. Впервые на высшем партийном и государственном уровне была отмечена исключительная

⁴¹⁸ Алиев У.Д. Национальный вопрос и интернациональная культура в Северо-Кавказском крае. – Ростов-на-Дону, 1926. – С. 46.

⁴¹⁹ Шеуджен Э. А. Адыги (черкесы) в пространстве... – С. 204.

⁴²⁰ Там же. – С. 205.

⁴²¹ Кузьминов П. А. Эпоха преобразований 50-70-х годов XIX века... – С. 40.

роль исторической науки в идейно-политическом воспитании масс, в формировании у них марксистско-ленинского мировоззрения⁴²².

С середины 30-х гг. XX в. стали происходить важные изменения в сфере исторической науки и образования. Теория построения социализма в отдельно взятой стране окончательно сменила ранее доминировавшую идею мировой революции. Колоссальные изменения во всех сферах жизни общества сопровождались мощной идеологической кампанией, целью которой являлась переоценка прошлого Российского государства и его взаимоотношений с народами, вошедшими в состав Советского Союза⁴²³. В годы Великой Отечественной войны ученые-историки принимали самое активное участие в мощной антифашистской агитационно-патриотической кампании, поддерживали у советских людей с помощью множества исторических аналогий и примеров веру в победу⁴²⁴.

Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие претерпел трансформацию в направлении от космополитически революционного к национально-имперскому⁴²⁵. Произошли важные изменения в партийно-идеологических подходах к освещению колониальных процессов⁴²⁶ на территории России. В 1947 г. во время обсуждения доклада Х. Г. Аджемьяна о движении Шамиля историк Н. М. Дружинин подчеркнул, что, несмотря на колониальные цели царизма, присоединение «более отсталых народов к Российской империи» имело для них «объективно прогрессивные результаты»⁴²⁷.

⁴²² Хутуев Х. И., Сабанчиев Х.-М. А. Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт... – С. 8.

⁴²³ Кузьминов П. А. Эпоха преобразований 50-70-х годов XIX века... – С. 48.

⁴²⁴ Гордина Е. Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // URL: <http://pish.ru/articles/articles2010/648> (дата обращения: 20.07.2015)

⁴²⁵ Корзун В. П., Колеватов Д. М. Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2010. – Вып. 33. – Ч. 1. – С. 78.

⁴²⁶ Воропаев В. В. Указ. соч. – С. 172.

⁴²⁷ Закс А. Историческая наука в СССР. Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. – 1947. – № 11. – С. 138.

Кульминацией назревшей в 1940-е гг. тенденции явилась опубликованная в главном партийном журнале «Большевик» статья М. Д. Багирова⁴²⁸, первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана⁴²⁹, с тезисом о прогрессивной роли присоединения Кавказа к России в экономическом и культурном развитии «отсталых горских народов»⁴³⁰, который под давлением партийных идеологов в 50-х гг. XX в стал доминировать в науке.

В 1920-х – середине 1950-х годов дисциплинарная матрица историографии российско-кавказских взаимоотношений в средневековье и новое время выглядела следующим образом:

1. **Интересы.** Главная идеологическая задача, стоявшая перед советским руководством в первые годы существования СССР, заключалась в дискредитации свергнутого политического режима и подчеркивании выдающегося значения завоеваний Октябрьской революции⁴³¹. Демонстрация откровенной неприязни к имперской политике была характерна практически для всех исторических работ 1920-х – первой половины 1930-х годов. Как отмечает Майкл Бейджент: «Победители имеют свойство переписывать историю по своему образу и подобию. Они понимают, что контроль над информацией и ее интерпретация – это контроль над общественным мнением»⁴³². Воспитание в духе патриотизма требовало обращения к историческому прошлому⁴³³. Вся научно-исследовательская работа была подчинена «задачам

⁴²⁸ Багиров М. Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. – 1950. – № 13. – Июль. – С. 21-37.

⁴²⁹ Тлепчок Р. А. Исторический опыт развития народов Северного Кавказа в составе Российской империи в период реформ 1860-х – начала 1880-х гг.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Москва, 2011 // URL: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-istoriya/a90.php> (дата обращения: 12.04.2015).

⁴³⁰ Багиров М. Д. Указ. соч. – С. 21, 22.

⁴³¹ Максимчик А. Н. Аспекты присоединения Северного Кавказа к России... – С. 31.

⁴³² Бейджент М. Запретная археология. – М., 2004 // URL: http://sv-rasseniya.narod.ru/booki/Ancient_Traces/21.html (дата обращения: 15.05.2013).

⁴³³ Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/otechhistory/1994/3/143-158.pdf> (дата обращения: 12.01.2015).

партии»⁴³⁴, в числе которых «усиление интернационального воспитания партийных и беспартийных масс», а также организация «сокрушительного отпора проявлениям великодержавного шовинизма и местного национализма»⁴³⁵.

Начиная с 1934 г. общее положение в исторической науке несколько изменилось. По распоряжению И. В. Сталина ученые приступили к пересмотру целого ряда проблем отечественной истории⁴³⁶. Во второй половине 1930-х гг. были изданы различные постановления СНК, ЦК ВКП (б) и иные официальные документы⁴³⁷, которые требовали корректировки прежних подходов и идеологических направлений в советской исторической науке.

Идея об «абсолютном зле», выполнявшая на первых порах функцию дискредитации имперского режима и легитимации советской власти, была не способна решить вставшую перед руководством задачу историко-идеологического обоснования дальнейшего укрепления СССР, сохранения общественной и межнациональной стабильности в стране. Необходимая для патриотического воспитания пропаганда положительной роли России в цивилизационном развитии населяющих ее малых народов могло выглядеть как оправдание имперской политики в регионе, что исключалось конъюнктурой. Поэтому переход к менее жестким научным формулировкам осуществлялся постепенно.

⁴³⁴ Бочаров Ю. Задачи преподавания истории // Историк-марксист – 1934. – Т. 3. – С. 92.

⁴³⁵ Постановление Севкавказкрайкома ВКП (б) от 16 мая 1932 г. о журнале «Революция и горец» // Революция и горец. – 1932. – № 2-3. – С. 4-5; Выровнять фронт социалистического строительства // Революция и горец. – 1932. – № 4. – С. 11-12.

⁴³⁶ Гордина Е. Д. Указ. соч.

⁴³⁷ Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 15.05.1934 «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // URL: <http://istmat.info/node/40824> (дата обращения: 12.01.2015); На фронте исторической науки. В Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП (б). – М., 1936; Замечания товарищей Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспектов учебников по Истории СССР и Новой истории // Полярная правда. – 1936 г. – 28 января; Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР // Правда. – 1937. – 22 августа; О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)» // Правда. – 1938. – 15 ноября и др.

2. Концепты обозначения. В центре внимания ученых в первые десятилетия советской власти было разоблачение колониальной политики самодержавия⁴³⁸, связанного, в первую очередь, с работами историка М. Н. Покровского⁴³⁹, которого многие исследователи считают одним из родоначальников советской исторической науки. Его концепция отразилась в безальтернативной формуле «абсолютного зла»⁴⁴⁰, в соответствии с которой Российская империя была объявлена «тюрьмой народов»⁴⁴¹, а процесс вхождения народов Кавказа в её состав трактовался как результат грубого завоевания метрополией свободных горцев. Причины продвижения России на Кавказ рассматривались авторами в духе теории «торгового капитала» М. Н. Покровского, в соответствии с которой имперская внешняя политика была направлена на открытие новых торговых путей, приобретение богатых ресурсами территорий и новых рынков сбыта⁴⁴².

Идейное вдохновение историки черпали также в публикациях И. В. Сталина⁴⁴³. Российская политика в регионе, по его утверждению, основывалась на стремлении «убить среди них (горцев. – А. Ж.) зачатки всякой государственности, калечить их культуру...»⁴⁴⁴.

Жюри правительственной комиссии 1937 года по конкурсу

⁴³⁸ История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года...

⁴³⁹ Покровский М. Н. Внешняя политика (1914-1917 гг.). Сборник статей. – М., 1918; Его же. Русская история в самом сжатом очерке. – М., 1933; Его же. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. статей. – М., 1923 и др.

⁴⁴⁰ Брежнева С. Н. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России: вторая половина XIX в. – начало XXI в.: дис. ... д-ра истор. наук. – М., 2005 // URL: <http://www.dissercat.com/content/istoriografiya-problemy-prisoedineniya-turkestanskogo-kрая-k-rossii-vtorv>. (дата обращения: 30.01.2015).

⁴⁴¹ Ленин В. И. К вопросу о национальной политике // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – М., 1969. – Т. 25: Март – июль 1914 г. – С. 66.

⁴⁴² Рубинштейн Н. М. Н. Покровский – историк внешней политики // Историк-марксист. – 1928. – Т. 9. – С. 60.

⁴⁴³ Сталин И. В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Правда. – 1920. – 10 октября; Его же. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП (б), утвержденные ЦК партии // Правда. – 1921. – 10 февраля; Его же. Марксизм и национально-колониальный вопрос. – М., 1934 и др.

⁴⁴⁴ Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. – С. 69, 70.

на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы потребовало от авторов-составителей изменения концепции, рассматривавшей процесс вхождение Украины и Грузии в состав России с позиции «абсолютного зла»⁴⁴⁵. Эти установки стали переломным моментом в развитии советской историографии формирования Российского многонационального государства. Научные оценки характера и итогов вхождения той или иной территории в состав России стали менее категоричными.

Разработка новой концепции присоединения народов Северного Кавказа к России как «наименьшего зла» началась с обвинения в несостоятельности теории М. Н. Покровского о характере формирования Российского имперского государства. С точки зрения А. Л. Попова, в «кривом зеркале» М. Н. Покровского завоевание Кавказа выглядит «как продолжение русских походов в Персию начала XIX века», как вспомогательная стратегическая операция, предпринятая российским военным командованием в ходе Русско-иранских войн⁴⁴⁶. Подобная трактовка имперской политики в регионе «подменяет анализ реальных интересов и целей, какие преследовала Россия на Кавказе». Отсюда, по словам А. Л. Попова, и «вульгаризация» проблемы⁴⁴⁷.

Историки-кавказоведы, как и ученые других регионов, постепенно стали отходить от идеи «абсолютного зла», заменяя ее концептом «наименьшее зло»⁴⁴⁸. Суть его заключалась в том, что для большинства этносов в составе Российской империи процесс присоединения к ней был, несомненно, злом, но злом «наименьшим», чем альтернатива «быть поглощенным» «отсталой» Османской империей, Персией или перспектива «колониального владычества» Англии⁴⁴⁹.

⁴⁴⁵ Постановление жюри правительственной комиссии... // Правда. – 1937. – 22 августа.

⁴⁴⁶ Попов А. Л. Внешняя политика самодержавия в XIX в. в «кривом зеркале» М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. – М.; Л., 1940. – С. 306.

⁴⁴⁷ Там же. – С. 309.

⁴⁴⁸ Барабой А. К вопросу о причинах присоединения Украины к России в 1654 году // Историк-марксист. – 1939. – № 2. – С. 109.

⁴⁴⁹ Черноус В. В. Отечественная историография народно-освободительных движений...

3. Методы. Главным направлением утверждения новой концепции исторической науки в России стала борьба за марксизм в качестве теоретической и методологической основы изучения мировой и отечественной истории. Она охватила все отрасли и разделы исторической науки⁴⁵⁰. На первых порах многие историки «притирались» к возможному применению учения о классовой борьбе путем его наложения на комплекс вопросов, связанных с причинами, целями, характером и итогами территориального роста Российской империи и реакцией на эти процессы многочисленных «угнетенных» народов⁴⁵¹.

С середины 30-х гг. XX в. осуществлялся поиск нового теоретического подхода в рамках марксистско-ленинской методологии, который позволил бы решить задачу, поставленную перед историками на заседании Совнаркома и ЦК ВКП (б): «Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме ... учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя связанное изложение ... отвлеченными социологическими схемами»⁴⁵², что «неминуемо приводит к упрощенству, вульгаризации и к политическим ошибкам»⁴⁵³. Эти обвинения были направлены, прежде всего, против научных взглядов М. Н. Покровского, который, по мнению некоторых историков, «гнал за парадоксальными аналогиями между прошлым и современностью, что приводило к модернизации истории»⁴⁵⁴. С точки зрения Е. Ярославского, ошибочно считать торговый капитал «стержнем всей русской истории»⁴⁵⁵. В

⁴⁵⁰ Алексеева Г. Д. История. Идеология. Политика. (20-30-е гг.) // Историческая наука России в XX веке. – М., 1997. – С. 80.

⁴⁵¹ Максимчик А. Н. Аспекты присоединения Северного Кавказа к России... – С. 31.

⁴⁵² Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 15.05.1934 «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // URL: <http://istmat.info/node/40824> (дата обращения: 12.01.2015).

⁴⁵³ Панкратова А. Сталин и исторический фронт // Историк-марксист. – 1940. – Книга 1. – С. 24.

⁴⁵⁴ Ярославский Ем. Антимарксистские извращения и вульгаризаторство так называемой «школы» Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. – М.; Л., 1940. – С. 9.

⁴⁵⁵ Там же. – С. 12.

политике царизма были «разнообразные оттенки, которые нельзя игнорировать»⁴⁵⁶.

4. **Формы репрезентации.** Г.Г. Хазагеров определяет большевистскую агитацию как революционную ораторику⁴⁵⁷, которая требовала достаточного уровня красноречия. Агрессивная и энергичная риторика В.И. Ленина оказала большое влияние на характер публицистических и научных текстов раннего советского периода. Для его речей были характерны градации, антитезы и резкая, пейоративная лексика⁴⁵⁸ («тюрьма народов», «эксплуататоры и лицемеры», «паразиты, вскормленные капитализмом» и др.).

Эталонном красноречия для историков в последующем стали тексты И.В. Сталина, риторика которого постепенно ослабляла в себе «революционное» начало и усиливала консервативные тенденции («прогрессивное влияние передовой русской нации») ⁴⁵⁹.

На смену прежней ораторике пришла советская гомилетика – проповедь советского образа жизни – и советская дидактика – массовое обучение народа «политграмоте»⁴⁶⁰, поскольку «невежество и темнота – самый опасный враг Советской власти»⁴⁶¹. Никакой другой политической символики, кроме советской, не воспроизводилось, никакой другой политической агитации, кроме советской, не велось. «Властители дум» превратились в «инженеров человеческих душ», которые тиражировали символику и боролись с «ересью» в науке и культуре. Риторика Сталина в области дидактики разрасталась до целых учебных программ, яркий пример которой «Краткий курс истории ВКП (б)»⁴⁶².

5. **Функции.** По М. Веберу, наука – это способ рационализации социального действия. Эта общественная востребованность

⁴⁵⁶ Шестаков А. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» // Историк-марксист. – 1937. – № 3. – С. 91.

⁴⁵⁷ Хазагеров Г.Г. Указ. соч.

⁴⁵⁸ Хазагеров Г.Г. Указ. соч.

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ Там же.

⁴⁶¹ Сталин И.В. Сочинения. – М., 1951. – Т. 4. – С. 357.

⁴⁶² Хазагеров Г.Г. Указ. соч.

широко использовалась властью, манипулирующей интересами различных социальных групп. Новая власть, провозгласившая диалектический и исторический материализм (составную часть марксизма) основой своего мировоззрения, в то же время, была заинтересована в примате идеологии над практической целесообразностью как в целом в обществе, так и в науке. Это создавало базу для воспитания людей в духе преданности коммунизму, обеспечивало единство всего социума в борьбе за новую жизнь, помогало выявить врагов советской власти и преодолеть их сопротивление. Позже идеология поддерживала нужное вождям социальное поведение⁴⁶³. Согласно И. Н. Балабановой, подобная смена функций идеологии – мотивационной на легитимационную – нередко случается с революционными теориями, когда их адепты приходят к власти⁴⁶⁴.

Теория о «наименьшем зле» оказывала исторической науке помощь в осуществлении функции общественной самоидентификации. В сознании малых народов СССР формировалось представление о том, что несмотря на всю жестокость имперской политики, реализация любой альтернативы вхождению в состав Российского государства, неизбежно привела бы к утрате национальной самобытности и трагическим последствиям для того или иного этноса.

В общественном сознании формировался некий образ «врага» в лице «эксплуататоров», с которым все народы СССР во главе с русским народом вели оправданную борьбу. Подобные идеи приводили к возникновению чувства национализма на основе классовой ненависти, сопричастности к общему «величайшему историческому делу – строительству социалистического общества»⁴⁶⁵, а также способствовали общественной мобилизации и патриотическому подъему в годы Великой Отечественной войны.

Региональная историография, развиваясь в контексте обще-

⁴⁶³ Булыгина Т.А. Отечественная историография в 20-е годы XX века... – С. 108.

⁴⁶⁴ Балабанова И.Н. О феномене советской философии // URL: <https://sites.google.com/site/bolshevistphilosophy/Home/tom-3/soderzanie/balabanova> (дата обращения: 12.02.2015).

⁴⁶⁵ Хазагеров Г.Г. Указ. соч.

союзной исторической науки, также осваивала новые теоретико-методологические стандарты исследования.

Выдающийся ученый Г. А. Кокиев⁴⁶⁶ одним из первых профессиональных историков-кавказоведов, предпринял попытку научной апробации новой методологии. Под влиянием идей М. Н. Покровского им была разработана концепция российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX веках, подчеркивавшая экономическую обусловленность и насильственный характер имперской политики в регионе. России в середине XVIII в., по его мнению, необходимо было обеспечить себе «свободный путь» через Дарьяльское ущелье в Закавказье «путем вовлечения осетин и ингушей в орбиту русского торгового капитала» и превращения их территории «если не совсем в русскую, то, во всяком случае, невраждебную России страну»⁴⁶⁷. Осуществлению этой задачи должны были способствовать введение в 1743 г. миссионерства и «идеологическая обработка горского населения в духе идей русского абсолютизма»⁴⁶⁸. Кроме того, Осетия обещала, в связи с обнаружением в ней «горных богатств, большие материальные возможности»⁴⁶⁹. В 1815 году Дигория приняла русское подданство. Но окончательно Осетия и Кабарда были покорены Россией

⁴⁶⁶ Кокиев Г. А. Очерки по истории Осетии. – Владикавказ, 1926. – Ч. 1; Его же. Из истории российской колониальной политики. – Б. М., 1929; Его же. Военно-колониационная политика царизма на Кавказе // Революция и горец. – 1929. – № 4. – С. 30-35; № 5. – С. 33-38; № 6. – С. 32-37; Его же. Борьба кабардинских феодалов за власть в первой половине XVIII века // Революция и горец. – 1929. – № 9. – С. 41-47; № 10 – С. 29-31; Его же. Из истории русско-осетинских отношений XVIII века // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Орджоникидзе, 1932. – С. 130-156; Материалы по истории Осетии (XVIII век) / Сост., вступит. статья Г. А. Кокиева. – Орджоникидзе, 1933. – Т. 1; Кокиев Г. А. Превращение русского государства в многонациональное // Научный архив СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 102; Его же. Осетины в начале XIX века по наблюдениям Клапрота. 1940 год // Научный архив СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 275; Его же. Осетинский вопрос в русско-кавказских отношениях в XVIII в. // Научный архив СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 286 и др.

⁴⁶⁷ Кокиев Г. А. Из истории русско-осетинских отношений... – С. 137.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Кокиев Г. А. Очерки по истории Осетии. Репринтное воспроизведение издания 1926 года. – Владикавказ, 2011. – Ч. 1. – С. 83.

в XIX веке⁴⁷⁰. В 1757 году, по словам автора, на верность России присягнули ингуши⁴⁷¹.

В более поздних работах Г. А. Кокиева⁴⁷² нашли отражение тенденции к менее категоричным трактовкам и выводам при анализе российско-кавказского исторического взаимодействия. Историк признавал, что «северные осетины еще в первой половине XVIII века вошли в орбиту России, с которой прочно связали свои исторические судьбы»⁴⁷³.

Выделяя причины сближения Кабарды и России в 1550-х годах, Г. А. Кокиев подчеркивал их взаимную заинтересованность в установлении прочных связей. Согласно автору, Кабарда, в середине XVI века оказавшись перед выбором: «быть поглощенной султанской Турцией и Крымским ханством, или перейти под протекторат сильного и могущественного Московского государства»⁴⁷⁴, выбрала перспективу российского «подданства», что стало для нее «наименьшим злом»⁴⁷⁵.

⁴⁷⁰ Там же. – С. 49.

⁴⁷¹ Кокиев Г. А. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. – Сталинир, 1933. – Вып. 1. – С. 202.

⁴⁷² Кокиев Г. А. Русско-кабардинские отношения в XVI – XVII вв. // Социалистическая Кабардино-Балкария. – 1940. – 24, 25, 26 октября; Его же. Распад Кабарды на Большую и Малую // Социалистическая Кабардино-Балкария. – 1940. – 10, 11, 12 декабря; Его же. Русско-кабардинские отношения в XVI – XVIII вв. // Вопросы истории. – 1946. – № 10. – С. 44-59; Его же. Из истории сношений России с Кавказом в IX-XIX вв. // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. – Нальчик, 1946. – Т. 1. – С. 33-81; Его же. Связи Кабарды и России в XVI-XVIII вв. // Кабардинская правда. – 1946. – 9, 10 апреля; Его же. Роль Темрюка в сближении Кабарды с Московским государством // Кабардинская правда. – 1947. – 9 августа; Его же. Русско-кабардинские отношения в XVI в. // УЗ КНИИ. – 1948. – Т. IV. – С. 25-65; Его же. Замечания по главе XII «Народы Кавказа в первой половине XIX века». 20 декабря 1948 года // Научный архив СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 15; Его же. Сношение России с народами Северного Кавказа // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. – Махачкала, 1982. – С. 98-128 и др.

⁴⁷³ Кокиев Г. А. Докладная записка председателю правительственного комитета по написанию истории осетинского народа г. Кулову К. Д. 1948 год // Научный архив СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

⁴⁷⁴ Кокиев. Г. А. Русско-кабардинские отношения в XVI в. – С. 30.

⁴⁷⁵ Там же.

Очевидна важность установления подобных взаимоотношений с адыгами и для самой России. Приобретение Кабардой нового политико-правового статуса обеспечивало Московскому государству усиление своего «политического влияния среди горских народов», открывало возможности «свободного общения с дружественной Грузией и ведения непосредственной борьбы против турецко-крымских захватчиков»⁴⁷⁶.

Независимость Кабарды, как от России, так и от Турции признал Белградский мирный договор 1739 года⁴⁷⁷. Официальной же датой вхождения региона в состав России, как полагает ученый, следует считать 1774 год, когда был подписан Кючук-Кайнарджийский договор⁴⁷⁸, ставший «поворотным моментом» в политике колонизации Кавказа⁴⁷⁹. Г. А. Кокиев посвятил свои исследования самым различным проблемам истории и этнографии народов Северного Кавказа, он по праву признается большинством современных ученых одним из основателей местной национальной историографии.

К числу ранних советских работ относится также исследование М. Л. Тусикова⁴⁸⁰. Начало процесса «порабощения свободных горских племен» автор связывает с периодом правления Петра Великого, а его завершение – с 1859 годом, т. е. окончательным «покорением» Чечни⁴⁸¹.

Карачаевский журналист, соредактор журнала «Революция и горец», И. А.-К. Хубиев, публиковавший свои статьи под псевдонимом Ислам Карачайлы⁴⁸², определял XIX век как пери-

⁴⁷⁶ Там же. – С. 32.

⁴⁷⁷ Кокиев Г. А. Цикл лекций по истории России. Россия во второй половине XVIII в. // Научный архив СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 110. Л. 2.

⁴⁷⁸ Кокиев Г. А. Связи Кабарды и России... // Кабардинская правда. – 1946. – 10 апр. – С. 3.

⁴⁷⁹ Кокиев Г. А. Сношения России с Кабардой. XVI-XVIII вв. // Научный архив СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.

⁴⁸⁰ Тусиков М. Л. Ингушетия. – Владикавказ, 1926.

⁴⁸¹ Там же. – С. 17.

⁴⁸² Карачайлы И. Горцы и казаки в XVIII веке // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. / Сост., предисловие, комментарии Т. Ш. Биттировой. – Нальчик, 1996. – С. 164-173; Его же. Традиция, с которой надо покончить // Революция и горец. – 1929. – № 7-8. – С. 90-93; Его же. Через семь десятков лет (К годовщине покорения Кавказа) // Революция и горец. – 1929. – № 9. – С. 48-55.

од «неслыханно упорной и жестокой» борьбы между горцами и «деспотической Россией»⁴⁸³. «Умиротворению края» в 1864 году, «культуртрегерской», «цивилизаторской» работе русских чиновников на Северном Кавказе способствовали, с его точки зрения, «казацьи войска», которые сыграли «первую скрипку» в деле завоевания региона и стали «силой, решившей судьбу горских народностей»⁴⁸⁴.

Большой историографический интерес представляют работы Г. К. Мартиросиана⁴⁸⁵, одного из основателей историографии ингушского народа. Основываясь на материалах П. Г. Буткова, автор проанализировал процесс присоединения Ингушетии. С его точки зрения, договор, подписанный 23 августа 1810 г. шестью «лучшими» ингушскими фамилиями и комендантом крепости Владикавказ генерал-майором И. П. Дельпоцо, является совместным правовым актом, свидетельствующим о вступлении всего ингушского народа «в вечное подданство Всероссийской империи»⁴⁸⁶. В соответствии с данным соглашением, ингуши брали на себя «обязательство охранять Военно-Грузинскую дорогу» и «во время военных действий выставять тысячу человек «помощного» войска»⁴⁸⁷. Взамен они получали военную защиту и право торговли во Владикавказской крепости. По выражению Г. К. Мартиросиана, подобная «смычка» с российскими «колонизаторами и торговым капиталом» была необходима ингушской знати «во имя спасения и сохранения собственности и накопленных богатств»⁴⁸⁸.

С конца 1920-х годов на страницах центральных и региональных научных периодических изданий, в частности в журнале «Историк-марксист», «Революция и горец» и др., наблюдаются первые попытки рефлексии советского кавказоведения

⁴⁸³ Карачайлы И. Горцы и казаки в XVIII веке... – С. 164.

⁴⁸⁴ Там же. – С. 165.

⁴⁸⁵ Мартиросиан Г. К. Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк. – Владикавказ, 1928; Его же. История Ингушии: Материалы. – Орджоникидзе, 1933 и др.

⁴⁸⁶ Мартиросиан Г. К. История Ингушии // Многоликое прошлое ингушей / Сост. Албогачиева М. С.-Г. – СПб., 1998. – С. 78.

⁴⁸⁷ Там же. – С. 44, 45.

⁴⁸⁸ Там же. – С. 52.

о «качестве» соблюдения им новых методологических стандартов⁴⁸⁹.

В журнале «Революция и горец» активно звучали призывы закончить с преемственностью между советской и дореволюционной историографией⁴⁹⁰, ликвидировать связывающие их «нити», поскольку они не способны решить актуальных задач исторической науки⁴⁹¹. Главной чертой имперского кавказоведения, по выражению большинства историков, была «великодержавность». Согласно Н. Т. Лихницкому, Кавказ был «одной из колоний царской России, национальное угнетение и эксплуатация которого должны были быть идеологически оправданы какими-то высшими принципами и соображениями»⁴⁹². Историография была призвана выполнить эту важную функцию.

В исследованиях 20-х – 30-х годов XX века⁴⁹³ подчеркивалось, что стремление России на юг невозможно объяснить ничем, «находящимся вне экономических факторов» и в этой связи перед марксистской историографией стояла задача показать реакционность «буржуазно-дворянских историков» и несоответствие их теорий исторической действительности⁴⁹⁴.

В связи с решением XVI съезда ВКП (б) (1930 г.) об усилении

⁴⁸⁹ Кокиев Г. А. Рецензия на книгу: Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсурсы, осетины и кабардинцы. – М.; Л., 1926 // Историк-марксист. – 1927. – Т. 3. – С. 239-241; Яковлев Н. Ф. Рецензия на книгу: Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. – Владикавказ, 1926. – Ч. 1 // Историк-марксист. – 1927. – Т. 5. – С. 270-273; Петрушевский И. Рецензия на книгу: Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М., 1939 // Историк-марксист. – 1940. – № 7. – С. 141-144 и др.

⁴⁹⁰ Левонян Г. Указ. соч.; Городецкий Б. М. Указ. соч.; Мамакаев М. Указ. соч.; Ошаев Х. Д. Указ. соч.; Алиев У. Состояние краеведения...; Саламов А. Х. «Очерк о Чечне» (по поводу одной книги) // Революция и горец. – 1929. – № 7-8. – С. 94-98 и др.

⁴⁹¹ Лихницкий Н. Т. Об отношении к старому краеведению и о пользе и вреде преемственности // Революция и горец. – 1929. – № 9. – С. 29.

⁴⁹² Лихницкий Н. Т. Об отношении к старому краеведению... – С. 30.

⁴⁹³ Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм...; Его же. О великодержавных и националистических тенденциях...; Гарданов Б. Покорение Кавказа...; Его же. Против великодержавничества и национализма // Покорение Кавказа в военной историографии. Против великодержавничества и национализма. – Орджоникидзе, 1935. – С. 40-58 и др.

⁴⁹⁴ Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм... – С. 44.

борьбы «с великодержавным шовинизмом и местным национализмом»⁴⁹⁵, особенно после публикации в конце 1931 г. письма И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма»⁴⁹⁶, исследования ряда историков были подвергнуты критике и в последующем стали недоступны аудитории. В частности, Г. А. Кокиев был обвинен⁴⁹⁷ в отсутствии в его работе⁴⁹⁸ критики имперской историографии. В ответ историк опубликовал письмо в журнале «Революция и горец», в котором признавал своей «чрезвычайно большой» ошибкой «недостаточно критическое отношение к дореволюционным источникам»⁴⁹⁹ и обязался переработать свой труд с позиций марксистско-ленинской методологии⁵⁰⁰.

Исследователь Кавказской войны, идеологической и политической деятельности Шамиля, Н. И. Покровский⁵⁰¹ подчеркивал, что «самодержавие пришло на Кавказ с двумя задачами: захватить для русского помещика плодородные кавказские земли и обеспечить русскому купцу обладание торговыми путями»⁵⁰². По словам автора, после присоединения Украины и Крыма в XVIII веке и приобретения выхода в Черное море, Россия начала борьбу «за превращение его в русское озеро»⁵⁰³.

Необходимым условием для «замирения» Кавказа стало осуществление прорыва единого фронта горских народов от Черного моря до Каспийского в центре. С этой целью в конце XVIII – начале XIX века в Кабарду и Осетию были предприняты ряд карательных экспедиций. Осетинские походы «сравнительно быстро достигли своей цели», что касается кабардинцев, то, со-

⁴⁹⁵ Сталин И. В. Сочинения. – М., 1951. – Т. 13. – С. 5.

⁴⁹⁶ Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Сталин И. В. Сочинения. – М., 1951. – С. 83-102.

⁴⁹⁷ Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм... – С. 48, 49.

⁴⁹⁸ Кокиев Г. А. Очерки по истории Осетии. – Владикавказ, 1926. – Ч. 1.

⁴⁹⁹ Революция и горец. – 1932. – № 2-3. – С. 205.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В. Г. Гаджиева, Н. Н. Покровского. – М., 2000; Его же. Краткий обзор истории имамата времен Кавказской войны // Революция и горец. – 1933. – № 6-7. – С. 105-115; Его же. Мюридизм у власти // Историк-марксист. – 1934. – Т. 2. – С. 30-75 и др.

⁵⁰² Покровский Н. И. Кавказские войны... – С. 103.

⁵⁰³ Там же. – С. 106.

гласно Н. И. Покровскому, к концу первого десятилетия XIX века они еще «не могли считаться окончательно подчиненными царскому правительству»⁵⁰⁴. Взятие Шамиля и ликвидация имамата в 1859 году ознаменовали собой полное завоевание региона Россией⁵⁰⁵.

Историк И. Г. Викторов⁵⁰⁶, анализируя процесс вхождения Осетии в состав России, использовал в своем исследовании концепт «наименьшего зла». В русле данного подхода автором исследуется только присоединение Грузии к Российскому государству, которое избавило ее от «полного разорения» и «падения» национальной культуры в связи с усилением «набегов иранских и турецких феодалов» и, в то же время, предоставило возможность «царизму усилить наступление на другие горские народы»⁵⁰⁷. «Завоевание» самой Осетии, по словам автора, «не принесло ей избавления от чужого ига, а, наоборот, установило его в виде господства русских помещиков и царской бюрократии»⁵⁰⁸.

По мнению И. Г. Викторова, в период правления Анны Ивановны был сделан «первый шаг» к завоеванию Кабарды, являвшейся «вассальным владением Турции». Белградский договор 1739 года признал кабардинцев независимыми от Турецкого государства, что демонстрировало, в интерпретации ученого, начало их «зависимости от России». По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года Большая и Малая Кабарда были присоединены к Российской империи, а вместе с ними в ее состав вошла «вассальная по отношению к Кабарде» Осетия⁵⁰⁹.

Но фактического присоединения осетин к России, как полагает автор, не произошло, и только в 1830 году «царизму удалось сломать» их сопротивление. Окончательное «заво-

⁵⁰⁴ Там же. – С. 109.

⁵⁰⁵ Там же. – С. 480.

⁵⁰⁶ Викторов И. Г. Северная Осетия. Исторический очерк // Северная Осетия. Политико-экономический очерк Северо-Осетинской АССР. – Орджоникидзе, 1939. – С. 1-178 // URL: <http://iratta.com/materials/novaya/2356-istoricheskiy-ocherk-1.html> (дата обращения: 23.12.2014).

⁵⁰⁷ Там же.

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Викторов И. Г. Северная Осетия...

евание» региона историк датирует концом первой половины XIX века⁵¹⁰.

Теоретико-методологические установки раннесоветских исследований нашли отражение в статье Л. А. Добрускина⁵¹¹, где автор объясняет стремление Российского государства утвердиться на Кавказе экономическим императивом: нужны «новые источники сырья и новые рынки сбыта для товаров русской промышленности»⁵¹². С середины XVI века начинается период «расширения и усиления мощи русского государства путем покорения соседних народов», идет формирование «тюрьмы народов»⁵¹³, продолжавшееся «более трехсот лет» и закончившееся «в середине XIX столетия окончательным покорением Кавказа»⁵¹⁴. Таким образом, вхождение Северного Кавказа в состав России Л. А. Добрускин связывает с окончанием Кавказской войны и установлением в регионе российской административно-политической системы.

Фундаментальными по истории Северной Осетии, её взаимоотношениям с Российским государством в средневековье и новое время, являются работы Б. В. Скитского⁵¹⁵. Основными причинами «завоевательного стремления царизма» в регион он признает «стратегические и экономические соображения», «стремление к обладанию их недрами и плодородными землями», завершившееся в 1830 г.⁵¹⁶ Подобные научные выводы о российско-осетинских взаимоотношениях в последней трети XVIII века содержатся в исследованиях Б. В. Скитского 1940-х гг., а ранние его рабо-

⁵¹⁰ Там же.

⁵¹¹ Добрускин Л. А. Из истории русско-кабардинских отношений в XVI – начале XVII вв. // Социалистическая Кабардино-Балкария. – 1940. – 5, 6 марта.

⁵¹² Добрускин Л. А. Указ. соч. – 5 марта. – С. 8.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ Там же.

⁵¹⁵ Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Дзауджикау, 1947. – Т. XI. – С. 5-197; Его же. Хрестоматия по истории Осетии. – Дзауджикау, 1949; Его же. Хрестоматия по истории Осетии. – Орджоникидзе, 1956 и др.

⁵¹⁶ Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа... – С. 127.

ты⁵¹⁷ подвергались критике и признавались «вредными», так как в них присутствовала «великодержавная оценка» колониальной политики России, подчеркивалась «цивилизаторская» прогрессивная роль русского завоевания на Северном Кавказе⁵¹⁸, и его теория в целом не вписывалась в «ленинскую схему истории»⁵¹⁹, где главной движущей силой исторического процесса выступало крестьянство.

К исследованиям первого этапа развития советского кавказоведения правомерно отнести работы В. С. Гальцева⁵²⁰, посвященные российско-кавказским, в частности российско-осетинским, отношениям в прошлом. Согласно историку, Осетия стала объектом пристального внимания Российской империи в середине XVIII в., что связано с изменением международной обстановки, усилением военной, политической и экономической мощи Российского государства. По версии автора, временем «окончательного колониального закабаления осетинского народа» следует считать конец Кавказской войны, в течение которой шла «неравная борьба» осетин с «царизмом» за их «свободу и жизнь»⁵²¹.

Кавказовед Н. А. Смирнов в одной из первых работ окончательное вхождение Кабарды в состав России датировал 1774 годом⁵²², когда была создана международно-правовая основа для завоевания региона. Данный политический акт соответствовал интересам как Кабарды, добившейся, наконец, «спокойствия»,

⁵¹⁷ Скитский Б. В. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779). – Владикавказ, 1930. и др.

⁵¹⁸ Лихницкий Н., Покровский Н. Против великодержавного шовинизма в изучении истории горского национально-освободительного движения // Историк-марксист. – 1934. – Т. 2. – С. 105.

⁵¹⁹ Там же.

⁵²⁰ Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом / Сост., вступит. статья В. С. Гальцева. – Орджоникидзе, 1942; Гальцев В. С. Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860–1870 гг. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Орджоникидзе, 1956. – Т. XVIII. – С. 127–150; Его же. Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Орджоникидзе, 1957. – Т. XIX. – С. 101–114 и др.

⁵²¹ Сборник документов по истории завоевания Осетии... – С. 18.

⁵²² Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. / Ред. Г. А. Кокиев. – Нальчик, 1948. – С. 75, 76.

так и России, которая благодаря установившимся прочным позициям в регионе могла свободно проводить свою «покровительственную политику в отношении грузинского и армянского народов»⁵²³.

Историк М. С. Тотоев обвинял «дореволюционных буржуазно-националистических историков» в списывании «со страниц истории длительную героическую борьбу народных масс против царских колонизаторов и своих феодалов»⁵²⁴. Окончательное завоевание Осетии автор связывает с «карательной» экспедицией генерала И. Н. Абхазова 1830 года⁵²⁵.

В 1949 г. исследователь истории Осетии А. К. Джанаев⁵²⁶ защитил кандидатскую диссертацию по проблеме присоединения осетин к Российской империи. В его трактовке по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Осетия присоединилась к России⁵²⁷, но окончательное ее «подчинение» автор относит к 1830 г., ко времени военной экспедиции генерала И. Н. Абхазова⁵²⁸.

В 1951 г. первый секретарь Северо-Осетинского обкома К. Д. Кулов выступил против тезиса А. К. Джанаева о присоединении Осетии к России в 1830 г.⁵²⁹. Вопрос о дате вхождения становится принципиальным в той ситуации, когда необходимо обосновать добровольный или, наоборот, насильственный характер включения в состав Российского государства. Присоединение в результате «завоевания» датируется исследователями, как правило, периодом Кавказской войны; для демонстрации мирного характера интеграции в состав России осуществляется поиск более ранних дат.

⁵²³ Там же. – С. 116, 117.

⁵²⁴ Тотоев М. С. Некоторые вопросы из истории Осетии XIX века // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Орджоникидзе, 1948. – Т. XIII. – Вып. 1. – С. 3.

⁵²⁵ Там же. – С. 9.

⁵²⁶ Джанаев А. К. Присоединение Осетии к России: дис. ... канд. истор. наук. – Дзауджикау, 1949 // Научный архив СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. 353 л.; Его же. Состояние и задачи разработки «Истории Осетии». Доклад. 1952 год. // Научный архив СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. 40 л. и др.

⁵²⁷ Джанаев А. К. Присоединение Осетии к России... // Научный архив СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 106.

⁵²⁸ Там же. – Л. 274.

⁵²⁹ Шнирельман В. А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. – М., 2006. – С. 112.

А. К. Джанаеву пришлось публично покаяться в своих «ошибках». В его новой интерпретации «в 70-х гг. XVIII – начале XIX в. осетинские общества вступили в российское подданство», т.е. еще «до 1830 г. произошло добровольное присоединение Осетии к России»⁵³⁰.

Замена концепции «абсолютного зла» на теорию «наименьшего зла» проходила в кавказоведении медленно. Данное обстоятельство А. Н. Максимчик связывает с тем, что в замечаниях к «Краткому конспекту учебника «История СССР» И. В. Сталин оставил без изменения формулировку «Завоевание Северного Кавказа», поэтому историки не спешили отказываться от концепции «абсолютного зла» и наполнять «наименьшее зло» свежей фактурой⁵³¹. Редактор «Исторического журнала» Е. М. Ярославский в своем докладе на заседании АН СССР в 1939 г. очень резко выступил против применения оценки «наименьшее зло» решительно ко всем колониальным окраинам. По его словам, это означало бы создание «новой универсальной отмычки, вроде тех, какие были у Покровского» и подобная «теория» не изучает конкретно каждую колониальную окраину, а заставляет подходить к изучению с заранее предвзятыми схемами, идеями и оценками»⁵³².

Для лучшего понимания трудностей, с которыми историки сталкивались в процессе освоения новой методологической схемы, имеет смысл вернуться к тексту «Постановления жюри правительственной комиссии» от 22 августа 1937 г., в котором были сформулированы новые исследовательские установки: «Авторы не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVII в... Факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под протекторат России, так же как факт перехода Украины под власть России, рассматривается авторами как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтер-

⁵³⁰ Джанаев А. К. Состояние и задачи разработки «Истории Осетии»... // Научный архив СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 22.

⁵³¹ Максимчик А. Н. Присоединение Северного Кавказа к России... – С. 62.

⁵³² Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопросы истории. – 1996. – № 2. – С. 75.

натива – либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России... Они не видят, что вторая перспектива была всё же наименьшим злом»⁵³³. Данные замечания не давали однозначного ответа на вопрос о том, в каком русле необходимо исследовать историю формирования Российского государства: для каких этносов вхождение в состав России признавать «наименьшим злом», что привело к возникновению различных авторских интерпретаций и вылилось в 1951 году в большую дискуссию на страницах журнала «Вопросы истории»⁵³⁴.

Широкое научное обсуждение проблемы началось с письма М. В. Нечкиной, в котором исследовательница подчеркивала, что, оценивая результаты включения народов в состав России, историкам необходимо «обращать особое внимание ... на то новое и положительное, что вопреки царизму вносил в ... жизнь народов великий русский народ...»⁵³⁵. Она выступала против применения формулы «наименьшее зло» ко всем народам, вошедшим в состав России»⁵³⁶, полагая, что «выражение «зло» относится к отсутствию государственной самостоятельности и к угнетению народа царизмом»⁵³⁷. Исходя из логики автора, использование понятия «зло» в отношении российской колониальной политики правомерно лишь в том случае, если в результате действий имперских властей то или иное государственное или потестарное образование было лишено суверенитета.

Данную точку зрения поддержал М. О. Мустафаев, который

⁵³³ Постановление жюри правительственной комиссии... // Правда. – 1937. – 22 августа.

⁵³⁴ Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» (письмо в редакцию) // Вопросы истории. – 1951. – № 4. – С. 44-48; Мустафаев М. О. О формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. – 1951. – № 9. – С. 97-101; Таваклян Н. А. По поводу письма М. В. Нечкиной «К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. – 1951. – № 9. – С. 101-107; Наякшин К. Я. К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России (письмо в редакцию) // Вопросы истории. – № 9. – С. 108-111; Якунин А. О. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопросы истории. – 1951. – № 11. – С. 83-86 и др.

⁵³⁵ Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло»... – С. 47.

⁵³⁶ Там же. – С. 44.

⁵³⁷ Там же. – С. 45.

утверждал, что при изучении процесса присоединения «разных стран и народов» к России необходимо учитывать социально-экономические и внешнеполитические условия их существования «накануне включения в состав Российской империи», а также «последующие результаты» приобретения нового политико-правового статуса⁵³⁸.

Историк А. О. Якунин оспорил концептуальный тезис М. В. Нечкиной. Он подчеркивал необходимость «правильной оценки» экономических, политических и культурных условий, «в которых осуществлялось присоединение того или иного народа к России», и суть вопроса не в том «имел или не имел данный народ свою государственную самостоятельность, отказался или не отказался он от государственной самостоятельности»⁵³⁹. С его точки зрения, к изучению данной проблемы «надо подходить не с готовой «формулой», а конкретно-исторически, с учетом международной обстановки и внутреннего политического состояния ... данного народа в определенный исторический момент, когда осуществлялось присоединение»⁵⁴⁰. К примеру, разделы Польши автор признает несомненным «злом», «отрицательным событием в истории польского народа», а присоединение к России народов Кавказа А. О. Якунин определяет как «наименьшее зло»⁵⁴¹.

Таким образом, отечественное кавказоведение 1920-х – середины 1950-х гг. характеризуется, прежде всего, критическим отношением к имперской историографии, обвинением в «искажениях и фальсификации» авторов, освещавших историю народов Центрального Кавказа. В то же время наблюдается преемственность, поскольку основой для новых научных построений остается созданная в XVIII-XIX вв. источниковая база. В отличие от работ дореволюционных авторов, поэтапно описавших процесс вхождения Центрального Кавказа в состав России, молодые марксистские историки сконцентрировались на анализе методов российской политики в регионе, оценке причин и итогов присо-

⁵³⁸ Мустафаев М. О формуле «наименьшее зло»... – С. 97.

⁵³⁹ Якунин А. О. О применении понятия «наименьшее зло»... – С. 83, 84.

⁵⁴⁰ Там же. – С. 84.

⁵⁴¹ Там же. – С. 83, 84.

единения, идеологии и социальной базы национально-освободительного движения и др.

Имперская политика, результатом которой стало включение Центрального Кавказа в состав России, определялась большинством исследователей как несомненное «зло». В первые десятилетия существования советской историографии в ней господствовала теория об «абсолютном зле». В дальнейшем эволюция государственной системы, возникновение новых идеологических задач перед партией, потребности национальной политики обусловили появление идеи «наименьшего зла», окончательный переход к которой, с точки зрения А. Н. Максимчика, так и не был завершен⁵⁴². Тем не менее, новый научный концепт оказал влияние на всё дальнейшее развитие советской историографии вхождения народов Северного Кавказа в состав России. Исследовательские оценки причин, характера и результатов присоединения той или иной территории к Российскому государству стали менее категоричными, с этого времени в работах стало обосновываться положительное влияние российской политики на культуру местных народов.

3.2. Смена концептуальных подходов в исследованиях второй половины 50-х – 80-х гг. XX в.

К середине 1950-х гг. в стране сложилась разветвленная сеть научных и учебных заведений, где велась исследовательская работа, готовились кадры историков-профессионалов; функционировала единая государственная система архивов, музеев, библиотек, которая хранила и давала возможность использовать громадное национальное наследие. Историческая наука опиралась на твердую финансовую поддержку государства: плодотворно функционировали академические исторические журналы, мощные центральные издательства, республиканские и областные полиграфкомбинаты, университетские и институтские типографии и др.⁵⁴³.

⁵⁴² Максимчик А. Н. Присоединение Северного Кавказа к России... – С. 64.

⁵⁴³ Кузьминов П. А. Эпоха преобразований 50-70-х годов XIX века... – С. 73.

Либерализация общественной жизни в СССР, связанная со смертью И. В. Сталина, с решениями XX съезда КПСС, а также активные научные дискуссии, которые велись в конце 1940-х – начале 1950-х гг. на страницах журнала «Вопросы истории», привели к кардинальному пересмотру концепции формирования Российского многонационального государства. Решениям съезда партии были посвящены собрания, совещания, заседания ученых советов по всей стране. На них, как отмечает Л. А. Сидорова, звучала критика недавнего прошлого исторической науки, приводились примеры (в частности, из истории Кавказской войны – А. Ж.), когда «в буквальном смысле по указанию или какой-нибудь статье, не относящейся, а иногда и относящейся к конкретному историческому факту, наши историки, вместо того, чтобы отстаивать свои позиции, добиваться глубокого исследования того или иного вопроса на основе конкретных материалов – становились во фронт и меняли свои позиции, свои точки зрения»⁵⁴⁴.

Секретарь ЦК КПСС, академик Б. Н. Пономарев, выступая 18 декабря 1962 года на Всесоюзном совещании по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, заявил, что усилия историков советских республик, стремящихся раскрыть объективно положительное значение сближения своих народов с русским народом и присоединения их к России, заслуживают всяческой поддержки. Докладчик подчеркивал, что «показывая прогрессивное значение присоединения народов к России в широкой исторической перспективе, историк способствует укреплению дружбы народов нашей страны»⁵⁴⁵.

В этих условиях элементы дисциплинарной матрицы историографии вхождения Центрального Кавказа в состав России приобрели следующее содержание:

1. Интересы. Палитра исследовательской тематики историков по-прежнему во многом определялась установками советского руководства. Укрепившееся в годы Великой Отечественной

⁵⁴⁴ Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х – середина 60-х гг. // Историческая наука России в XX веке. – М., 1997. – С. 253.

⁵⁴⁵ Пономарев Б. Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории // Вопросы истории. – 1963. – № 1. – С. 17.

войны «морально-политическое единство» советского общества ставило актуальный вопрос о поиске соответствующих исторических аналогий. История русско-кавказских связей позволяла выбрать в ней нужные, идеологически выигрышные факты⁵⁴⁶, демонстрирующие многолетнюю «дружбу и братское сотрудничество»⁵⁴⁷ этносов внутри страны. Перед учеными была поставлена задача: найти свидетельства мирного и возможно более раннего «вхождения» того или иного народа в состав Российской империи. Такой подход, с точки зрения советских исследователей, не противоречил «требованию соблюдать объективность при анализе исторических фактов»⁵⁴⁸.

2. Концепты обозначения. Если в 1920-х – 1940-х гг. в исторических исследованиях основное внимание уделялось «разоблачению жестокой колонизаторской политики самодержавия», то теперь всё чаще доминирует идея о дружеских отношениях между Россией и Кавказом, основанных на классовой солидарности, взаимном торговом, культурном общении и т. д.⁵⁴⁹ Это привело к возникновению теории о «добровольном присоединении» национальных окраин, в том числе Северного Кавказа, к России и его «прогрессивных последствиях» в социально-экономической, политической, духовной жизни присоединившихся народов. Этот тезис, по определению В. В. Лапина, в 1950-х гг. начал «торжественное шествие» по страницам научной литературы⁵⁵⁰.

Сложилась ситуация, когда наряду с осуждением колониального гнета царизма, одновременно развивалась идея о добровольном характере присоединения северокавказских народов к России. Р. А. Тлепцок полагает, что «смысловая нагрузка этого постулата лежала в плоскости диалектики. Вопросы о характере

⁵⁴⁶ Дегоев В. В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги... – С. 233.

⁵⁴⁷ Чибиров Х. Т. Северная Осетия в братской семье народов СССР. – Орджоникидзе, 1956. – С. 4.

⁵⁴⁸ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). – М., 1984. – С. 9.

⁵⁴⁹ Дегоев В. В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги... – С. 233.

⁵⁵⁰ Лапин В. В. История Кавказской войны... – С. 6.

движения горцев и царской колонизации были превращены как бы в сообщающиеся сосуды. Чем больше подчеркивалась «историческая легитимность», тем меньше оставалось этой «легитимности» в деятельности России на Кавказе и наоборот»⁵⁵¹.

3. Методы. Материалы КПСС подчеркивали, что «принципиальной основой познания была и остается диалектико-материалистическая методология», которую необходимо творчески «развивать, умело применять в исследовательской работе и общественной практике». Познание исторического пути человечества рассматривалось как предпосылка научной политики и важная основа прогнозирования общественно-политического развития⁵⁵².

4. Формы репрезентации. Для советских исследований 1950-х – 1980-х гг. характерно торжественное красноречие и расширение «цитатничества»⁵⁵³, которое осуждалось самими марксистами.

Французский политолог А. Безансон утверждает, что идеологическое государство существует в самообеспеченной псевдореальности, где идеология превращается в нечто вроде коллективного помешательства, одним из симптомов которого является «деревянный язык»⁵⁵⁴. Э. ван дер Зверде не соглашается с А. Безансоном и считает, что в подобном обществе возможно существование «двойной речи» и «двойного мышления», которые могут стать почти «автоматической и легкой игрой». Участие

⁵⁵¹ Тлепцок Р.А. Советская историография пореформенного развития Северо-Западного Кавказа: уровень теоретического осмысления и характер дискуссий // Журнал Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп, 2013. – Вып. 2 // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-istoriografiya-poreformennogo-razvitiya-severo-zapadnogo-kavkazu-uroven-teoreticheskogo-osmysleniya-i-harakter-diskussiy> (дата обращения: 7.08.2015).

⁵⁵² Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. Учебное пособие. – М., 1987. – С. 6.

⁵⁵³ Гришина Н.В. Историческая наука в первое десятилетие советской власти в самоощущениях отечественных гуманитариев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 30 (321). – Вып. 57. – С. 112.

⁵⁵⁴ Цит. по: Балабанова И.Н. О феномене советской философии // URL: <https://sites.google.com/site/bolshevistphilosophy/Home/tom-3/sozderzanie/balabanova> (дата обращения: 12.02.2015).

в этой игре не обязательно делает людей «сумасшедшими», однако «позволяет игрокам не делать некоторые вещи»⁵⁵⁵. Т. е. вполне можно было относиться к марксизму-ленинизму чисто «технически». Такой ход позволял решать советским ученым свои профессиональные задачи⁵⁵⁶.

5. Функции. Идея о «добровольном присоединении» воспитывала советское общество в духе «единства и дружбы народов» в составе СССР. Это было особенно актуально после победы над фашизмом, когда можно было привести наглядный пример плодотворного взаимодействия разных этнических общностей во благо своего государства и всего мира. Советская власть провозглашала «равноправие и свободу» всех народов внутри государства, в то же время объявляла «закономерным» процесс их объединения «вокруг великого русского народа, который под руководством Коммунистической партии цементирует дружбу советских народов, спланирует их под знаменем пролетарского интернационализма»⁵⁵⁷. В общественном сознании постепенно формировался образ России, как защитницы и покровительницы народов.

Вопрос о характере российско-кабардинских взаимоотношений в XVI в. был поставлен Т. Х. Кумыковым в августе 1954 г. на VIII научной сессии республиканского научно-исследовательского института, где он выступал с докладом «К вопросу о добровольном присоединении Кабарды к России». Целью его изысканий был анализ переговоров кабардинского посольства в Москве в 1557 г. и заключение договора с Россией. Подписанное соглашение было расценено на сессии как добровольное присоединение Кабарды к России. Но такая оценка была поддержана не всеми участниками конференции. Датой включения Кабарды в состав России назывались 1555, 1774 и 1825 гг.⁵⁵⁸. Тем не менее, материалы конференции легли в основу решения ЦК КПСС о празднова-

⁵⁵⁵ Цит по: Балабанова И. Н. О феномене...

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Горбунов Т. Могучая жизненная сила ленинской национальной политики // Коммунист Белоруссии. – Минск, 1957. – № 4. – С. 14.

⁵⁵⁸ Берев Х. Ж. Развитие исторической науки // 70 лет научных поисков и открытий. – Нальчик, 1995. – С. 44.

нии в 1957 г. 400-летия присоединения Кабарды к России. В ходе подготовки к данному торжеству было опубликовано большое число научных⁵⁵⁹ и публицистических⁵⁶⁰ работ по проблеме вхождения Кабарды в состав Российского государства.

К этому вопросу Т.Х. Кумыков возвращался многократно⁵⁶¹, рассматривая присоединение Кабарды к России как

⁵⁵⁹ Петренко И. Историческое событие // Кабардинская правда. – 1955. – 23 авг.; Крикунов В. Совместная борьба русских и кабардинских народов против своих угнетателей (К 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России) // Кабардинская правда. – 1956. – 27 июля; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы. – М., 1957. – Т. 1, 2; Кабардино-Балкарская АССР: к 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России. – Нальчик, 1957; Бербеков Х.М. К вопросу об образовании кабардинской народности: к 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России // Кабардинская правда. – 1957. – 12 янв.; Его же. 400 лет вместе с народами России // Коммунист. – 1957. – № 10; Его же. Национальный праздник кабардинского народа // Промышленно-экономическая газета. – 1957. – 5 июля; Гарданов В.К. Четыре века русско-кабардинской дружбы // Дружба народов. – 1957. – № 6. – С. 142-150; Крикунова Е. Место Кабарды во взаимоотношениях между Россией и народами Кавказа в XVI-XVII вв. // Кабардино-Балкарская правда. – 1957. – 11 июня; Керемов К.Н. 400-летие добровольного присоединения Кабарды к России – большой национальный праздник кабардинского народа // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Орджоникидзе, 1957. – Т. 19. – С. 3-23; Славный юбилей // Ученые записки Кабардино-Балкарского педагогического института. – 1957. – Вып. 13. – С. 3-12 и др.

⁵⁶⁰ Мальбахов Т.К. Четыре века и сорок лет // Огонёк. – 1957. – № 27. – С. 9; Его же. В дружной семье народов СССР // Кабардино-Балкарская правда. – 1957. – 4 июля; Его же. О 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России // Кабардино-Балкарская правда. – 1957. – 7 июля; Казмахов И. Великие преобразования // Труд. – 1957. – 5 июля; Теунов Х. Путь народа // Дон. – 1957. – № 6. – С. 3-12; Его же. Неразделимо, навеки! (К 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России) // Труд. – 1957. – 5 июля; Праздник трудящихся Кабардино-Балкарской АССР // Блокнот агитатора. – 1957. – № 11; 400 лет с Россией // Блокнот агитатора. – 1957. – № 13. – С. 2-28; Тихонов И. Наш общий праздник // Литературная газета. – 1957. – 20 июня; Ульбашев И. Навеки с Россией // Красная звезда. – 1957. – 5 июля; Открытие памятника-монумента в г. Нальчике в ознаменование 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России // Кабардино-Балкарская правда. – 1957. – 29 сент. и др.

⁵⁶¹ Кумыков Т.Х. О прогрессивном значении добровольного присоединения Кабарды к России. // Сборник статей по истории Кабарды. – Нальчик, 1955. – Вып. 4. – С. 65-96; Его же. Совместная борьба русского и кабардинского народов против иностранных завоевателей в XVI-XVIII вв. // Ученые Записки КНИИ.

длительный процесс, в котором переплетались различные факторы: «междоусобные войны» адыгских феодалов, «опустошительные набеги турок и крымских татар»⁵⁶² и др. Ученый утверждал, что данный политический акт имел огромное значение для Кабарды, которую Россия смогла вывести из «замкнутого состояния, в котором она прозябала веками»⁵⁶³. В его работах подчеркиваются прогрессивные последствия присоединения в социально-экономической, политической и иных сферах жизни Кабарды. Исследования Т. Х. Кумыкова заложили концептуальную основу для разработки данной проблематики в Северо-Кавказском регионе.

Теорию о добровольном присоединении Кабарды к Московскому государству в 1557 г. поддержали исследователи Н. А. Смир-

– Нальчик, 1955. – Т. 10. – С. 3-24; Его же. Историческое значение присоединения Кабарды к России // Блокнот агитатора. – 1955. – № 17. – С. 7-24; Его же. Совместная борьба русских и кабардинских народов против иноземных и внутренних врагов (К 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России) // Кабардинская правда. – 1955. – 30 авг.; Его же. К вопросу присоединения Кабарды к России. // Сборник статей по истории Кабарды. – Нальчик, 1956. – Вып. 5. – С. 75-96; Его же. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. – Нальчик, 1957; Его же. Краткий исторический очерк Кабарды // Кабардино-Балкарская АССР. – Нальчик, 1957. – С. 7-28; Кумыков Т. Х., Кушева Е. Н. Присоединение Кабарды к России и его историческое значение // История Кабарды. – М., 1957. – С. 33-39; Его же. Кабардино-русские отношения в XV-XVI вв. // УЗ КБНИИ. – Нальчик, 1959. – Т. 14. – С. 371-378; Его же. Присоединение Кабарды к России // История КБАССР. – М., 1967. – Т. 1. – С. 109-113; Его же. Счастливые судьбы. Из доклада доктора исторических наук Т. Х. Кумыкова «Северный Кавказ и добровольное вхождение адыгов в состав России» // Грозненский рабочий. – 1979. – 5 октября; Его же. Добровольное вхождение адыгов в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 октября 1979 г., г. Грозный. – Грозный, 1982. – С. 70-79; Кумыков Т. Х. и др. Начало присоединения народов Северного Кавказа к России в XVI-XVII вв. // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988. – С. 328-365; Его же. К вопросу о периодизации Кавказской войны. // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы: тезисы докладов международной научной конференции. – Махачкала, 1998. – С. 30-32 и др.

⁵⁶² Кумыков Т. Х. О прогрессивном значении... – С. 66.

⁵⁶³ Кумыков Т. Х. К вопросу присоединения... – С. 96.

нов, С. К. Бушуев, Г. Х. Мамбетов и др.⁵⁶⁴ Адыгские посольства 1550-х гг. Н. А. Смирнов связывал с именем Темрюка Идарова, политика которого, по его мнению, способствовала вхождению кабардинцев в состав России⁵⁶⁵. Окончательно Кабарду за Россией закрепил Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года⁵⁶⁶.

С точки зрения С. К. Бушуева, в результате соглашения 1557 г. кабардинцы были спасены «от турецкой ассимиляции и физического уничтожения», они в полной мере ощутили «благодетельные последствия дружественного союза с Россией», повысился уровень их культурного развития⁵⁶⁷, а Россия, в свою очередь, приобрела важную в стратегическом смысле территорию между Дагестаном и Крымом⁵⁶⁸.

Как сообщает Г. Х. Мамбетов, прибывшее в 1552 г. в Москву «адыго-кабардинское посольство» просило о подданстве и защите от крымских татар. В 1555 г. переговоры продолжались и «завершились в 1557 г. принятием Кабарды и Балкарии в состав России»⁵⁶⁹. Таким образом, по мнению автора, к Московскому государству в середине XVI в. кроме адыгов присоединились ещё и балкарцы. Данный тезис не нашел поддержки в научном сообществе кавказоведов.

В советских исторических справочниках и энциклопедиях 1960-х гг. окончательное присоединение Кавказа к России датируется 1864 годом, временем завершения Кавказской войны⁵⁷⁰,

⁵⁶⁴ Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70-е годы XIX века). – М., 1955; Его же. Из истории русско-кабардинских отношений. – Нальчик, 1956; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. – М., 1958; Мамбетов Г. Х. Дружба, испытанная веками // Блокнот агитатора. – Нальчик, 1982. – № 13. – июль. – С. 21-32; Его же. Кабардино-Балкария в братской семье народов СССР. – Нальчик, 1989 и др.

⁵⁶⁵ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе... – С. 27.

⁵⁶⁶ Там же. – С. 106.

⁵⁶⁷ Бушуев С. К. Из истории русско-кабардинских отношений. – С. 46.

⁵⁶⁸ Там же. – С. 87.

⁵⁶⁹ Мамбетов Г. Х. Кабардино-Балкария в братской семье... – С. 12, 13.

⁵⁷⁰ Бестужев И. В. Кавказские войны // Советская историческая энциклопедия. – М., 1965. – С. 759.

и безоговорочно расценивается как прогрессивное для народов России⁵⁷¹.

Несмотря на официальное признание концепции о «добровольном присоединении» Кабарды к России и «его прогрессивных последствиях», ряд исследователей дифференцировано подходили к этому вопросу. В частности, крупнейший кавказовед СССР Е. Н. Кушева⁵⁷² утверждала, что «признание кабардинцев «холопами» русского царя и их служба Русскому государству не означали включения Кабарды в государственные границы и не повлекли к назначению в Кабарду русской администрации»⁵⁷³. Основной вывод автора заключается в том, что «процесс присоединения к Русскому государству был общим процессом для северокавказских народов, протекавшим неравномерно и противоречиво, в сложной обстановке, объективно прогрессивным в конечных своих результатах»⁵⁷⁴. Таким образом, прогрессивные последствия присоединения народов Северного Кавказа к России признаются Е. Н. Кушевой очевидными.

Известный историк-кавказовед А. В. Фадеев⁵⁷⁵ отмечал, что

⁵⁷¹ Кавтарадзе А. Г. Кавказская война 1817-1864 // Большая Советская энциклопедия. – М., 1969-1978. – С. 121.

⁵⁷² Кушева Е. Н. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552-1572 гг. // Исторические записки. – М., 1950. – Т. 34. – С. 236-287; Её же. Кабарда после присоединения к России (вторая половина XVI-XVII в.) // История Кабарды. – М., 1957. – С. 40-51; Её же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – М., 1963; Её же. Присоединения Кабарды к России // История КБАССР. – М., 1967. – Т. 1. – С. 109-120; Её же. Русско-кабардинские и русско-балкарские отношения в XVII веке // История КБАССР. – М., 1967. – Т. 1. – С. 120-130; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сборник документов / Выявление, составление, введение, комментарии Е. Н. Кушевой. – М., 1997 и др.

⁵⁷³ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... – С. 233.

⁵⁷⁴ Там же. – С. 327.

⁵⁷⁵ Фадеев А. В. Экономические связи Кавказа с Россией в дореформенный период // История СССР. – 1957. – № 1. – С. 135-160; Его же. Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М., 1960; Его же. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. – Грозный, 1960. – Т. II. – Вып. 1. – С. 3-19; Его же. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // УЗ КБНИИ. – Нальчик, 1960. – Т. 17. – С. 39-66; Его же. Кабарда и Балкария в системе международных отношений XVIII в. // История КБАССР. – М., 1967. – Т. 1. – С. 160-176.

«принятие в середине XVI века под покровительство России кабардинских, черкесских и адыгских князей, закрепленное женьтьбой Ивана IV на дочери кабардинского князя Темрюка, укрепляло русское влияние на Северном Кавказе»⁵⁷⁶. Ученый предложил периодизацию российско-кавказских исторических связей, в соответствии с которой четвертый этап (1801-1864 гг.) завершился военно-политическим завоеванием Кавказа Российским государством, а пятый этап (1865-1917 гг.) – полным экономическим завоеванием⁵⁷⁷.

Исследователи В. Б. Вилинбахов⁵⁷⁸ и Н. Х. Тхамоков⁵⁷⁹ признавали, что в 1557 г. Кабарда стала подданной Московского государства. Но окончательное вхождение Кабарды в состав России историки связывали с Кючук-Кайнарджийским миром 1774 г.⁵⁸⁰.

Примечательна позиция Р. Трахо, адыгского историка, оказавшегося в годы Великой Отечественной войны в немецком плену и опубликовавшего в Германии большое количество исследований по черкесской истории⁵⁸¹. С его точки зрения, «никакого присоединения Кабарды к России не было»⁵⁸² и в течение XVIII – первой половины XIX в. кабардинцы «упорно боролись против русских притязаний на их территорию»⁵⁸³.

Посвятив русско-кабардинским отношениям ряд монографических исследований, Ч. Э. Карданов пришел к выводу, что добровольное присоединение к России, сыгравшее важную роль в истории Кабарды, не привело к полному вхождению адыгов в со-

⁵⁷⁶ Фадеев А. В. Основные этапы... – С. 43.

⁵⁷⁷ Там же. – С. 65.

⁵⁷⁸ Вилинбахов В. Б. Совместные русско-кабардинские военные действия // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1959. – Вып. 7. – С. 102-129; Его же. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. – Нальчик, 1977 и др.

⁵⁷⁹ Тхамоков Н. Х. Укрепление русско-кабардинских отношений в XVIII веке // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. – Нальчик, 1960. – Вып. 6. – С. 171-219.

⁵⁸⁰ Вилинбахов В. Б. Из истории... – С. 174.

⁵⁸¹ Traho R. Literature on Circassia and the Circassians // *Caucasian Review*. – Munich, 1955. – No. 1. – P. 145-162; Traho R. Cherkess cultural life // *Caucasian Review*. – Munich, 1956. – No. 2. – P. 85-104 и др.

⁵⁸² Трахо Р. Черкесы. – Нальчик, 1992. – С. 21.

⁵⁸³ Там же. – С. 26.

став Московского государства, а ознаменовало лишь включение в орбиту его внешней политики⁵⁸⁴.

Исследуя правовой статус Кабарды в XVIII в., Е. Дж. Налоева поставила вопрос о том, что «добровольный переход» кабардинского народа «под руку «великого государя Московского» в 1557 г. выходит за рамки обычного «вхождения какой-либо малой народности в состав» Российского государства, в силу того, что этот исторический факт «изменил соотношение сил России и Порты» в регионе в пользу первой⁵⁸⁵.

В связи с трагическим выселением балкарского народа в годы сталинского правления, исследования по истории Балкарии были запрещены. Одним из первых фундаментальных трудов, увидевших свет после возвращения балкарцев на Родину, стал коллективный труд «Очерки истории балкарского народа»⁵⁸⁶. Его авторы С. К. Бабаев и Т. Х. Кумыков полагают, что взаимоотношения балкарцев с Россией восходят к XVI в., когда кабардинцы и многие владельцы Балкарии приняли российское «подданство». Во второй половине XVIII – начале XIX в. балкарские таубии так же обращались к российским властям с аналогичной просьбой⁵⁸⁷. Конкретной даты присоединения Балкарии к России авторы не указывают, но полагают, что данное событие носило исключительно добровольный и прогрессивный характер⁵⁸⁸.

К. Г. Азаматов⁵⁸⁹ внес большой вклад в изучение социально-экономической и политической истории балкарского народа. Точ-

⁵⁸⁴ Карданов Ч. Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI в. (1550-1580 гг.). – Нальчик, 1972; Его же. У истоков дружбы. – Нальчик, 1982; Его же. Путь к России: кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX в. – Нальчик, 2001 и др.

⁵⁸⁵ Налоева Е. Дж. Страницы прошлого – Кабарда // Советская молодежь. – 1990. – 18 мая.

⁵⁸⁶ Очерки истории балкарского народа. – Нальчик, 1961.

⁵⁸⁷ Там же. – С. 37.

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ Азаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. – Нальчик, 1968; Его же. К вопросу о русско-балкарских отношениях в XVII-XVIII вв. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 октября 1979 г., г. Грозный. – Грозный, 1982. – С. 273-276 и др.

ку зрения дореволюционных авторов о вхождении Балкарии в состав Российской империи в 1827 г. исследователь не разделяет и рассматривает 90-е гг. XVIII века в качестве времени завершения данного политического акта. Историк аргументирует свою позицию тем фактом, что на картах Северного Кавказа, относящихся к концу XVIII века, территория, где жили балкарцы, уже входит в состав Российского государства⁵⁹⁰. Таким образом, К. Г. Азаматов считает, что к 1827 году Балкария уже находилась в составе Российской империи.

Вхождение Карачая и Балкарии в состав России С. А. Чекменев связывал с военным походом генерала Г. А. Эммануэля в Карачай 20 октября 1828 г. и принятием в феврале 1827 г. присяги от балкарских обществ⁵⁹¹. Коллектив авторов издания «Карачаевцы» указывает в качестве даты присоединения Карачая к России 1783 год, когда была установлена российско-турецкая граница по р. Кубань⁵⁹². В советской историографии второй половины XX в., как правило, подчеркивался добровольный характер присоединения Карачая к России⁵⁹³.

Большой вклад в изучение российско-кавказского исторического взаимодействия внес М. М. Блиев⁵⁹⁴. Особенно подробно

⁵⁹⁰ Азаматов К. Г. К вопросу о русско-балкарских отношениях ... – С. 276.

⁵⁹¹ Чекменев С. А. Включение Карачая и Черкесии в состав России // Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1967. – Т. 1. – С. 289.

⁵⁹² Алексеева, Е. П., Невская, В. П., Шаманов, И. М. Исторический очерк // Карачаевцы / Отв. ред. Л. И. Лавров. – Черкесск, 1978. – С. 25.

⁵⁹³ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917) / Под ред. П. А. Шацкого, С. П. Шацкой. – Ростов-на-Дону, 1985. – С. 6.

⁵⁹⁴ Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России и его историческое значение: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 1956; Его же. Присоединение Северной Осетии к России. – Орджоникидзе, 1959; Его же. Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752 гг. – Орджоникидзе, 1961; Его же. Осетия в первой трети XIX века. – Орджоникидзе, 1964; Его же. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – М., 1967; Его же. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX вв.). – Орджоникидзе, 1970; Его же. У истоков дружбы. К двухсотлетию добровольного присоединения Северной Осетии к России // Литературная Осетия. – 1974. – № 43. – С. 87–94; Его же. Навеки с Россией // Путь к коммунизму. – 1974. – 30 июля, 1 августа; Его же. Русско-осетинские отношения в XVIII в.: сборник документов. – Орджоникидзе, 1976–1984. – Т. I, II; Его же. «По желанию нашему»

он исследовал историю осетинского посольства в Петербурге 1749-1752 гг., сыгравшего важную роль в подготовке «соглашения о присоединении Осетии к России» 1774 года в Моздоке⁵⁹⁵. Согласно указанному договору, российская сторона позволяла осетинам селиться на равнину, обязывалась предоставлять «защиту от нападений кабардинских князей» и др. Взамен ей «передавались» осетинские горы «в вольное употребление»⁵⁹⁶. Подобная трактовка вхождения Осетии в состав России поддерживается сегодня многими учеными.

По мнению автора, когда население Восточной Осетии и представители Ингушетии в 1770 г. обратились к кизлярскому коменданту И. Д. Неймчу с просьбой принять их в российское подданство, состоялось добровольное вхождение ингушей в состав России⁵⁹⁷.

В 1983 г. М. М. Блиев⁵⁹⁸ сформулировал новую концепцию о причинах и природе Кавказской войны. В 1994 году вышла совместная монография М. М. Блиева и В. В. Дегоева⁵⁹⁹, в которой нашли отражение основные положения этой теории. По версии авторов, набеговая система в горских обществах послужила главным фактором российско-кавказского боевого противостояния. С их точки зрения, успешные для России войны с Ираном и Турцией в начале XIX в. фактически завершили вхождение северокавказской территории в состав Российской империи⁶⁰⁰.

// Вехи единства. – Грозный, 1982. – С. 103-106; Его же. Русско-ингушские отношения и присоединение Ингушетии к России // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе (Сборник научных трудов). – Орджоникидзе, 1985. – С. 111-124; Его же. Присоединение Северной Осетии к России // История Северо-Осетинской АССР: с древнейших времен до наших дней. – Орджоникидзе, 1987. – Т. 1. – С. 186-204; Его же. Кавказ в политике России XVIII – первой половины XIX вв. – Орджоникидзе, 1989 и др.

⁵⁹⁵ Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге... – С. 86.

⁵⁹⁶ Блиев М. М. Кавказ в политике России... – С. 22, 23.

⁵⁹⁷ Блиев М. М. Русско-ингушские отношения... – С. 123, 124.

⁵⁹⁸ Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки, источники и сущность // История СССР. – 1983. – № 2. – С. 54-76; Его же. К проблеме общественного строя горских «вольных» обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII – первой половины XIX // История СССР. – 1989. – № 4. – С. 151-168.

⁵⁹⁹ Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. – М., 1994.

⁶⁰⁰ Там же. – С. 149.

Исследователи полагают, что «замкнутый образ жизни в жесткой среде обитания, способствовавший консервации ранних форм общественной организации, обусловил длительный переход к классовым отношениям «вольные» общества Дагестана, тайпы Чечни, «демократические» племена Черкесии. Слабость экономической базы привела к гипертрофии набеговой системы, призванной возместить внутренний материальный недостаток внешней военной экспансией»⁶⁰¹. В дальнейшем с расширением присутствия России на Северном Кавказе участились «промысловые рейды горцев», которые «вылились в перманентное состояние войны»⁶⁰². Включение Дагестана, Чечни и Черкесии в имперскую административно-политическую систему в ходе Кавказской войны, нарушило «естественное развитие местной государственности, привело в условиях «колониальной ситуации» к вытеснению «туземных» форм политической культуры европейскими»⁶⁰³.

Концепция вызвала бурную реакцию в научном сообществе. С точки зрения многих исследователей⁶⁰⁴, главным недостатком

⁶⁰¹ Там же. – С. 583.

⁶⁰² Там же.

⁶⁰³ Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. – С. 591.

⁶⁰⁴ Черноус В. В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20-50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. – 2003. – № 1. – С. 50-64 // URL: http://www.nmk.sfedu.ru/page01/1999_2005.doc (дата обращения: 28.10.2014); Дегоев В. В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007. – С. 17-34; Патракова В. Ф. Проблемы истории Кавказской войны XIX века в зеркале современных подходов // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2007. – Вып. 45. – С. 78-87; Бобровников В. О. Ориентализм в литературе и политике на российском Кавказе XIX в. // URL: <http://bs-kavkaz.org/author/bobrovnikov/> (дата обращения: 12.04.2015); Лапин В. В. Новейшая историография Кавказской войны // URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Lapin_00.pdf (дата обращения: 01.05.2015); Кушхабиев А. В. Рецензия на статью Д. Сыромятниковой «Война как средство конструирования нации» // URL: <http://www.elot.ru/main/index.php?option=com=view&id=704> (дата обращения: 15.04.2015); Хотко С. Х. Черкесское сопротивление России: историографический аспект // URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=12033> (дата обращения: 12.04.2015); Дзми-

теории М. М. Блиева является то, что он выводит причины российско-кавказского военного конфликта из внутренних социальных процессов горского общества⁶⁰⁵, а любое историческое явление, тем более такое сложное, как Кавказская война, носит многофакторный характер.

В. В. Дегоев позднее признал, что теория о набеговой системе «страдает определенными научно-методологическими, фактографическими и логическими изъянами, делающими ее весьма неудобной в качестве безупречно корректного и универсалистского подхода»⁶⁰⁶. Историк обращает внимание на то, что набеги были характерны и для тех северокавказских народов, которые не принимали «никакого участия в Кавказской войне»⁶⁰⁷, и даже для казачества⁶⁰⁸.

Как утверждает В. В. Лапин, «в условиях Северного Кавказа, где доминировало натуральное хозяйство, тайное и явное хищение зерна, скота, фуража никак не могло стать основным или даже важным источником существования населения. Первый же масштабный неурожай или падеж должен был раз и навсегда решить проблему: грабители-профессионалы умерли бы от голода почти одновременно со своими перманентными жертвами»⁶⁰⁹. Таким образом, концепция о набеговой системе не получила широкой поддержки среди историков, но она представляет собой альтернативную точку зрения на проблему происхождения Кавказской войны, и поэтому требует глубокого историографического анализа, включающего исследование причин появления данной теории и ее влияния на дальнейшее развитие отечественного кавказоведения.

хов К. Ф. «Своё» и «чужое» прошлое, или Актуальные вопросы историографии Кавказской войны // *Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX-XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону*. – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 29-47 и др.

⁶⁰⁵ Черноус В. В. Отечественная историография народно-освободительных движений...

⁶⁰⁶ Дегоев В. В. Социально-политические вызовы XXI века... – С. 28.

⁶⁰⁷ Дегоев В. В. Социально-политические вызовы XXI века... – С. 28.

⁶⁰⁸ Там же.

⁶⁰⁹ Лапин В. В. Новейшая историография Кавказской войны...

Вслед за большинством осетинских исследователей Б. В. Скитский⁶¹⁰ и М. С. Тотоев⁶¹¹ признали добровольное вхождение Осетии в состав России в 1774 г. и его прогрессивное значение для осетинского народа⁶¹².

Историки И. Н. Цховребов и М. П. Санакоев в своих работах⁶¹³ развивают идею о добровольном присоединении Осетии к Российской империи. Они отмечают, что в середине XVIII в. политика российского правительства была направлена на укрепление имперских позиций «на берегах Черного и Каспийского морей и на присоединение Закавказья к России», что требовало свободного движения через Осетию по Дарьяльскому ущелью⁶¹⁴. Важное значение в установлении российско-осетинских связей авторы придают деятельности посольства 1749-1752 гг. В результате переговоров, по словам авторов, «высветилось» соглашение о присоединении Осетии к

⁶¹⁰ Скитский Б. В. Присоединение Осетии к России и его историческое значение (вторая половина XVIII в.) // История Северо-Осетинской АССР. – М., 1959; Его же. Очерки истории горских народов. – Орджоникидзе, 1972 и др.

⁶¹¹ Дзокаев К. Х., Тотоев М. С. Славная страница в истории осетинского народа // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Орджоникидзе, 1954. – Т. XVI. – С. 3-14; Их же. Путь Осетии к счастью // Социалистическая Осетия. – 1954. – 11 мая; Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. – Орджоникидзе, 1954; Его же. К истории дореформенной Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1955; Его же. За глубокое изучение истории дружбы чечено-ингушского народа с русским и другими братскими народами, за ликвидацию последствий культа личности в этом вопросе // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860–1940). – Грозный, 1964. – С. 129-138; Его же. О прогрессивном характере присоединения Осетии к России // Научный архив СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 132. 26 л. и др.

⁶¹² Скитский Б. В. Очерки истории горских народов... – С. 325.

⁶¹³ Цховребов И. Н. Осетины на военной службе в русской армии в XVIII-XIX веках // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. – Цхинвали, 1963. – Вып. XII. – С. 25-33; Его же. Захватнические планы империалистических государств на Кавказе // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. – Тбилиси, 1980. – Вып. XXIV. – С. 54-65; Санакоев М. П. Из истории боевого содружества русского и осетинского народов (XVIII – нач. XX вв.). – Цхинвали, 1987; Санакоев М. П., Цховребов И. Н. Осетия во внешней политике России в середине XVIII века. – Владикавказ; Цхинвал, 1990; Хрестоматия по истории осетинского народа / Сост. М. П. Санакоев. – Цхинвал, 2009 и др.

⁶¹⁴ Санакоев М. П., Цховребов И. Н. Указ. соч. – С. 8.

России, заключенное в 1774 г. в Моздоке⁶¹⁵. Вхождение Осетии в состав России «объективно способствовало более интенсивному и всё ускоряющемуся прогрессу в социально-экономической, культурной и политической жизни осетинского народа»⁶¹⁶.

В 1974 г. проходило торжественное празднование «200-летия добровольного присоединения Северной Осетии к России»⁶¹⁷. В республике были проведены различные мероприятия, приуроченные к этой дате, опубликовано большое количество работ⁶¹⁸, в которых подчеркивалось, что в 1774 г. в лице России осетины приобрели «верного союзника и защитника»⁶¹⁹.

В 1989 г. в Северной Осетии вышел сборник научных трудов по истории русско-осетинских взаимоотношений⁶²⁰, в котором

⁶¹⁵ Там же. – С. 4.

⁶¹⁶ Там же. – С. 23.

⁶¹⁷ Из речи кандидата в члены Политбюро ЦК, секретаря ЦК КПСС В. И. Долгих на совместном торжественном заседании Северо-Осетинского обкома КПСС и Верховного Совета СО АССР, посвященном вручению республике ордена Дружбы народов. 2 февраля 1974 г. // Северная Осетия в документах и иллюстрациях / Сост. А. Г. Тотров и др. – Орджоникидзе, 1983. – С. 40-45; Приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР Северо-Осетинскому обкому партии, Президиуму Верховного Совета и Совету Министров Северо-Осетинской АССР в связи с 50-летием Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической республики и 220-летием добровольного присоединения Северной Осетии к России // Правда. – 1974. – 27 сентября; Речь первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т. К. Мальбахова на совместном торжественном заседании Северо-Осетинского обкома КПСС и Верховного Совета СО АССР, посвященном 50-летию образования Северо-Осетинской АССР и 200-летию добровольного присоединения Северной Осетии к России // Социалистическая Осетия. – 1974. – 28 сентября и др.

⁶¹⁸ Блиев М. М. У истоков дружбы. К двухсотлетию добровольного присоединения Северной Осетии к России // Литературная Осетия. – 1974. – № 43. – С. 87-94; Его же. Навеки с Россией // Путь к коммунизму. – 1974. – 30 июля, 1 августа; Берозов Б. С помощью России // Знамя коммунизма. – 1974. – 17, 19, 21 сентября; Кузнецов В. А. Путешествие в Древний Иристон. – М., 1974; Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин, XVIII-XIX вв. – Орджоникидзе. 1974 и др.

⁶¹⁹ Берозов Б. С помощью России // Знамя коммунизма. – 1974. – 17 сентября. – С. 3.

⁶²⁰ Роль России в истории Осетии: Сборник научных трудов / Под ред. В. В. Дегоева. – Орджоникидзе, 1989.

редколлегия обозначила общую концептуальную направленность опубликованных работ и заявила, что присоединение к России изменило судьбу осетинского народа, определило ее дальнейшее общественное развитие⁶²¹.

Истории российско-вайнахских взаимоотношений посвящены работы Н. П. Гриценко⁶²². Цитируя слова П. Г. Буткова, он заявляет: «Ингушский народ, «будучи трудолюбив и покоен», в 1769 году «по собственному желанию» был принят в российское подданство, а в 1810 г. Ингушетия официально вошла в состав Российской империи»⁶²³. Чечня, по данным историка, была окончательно завоевана в 1859 г. «Присоединяя Чечено-Ингушетию», утверждает автор, имперское руководство преследовало «реакционные и колониальные цели», но включение в состав России имело для вайнахов «прогрессивное значение», поскольку «великий русский народ» ничего общего не имел с «царизмом» и «оказал огромную помощь чечено-ингушскому народу в развитии его экономики и культуры»⁶²⁴.

Подобная точка зрения относительно времени, характера и последствий вхождения региона в состав Российского государства получила развитие в исследованиях Н. Л. Тавакаляна⁶²⁵,

⁶²¹ Там же. – С. 4.

⁶²² Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. – Грозный, 1961. – Т. IV. – С. 3-194; Его же. Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. – Грозный, 1962; Его же. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии и пореформенный период (1861-1900 гг.). – Грозный, 1963; Его же. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. – Грозный, 1965; Его же. Истоки дружбы (из истории экономических, культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). – Грозный, 1975; Его же. И выросли города // Вехи единства. – Грозный, 1982. – С. 122-130 и др.

⁶²³ Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов ... – С. 29.

⁶²⁴ Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов... – С. 112.

⁶²⁵ Тавакалян Н. А. Торжество ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1965; Его же. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // Археолого-этнографический сборник. – Грозный, 1968. – Т. II. – С. 92-111; Его же. Присоединение Чечено-Ингушетии

а также в обобщающем труде по истории Чечено-Ингушской АССР⁶²⁶, где историк стал автором главы о присоединении чеченцев и ингушей к России. Ученый утверждает, что акт присоединения к России следует рассматривать и оценивать, «четко и ясно различая, с одной стороны, объективно-прогрессивное значение и последствия этого акта для присоединившихся народов, а с другой – антинародную колониальную политику царизма, его узкоклассовые колонизаторские цели и планы в присоединенных окраинных территориях»⁶²⁷. Кавказ, по мнению историка, «привлекал внимание царизма по экономическим, социально-политическим и военно-стратегическим мотивам»⁶²⁸. Но инициатива в установлении взаимоотношений принадлежала всегда местным народам.

Анализируя характер российско-чеченских взаимоотношений в XVI – начале XX исследователь А. А. Саламов⁶²⁹ заявляет, что ученые «всё ещё не сумели дать полную и достоверную картину дружественных отношений» между вайнахами и русским народом. Согласно его интерпретации, XVIII век ознаменован «нарастанием политической и военной активности русского царизма на Кавказе и усиливавшимся тяготением кавказских народов

к России и его последствия: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – М., 1972; Его же. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его объективно-прогрессивное значение // Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. – Грозный, 1967. – Т. 1. – С. 78-117 и др.

⁶²⁶ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. – Грозный, 1967-1972. – Т. 1, 2.

⁶²⁷ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР... – Грозный, 1967. – Т. 1. – С. 79.

⁶²⁸ Там же. – С. 80.

⁶²⁹ Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI – начало XX века) // Известия Чечено-Ингушского НИИ. – Грозный, 1963. – Т. III. – Вып. 1. – С. 22-32; Его же. Создать очерки истории народов Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). – Грозный, 1964. – С. 5-9; Его же. Не заглушевывать социальные противоречия прошлого // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). – Грозный, 1964. – С. 191-206 и др.

к России»⁶³⁰. Со строительством крепости Грозной в 1818 году усиливается «военный нажим» «на Чечено-Ингушетию», но при этом происходит, с точки зрения автора, «приобщение» вайнахов «к передовой русской культуре», что ликвидировало «национальную ограниченность и племенную замкнутость» горцев⁶³¹. В 1810 г. «присягой по акту о подданстве присоединились к России плоскостные ингуши»⁶³². Окончательное вхождение Чечни и Ингушетии в состав Российской империи А. А. Саламов относит к 1859 году.

Иной подход к проблеме присоединения ингушей к России демонстрирует С. Б. Котиков⁶³³. Он заявляет, что в 1810 г. данный процесс не мог быть завершён, поскольку подписание договора шестью ингушскими фамилиями не свидетельствует о согласии всего народа войти в состав Российского государства⁶³⁴. Автор предложил периодизацию процесса присоединения Ингушетии к России, в соответствии с которой первый этап (хронологические рамки – «начало русско-ингушских взаимоотношений и конец XVIII в.») характеризуется добровольным стремлением ингушского народа принять российское подданство; второй этап связан с усилением военной «экспансии царизма» и датируется началом XIX в. – 1859 г. Российско-ингушскому «сближению», как считает историк, во многом способствовал тот факт, что «царское правительство на первых порах не старалось авторитарным способом установить свою власть, а проводило более или менее миролюбивую политику»⁶³⁵.

Своеобразным историографическим итогом изучения данной проблемы стала Всесоюзная конференция 1979 г. «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа», по материалам которой в 1982 г. был опубликован

⁶³⁰ Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей... – С. 29.

⁶³¹ Там же. – С. 28.

⁶³² Там же. – С. 30, 31.

⁶³³ Котиков С. Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского НИИ. – Грозный, 1972. – Т. IX. – Ч. 2. – Вып. 1. – С. 61-102.

⁶³⁴ Там же. – С. 75.

⁶³⁵ Там же.

сборник⁶³⁶. В ее рекомендациях подчеркивалось, что интеграция всех без исключения народов региона в состав Российской империи носила мирный и добровольный характер.

Одним из редакторов выше указанного сборника был В. Б. Виноградов⁶³⁷, который вместе с историками С. Ц. Умаровым, М. О. Бузуртановым, М. М. Блиевым и другими выступал против существовавшего в советском кавказоведении утверждения о том, что Ингушетия и Чечня вошли в состав России в ходе Кавказской войны. Как полагают авторы, периодические «турецко-крымские и иранские вторжения» в XVIII в. привели к обращению чеченцев и ингушей к России. Добровольное присоединение Ингушетии историки относят к 1770 г., когда в селе-

⁶³⁶ Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 октября 1979 г., г. Грозный. – Грозный, 1982.

⁶³⁷ Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе. – Грозный, 1980; Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Акт 21 января 1781 г. – важнейшее события в процессе вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (архивные документы) // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. – Грозный, 1981. – С. 104-118; Их же. Навсегда с Россией. – Грозный, 1982; Бузуртанов М. О., Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX века). Материалы Всероссийской научной конференции (2-3 октября 1979 г.). – Грозный, 1982. – С. 47-61; Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. На вечные времена // Вехи единства. – Грозный, 1982. – С. 7-64; Виноградов В. Б. Глазами очевидцев // Вехи единства. – Грозный, 1982. – С. 110-116; Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Проблема добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России в исторической литературе // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Материалы Всероссийской научной конференции (10-12 мая 1982 г.). – Грозный, 1985. – Вып. 3. – С. 21-27; История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивные последствия / Под ред. В. Б. Виноградова. – Грозный, 1988; Айларова С. А., Виноградов В. Б. К вопросу методологической состоятельности некоторых терминов в оценке народно-освободительного, антифеодального движения горцев // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Всесоюзная научная конференция 20-22 июня 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. – Махачкала, 1989. – С. 52-55; Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом (форма, характер, исторические последствия). – Грозный, 1990 и др.

нии Ангушт 24 «киштинских» старшины подписали соглашение о вступлении «в подданство» России⁶³⁸. Аналогичный договор, ознаменовавший собой добровольное вхождение Чечни в состав России, был подписан в 1781 г.⁶³⁹. Движение Шамиля характеризуется данными авторами как «жестокое испытание» для «русско-вайнахского государственного единства»⁶⁴⁰. В. Б. Виноградов стал главным вдохновителем идеи о «добровольном присоединении Чечни и Ингушетии».

Я. З. Ахмадов посвятил свою научную деятельность изучению источников по истории русско-вайнахских отношений. В своих работах⁶⁴¹ он исследовал материалы первого чеченского посольства в Москву в 1588-1589 гг., документы Кавказской археографической комиссии, работы П. Г. Буткова и др. Историк поддерживает точку зрения о прогрессивной роли России в судьбе чеченцев и ингушей⁶⁴².

⁶³⁸ Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе... – С. 57.

⁶³⁹ История добровольного вхождения чеченцев и ингушей... – С. 29.

⁶⁴⁰ Там же. – С. 47.

⁶⁴¹ Ахмадов Я. З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII века // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. – Грозный, 1981. – С. 57-69; Его же. Ориентация на Россию // Вехи единства. – Грозный, 1982. – С. 96-100; Его же. Первое вайнахское посольство в Москву (1588-1589 гг.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1983. – С. 18-30; Его же. Состояние изученности в исторической литературе русско-сеveroкавказских политических отношений начала XVII в. // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Материалы Всероссийской научной конференции (10-12 мая 1982 г.). – Грозный, 1985. – Вып. 3. – С. 188-190; Его же. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. – Грозный, 1988; Его же. Документальные материалы по истории русско-вайнахских отношений в XVIII в. // Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1988. – С. 78-86; Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII-XVIII вв. // Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1988. – С. 71-78; Ахмадов Я. З., Мужухоев М. Б. Объединительные тенденции в освободительных движениях народов Северного Кавказа (XVIII-XIX вв.) // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Всесоюзная научная конференция 20-22 июня 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. – Махачкала, 1989. – С. 14-17; Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. – М., 2009 и др.

⁶⁴² Ахмадов Я. З. Документальные материалы по истории... – С. 83, 84.

Озвученная версия В. Б. Виноградова, получила официальное признание и послужила поводом для широкого празднования в Чечено-Ингушетии в 1981 г. 200-летия добровольного вхождения вайнахов в состав Российского государства⁶⁴³.

Таким образом, изучение процесса вхождения Центрального Кавказа в состав России в советский период неразрывно было связано с изменениями внутри- и внешнеполитической ситуации в СССР. Исследования, как правило, носили четкую идеологическую направленность, способствовали решению партийных целей и задач.

В качестве теоретической и методологической основы изучения мировой и отечественной истории выступал марксизм. Основное внимание историки уделяли причинам, методам и последствиям присоединения горцев к России. В советский период существовало несколько подходов к изучению вхождения народов Центрального Кавказа в состав Российского государства. В 20-х – первой половине 30-х гг. XX в. под влиянием работ М. Н. Покровского сформировалась концепция об «абсолютном зле», выполнявшая функцию дискредитации имперского режима и легитимации советской власти, согласно которой царская, а в последующем имперская Россия была «тюрьмой народов», и все нерусские народы вошли в её состав насильственным путем в ходе Кавказской войны. Во второй половине 30-х гг., с началом критики «школы Покровского», появляется теория о «наименьшем зле», согласно которой, местные народы, став перед выбором: присоединиться к России и, сохраняя свою самобытность, развиваться дальше или быть «поглощенной» Турцией или Персией, выбрали наименьшее из зол, т. е. стали составной частью Российского государства. Данный тезис был призван решить задачу историко-идеологического обоснования дальнейшего укрепления СССР, сохранения общественной и межнациональной стабильности в стране.

С развитием советской государственности идеология превратилась, по выражению А. Н. Сахарова, в «суррогат из марк-

⁶⁴³ В дружной семье равноправных народов. – Грозный, 1984. – С. 7; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сборник документов. – М., 1997. – С. 5.

систских идей» и «имперских традиций»⁶⁴⁴, в инструмент воспитания советского общества в духе «единства и дружбы народов» в составе СССР. В 50-х гг. XX в. концепция о «наименьшем зле» переросла в теорию о «добровольном присоединении», а дореволюционная «цивилизаторская роль» России в судьбах северокавказских народов в «объективно-прогрессивные последствия» их присоединения⁶⁴⁵. Согласно этой концепции Кабарда добровольно присоединилась к Московскому государству в 1557 г. Исследователями-балкароведами была сформулирована идея о включении Балкарии в состав России в конце XVIII – начале XIX в. Историки второй половины XX в. отстаивали точку зрения о мирном и добровольном характере включения Северной Осетии в состав России, и в качестве основной даты этого события отмечали 1774 г., а для Ингушетии и Чечни назывались 1770 и 1781 гг. соответственно в качестве дат добровольного вхождения в состав России. Концепция добровольного присоединения утвердилась в исторической науке региона и не пересматривалась вплоть до конца 80-х гг. XX в., немало ее сторонников и в современном кавказоведении.

Советские исследования, по мнению В. Г. Рыженко, носили ангажированный характер⁶⁴⁶, что привело к одностороннему анализу некоторых исторических проблем. Но А. А. Аникеев и А. В. Лубский считают, что освещение тех или иных проблем «с

⁶⁴⁴ Сахаров А. Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // URL: <http://iri-ran.ru/izdannoe/saharov-o-novyih-2.html> (дата обращения: 12.04.2015).

⁶⁴⁵ Урбан П. К. Смена тенденций в советской историографии. Исследования и материалы. – Мюнхен, 1959. – Серия 1. – Вып. 44. – С. 12; Тарле Е. В. О роли территориального расширения России в XIX-XX веках. Доклад на Ученом совете Ленинградского государственного университета. Публикация Ю. Н. Амиантова // Вопросы истории. – 2002. – № 6. – С. 8; Гордон А. В. Революционная традиция и имперские модели: историческая наука последнего сталинского десятилетия // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. – Саратов, 2006. – С. 98.

⁶⁴⁶ Рыженко В. Г. Возвращенное наследие историков XX века в коммуникативном поле современной исторической науки: приглашение к дискуссии // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. – Челябинск, 2011. – С. 374.

позиций формационного редуционизма» не исключает научной значимости советских работ для современной историографии⁶⁴⁷. Историческая наука в нашем регионе, по словам Ю. А. Жданова, является детищем советской власти⁶⁴⁸ со всеми ее достоинствами и недостатками. В целом же в 20-80-х гг. XX в. были разработаны основные проблемы истории региона, накоплена обширная источниковая база, опубликованы обобщающие работы⁶⁴⁹, создана национальная историография северокавказских народов. Важную роль в развитии советской историографии сыграли научные центры по изучению истории и этнографии народов Кавказа, функционировавшие при региональных филиалах Академии наук, высших учебных заведениях юга России. В них осуществлялась подготовка специалистов в области изучения российско-кавказского исторического взаимодействия, проводились конференции, «круглые столы», защищались кандидатские и докторские диссертации.

⁶⁴⁷ Аникеев А. А., Лубский А. В. Теоретические поиски в современной исторической науке... – С. 54.

⁶⁴⁸ Жданов Ю. А. На путях межнационального сотрудничества // Жданов Ю. А. Избранное. – Ростов-на-Дону, 2001. – Т. 2. – С. 260.

⁶⁴⁹ Шеуджен Э. А. Теоретико-методологические ориентиры исследований по истории Северного Кавказа // *Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX-XXI вв.* Материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 25.

Глава 4. СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВКЛЮЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

4.1. Анализ проблематики взаимоотношений народов Центрального Кавказа и России в XVI-XIX веках в общероссийском историко-политическом контексте

Распад СССР обозначил глубокий общественный разлом, который отразился и в сфере научных исследований⁶⁵⁰. Перемены в общественно-политической жизни страны в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. выдвинули на первый план исследовательской деятельности преодоление границ исторического анализа, задаваемых вплоть до этого времени марксовской схемой истории⁶⁵¹. По метафоричному выражению В. А. Шнирельмана, «привычная схема российского исторического развития оказалась ветхим сооружением, требующим либо капитального ремонта, либо полного сноса и замены зданием, построенным по совершенно новому проекту»⁶⁵².

В современной науке наметился переход от монистической интерпретации истории к плюралистической. Этот переход создал особую методологическую ситуацию, в рамках которой, с одной стороны, идет поиск новых методологических ориентиров, с другой – наблюдается мобилизация всего предшествующего исследовательского опыта, познавательного потенциала предшествующих эпох и иных культур⁶⁵³. В результате историческая

⁶⁵⁰ Кузнецов В. А., Чеченов И. М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). – Владикавказ, 2000. – С. 10.

⁶⁵¹ Боров А. Х. Проблема синтеза в историческом кавказоведении... – С. 4.

⁶⁵² Шнирельман В. А. Излечима ли болезнь этноцентризма? Из опыта изучения конструирования образов прошлого – ответ моим критикам // Политическая концептология. – 2013. – №1. – С. 100.

⁶⁵³ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация: автореф. дис... д-ра филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2005 // URL: <http://cheloveknauka.com/alternativnye-modeli-istoricheskogo-issledovaniya-kontseptualnaya-interpretatsiya> (дата обращения: 24.06.2015).

наука, по определению А. В. Лубского, превращается в «мультипарадигмальную» дисциплину, становясь когнитивным полем многообразных мнений и интертекстуальных «языковых игр», в ходе которых историческая реальность растворяется во множестве научных дискурсов, тропов и смысловых миров⁶⁵⁴. С точки зрения Э. А. Шеуджен, «плюрализм» в области теории и методологии истории придает динамику процессу познания, но в то же время неизбежно обуславливает неустойчивость основания предметной области исторического знания⁶⁵⁵.

В новых условиях существования исторической науки структура дисциплинарной матрицы российского кавказоведения приобрела следующие характерные черты:

1. Интересы. Начало 1990-х гг. характеризуется бурным ростом национального самосознания малых народов России и их обращением к историческому прошлому в целях укрепления собственной этнической идентичности, что стремительно активизировало центробежные тенденции в ряде республик Северного Кавказа. Данные обстоятельства поставили перед российским руководством важнейшую задачу не допустить расширения «ареала» суверенизации государств Закавказья на северокавказскую территорию. Стремясь к реализации федеральных интересов, российские ученые обратились к истории российско-кавказских взаимоотношений, в которой, в отличие от региональных исследователей, усматривали источники легитимации современных, исторически сложившихся государственных границ России на Кавказе.

2. Концепты обозначения. Объективная картина текущей историографической ситуации, по словам К. Ф. Дзамихова, позволяет в определенных случаях ставить вопрос о противостоянии позиций региональных национальных историков и историков российского центра⁶⁵⁶. «Федеральные» ученые выступают

⁶⁵⁴ Лубский А. В. Постмодернизм и историческая наука // URL: http://teoretik.info/index.php?option=com_content&view=article&id=109:2012-03-10-17-55-14&catid=68:2012-03-10-13-48-38. (дата обращения: 01.07.2012).

⁶⁵⁵ Шеуджен Э. А. Историческое знание и историческая память: западноевропейская традиция взаимообусловленности. – Москва; Майкоп, 2012. – С. 242.

⁶⁵⁶ Дзамихов К. Ф. «Свое» и «чужое» прошлое... – С. 29.

против идеи о перманентном военном противостоянии России и народов Центрального Кавказа в прошлом и обосновывают мирный, добровольный характер присоединения местных народов к Российскому государству, оказавшему позитивное влияние на последующее социально-экономическое развитие региона, вследствие чего «новую жизнь» приобрела концепция середины 50-х – 80-х гг. XX в. о «добровольном присоединении» северокавказских народов к России. Исследователи обосновывают позитивный характер российского влияния на общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь горских обществ, подчеркивают невозможность сохранения местными этносоциальными образованиями своей независимости и генофонда в условиях геополитического противоборства европейских держав в XVI-XIX вв.⁶⁵⁷

3. Методы. Концептуальный и методологический поиск в научных исследованиях привел к возникновению разных подходов к освещению российско-кавказского исторического взаимодействия. В современном научном дискурсе воспроизводятся практически все концептуальные традиции, сложившиеся в имперский и советский периоды, с добавлением некоторых новых подходов, таких как социокультурный (цивилизационный) анализ, теория границы (контактных зон, фронта), теория модернизации и др. Методологический плюрализм, как отмечают А. Х. Боров и Е. Г. Муратова, переплетается с идейно-политическим плюрализмом, поляризованным между крайностями этно-националистических и нео-имперских интерпретаций⁶⁵⁸.

4. Формы репрезентации. В современной российской историографии происходит частичное возрождение советской риторики (в частности, тезис о «дружбе народов» трансформировался в идею единства Российского многонационального государства), но в новой интерпретации она перестала представлять собой нечто цельное. С одной стороны, советская символика подверглась полному осуждению и демонтажу; с другой стороны, она становится основой для новых идеологических построений, из нее

⁶⁵⁷ Максимчик А. Н. Присоединение Северного Кавказа к России... – С. 91.

⁶⁵⁸ Боров А. Х., Муратова Е. Г. Общество и власть на Северном Кавказе...

«выдергиваются» отдельные символы и концепты (о «добровольном присоединении» северокавказских народов к России и его «позитивных последствиях» для горских обществ и др.), которые призваны выполнять те же функции, что и в СССР: установление стабильности в обществе, доказательство необходимости укрепления государственности и т. д.

5. Функции. Вариативность трактовок вхождения Центрального Кавказа в состав России позволяла, с одной стороны, подвести научную основу под содержание, цели и задачи сепаратистских политических программ, с другой, – оказать им аргументированное противодействие⁶⁵⁹. Возрождение советского подхода, освещавшего российско-кавказские взаимоотношения с позиции добровольности и прогрессивности, стало ответной реакцией на всплеск национализма в региональных исследованиях и демонстрирует отношение государственной власти к данному вопросу. В результате происходит углубление противоречий между федеральным центром и национальной интеллектуальной элитой, что еще больше усложняет поиск компромиссных подходов к проблеме вхождения народов Центрального Кавказа в состав России.

Характерные черты марксистской историографии вхождения Северного Кавказа в состав России отразились в пятитомной «Истории внешней политики России»⁶⁶⁰. По мнению ее редакторов О.В. Орлика, В.Н. Пономарева и др., Кавказ рассматривался Александром I и Николаем I «как аграрно-сырьевой придаток России» и как «оплот» для осуществления имперских военно-стратегических задач⁶⁶¹. В XIX в. горцы были вынуждены вести «упорную борьбу против национально-колониальной политики царизма»⁶⁶². В то же время авторы подчеркивают, что проводимые в регионе преобразования способствовали преодолению

⁶⁵⁹ Максимчик А.Н. Присоединение Северного Кавказа к России... – С. 91.

⁶⁶⁰ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / Отв. ред. О.В. Орлик. – М., 1999.

⁶⁶¹ Там же. – С. 216.

⁶⁶² Там же. – С. 23.

нию северокавказскими народами «феодальной ограниченности и патриархальной замкнутости» и создали «более благоприятные условия для роста их национальной консолидации»⁶⁶³.

В аналогичном ключе написана работа Е. П. Толмачева⁶⁶⁴. По выражению историка, многовековой процесс присоединения кавказских народов «сочетал в себе как элементы завоевания со стороны России, так и элементы добровольного вхождения в ее состав»⁶⁶⁵. Систематическое завоевание Северного Кавказа автор датирует 1817-1864 гг.⁶⁶⁶. Вхождение региона в состав России обеспечило северокавказским народам «преодоление их экономической отсталости и политической раздробленности»⁶⁶⁷.

По словам В. М. Азарова и В. В. Марущенко, народы Кавказа, «испытав на себе жестокость персидских и турецких завоевателей, всё больше тяготели к России» и к концу Кавказской войны окончательно присоединились к России⁶⁶⁸.

Одной из первых современных работ, в которой подчеркивается неправомерность определения российско-кавказского исторического взаимодействия как многовекового военного противостояния, является совместная статья Л. С. Гагаевой, Д. И. Исмаил-Заде, В. И. Котова и др.⁶⁶⁹. Возникновение данного тезиса исследователи связывают со стремлением региональных национальных элит «добиться для себя наибольших экономических и политических выгод»⁶⁷⁰. Историки признают, что Российская империя присоединяла новые территории не всегда мирным

⁶⁶³ История внешней политики России... – С. 23.

⁶⁶⁴ Толмачев Е. П. Присоединение Кавказа к России (Некоторые итоги и значение) // Сборник русского исторического общества. – М., 2000. – Т. 2. – С. 215-217.

⁶⁶⁵ Там же. – С. 215.

⁶⁶⁶ Там же.

⁶⁶⁷ Там же. – С. 216.

⁶⁶⁸ Азаров В. М., Марущенко В. В. Кавказ в составе России // Красная звезда. – 2001. – 19 января. – № 11.

⁶⁶⁹ Гагаева Л. С., Исмаил-Заде Д. И., Котов В. И., Некрасов А. М., Трепавлов В. В. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // Дипломатический вестник. – 1998. – № 10 // URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/98a7!OpenDocument (дата обращения: 13.04.2015).

⁶⁷⁰ Там же.

путем, но взаимоотношения России и народов Северного Кавказа в XVI-XIX вв. не сводятся к одной лишь войне⁶⁷¹.

Связи горцев Центрального Кавказа с Россией вплоть до второй половины XVIII в. носили в экономический характер. В XVIII в. позиции России на Северном Кавказе напрямую зависели от ее отношений с Турцией. По мнению авторов, Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года наделил кабардинцев статусом российских подданных, а по Ясскому мирному соглашению 1791 г. Кабарда и Осетия окончательно вошли в состав России⁶⁷². Кавказская война, с точки зрения Л. С. Гагаевой, Д. И. Исмаил-Заде и др., представляет собой растянувшуюся на десятилетия серию военных конфликтов, в которых приняли участие только дагестанцы, чеченцы и адыги, а осетины, кабардинцы и часть дагестанцев воевали в составе российских войск⁶⁷³.

По версии крупного современного исследователя Н. А. Нарочницкой, Кавказская война XIX века началась не в связи с попыткой России присоединить регион, а в связи с конфликтом российских властей с северокавказскими владельцами, связанными с Персией, Турцией и Британией⁶⁷⁴. Кавказ вошел в состав России, заявляет автор, «много раньше и в основном с добровольного согласия»⁶⁷⁵. Так, в середине XVI в. осуществлялись «добровольные присягания на верность» адыгами; в 1770 году 24 ингушских старейшины вступили в российское подданство⁶⁷⁶ и т.д.

Подобную точку зрения разделяет правовед Л. Г. Свечникова. Присоединение Кабарды, Осетии и Ингушетии к России она связывает с Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г. Российско-ингушские (1770, 1810 гг.) и российско-чеченские соглашения (1771, 1807 гг.) подтвердили подданство вайнахов. Юридиче-

⁶⁷¹ Гагаева Л. С., Исмаил-Заде Д. И., Котов В. И., Некрасов А. М., Трепалов В. В. Указ. соч.

⁶⁷² Там же.

⁶⁷³ Там же.

⁶⁷⁴ Нарочницкая Н. А. Кавказские войны – средство геополитики // URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/print5114.htm> (дата обращения: 12.04.2015).

⁶⁷⁵ Там же.

⁶⁷⁶ Там же.

ское оформление вхождения Кавказа в состав России завершил Адрианопольский мир 1829 года⁶⁷⁷.

В представлении Л. Г. Свечниковой, процесс интеграции горских обществ в состав империи не происходил гладко, но главной целью российской политики в регионе являлась не колонизация, а расширение экономических связей и предотвращение проникновения на Кавказ «агентуры» Турции, Ирана, Англии и Франции⁶⁷⁸. Автор подчеркивает, что в результате присоединения к России местные народы сохранили свою культуру, «национальную идентичность» и смогли в дальнейшем создать «национальную государственность»⁶⁷⁹.

В последние годы с целью консолидации северокавказских этнических групп с русским народом федеральный центр вновь обратился к традиции проведения торжественных мероприятий, приуроченных к юбилею включения какой-либо территории Северного Кавказа в состав России, унаследовав при этом советскую систему отсчета. Так, в начале XXI в. с размахом праздновались 230-летие⁶⁸⁰ и 235-летие⁶⁸¹ присоединения Северной Осетии к России (2004, 2009), 450-летие добровольного вхождения Кабардино-Балкарии (2007)⁶⁸², 240-летие⁶⁸³ и даже 244-летие⁶⁸⁴ вхождения Ингушетии (2010, 2014) в состав Российского государства

⁶⁷⁷ Свечникова Л. Г. Правовые основы вхождения Кавказа в состав Российской империи // URL: <http://kborthodoxy.ru/news/780-2014-03-27g.html> (дата обращения: 12.04.2015).

⁶⁷⁸ Там же.

⁶⁷⁹ Там же.

⁶⁸⁰ Северная Осетия. – 2004. – 2, 3 июля.

⁶⁸¹ Северная Осетия отмечает годовщину присоединения к России // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=321086> (дата обращения: 12.04.2015).

⁶⁸² Указ Президента Российской Федерации от 8.09.2006 г. № 967 «О праздновании 450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства» // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102108741> (дата обращения: 11.05.2015).

⁶⁸³ Сухов И. Сплошной праздник // URL: <http://www.vremya.ru/print/249794.html> (дата обращения: 12.04.2015).

⁶⁸⁴ 17 марта 2014 года Ингушетия отмечает 244-летие добровольного вхождения в состав России // URL: <http://www.magas.ru/content/17-marta-2014-god-ingushetiya-otmechaet-244-letie-dobrovolnogo-vkhozhdeniya-sostav-rossii> (дата обращения: 12.04.2015).

и др. В условиях политического плюрализма такая практика неминуемо вызывает волну критики, как со стороны политических оппонентов местных властей, так и со стороны ряда региональных историков и некоторых исследователей центральных научных учреждений.

Известный российский историк, профессор МГИМО В. В. Дегоев в постсоветский период посвятил большое количество исследований⁶⁸⁵ проблеме российско-кавказских взаимоотношений в XVIII-XIX вв. Кавказская война, в интерпретации автора, возникла как следствие физического соприкосновения разных культур, одна из которых (имперская) оказывала нарастающее и подчас чрезмерно агрессивное давление на другую (патриархально-родовую)⁶⁸⁶.

«Этот беспокойный край» с XVI в. становится объектом геополитического соперничества России, Турции, Ирана и Крымского ханства. В соответствии с условиями Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. к Российской империи была присоединена Кабарда. Другие территории Северного Кавказа в договоре не указывались, но подразумевалось, что весь Центральный Кавказ, по мнению В. В. Дегоева, переходил под влияние России⁶⁸⁷.

⁶⁸⁵ Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в. – Владикавказ, 1992; Его же. Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности // Вестник института цивилизации. – Владикавказ, 1999. – Вып. 2. – С. 128-161; Его же. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М., 2001; Его же. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2001; Его же. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. – М., 2004. – Т. 1. – С. 28-47; Его же. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX в.) // Кавказский сборник. – М., 2005. – Т. 2. – С. 90-108; Его же. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М., 2009; Его же. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год): Учебное пособие. – М., 2009; Его же. Распад имамата Шамиля власть и властитель в условиях кризиса // URL: <http://chechen.org/archives/719> (дата обращения: 15.04.2015); Его же. Осетинский вопрос в политике Екатерины II. 60-70-е годы XVIII века // Кавказский сборник. – М., 2011. – Т. 7. – С. 75-117 и др.

⁶⁸⁶ Дегоев В. В. Кавказ и имперская идея // Звезда. – 2004. – № 6 // URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/6/deg7.html> (дата обращения: 12.06.2015).

⁶⁸⁷ Дегоев В. В. Кавказская война: предотвратимая неизбежность или неумолимость истории? // URL: <http://www.iarex.ru/articles/51065.html> (дата обращения: 12.06.2015).

В результате переговоров 1774 года в Моздоке Осетия приняла российское подданство. Автор придает важное историческое значение данному соглашению, но рассматривает его как официальное подтверждение «верности» осетин российскому престолу, а не как акт о присоединении Осетии к России⁶⁸⁸.

Известный российский исследователь, кавказовед, главный редактор журнала «Звезда» Я. А. Гордин проанализировал роль Северного Кавказа во внешней политике России. По его словам, со времен Петра I регион являлся плацдармом, с которого в любой момент мог быть нанесен удар во фланг или тыл русской армии – сражалась ли она с Турцией или Ираном. В XIX в. кавказская территория становится помехой для России в налаживании связей с присоединенной Грузией⁶⁸⁹. Империи был необходим «союзный, лояльный, мирный Кавказ, не обязательно жестко включенный в имперскую структуру», но таковым, как полагает историк, он не мог быть «в силу психологической природы своего населения»⁶⁹⁰. Таким образом, с точки зрения Я. А. Гордина, российско-горский конфликт носил цивилизационный характер.

Научный интерес представляют исследования В. В. Лапина⁶⁹¹, который обосновывает неправомочность ограничения Кавказской войны традиционными хронологическими рамками (1817-1864 гг.), поскольку в результате история Кабарды и Осетии отделяется от истории других районов Северного Кавказа⁶⁹². Он предлагает считать Персидский поход Петра Великого в 1722-1723 гг. началом завоевания Кавказа, а подавление восстания в Чечне и Дагестане в 1877 году – его окончанием⁶⁹³. Подобное расширение временных рамок Кавказской войны позволяет, по убеждению автора, отказаться от малоперспективных попы-

⁶⁸⁸ Дегоев В. В. Осетинский вопрос... – С. 110.

⁶⁸⁹ Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000. – С. 43, 44.

⁶⁹⁰ Там же. – С. 44.

⁶⁹¹ Лапин В. В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. – СПб., 2003; Его же. Армия России на Кавказе: Приватизация войны // URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/la12.html> (дата обращения: 15.04.2015); Его же. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб., 2008 и др.

⁶⁹² Лапин В. В. История Кавказской войны... – С. 13.

⁶⁹³ Там же. – С. 14.

ток искать внутреннее единство в типологически разных исторических явлениях, выявить природу этого исторического феномена и дать ему некую «обобщающую» характеристику⁶⁹⁴.

Как и многие современные исследователи, В. В. Лапин определяет Кавказскую войну как цивилизационную, ставшую неизбежной в результате соприкосновения двух военных структур, имеющих различные знаковые системы: русская армия, как европеизированная машина устрашения и разрушения, и военная организация горцев, соответствующая эпохе военной демократии или становления феодализма⁶⁹⁵. Но, несмотря на ожесточенный характер российско-горских боевых столкновений, вхождение Северного Кавказа в состав России, как отмечает автор, оказало большое влияние на экономическое и культурное развитие региона⁶⁹⁶.

Историк Ю. Ю. Клычников полагает⁶⁹⁷, что в XIX в. на Кавказе произошло столкновение двух противоположных сил: имперского центра, стремившегося «вроснуть» новую окраину в общегосударственный механизм, и экспансионизма ряда горских обществ, решавших свои внутренние проблемы, связанные с переходной экономикой и коренной ломкой организации общественной жизни. Все это осложнялось вмешательством ряда иностранных государств, преследовавших на Кавказе свои геополитические интересы⁶⁹⁸.

⁶⁹⁴ Там же.

⁶⁹⁵ Лапин В. В. История Кавказской войны... – С. 39.

⁶⁹⁶ Там же. – С. 77.

⁶⁹⁷ Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827): дис. ... канд. истор. наук. – Армавир, 1998; Его же. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). – Пятигорск, 2002; Его же. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.): дис. ... д-ра истор. наук. – Пятигорск, 2004; Его же. Из истории формирования российского Северного Кавказа. – Пятигорск, 2008; Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность народы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе. – Пятигорск, 2011; Великая Н. Н., Клычников Ю. Ю. Интересы России на Северном Кавказе в отражении горских присяг (XVI – начало XIX вв.) // Кавказский сборник. – М., 2011. – Т. 7. – С. 26–37; Клычников Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. – М., 2015 и др.

⁶⁹⁸ Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). – Пятигорск, 2002. – С. 121.

Кабарда, по словам автора, после ермоловского «замирения» 1825 г. оставалась спокойной. В начале 1827 г. российское подданство приняли ряд балкарских обществ⁶⁹⁹. Юридическое вхождение Кавказа в состав Российского государства, по версии Ю.Ю. Клычникова, завершилось после подписания Адрианопольского мира с Турцией в 1829 г.⁷⁰⁰.

Дискуссии среди историков-кавказоведов привели к появлению нового термина, претендующего на универсальность в определении характера взаимоотношений России с народами Северного Кавказа. Это понятие «российскость». Оно было введено исследователем В.Б. Виноградовым в конце XX в. Группа его последователей получила название «школы В.Б. Виноградова». Представителями данного направления исторической науки опубликовано большое количество работ⁷⁰¹, посвященных проблемам исторического взаимодействия России и северокавказских народов. «Российскость», согласно исследованиям «школы», представляет собой тенденцию «к равноправному историческому партнерству народов под эгидой России»⁷⁰². «Российскость» в этой концепции предстает как некое имманентное качество местных народов, которое определило их «тяготение к России» и стремление к обретению «общей судьбы в границах единой Ро-

⁶⁹⁹ Там же. – С. 429.

⁷⁰⁰ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). – Пятигорск, 2002. – С. 490.

⁷⁰¹ Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа) / Под. ред. В.Б. Виноградова. – Армавир, 1999; Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова: Становление, современность, перспективы. – Армавир, 2002; «Российскость» в истории Северного Кавказа. – Армавир, 2002; Серова М.И. Феномен «Российскости» в северокавказской истории России // Некоторые черты и особенности обретения и обустройства северокавказской окраины России. – Армавир, 2005. – С. 17-26; Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2007. – Вып.45. – С. 88-101; Кавказовед В.Б. Виноградов в изучении зарубежной истории. – Армавир, 2006; Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. 2009-2010 гг. – Армавир, 2010 и др.

⁷⁰² Виноградов В.Б. Средняя Кубань. Земляки и соседи // URL: <http://www.zolka.ru/articles/19-6/306---q---xvi-xix-q>. (дата обращения: 15.05.2013).

дины»⁷⁰³. Но в рамки данной теории, на наш взгляд, не укладываются факты бесчисленных военных столкновений частей русской армии с местными народами и процесс выселения горцев в Османскую империю⁷⁰⁴.

Аналогичный подход, демонстрирующий «генетическое» стремление кавказских народов в состав России, отражен в исследованиях В. А. Матвеева⁷⁰⁵. В его трактовке, Северный Кавказ в середине XIX в. покорился «не столько силе русского оружия, сколько силе авторитета России»⁷⁰⁶, осуществлявшей универсалистскую объединительную деятельность в отношении местных этнических групп. Российская государственность наделяется автором особыми притягательными свойствами и достоинствами, способствовавшими объединению северокавказских народов в составе империи⁷⁰⁷. Кавказская война рассматривается историком как следствие российского противостояния набеговой экспансии горцев, без искоренения которой стало невозможным достижение стабильности в регионе⁷⁰⁸.

⁷⁰³ Виноградов В. Б., Кужева К. В., Шаова С. Д. Адыго-абазинский и казачье-гребенский авангард добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав России // Вопросы южнороссийской истории. – Москва; Армавир, 2006. – Вып. 12. – С. 76.

⁷⁰⁴ Кузьминов П. А. Кавказоведение на грани веков... – С. 20, 21.

⁷⁰⁵ Матвеев В. А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний: от державности к «тюрьме народов», национализму, евразийству и российскости. – Армавир; Ростов-на-Дону, 1998; Его же. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). – Ростов-на-Дону, 2006; Его же. Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). – Ростов-на-Дону, 2008; Его же. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). – Ростов-на-Дону, 2012; Его же. Черкесский вопрос в преломлении прошлого // Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 257-266; Его же. К вопросу о цивилизационных особенностях окраин Российской империи (на примере Северного Кавказа) // Известия СОИГСИ. – Владикавказ, 2013. – Вып. 9. – С. 33-44 и др.

⁷⁰⁶ Матвеев В. А. Россия и Северный Кавказ... – С. 52.

⁷⁰⁷ Там же.

⁷⁰⁸ Там же.

Л. С. Гагагова сравнивает модель «экспансии» России в южном направлении со структурой американского фронта. В её представлении, «граница между Российским государством и кавказскими раннеполитическими образованиями представляла собой не только линию вооруженного соприкосновения, но и своего рода контактно-цивилизационную зону, где развивались интенсивные хозяйственные, политические, личные связи»⁷⁰⁹.

Теория контактных зон получила развитие в исследовании В. Гутакова⁷¹⁰. Кавказская война, в его версии, стала результатом столкновения двух суперэтносов: евразийского и кавказского, в ландшафтных системах Степи и Гор. Со второй половины XVIII в. российско-кавказская контактная зона превращается в зону постоянных конфликтов и боевых действий⁷¹¹. Углублению конфликтной ситуации на всем Северном Кавказе способствовало создание в 1785 году Кавказского наместничества, строительство укреплений и пр. Вхождение Кабарды в состав России В. Гутаков связывает с российско-крымским договором 1772 года⁷¹².

Против применения теории фронта в изучении проблем российско-кавказского исторического взаимодействия выступила профессор Э. А. Шеуджен. Она полагает, что порубежье между Россией и народами Северного Кавказа «существовало на протяжении многих веков, приобретая различную конфигурацию: от условной «контактной зоны» до жестко разделительных военно-стратегических линий»⁷¹³. В этом смысле исследовательница считает возможным согласиться, что северокавказские народы в прошлом находились в южной зоне российского фронта.

⁷⁰⁹ Гагагова Л. С. Присоединение Кавказа // Российская Империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. – М., 2011 // URL: <http://statehistory.ru/books/kollektiv-Rossiyskaya-Imperiya-ot-istokov-do-nachala-XIX-veka---Ocherki-sotsialno-politicheskoy-i-ekonomicheskoy-istorii/11> (дата обращения: 12.04.2015).

⁷¹⁰ Гутаков В. Русский путь к Югу (мифы и реальность) // Вестник Европы, – 2007. – № 21 // URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2007/19/gu18.html> (дата обращения: 16.04.2015).

⁷¹¹ Там же.

⁷¹² Там же.

⁷¹³ Шеуджен Э. А. Зона ли фронта... – С. 10.

«Однако никогда, – подчеркивает Э. А. Шейден, – территория по другую сторону условной границы не воспринималась как незаселенное, свободное пространство». Недостаточно обоснованным представляется утверждение о северокавказском фронтире как «границе», где встречаются «дикость» и «цивилизация». Автор приходит к выводу, что с момента вхождения Северного Кавказа в состав России идея фронта как «границы» «теряет реальный смысл и может быть рассмотрена как искусственное, умозрительное построение»⁷¹⁴.

Важным историографическим источником являются работы В. В. Трепавлова⁷¹⁵, в которых изучено возникновение и развитие института подданства в России в XVI-XVIII вв. «Учинение в холопстве» Кабарды при Иване IV означало ее внешнеполитическую ориентацию на Московское государство. Здесь, как отмечает историк, можно вести речь лишь о номинальном признании иерархического старшинства «белого царя» над местными князьями⁷¹⁶. Отношения народов Центрального Кавказа с Россией вплоть до второй половины XVIII в. были эпизодическими и касались в основном торговли, а шертные договоры, заключавшиеся представителями той или иной этнической группы с представителями российской власти, носили временный и необязательный характер⁷¹⁷.

⁷¹⁴ Там же. – С. 14.

⁷¹⁵ Трепавлов В. В. Народы России в школьных учебниках по отечественной истории (до XX в.) // Отечественная история. – 2003. – № 1. – С. 114-120; Его же. Русско-кавказские отношения в XVI-XVIII вв.: историографическая реальность и историографические схемы // Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции, 11-12 ноября 2004 года. – Владикавказ, 2005. – С. 265-273; Его же. Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. – М., 2006. – Кн. 2. – С. 198-205; Его же. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. – М., 2007; Его же. Россия и народы Кавказа: проблемы цивилизационного взаимодействия // История народов России в исследованиях и документах. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. – М., 2011. – Вып. 5. – С. 8-14 и др.

⁷¹⁶ Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха... – С. 186. – С. 267, 268.

⁷¹⁷ Трепавлов В. В. Русско-кавказские отношения в XVI-XVIII вв... – С. 270.

По мнению В.В. Трепавлова, в ходе общественно-политической модернизации Петра I Россия стала утрачивать средневековые нормы отношений между царем и подданными, чему способствовало совершенствование государственного административного механизма, создание на окраинах казачьих поселений, постепенная выработка новых идентичностей у присоединенных народов. Эти процессы стали более интенсивными в XIX в., когда в состав Российского государства вошли народы Кавказа⁷¹⁸.

Вызывает интерес подход Б.В. Виноградова⁷¹⁹ к изучению мотивов вступления Кабарды в российское подданство, которое кабардинские феодалы воспринимали «условно, без каких либо ограничений привычного уклада жизни»⁷²⁰. В интерпретации автора политическая ориентация кабардинских князей в XVIII в. носила двойственный характер: они не желали подчиняться ни Российской, ни Османской империи. Стратегический план кабардинской княжеской элиты, как полагает историк, состоял в том, чтобы, используя поддержку России, обороняться от Турецкой агрессии, и одновременно использовать турецкий фактор для отстаивания своей независимости от российских властей. Такой сценарий внешней политики мог позволить Кабарде сохра-

⁷¹⁸ Там же. – С. 272.

⁷¹⁹ Виноградов Б.В. Кавказ в политике Павла I: дис. ... канд. истор. наук. – Армавир, 1997; Его же. Азово-Моздокская линия как эпохально-мотивированная форма защиты российских границ и интересов на Северном Кавказе // Азово-Моздокская линия на рубеже XVIII-XIX вв. Материалы региональной научно-практической конференции 16-17 декабря 2003 г. – Пятигорск, 2003. – С. 6-8; Его же. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. – Краснодар; Армавир, 2004; Его же. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг.: дис. ... д-ра истор. наук. – Армавир, 2006; Его же. Особенности российско-кабардинских взаимоотношений во второй половине – конце XVIII в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г. – Майкоп, 2006. – С. 61-69; Его же. «Кавказская война»: терминологические и стадийные аспекты исследования // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч. конф. – Краснодар, 2015. – С. 35-45 и др.

⁷²⁰ Виноградов Б.В. Особенности российско-кабардинских взаимоотношений... – С. 64.

нить собственное доминирование над народами Центрального Кавказа⁷²¹.

Исследователи А. В. Землянский, Н. Б. Алати, А. Э. Шавишвили и др.⁷²², как и многие современные историки и правоведы, важное значение в процессе вхождения Центрального Кавказа в состав России придают международно-правовому оформлению присоединения региона, санкционированному Кючук-Кайнарджийским мирным договором 1774 г.

Данное соглашение, как утверждает А. Э. Шавишвили, продемонстрировало, что решение вопроса о правовом статусе Северного Кавказа является исключительно «прерогативой великих держав»⁷²³.

Интересен подход историка Е. В. Пчелова⁷²⁴, исследовавшего геральдическое воплощение принадлежности Кабарды России. В середине XVI в. адыги, по словам автора, обратились к могущественному Московскому царству в надежде обрести в нём защитника от иноземной агрессии⁷²⁵. Установившаяся в результате переговоров зависимость кабардинских князей от Московского государства представляла собой военную службу русскому государю, предполагавшую выплату им жалованья, и вхождения Кабарды в состав России здесь не предусматривалось⁷²⁶.

Включение слов «Государь Иверские земли Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей» в объектный

⁷²¹ Там же. – С. 66.

⁷²² Землянский А. В. Северный Кавказ в политике России в 30-90-е годы XVIII века: дис. ... канд. истор. наук. – Пятигорск, 2001; Алати Н. Б. Нормативное и организационно-правовое обеспечение государственной политики России на Северном Кавказе в период XVIII-XX вв. (историко-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006; Шавишвили А. Э. Правовое положение Северного Кавказа в составе Российской империи: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009 // URL: <http://www.dissercat.com/content/pravovoe-polozhenie-severnogo-kavkaza-v-sostave-rossiiskoi-imperii> (дата обращения: 12.04.2015) и др.

⁷²³ Шавишвили А. Э. Указ. соч.

⁷²⁴ Пчелов Е. В. Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI – начала XX века. – Нальчик, 2007; Его же. Внук Темрюка Идарова – на российском престоле // Кабардино-Балкарская правда. – 2007. – 23 августа и др.

⁷²⁵ Пчелов Е. В. Кабардинская земля в царском титуле... – С. 12.

⁷²⁶ Там же. – С. 68.

титул русского царя произошло на рубеже июля и августа 1589 г. Расположение кавказских объектов в заключительной части царского титула, употребление применительно к ним понятия «земля» и сопряжённого с этим понятием титула «государь» свидетельствуют, по мнению Е. В. Пчелова, об условном характере власти русского царя над этими территориями⁷²⁷.

Впервые самостоятельный герб Кабарды появился в «Царском титулярнике» 1672 г. и входил в композицию государственных гербов Российской империи в 1800, 1857, 1882 гг.⁷²⁸. Таким образом, закрепление герба в титуле монарха не служит свидетельством фактического присоединения Кабарды к России, оно демонстрирует отношение царя или императора к ней, как к подвластной ему территории.

Влияние уровня развития военного искусства адыгов, их тактики, стратегии и средств ведения боя на ход и итоги Кавказской войны проанализировал А. А. Остахов⁷²⁹. Историк утверждает, что превосходство адыгов над российской армией в плане оперативно-тактической мобильности, усилению которой способствовали природно-ландшафтные условия региона, стало главной причиной затягивания Кавказской войны 1817-1864 гг.⁷³⁰. Адыги широко использовали в бою тактический принцип внезапности, который заключался в нанесении удара противнику в

⁷²⁷ Там же. – С. 69.

⁷²⁸ Там же. – С. 69, 70.

⁷²⁹ Остахов А. А. Состояние военного искусства адыгов в XV-XIX вв.: дис. ... канд. истор. наук. – Пятигорск, 2011 // URL: <http://www.dissercat.com/content/sostoyanie-voennogo-iskusstva-adygov-v-xv-xix-vv> (дата обращения: 12.04.2015); Его же. Адыгское стрелковое оружие XIII-XVI вв. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – № 4. – Нальчик, 2011. – С. 40-45; Его же. Военная культура адыгов (кабардинцев, адыгейцев, черкесов): наследие прошлого в реалиях настоящего // Вестник южного научного центра. – М., 2013. – Том 9. – № 2. – Апрель – Май – Июнь. – С. 85-89; Его же. Аспекты исторической комплиментарности на примере Кавказской войны (1817-1864) // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону). – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 103-113; Его же. Роль природного ландшафта в Кавказской войне (1817-1864 гг.) // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч. конф. – Краснодар, 2015. – С. 120-127 и др.

⁷³⁰ Остахов А. А. Состояние военного искусства адыгов...

тот момент, когда он меньше всего подготовлен к его отражению. Самой яркой формой его проявления, как сообщает автор, был набег, который позволял немногочисленными силами наносить урон более сильному противнику, не подвергая себя опасности⁷³¹. В результате многочисленных столкновений с российской армией, применявшей европейскую линейную тактику и опиравшейся на высокую огневую мощь, адыгская маневренная тактика дала сбой, переросший в глубокий кризис⁷³². Таким образом, невысокая огневая мощь адыгов, по его мнению, привела их к поражению в Кавказской войне.

Таким образом, в современной российской историографии благодаря применению новых подходов, методологического инструментария исследований мирового уровня, достигнуты положительные результаты в изучении проблем российско-северокавказского исторического взаимодействия. Исследователи в своих работах меньше акцентируют внимание на боевых действиях в регионе и стремятся найти обоснования мирного и позитивного характера российско-горского исторического взаимодействия. Кавказская война рассматривается большинством ученых с позиций цивилизационного подхода, как неизбежный результат соприкосновения двух разных социокультурных систем: имперской и раннегосударственной. Юридическое вхождение Центрального Кавказа в состав России авторы связывают с русско-турецкими мирными соглашениями конца XVIII – первой трети XIX в.

4.2. Осмысление интеграции северокавказских народов в состав России в контексте процессов национально-регионального исторического развития

На Кавказе история – это всегда больше, чем история. Она является средством обоснования требований сегодняшнего дня,

⁷³¹ Там же.

⁷³² Там же.

самоидентификации и консолидации этносов⁷³³. Историческая память северокавказских народов носит не только мемориальный характер, она всегда актуализирована и переживается как фактор современности⁷³⁴.

В начале 1990-х гг. доминирующим фактором общественного развития стали центробежные силы и этноцентризм⁷³⁵. История, как область знания, всё больше превращалась в историю этносов и этнических государств. Вопросы развития этнонациональной государственности, этнонациональных территорий и границ, этнической культуры и этнического языка составили основу научных построений последних лет. Можно определённо говорить о том, что в национальных историях на смену классам «пришли» народы-этноты, а место классовой борьбы «заняли» национально-освободительные движения⁷³⁶.

На волне «национализации» истории⁷³⁷ на Северном Кавказе региональные исследователи пытались показать и доказать, что включение народов региона в состав Российской империи было первым упущенным этапом в сохранении независимого существования горских народов, когда их дальнейшая судьба решалась у них за спинами⁷³⁸.

⁷³³ Епифанцев А. А. Разные трактовки истории Кавказской войны... // URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2011/07/15/traktovki-vojny-na-kavkaze-i-ih-vlijanie-na-sovremenost.html> (дата обращения: 15.04.2015); Кузнецов В. А. Исторические мифы и их место в общественно-политической жизни Северного Кавказа сегодня // Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции, 11-12 ноября 2004 года. – Владикавказ, 2005. – С. 177.

⁷³⁴ Добаев И. П., Черноус В. В. Олимпиада – 2014 и информационные атаки глазами ученых Юга России // URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/12/27/olimpiada-2014-i-informacionnye-ataki-glazami-uchenyh-uga-rossii.html> (дата обращения: 11.06.2015).

⁷³⁵ Там же.

⁷³⁶ Гузенкова Т. С. Этнонациональные проблемы в учебниках по истории (на примере Украины, Беларуси и некоторых республик Российской Федерации) // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. А. Бордюгова. – М., 2003. – С. 138.

⁷³⁷ Чубарьян А. О. Историческая наука в России к началу XXI в. // Новая и новейшая история. – 2003. – № 3. – С. 16.

⁷³⁸ Максимчик А. Н. Присоединение Северного Кавказа к России... – С. 90.

Дисциплинарная матрица региональной исторической науки имеет, на наш взгляд, следующие характерные черты:

1. Интересы. По выражению Л. С. Гатаговой, последовавший за развалом СССР процесс лихорадочной суверенизации национально-территориальных образований России в 1992 г. выдвинул на первый план разномастные группы региональных элит, вступивших в ожесточённую борьбу за власть⁷³⁹. Победителям требовались идеологические средства для консолидации этносов, своя «национальная терапия»⁷⁴⁰. Историческая наука, как важный фактор воздействия на массовое сознание и формирования общественного мнения, приобрела еще большее значение.

Важным импульсом современных исторических построений, как утверждает Т. С. Гузенкова, выступает стремление практически всех этнических интеллектуальных элит Северного Кавказа избавить собственные народы от статуса исторической и культурной периферии, и найти аргументы в пользу того, что их достижения сопоставимы с общепризнанными образцами мировой цивилизации⁷⁴¹.

2. Концепты обозначения. Версия о «добровольном присоединении» кавказских народов к Российской империи была отвергнута большинством ученых как заказное произведение советской идеологии. Вместо нее восторжествовала концепция «жестокое колониальное завоевание», которое, по мнению В. В. Дегоева, якобы сопровождалось геноцидом и подготовило историческую почву для современного этносепаратизма и этнополитических конфликтов⁷⁴².

Тематика научных исследований претерпела ряд важных изменений: в центре внимания современных исследователей оказалась имперская колониальная политика, Кавказская война, ге-

⁷³⁹ Гатагова Л. С. Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. А. Бордюгова. – М., 2003. – С. 255.

⁷⁴⁰ Там же.

⁷⁴¹ Гузенкова Т. С. Указ. соч. – С. 138.

⁷⁴² Дегоев В. В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007. – С. 19.

ноид и другие трагичные страницы истории взаимоотношений России и народов Центрального Кавказа. При этом в большинстве работ подчеркивается равноправный и взаимовыгодный характер российско-горского исторического взаимодействия, возникает теория о военно-политическом союзе местных народов с Россией в XVI-XVIII в.

3. Методы. Концептуальный и методологический плюрализм нашел отражение и в региональных исследованиях по проблеме вхождения народов Центрального Кавказа в состав России. Палитра научных подходов к изучению вопроса представлена, в частности, методами политико-правового, цивилизационного анализа российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв. и др. Часть национальных историков сохраняет в своих работах элементы советской историографической традиции.

С точки зрения К. Ф. Дзамихова, в условиях национально-культурной трансформации российского сообщества четко обозначились проявления этнонационального сознания в исторических исследованиях, которые привели к ощущению усилению этноцентризма как исследовательского подхода⁷⁴³.

4. Формы репрезентации. Современная политическая ораторика характеризуется явным преобладанием гомилетики (проповеди), главной чертой которой является неумение говорить для «других». Речь оратора, которая в конкретном случае представлена в форме исторической концепции, произносится исключительно для «своих» и воспринимается как проповедь, некритично, не позволяя выслушать противоположную сторону. Это приводит к замыканию исследователей в «этнических квартирах»⁷⁴⁴, где каждая сторона все глубже и глубже погружается в разбор собственной позиции, игнорируя реальность существования других сторон.

Г. Г. Хазагеров видит возможность социального примирения в пересмотре концепций диалогических по сути жанров, полу-

⁷⁴³ Дзамихов К. Ф. «Своё» и «чужое» прошлое... – С. 29.

⁷⁴⁴ Кузьминов П. А., Кумыков А. М., Дзамихов К. Ф. Региональная историография в системе вузовской науки // Высшее образование в России. – 2013. – № 6. – С. 76-81. – С. 77.

чивших монологическую трактовку⁷⁴⁵. Нужно отказаться «от технологий заведомого манипулирования, заводящего в тупик и говорящих, и слушающих», «создать такую общественную обстановку, при которой словесный разбой будет сразу же опознан и поставлен вне рамок серьезного разговора»⁷⁴⁶.

5. Функции. В современном региональном научном дискурсе, по словам В. Ф. Патраковой и В. В. Черноуса, на смену интернационалистскому советскому мифу, в основе которого лежала абсолютизация процессов прогрессивного взаимодействия народов во всех сферах общественной жизни, пришли этноцентричные мифы о собственной этнической исключительности, великом прошлом местных народов и т. д.⁷⁴⁷. Началась война исторических мифов, которые способствуют легитимации региональных этнократических режимов, обоснованию сепаратистских проектов⁷⁴⁸ и достижению политических целей национализма⁷⁴⁹. Романтизация и мифологизация национальных историй происходит на фоне демонизации истории России⁷⁵⁰, противопоставления своих и чужих, которое вылилось, по определению А. Х. Борова, в активное формирование «синдрома жертвенности и вчинения исков»⁷⁵¹. Подобная поляризация концептуальных подходов в науке не способствует научному осмыслению проблемы. Все это – не что иное, как новый виток конъюнктуры⁷⁵², но таковы внешние факторы изучения проблемы, которые мы учитываем в процессе исследования.

В конце 1980-х – 1990-х гг. на юге России проводились мас-

⁷⁴⁵ Там же.

⁷⁴⁶ Там же.

⁷⁴⁷ Патракова В. Ф., Черноус В. В. *Историография, историческая память адыгов о Кавказской войне XIX в...*

⁷⁴⁸ Патракова В. Ф., Черноус В. В. *Историография, историческая память адыгов о Кавказской войне XIX в...*

⁷⁴⁹ Захаров В. А., Реброва М. А. *Северный Кавказ: конфликтогенный потенциал региона с историко-социологической точки зрения // Кавказский сборник. – М., 2004. – Т. 4. – С. 349.*

⁷⁵⁰ Кузьминов П. А., Кумыков А. М., Дзамихов К. Ф. *Указ. соч. – С. 77, 78.*

⁷⁵¹ Боров А. Х. *Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке...* – С. 87.

⁷⁵² Ковальченко И. Д. *Некоторые вопросы методологии истории // Новая и новейшая история. – 1991. – №. 5. – С. 3.*

штабные научные конференции, в материалах⁷⁵³ которых отразились новые подходы к проблемам Кавказской войны. На круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность», состоявшемся еще в 1989 г. в редакции журнала «Вопросы истории»⁷⁵⁴, историк В. П. Крикунов предложил отказаться от термина «добровольное вхождение», поскольку он был пронизан «духом антиисторизма»⁷⁵⁵. Исследователь отметил, что «если добровольное присоединение в том или ином виде имело место в какой-то конкретной ситуации, то добровольное вхождение как процесса длительного, с ломкой экономической и социальной структуры, традиций и уклада жизни, религии и национальной культуры быть просто не могло. Такой процесс обязательно в каких-то слоях встречал сопротивление, вызывая у кого-то недовольство, так как задевал интересы многих»⁷⁵⁶. Он предложил разработать четкую систему характеристик процесса формирования Российского многонационального государства.

На Всесоюзной научной конференции 1990 г. в г. Нальчике были сформулированы выводы по некоторым спорным вопросам российско-адыгских взаимоотношений в прошлом. Ученые подчеркнули, что важнейшими датами адыгской истории являются 1557 г., когда между Кабардой и Московским государством был заключен военно-политический союз, и 1864 г. – время окончания русско-кавказской войны и насильственного выселения

⁷⁵³ Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-х – 50-х годах XIX в. Материалы Всесоюзной научной конференции. 20-22 июня 1989 г. – Махачкала, 1994; Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. – Нальчик, 1994; Черкесия в XIX веке (Материалы I кошехабльского форума «История – достояние народа»). 24-25 апреля 1990 г. – Майкоп, 1991; Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. г. Краснодар, 16-18 мая 1994 г. – Краснодар, 1995; Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Махачкала, 1998 и др.

⁷⁵⁴ Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность // Вопросы истории. – 1989. – № 5. – С. 3-98.

⁷⁵⁵ Крикунов В. П. Историки должны быть выше национальных обид // Вопросы истории. – 1989. – № 5. – С. 41-42.

⁷⁵⁶ Крикунов В. П. Историки должны быть... – С. 41, 42.

адыгов в Османскую империю⁷⁵⁷. Кабарда, как утверждалось в материалах конференции, к 1830 г. в результате карательных экспедиций царских войск была лишена своей государственности⁷⁵⁸. Кроме того, в научной несостоятельности обвинялась концепция о набеговой системе М. М. Блиева⁷⁵⁹.

Большинство ученых Кабардино-Балкарии пришло к выводу, что трактовка договора 1557 года как добровольного присоединения Кабарды к России не объясняет характера сложившихся между ними взаимоотношений, а потому нуждается в пересмотре. Новую интерпретацию политического акта 1557 г. дал ученый-историограф К. Ф. Дзамихов⁷⁶⁰. Он определил данное

⁷⁵⁷ Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа... – С. 3.

⁷⁵⁸ Там же.

⁷⁵⁹ Там же. – С. 5.

⁷⁶⁰ Дзамихов К. Ф. От военно-политического союза к колониальной политике // Советская молодежь. – 1990. – 18 мая; Его же. От военно-политического союза к колонизаторской политике (К истории русско-кабардинских отношений) // Адыги. – 1992. – № 4. – С. 77-85; Его же. Национально – освободительная борьба Кабарды в конце XVIII – первой половине XIX века // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. – Нальчик, 1994. – С. 110-122; Его же. Адыги – веки истории. – Нальчик, 1994; Его же. Некоторые исторические аспекты русско-адыгских взаимоотношений (середина XVI – 60-е годы XIX в.) // История и историки. Материалы всесоюзной научной конференции 20-24 ноября 1989 г. в г. Звенигороде. – М., 1995. – С. 137-141; Дзамихов К. Ф., Мальбахов Б. К. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (сер. XVI – конец XVIII в.). – Нальчик, 1996; Боров А. Х., Дзамихов К. Ф. Россия и Северный Кавказ (Современный политический опыт в историческом контексте) // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 3. – С. 192-203; Дзамихов К. Ф. Адыги и Россия (формы политического взаимодействия). – М., 2000; Его же. Институт выезда адыгских князей как форма политического взаимодействия с Российским государством // Вестник КБГУ. – Нальчик, 2000. – Вып. 5. – С. 12-16; Его же. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.) – Нальчик, 2001; Его же. Исторический опыт политико-правовой регламентации русско-адыгских отношений: анализ документов XVI-XVIII вв. // RES PUBLICA. Альманах социально-политических и правовых исследований. – Нальчик, 2001. – Вып. 2. – С. 5-23; Боров А. Х., Дзамихов К. Ф., Муратова Е. Г. Россия и Северный Кавказ в XVI-XVIII вв.: социокультурная дивергенция и динамика политических отношений // Этнос: проблемы социокультурной самоорганизации. – Нальчик, 2006. – С. 113-124; Дзамихов К. Ф. Кабарда и Россия в политической истории Кавказа

соглашение как взаимовыгодный военно-политический союз, который имел в основе договор о покровительстве 1557 года, фиксировался в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального вассалитета⁷⁶¹ и включения территории Кабарды в состав России не предусматривал. Это был союз между царским правительством и адыгской феодальной знатью, которая в результате сохраняла свои права и была связана с русским царем лишь обязательствами военной службы⁷⁶². Сближение адыгов с Россией в середине XVI в. обусловлено, по мнению автора, внутри- и внешнеполитическим положением кабардинского народа, а также интересами российской восточной политики. Составной частью Российской империи Кабарда была объявлена в 1774 г. в соответствии с Кючук-Кайнарджийским договором. Реальное присоединение Кабарды к России произошло, согласно концепции К. Ф. Дзамихова, путем вооруженного завоевания в конце первой четверти XIX в.⁷⁶³. Труды К. Ф. Дзамихова представляют большую историографическую ценность, его концепция ознаменовала собой новый этап в изучении проблемы российско-кабардинских взаимоотношений в XVI-XIX вв. С точки зрения В. Х. Кажарова, военно-политический союз Кабарды с Россией в середине XVI в. является очевидным фактом, заслуга К. Ф. Дзамихова заключается в том, что устный дискурс по проблеме он перевел в плоскость научных выводов⁷⁶⁴.

Идея о военно-политическом союзе получила развитие в

XVI-XVII вв. (исследования и материалы). – Нальчик, 2007; Его же. Адыги: веки истории. – Нальчик, 2008; Его же. К вопросу политико-правового оформления русско-кабардинских отношений (вторая половина XVI – начало XVIII века) // Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения. – Нальчик, 2012. – С. 6-14; Его же. Исторический опыт политико-правовой регламентации русско-кабардинских отношений: анализ документов второй половины XVI века // Литературная Кабардино-Балкария. – Нальчик, 2012. – № 4. – С. 89-92 и др.

⁷⁶¹ Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России... – С. 35.

⁷⁶² Дзамихов К. Ф. Адыги: веки истории. – Нальчик, 2008. – С. 44.

⁷⁶³ Дзамихов К. Ф. Антиколониальная борьба Кабарды во второй половине XVIII – первой половине XIX века // URL: <http://mognovse.ru/fut-dzamihov-k-f-antikolonialenaya-boreba-kabardi-vo-vtoroj-po.html> (дата обращения: 12.04.2015).

⁷⁶⁴ Кажаров В. Х. Политическая история Кабарды в XVI-XVIII веках в постсоветской историографии // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – Вып. 5. – С. 23.

исследованиях Г.Х. Мамбетова, Б.К. Мальбахова, А.Х. Бижева, Р.Х. Гугова, А.Х. Нагоева, Б.Х. Бгажнокова и др.⁷⁶⁵. По мнению Г.Х. Мамбетова, доказательством тому, что в 1557 г. был заклю-

⁷⁶⁵ Мамбетов Г.Х. 1557 год – присоединение или военно-политический союз? // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. – Майкоп, 1993. – С. 5-25; Его же. Кабардинский вопрос на рубеже XVII-XVIII веков // Архивы и общество. – Нальчик, 2008. – № 6. – С. 43-45; Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда: (Внутренние и внешние аспекты истории). – Нальчик, 1994; Мальбахов Б.К. Кабардинская феодальная аристократия во взаимоотношениях России с Кабардой и другими народами Северного Кавказа (вторая половина XVI – 70-е гг. XVIII вв.): автореф. дис.... канд. истор. наук. – Махачкала, 1995; Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). – Нальчик, 1996; Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова. – Нальчик, 1998; Его же. Взаимоотношения Кабарды с Россией: от военно-политического союза к установлению российской администрации: (середина XVI – первая четверть XIX): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Владикавказ, 1999; Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. – Майкоп, 1994; Его же. Борьба северо-западных адыгов против военно-колониционной политики царизма (1774-1864 гг.) // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. – Нальчик, 1994. – С. 86-109; Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик, 1999; Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. – Нальчик, 2000; Бгажноков Б.Х. О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2005. – Выпуск II. – С. 39-86; Его же. Исторические предпосылки военно-политического союза России и Кабарды // Газета Юга. – 2005. – 6 окт.; Его же. Россия и Кабарда: истоки военно-политического союза // Кабардино-Балкарская правда. – 2006. – 3 нояб.; Его же. Черкесская карта во взаимоотношениях между Россией и Турцией // Кабардино-Балкарская правда. – 2006. – 19 дек.; Бгажноков Б.Х., Дзамихов К.Ф. Темрюк Идаров и военно-политический союз Кабарды и России // История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик, 2007. – С. 54-63; Их же. Специфика и динамика союзнических отношений России и Кабарды // История многовекового содружества... – С. 63-89; Бгажноков Б.Х. Триумф кабардинской дипломатии (к истории союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией) // Народы Северного Кавказа и Россия (к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией). Материалы Всероссийской научной конференции (Нальчик, 18-21 октября 2007 г.). – Нальчик, 2007. – С. 3-12; Половинкина Т.В. Черкесия – боль моя. Исторический очерк (древнейшее время – начало XX в.). – Майкоп, 1999 и др.

чен именно союз служит то, что на Кабарду не распространялось российское государственно-территориальное устройство и законодательство, Россия не вмешивалась во внутреннюю политику кабардинского общества и т.д. В своих взаимоотношениях Кабарда и Россия выступали, по словам историка, как равноправные субъекты, государства⁷⁶⁶.

Б.К. Мальбахов особую важность в процессе сближения Кабарды с Россией отводит деятельности князя Темрюка Идаровича, который надеялся благодаря российскому покровительству укрепить свою власть князя-валия (старшего князя Кабарды. – А. Ж.) и объединить адыгов⁷⁶⁷. Московскому государству этот союз позволял в перспективе овладеть стратегическим плацдармом в центре Кавказа⁷⁶⁸. Ученый утверждает, что российско-кабардинские взаимоотношения до XVIII века были исключительно дружественными и равноправными. С 1763 г. начинается этап завоевания Кабарды, который завершается в 1825 г. в результате деятельности генерала А. П. Ермолова⁷⁶⁹.

В XVIII в., как заявляет А.Х. Бижев, противоречия во взаимоотношениях российской и адыгской элиты постепенно начали нарастать и кабардинские земли стали подвергаться насильственной колонизации⁷⁷⁰. Автор утверждает, что установление союзнических отношений с Россией объективно было для Кабарды прогрессивным явлением, однако политическое завоевание, осуществленное реакционными кругами России, уничтожило большую часть адыгского населения⁷⁷¹.

Смысл заключенного в 1557 г. соглашения, отмечает Р.Х. Гугов, Кабарда воспринимала как союз, Россия же видела в кабардинцах своих подданных⁷⁷². XVIII век определяется автором как важный этап в истории российско-кавказских взаимоотноше-

⁷⁶⁶ Мамбетов Г.Х. 1557 год – присоединение или военно-политический союз?.. – С. 19, 20.

⁷⁶⁷ Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда... – С. 123.

⁷⁶⁸ Там же.

⁷⁶⁹ Там же. – С. 286.

⁷⁷⁰ Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа... – С. 5.

⁷⁷¹ Там же. – С. 322.

⁷⁷² Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке... – С. 678.

ний: в 1774 г. к России присоединились Кабарда и Осетия, во второй половине XVIII в. под покровительством царского правительства оказались Ингушетия, часть Чечни и Карачай⁷⁷³. По мнению ученого, процесс включения региона в состав Российской империи в XIX в. завершился не без использования колониальных методов⁷⁷⁴. Оценки Р.Х. Гугова отличаются меньшей категоричностью, им признается положительная роль России в истории северокавказских народов⁷⁷⁵.

В соответствии с периодизацией А.Х. Нагоева, присоединение Кабарды к России происходило в два этапа: первый этап, начавшийся во второй половине XVI века и завершившийся Кючук-Кайнарджийским миром 1774 г., характеризуется «прогрессивной по отношению к Кабарде» политикой; второй этап, начавшийся после 1774 г. и продолжавшийся до окончания Кавказской войны, стал периодом борьбы кабардинского народа против завоевательной политики российских властей⁷⁷⁶.

Союз 1557 года, с точки зрения Б.Х. Бгажнокова, был одним из видов межгосударственных взаимоотношений, который известен со времен Древней Греции и называется в науке симмахия (от греч. *summachia* – *sum* «вместе» + *machomai* «сражаюсь» – военный союз между отдельными государствами). В случае надобности каждая из сторон обязывалась оказывать друг другу военную помощь в борьбе с внешними и внутренними врагами⁷⁷⁷.

В интерпретации Т.Х. Алоева⁷⁷⁸ договор 1557 г. представляет собой по содержанию «типичный военно-политический альянс», а по форме – «сеньориально-вассальный контракт с присущей

⁷⁷³ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке... – С. 7.

⁷⁷⁴ Там же. – С. 683.

⁷⁷⁵ Там же. – С. 5, 6.

⁷⁷⁶ Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда... – С. 209.

⁷⁷⁷ Бгажноков Б.Х. Россия и Кабарда: истоки... – С. 3.

⁷⁷⁸ Алоев Т.К. К вопросу о международно-правовом статусе Кабарды в начале XVIII в. // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2005. – Выпуск I. – С. 214-225; Его же. К вопросу о содержании и характере внешнеполитических связей Кабардинского княжества и Московского государства во второй половине XVI века // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2007. – Вып. V. – С. 3-28.

ему субординацией»⁷⁷⁹. Д. Н. Прасолов⁷⁸⁰ обращает внимание на то, что с этого периода начинается интеграция Идаровичей в состав российской аристократической и политической элиты⁷⁸¹.

В 90-х гг. XX в. в научном пространстве Юга России появилась версия о геноциде адыгов в ходе Кавказской войны и выселения в Османскую империю. Научное обоснование эта идея получила в исследованиях А. Х. и Х. А. Касумовых⁷⁸². Антирусские выступления адыгов в конце XVIII-XIX вв. характеризуются авторами как «национально-освободительная борьба» за независимость против «военно-колониальной политики русского царизма», в результате которой «значительная часть адыгов» оказалась выселенной в Османскую империю, многие «погибли от голода, холода и болезней во время переселения»⁷⁸³. Данная политика, по мнению историков, стала «тягчайшим преступлением, настоящим геноцидом» по отношению к адыгскому народу⁷⁸⁴.

Исследователь А. М. Эльмесов в предисловии к сборнику документов и материалов по истории «Русско-Кавказской войны» подчеркивал, что самый тяжелый удар в данном конфликте, развязанном имперской Россией в начале второй половины XVIII в., пришелся на адыгский народ⁷⁸⁵.

⁷⁷⁹ Алоев Т. К. К вопросу о содержании и характере... – С. 8, 9.

⁷⁸⁰ Прасолов Д. Н. Проблемы интеграции в интеллектуальной культуре кабардинцев XIX – начала XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик, 2012. – № 6 (50). – С. 126-133; Его же. Романовы и проблемы интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство Российской империи // Вопросы истории. – 2014. – № 9. – С. 123-127 и др.

⁷⁸¹ Прасолов Д. Н. Романовы и проблемы интеграции... – С. 123.

⁷⁸² Касумов А. Х. Разные судьбы. – Нальчик, 1967; Его же. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX в. – Ростов-на-Дону, 1989; Касумов А. Х., Касумов Х. А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. – Нальчик, 1992; Касумов А. Х. Северный Кавказ в системе международных отношений в 30-60-х гг. XIX века // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. – Нальчик, 1994. – С. 27-38; Его же. Трагическая судьба убыхов // Советская молодежь. – 1994. – № 69 и др.

⁷⁸³ Касумов А. Х., Касумов Х. А. Геноцид адыгов... – С. 197.

⁷⁸⁴ Там же.

⁷⁸⁵ Из истории Русско-Кавказской войны (документы и материалы) / Составитель, автор предисловий, комментариев и примечаний А. М. Эльмесов. – Нальчик, 1991. – С. 3.

Идея о геноциде адыгов вызвала широкий общественный и политический резонанс. В феврале 1992 г. Верховный Совет КБС-СР выступил с инициативой признания Россией геноцида адыгов в годы Кавказской войны (1760–1864)⁷⁸⁶. Результатом этих требований стало «Обращение к народам Кавказа» Президента РФ Б.Н. Ельцина накануне 130-летия окончания Кавказской войны⁷⁸⁷, в котором не отрицался факт жестокости войны, но, на примере установленного в г. Нальчике памятника Марии Темрюковне с табличкой «Навеки с Россией», глава государства дал понять, что федеральный центр будет руководствоваться этим лозунгом при проведении политического курса в регионе⁷⁸⁸.

А. А. Епифанцев⁷⁸⁹ считает версию о геноциде искусственно сконструированной представителями национальной элиты и выступает против применения этого термина при оценке российской политики в регионе. В его интерпретации Россия не преследовала цель уничтожить всех адыгов. Одержав победу в Кавказской войне, российское руководство подвергло адыгов, оказавших наиболее ожесточенное сопротивление и проживавших в опасных с точки зрения российской геополитики местностях, принудительной депортации, предоставив им выбор: переселиться либо в степную часть России, либо в Турцию⁷⁹⁰. Оказавшись под влиянием турецких эмиссаров и собственной знати,

⁷⁸⁶ Постановление Верховного Совета КБССР от 07.02.1992 № 977-ХІІ-В «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» // URL: <http://rusouth.info/territory6/pack60/paper-ffkdx7.htm> (дата обращения: 12.05.2015).

⁷⁸⁷ Дзамихов К. Ф. Адыги: борьба и изгнание. – Нальчик, 2005. – С. 106, 107.

⁷⁸⁸ Там же. – С. 107.

⁷⁸⁹ Епифанцев А. А. Кавказская война. Геноцид, которого не было. Ч. 1. Мифы и правда о кавказской войне // URL: <http://www.apn.ru/publications/article22023.htm> (дата обращения: 15.04.2015); Его же. Кавказская война. Геноцид, которого не было. Ч. 5. Кто виноват и что делать // URL: <http://www.apn.ru/publications/article22059.htm> (дата обращения: 14.05.2015); Его же. Причины поражения адыгов в Кавказской войне // URL: <http://www.apn.ru/publications/article21543.htm> (дата обращения: 15.04.2015); Его же. Алексей Ермолов. Зверь или укротитель? // URL: <http://kon-budenogo.livejournal.com/190460.html> (дата обращения 15.04.2015); Его же. Генерал Засс. Обычный и ужасный // URL: <http://www.apn.ru/publications/article24011.htm> (дата обращения 15.04.2015) и др.

⁷⁹⁰ Епифанцев А. А. Кавказская война. Геноцид, которого не было. Ч. 5...

адыги предпочли второе⁷⁹¹. Э. Бурда полагает, что в Кавказской войне жертв среди казаков и российских солдат было не меньше, чем среди адыгов⁷⁹².

Цивилизационный подход к изучению российско-кавказского исторического взаимодействия реализуется в исследованиях А. Х. Борова⁷⁹³. С точки зрения ученого, в середине XVI – начале XVIII в. связи России и народов Северного Кавказа носили характер военно-политического союзничества между «сложными социальными субъектами»⁷⁹⁴. В XVIII в. накапливаются предпосылки военно-силового противостояния, поскольку углубляется стадийный разрыв уровней их социокультурного развития. Кавказская война, по определению А. Х. Борова, – это проблема диалога культур⁷⁹⁵, и различные научные подходы к её осмыслению не столько опровергают, сколько дополняют друг друга⁷⁹⁶. Международно-правовую фиксацию и решение «кабардинского вопроса» историк относит к XVIII в., к договорам 1772 и 1774 г. с Крымским ханством и Турцией, подтвердившим принадлежность Кабарды России⁷⁹⁷.

По данным Ж. А. Калмыкова⁷⁹⁸, окончательное включение Кабарды в состав России произошло в 1822 г., когда А. П. Ермолову удалось подавить освободительную борьбу и ввести Кабардинский

⁷⁹¹ Епифанцев А. А. Кавказская война. Геноцид, которого не было. Ч. 5...

⁷⁹² Бурда Э. Размышления о Кавказской войне: как это было на самом деле // URL: http://www.antiterror.kz/kavkaz/news_2011-05-31-02-06-52-422.html (дата обращения: 12.04.2015).

⁷⁹³ Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). – Нальчик, 2007; Боров А. Х., Кочесоков Р. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза // URL: <http://intercircass.org/?p=794> (дата обращения: 16.04.2015); Боров А. Х. «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. – Нальчик, 2012 и др.

⁷⁹⁴ Боров А. Х., Кочесоков Р. Х. Указ. соч.

⁷⁹⁵ Там же.

⁷⁹⁶ Там же.

⁷⁹⁷ Боров А. Х. «Черкесский вопрос»... – С. 10.

⁷⁹⁸ Калмыков Ж. А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик, 2007; Его же. Размышления историка в поисках истины. – Нальчик, 2009; Его же. К вопросу о характере кабардино-русских отношений в XVI – первой половине XVIII века // Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения. – Нальчик, 2012. – С. 15-24 и др.

временный суд⁷⁹⁹. В XVI-XVIII вв. российско-кабардинские взаимоотношения носили союзно-покровительственный характер⁸⁰⁰.

Исследователи А. Н. Маремкулов, З. А. Кожев, З. М. Кешева и др.⁸⁰¹ также связывают вхождение Кабарды в состав России с политикой А. П. Ермолова, но датируют ее завоевание 1825 годом. По мнению А. Н. Маремкулова, геополитическую основу имперской доктрины России на Северном Кавказе составляли три фактора: пространственно-территориальный, этнорелигиозный и экономический. Выявление этих факторов позволяет проследить специфику покорения Северного Кавказа, и в частности Кабарды⁸⁰², завоеванной в первый период Кавказской войны, а это, согласно автору, 1769-1825 гг.⁸⁰³

З. А. Кожев⁸⁰⁴, один из авторов «Адыгской (черкесской) энциклопедии», в частности, параграфа, посвященного Кавказской войне, датирует ее 1763-1864 гг. По его словам, несмотря на признание Кючук-Кайнарджийским договором «принадлежно-

⁷⁹⁹ Калмыков Ж. А. Интеграция Кабарды и Балкарии... – С. 40.

⁸⁰⁰ Калмыков Ж. А. К вопросу о характере кабардино-русских отношений... – С. 23.

⁸⁰¹ Маремкулов А. Н. Политика Российского государства в Центральном Предкавказье во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв.: дис. ... канд. истор. наук. – Нальчик, 1999; Его же. Указы Сената – как правовая основа реализации политики России на Северном Кавказе (Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на Северном Кавказе: Сборник статей сотрудников Нальчикского филиала Ростовского юридического института МВД России. – Нальчик, 2002. – С. 36-45; Его же. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX века: политико-правовой аспект. – Нальчик, 2003; Его же. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв.: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005; Его же. Из истории правового оформления политики самодержавия на Северном Кавказе // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2005. – Выпуск II. – С. 165-181; Кожев З. А. Кавказская война (1763-1864 гг.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С. 204-221; Документы по истории адыгов 20-50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / Сост. З. М. Кешева. – Нальчик, 2011 и др.

⁸⁰² Маремкулов А. Н. Основы геополитики Российского государства... – С. 127.

⁸⁰³ Там же.

⁸⁰⁴ Кожев З. А. Кавказская война (1763-1864 гг.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С. 204-221.

сти» Кабарды России⁸⁰⁵, адыги продолжали борьбу за независимость⁸⁰⁶.

Исследователь И. И. Якубова⁸⁰⁷ большое значение придает русско-турецкому договору 1798 года, завершившему окончательное вхождение Центрального Кавказа в состав России⁸⁰⁸.

Иной подход к исследованию проблемы продемонстрировал С. Н. Жемухов, датировавший присоединение Кабарды к России 1672 годом, когда в «Царском титулярнике» появился герб кабардинской земли⁸⁰⁹.

Привлекает внимание исследование У. Н. Бэрзэдж, потомка адыгов, выселенных в Турцию в 60-х гг. XIX в. «Передачу» Кавказа России автор связывает с Адрианопольским мирным договором 1829 года⁸¹⁰. Как отмечает историк, без помощи казаков царские войска никогда не смогли бы завоевать Кавказ⁸¹¹.

Вызывает интерес статья Х. М. Думанова, в которой политический акт 1557 года трактуется как добровольное присоединение Кабарды к России⁸¹². Точка зрения известного ученого, директора КБИГИ в научных кругах КБР не встретила поддержки, но была услышана политическим руководством. Наличие подобных

⁸⁰⁵ Там же. – С. 208.

⁸⁰⁶ Там же. – С. 215.

⁸⁰⁷ Якубова И. И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX века: дис. ... д-ра истор. наук. – Нальчик, 2004; Её же. «Кабардинский» вопрос в русско-турецких отношениях в середине XVIII в. // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2005. – Выпуск II. – С. 114-125; Российско-северокавказские отношения в XVIII веке: Сборник документов / Составитель, автор предисловия, комментариев и именного указателя И. И. Якубова. – Нальчик, 2011 и др.

⁸⁰⁸ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке: Сборник документов / Составитель, автор предисловия, комментариев и именного указателя И. И. Якубова. – Нальчик, 2011. – С. 6, 7.

⁸⁰⁹ Жемухов С. Н. Эволюция адыгской символики в русской государственной геральдике // Пчелов Е. В. Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI – начала XX века. – Нальчик, 2007. – С. 7.

⁸¹⁰ Бэрзэдж У. Н. Изгнание черкесов: причины и последствия. – Нальчик, 2012. – С. 38.

⁸¹¹ Там же. – С. 103.

⁸¹² Думанов Х. М. Из истории кабардино-русских отношений // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии. – М.; Нальчик, 2001. – Т. 1. – С. 59.

работ свидетельствует о сохранении историографической традиции советской исторической науки второй половины XX века.

В 2007 г. в республике состоялось широкое празднование 450-летия добровольного вхождения⁸¹³ Кабардино-Балкарии в состав России. К юбилею был опубликован ряд работ⁸¹⁴, касающихся данной проблематики. Большинство авторов отстаивало тезис об оформлении союза между Кабардой и Россией в 1557 г.

В 2008 году в Кабардино-Балкарском госуниверситете состоялась конференция, посвященная 80-летию со дня рождения автора концепции о добровольном присоединении Кабарды к России, профессора Т.Х. Кумыкова, по материалам которой был издан специальный выпуск «Вестника КБГУ»⁸¹⁵. В нем были опубликованы статьи, посвященные его жизни и научной деятельности, а также различным проблемам истории Кабарды и Балкарии.

Региональная историографическая ситуация характеризуется наличием исследований, в которых авторы не присоединяются ни к идее о российско-кабардинском военно-политическом союзе, ни к теории о добровольном вхождении Кабарды в состав России в 1557 г. В частности, С. Н. Бейтуганов полагает, что «союз – понятие неоднозначное. По своему политическому содержанию он близок или тождествен паритету, основанному на при-

⁸¹³ Навеки с Россией: Празднование 450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства. По материалам информационных агентств и периодической печати РФ. – Нальчик, 2008.

⁸¹⁴ История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик, 2007; К истокам кабардино-русских отношений 1557-1562 гг. // Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2007. – С. 102-105; Беспланев В. Русско-кабардинские отношения в 1558-1584 гг. // Терек. – 2007. – 17 фев.; Его же. Кабардинские князья на государственной службе в России в XVI – начале XVII вв. // Терек. – 2007. – 24 фев.; Арутюнов С. Плюсы и минусы 450-летия союза // Кабардино-Балкарская правда. – 2007. – 27 фев.; Казаков А. Юбилей без символов // Кабардино-Балкарская правда. – 2007. – 23 мая; Калмыков Ж. А. К вопросу о характере кабардино-русских отношений в XVI-XVIII веках // Кабардино-Балкарская правда. – 2007. – 13 июня; Темирова Р. Союз с Россией – шаг судьбоносный // Горянка. – 2007. – 5 сент. и др.

⁸¹⁵ Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – Нальчик, 2008. – Вып. 12.

близительном равенстве сил сторон. Такого понимания понятия союз следует избегать, характеризуя кабардино-русские связи на первом этапе их сближения»⁸¹⁶. Соглашение 1557 г. не может быть определено, заявляет историк, и как единовременный акт присоединения, поскольку в результате территория адыгов не включалась во владения Московского государства⁸¹⁷.

С точки зрения Б.М. Мокова, «плодотворным здесь представляется такой подход, который, во-первых, был бы нацелен на максимально полную реконструкцию и интерпретацию этого взаимодействия в терминах той исторической эпохи...; а во-вторых, учитывал бы, что ни одна из этих форм не обрела в XVII в. окончательного характера»; процесс кабардино-русского сближения был исторически необратим, но он мог развиваться альтернативными путями»⁸¹⁸. Характер установившихся взаимоотношений российские власти и кабардинские князья понимали по-разному, поэтому возникают трудности при их исследовании.

Большой вклад в изучение истории балкарского народа внесла Е. Г. Муратова⁸¹⁹. Покорение Кабарды, считает автор, сопро-

⁸¹⁶ Бейтуганов С. Н. Кабардино-русские отношения (XVI-XIX вв.). Основные этапы // URL: <http://www.zolka.ru/articles/19-6/306---q---xvi-xix-q>. (дата обращения: 12.06.2015).

⁸¹⁷ Бейтуганов С. Н. Кабардино-русские отношения...

⁸¹⁸ Моков Б. М. Кабарда второй половины XVI-XVII вв. – Нальчик, 2001. – С. 134.

⁸¹⁹ Битова Е. Г. Балкарцы во взаимоотношениях с соседними народами и Россией (XVI – XVIII вв.) // Вестник КБГУ. Серия: Гуманитарные науки. – Нальчик, 2002. – Вып. 7. – С. 21-25; Её же. Балкарские общества в административно-политической системе Российской империи XIX века // Кавказский сборник. – М., 2004. – Т. 1. – С. 81-109; Её же. Политика России на Центральном Кавказе и Балкарские общества (первая четверть XIX в.) // Вестник КБГУ. Серия: Гуманитарные науки. – Нальчик, 2004. – Вып. 9. – С. 12-17; Её же. Балкарская знать в условиях включения в административно-политическую систему Российской империи // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2005. – Вып. II. – С. 141-164; Её же. Концептуальные итоги изучения истории Балкарии XVII-XIX веков в постсоветской историографии // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2006. – Вып. III. – С. 71-87; Муратова Е. Г. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе: XVII – начало XX века: дис. ... д-ра истор. наук. – Нальчик, 2006; Её же. Балкария на пути к единству с Россией // История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик, 2007. – С. 169-184; Её же. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – Нальчик, 2007; Её же. Историографические итоги изучения истории Балкарии XVII-XIX веков // Кавказский сборник. – М., 2010. – Т. 6. – С. 147-156 и др.

вождалось приведением к присяге балкарских обществ. Опыт данного покорения подсказывал российскому правительству, что его политика может быть успешной, если «будет поддержано стремление балкарцев освободиться от платежей» (своеобразной земельной ренты дани в пользу Кабарды за право пасти свой скот в весенний и осенний периоды на равнине. – А. Ж.) и обеспечен их «свободный выход на плоскость»⁸²⁰. Реализация этой идеи на практике дала положительные результаты, что проявилось в событиях 1827 года, когда «старшины горских народов Балкарского, Урусбиевского и Чегемского присягнули на верноподданство»⁸²¹ России. По данным Е. Г. Муратовой, балкарцы ходатайствовали о сохранении их прав, обычаев, шариатского суда и др. Процесс вхождения Балкарии в состав России характеризуется историком «как лояльный вариант социополитической адаптации этнического сообщества к государственно-административным реалиям империи»⁸²².

Аналогичную точку зрения о времени вступления Балкарии в российское подданство разделяют исследователи М. Ю. Кучинаев, В. М. Батчаев, Е. С. Тютюнина, О. О. Айшаев и др.⁸²³.

В 2005 г. издательство М. и В. Котляровых начало реализовывать специальный проект, направленный на переиздание источников по истории Балкарии. Ими на сегодняшний день опубликован ряд сборников⁸²⁴, в которых содержатся материалы по политической, социально-экономической и культурной истории балкарского народа.

⁸²⁰ Битова Е. Г. Политика России на Центральном Кавказе... – С. 15, 16.

⁸²¹ Муратова Е. Г. Балкария на пути к единству с Россией... – С. 182.

⁸²² Там же. – С. 183.

⁸²³ Кучинаев М. Ю. История Балкарии с древнейших времен и до конца XX в.: в 2-ух кн. – Нальчик, 2004; Его же. «Считать присоединенными к России эти народы...» // Литературная Кабардино-Балкария. – Нальчик, 2012. – № 4. – С. 83-88; Батчаев В. М. Балкария в XV – начале XIX вв. – М., 2006; Тютюнина Е. С. Шаги на встречу // Балкария. Страницы прошлого. – Нальчик, 2006. – Вып. 3. – С. 4-5; Айшаев О. О. Присоединение Балкарии к России и его историческое значение // URL: <http://aishaev.ucoz.ru/load/1-1-0-4>. (дата обращения: 22.05.2013).

⁸²⁴ Балкария: Страницы прошлого. – Нальчик, 2005. – Вып. 1, 2.; Балкария: Страницы прошлого. – Нальчик, 2006. – Вып. 3; Балкария: Страницы прошлого. – Нальчик, 2007. – Вып. 4, 5.

Исследователи Р. С. Тебуев и Р. Т. Хатуев⁸²⁵ обосновали традиционную в историографии дату вхождения Балкарии в состав России в 1827 г. и предложили рассматривать в качестве даты окончательного присоединения Карачая 1855 г., когда имперскими войсками было подавлено восстание судьи Магомет-эфенди Хубиева⁸²⁶. Большинство же современных историков⁸²⁷ указывают 1828 г. в качестве даты вхождения Карачая в состав Российской империи и связывают это событие с военным поражением карачаевцев, нанесенным им царскими войсками во главе с Г. А. Эммануэлем на реке Худес.

Советская концепция о добровольном присоединении Осетии к России в 1774 г. утвердилась в национальной историографии и получила свое развитие в современных исследованиях. В частности, М. М. Блиев⁸²⁸ в одной из последних работ высказал мысль о том, что сближению осетинского и русского народов

⁸²⁵ Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.; Ставрополь, 2002.

⁸²⁶ Там же. – С. 110.

⁸²⁷ Напсо Д. А., Чекменев С. А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. – Черкесск, 1993; Бегеулов Р. М. Карачай в национально-освободительном движении народов Северного Кавказа в XIX веке. 1800-1864 гг.: дис. ... канд. истор. наук. – Карачаевск, 2000; Батчаев Ш. М. Участие карачаевцев в войнах России второй половины XIX – начала XX веков: дис. ... канд. истор. наук. – Карачаевск, 2003; Баразбиев М. И. Карачай и Балкария в Кавказской войне // Исторический вестник КБИ-ГИ. – Нальчик, 2005. – Т. II. – С. 126-140; Урусова М. Н. Становление российской административной системы в Карачае и Черкесии: 1830-1917 гг.: дис. ... канд. истор. наук. – Черкесск, 2008 и др.

⁸²⁸ Блиев М. М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // История СССР. – 1991. – № 6. – С. 67-84; Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. – М., 1994; Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. – Владикавказ, 1999; Его же. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М., 2004; Его же. Осетинское посольство в Петербурге 1749-1752 гг. Присоединение Осетии к России. – Владикавказ, 2010; Его же. Итоги Кавказской войны в Дагестане и Чечне в XIX в. // История народов России в исследованиях и документах. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. – М., 2011. – Вып. 5. – С. 58-66; Его же. Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории. – М., 2011 и др.

способствовало их «этногенетическое родство» и общая принадлежность к «индоевропейскому миру», которые облегчили «постижение друг друга»⁸²⁹.

В своей обновленной версии о причинах и характере вхождения Осетии в состав России историк акцентирует внимание на 21 статье Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., закрепившего за Россией Кабарду. Трактовка российской стороной данного пункта, как сообщает М.М. Блиев, включала в себя также присоединение Осетии. В Петербурге считали, что одностороннего решения вопроса недостаточно, и было решено провести переговоры с представителями осетин⁸³⁰, которые осенью 1774 г. завершились соглашением о включении Осетии в состав России. Автор отмечает, что политическое присоединение не привело к вхождению в имперскую административную систему и Осетия долгое время продолжала сохранять независимость от российского государственного управления⁸³¹. Таким образом, концепция М.М. Блиева претерпела ряд изменений, которые выразились в стремлении доказать равноправный характер российско-осетинских связей, что свойственно большинству современных региональных исследований по данной проблеме.

К числу историков, активно выступивших против концепции о добровольном присоединении Осетии к России, относится Ф.В. Тотоев⁸³². В одной из работ начала 1990-х гг. он подчеркивал, что отечественные исследователи сильно преувеличили действенность Кючук-Кайнарджийского трактата⁸³³ и

⁸²⁹ Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге 1749-1752 гг... – С. 8.

⁸³⁰ Там же. – С. 193.

⁸³¹ Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге 1749-1752 гг... – С. 193, 194.

⁸³² Тотоев Ф. В. К истории русско-осетинских отношений // Отчизна. – Владикавказ, 1993. – Август, Сентябрь, Октябрь. – № 10, 11, 12; Его же. Некоторые вопросы историографии Северной Осетии // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет / Под ред. Л. Б. Дзугаева и др. – Владикавказ, 1995. – С. 10-36 и др.

⁸³³ Тотоев Ф. В. К истории русско-осетинских отношений... – № 11. – С. 1.

значение русско-осетинских переговоров в Моздоке в октябре 1774 г. По мнению Ф. В. Тотоева, эти переговоры были организованы тщеславным астраханским губернатором П. Н. Кречетниковым без ведома императрицы Екатерины II и являлись политической авантюрой⁸³⁴. Их результаты были непредсказуемы, но губернатор сделал все возможное, чтобы «осетинские старшины осознали и признали себя подчиненными ему»⁸³⁵.

Идея о присоединении Осетии к России в 1774 г. была дополнена Р. С. Бзаровым⁸³⁶. Ученый утверждает, что отсутствие в XVIII в. у Алании-Осетии хозяйственных ресурсов, необходимых для строительства государственных институтов, вынудило осетин искать могущественного союзника⁸³⁷. Этот поиск совпал с продвижением на Кавказ Российского государства. Как заявляет автор, «в Петербурге быстро поняли, что не удастся обойтись без лояльности небольшого народа, оседлавшего стратегические перевалы, – без военных баз в центре Кавказа, без аланских дорог и серебряно-свинцовых месторождений»⁸³⁸. Осетинское посольство 1749-1752 гг. обсудило с российским правительством «концепцию русско-осетинского союза» и условия будущего взаимовыгодного присоединения⁸³⁹.

⁸³⁴ Тотоев Ф. В. К истории русско-осетинских отношений... – № 12. – С. 1.

⁸³⁵ Там же.

⁸³⁶ Бзаров Р. С. Осетинское посольство 1749 г. и современность // URL: <http://www.kavkazoved.info/pview/2011/07/11/osetinskoe-posolstvo-1749-i-sovremennost.html> (дата обращения: 15.05.2015); Его же. Состав и принципы формирования Осетинского посольства 1749-1752 гг. в России // История народов России в исследованиях и документах. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. – М., 2011. – Вып. 5. – С. 15-34; Его же. О первых осетинах, представленных Осетинской духовной комиссией Российским властям // Осетия в истории российской государственности и дипломатии. Сборник статей. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. – Владикавказ, 2012. – Вып. 3. – С. 5-12.

⁸³⁷ Бзаров Р. С. Осетинское посольство...

⁸³⁸ Там же.

⁸³⁹ Там же.

Исследователи Е. И. Кобахидзе, З. М. Блиева, А. А. Цуциев, Л. А. Чибиров и др.⁸⁴⁰ полагают, что в соответствии с условиями международного права Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. санкционировал возможность России распоряжаться

⁸⁴⁰ Кобахидзе Е. И. Взаимодействие традиционной и государственно-административной систем управления в истории Осетии (конец XVIII-XIX в.): дис. ... канд. истор. наук. – Владикавказ, 2002; Её же. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): Историко-этнологический анализ. – Владикавказ, 2003; Её же. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.) // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 5. – С. 123-134; Её же. Политико-административное взаимодействие России и горских обществ Центрального Кавказа в конце XVIII-XIX вв.: некоторые историографические итоги и перспективы исследования // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2007. – Выпуск VI. – С. 29-38; Её же. Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления: дис. ... д-ра истор. наук. – Владикавказ, 2010; Её же. «Не единою силою оружия...». Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. – Владикавказ, 2010; Её же. Административные аспекты интеграции осетин в российскую государственность // Осетия в истории российской государственности и дипломатии. Сборник статей. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. – Владикавказ, 2012. – Вып. 3. – С. 27-39; Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. – Владикавказ, 2012; Блиева З. М. Русско-чеченские отношения в XVII-XVIII веках // Вопросы истории. – 2003. – № 12. – С. 47-61; Её же. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века: дис. ... д-ра истор. наук. – Владикавказ, 2004 // URL: <http://www.dissercat.com/content/rossiiskii-byurokraticheskii-apparat-i-narody-tsentralnogo-kavkaza-v-kontse-xviii-80-e-gody> (дата обращения: 15.09.2015); Её же. Управление Осетией в 30-50-е годы XIX в. // История народов России в исследованиях и документах. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. – М., 2011. – Вып. 5. – С. 83-102; Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М., 2006 // URL: http://www.iriston.com/books/cuciev_-_etno_atlas/cuciev_etno-polit_map.htm#06 (дата обращения: 12.05.2015); Его же. Присоединение Кабарды к Русскому государству как историко-идеологический и картографический сюжет // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2014. – № 44. – С. 256-275; Чибиров Л. А. Россия и исторические судьбы осетинского народа // Россия и Кавказ. Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова, 225-летию основания г. Владикавказ. Владикавказ, 6-7 октября 2009. – Владикавказ, 2010. – С. 7-12 и др.

Центральным Кавказом⁸⁴¹. С точки зрения Е. И. Кобахидзе, особое значение для Российского государства имела Осетия, отличавшаяся выгодным для империи геополитическим положением и значительным военно-экономическим запасом в виде рудных и лесных ресурсов⁸⁴². Официальное присоединение Центрального Кавказа к России в последней трети XVIII в. (в 1770 г. – Ингушетии, в 1774 г. – Кабарды и Осетии) позволило начать административные мероприятия по формированию в регионе российского управленческого аппарата⁸⁴³.

По словам З. М. Блиевой, заключение мира с Турцией в 1774 г. предоставило российскому правительству возможность удовлетворить неоднократные просьбы Осетии, Ингушетии и Чечни о присоединении к России. Разновременно (в 1770 г. – Ингушетия, в 1774 г. – Осетия, а в 1781 г. – Чечня) эти районы вошли в состав России⁸⁴⁴. Договор о присоединении Чечни к России 1781 года, как сообщает автор, чеченцами был дезавуирован⁸⁴⁵. Их борьба против новых управителей, рассматриваемая как «война за веру», отныне приняла ожесточенный характер⁸⁴⁶. Произошло столкновение контрастирующих между собой общественных систем – российской феодально-крепостнической и чеченской эгалитарной⁸⁴⁷.

По выражению одного из авторов «Истории Осетии» Ф. Х. Гутнова, в России Осетия воспринималась как страна с особым геополитическим статусом⁸⁴⁸. Вхождение в состав Российской империи в 1774 г. принесло осетинам стабильность, необходимые ус-

⁸⁴¹ Кобахидзе Е. И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): Историко-этнологический анализ. – Владикавказ, 2003. – С. 109.

⁸⁴² Там же.

⁸⁴³ Там же.

⁸⁴⁴ Блиева З. М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа...

⁸⁴⁵ Блиева З. М. Русско-чеченские отношения... – С. 55.

⁸⁴⁶ Там же. – С. 56.

⁸⁴⁷ Там же. – С. 59.

⁸⁴⁸ Гутнов Ф. Х. Присоединение Осетии к России // История Осетии. – Владикавказ, 2012. – С. 480.

ловия для общественного развития⁸⁴⁹. В частности, они получили разрешение на переселение в предгорную зону Центрального Кавказа, признанную «вольной и свободной», на бесполоштинную торговлю в Кизляре и Астрахани и др.⁸⁵⁰. А. А. Хаамицаева оценивает присоединение Осетии к Российскому государству как единственно возможный позитивный вектор развития⁸⁵¹. Исследователь Т. В. Гапбаев в этом процессе важное значение придает принятию осетинами православия⁸⁵².

Вооруженные конфликты в Чечне в 1990-е гг. актуализировали проблемы Кавказской войны в региональной исторической науке и способствовали возникновению новых точек зрения, трактующих процесс вхождения чеченцев в состав России с позиции суверенного статуса республики. Большинство национальных историков, в числе которых Я. З. Ахмадов, Ш. А. Гапуров, Дж. Ж. Гакаев, И. М. Сигаури и др.⁸⁵³, обосновывают идею о на-

⁸⁴⁹ Там же. – С. 492.

⁸⁵⁰ Гутнов Ф. Х. Присоединение Осетии к России... – С. 486.

⁸⁵¹ Хаамицаева А. А. Осетины и Кавказская война // Осетия в кавказской политике Российской империи: Сборник документов и материалов. – Владикавказ, 2008. – С. 6.

⁸⁵² Гапбаев Т. В. Государственно-правовое положение Северной Осетии в составе Российской Империи: конец XVIII – начало XX века: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007 // URL: <http://www.disserscat.com/content/gosudarstvenno-pravovoe-polozhenie-severnoi-osetii-v-sostave-rossiiskoi-imperii-konets-xviii> (дата обращения: 16.04.2015).

⁸⁵³ Ахмадов Я. З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991; Его же. Взаимоотношения Чечни и России (вторая половина XVI – середина XIX вв.) // Чеченцы: история и современность / Под ред. Ю. А. Айдаева. – М., 1996. – С. 145-149; Его же. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001; Его же. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. – Грозный, 2009; Гапуров Ш. А., Бабатыева А. К вопросу об этапах колониальной деятельности России на Северном Кавказе в XVI-XIX веках // Тезисы докладов региональной научно-практической конференции, посвященной 25-летию образования Чеченского государственного университета. – Грозный, 1997. – С. 156-157; Гапуров Ш. А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик, 2003; Его же. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в.: автореф. дис.... д-ра истор. наук. – М., 2004; Его же. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801-1815 годы). – Нальчик, 2003; Его же. Актуальные проблемы истории Чечни в XVI-XIX веках // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции,

сильственным завоевании Чечни в середине XIX в. Как утверждает, Я. З. Ахмадов, чеченцы в XIX в. представляли собой «сильнейший народ» с развитым сельским хозяйством и ремеслом, зрелой освободительной идеологией, основанной на положениях ислама, что дало возможность открыть борьбу с «царизмом» по всему фронту⁸⁵⁴.

Один из главных современных исследователей российско-чеченских взаимоотношений в XVI-XIX вв. Ш. А. Гапуров заявляет, что взаимная заинтересованность чеченских обществ и царских властей в мирных политических отношениях привела к установлению между ними военно-политического союза в 1588 г.⁸⁵⁵ В последней трети XVIII в., «царизм всё более активно начинает переходить от союзнических отношений с чеченцами к их прямому

19-20 апреля 2005 г., г. Москва. – М., 2006. – С. 40-48; Его же. Чечня и Ермол: (1816-1827 гг.). – Грозный, 2006; Гапуров Ш. А., Израйилов А. М., Товсултанов Р. А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (страницы хроники русско-горской трагедии XIX века). – Нальчик, 2007; Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б., Израйилов А. М. Установление российской власти в Аргунском ущелье Чечни (1858) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2008. – № 1. – С. 68-76; Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б. Россия и Чечня (последняя треть XVIII – первая половина XIX века). – Грозный, 2009; Гапуров Ш. А. Россия и Чечня: этапы многовекового содружества // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19-20 июня 2012 г. – Махачкала, 2013. – С. 3-11; Гапуров Ш. А., Саралиева Л. Ш. Из истории российско-северокавказских взаимоотношений конца XVIII в. // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19-20 июня 2012 г. – Махачкала, 2013. – С. 216-225; Гапуров Ш. А. Кавказская война: хронология, причины и содержание // Кавказская война: события, факты, уроки. Материалы международной научной конференции (г. Нальчик 15-19 октября 2014 г.). – Нальчик, 2014. – С. 35-49; Его же. К дискуссии о Кавказской войне // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч. конф. – Краснодар, 2015. – С. 45-55; Гакаев Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век) – М., 1997. – Ч. 1, 2; Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. – М., 1997; Музаев Т. Чеченская республика Ичкерия // URL: http://www.igpi.ru/monitoring/104/oct_97/chechen.html (дата обращения: 16.04.2015) и др.

⁸⁵⁴ Ахмадов Я. З. Взаимоотношения Чечни и России... – С. 149.

⁸⁵⁵ Гапуров Ш. А. Россия и Чечня: этапы многовекового содружества... – С. 5.

подчинению»⁸⁵⁶. С 1818 г., со строительства крепости Грозной, по версии Ш. А. Гапурова, начинается Кавказская война⁸⁵⁷. Присоединение Чечни к России было результатом не только военных действий, но и политико-дипломатических контактов, торгово-экономических связей, которые не прерывались, как отмечает историк, даже в годы Кавказской войны, ставшей «общей трагедией для русского и для чеченского народов»⁸⁵⁸.

Дж. Ж. Гакаев, анализируя российско-вайнахские отношения в XVI-XVIII вв., подчеркивает, что в результате первого чеченского посольства в Москву 1588 года, отправленного владельцем Ауха («Окочанская земля») Ших-Мурзой, с Россией установились дружественные отношения. В XIX в. Российская империя преследовала в регионе колониальные цели и, в отличие от Московского царства, уже не нуждалась в горцах «как в союзниках»⁸⁵⁹. В результате Чечня оказалась «на острие Кавказской войны», развязанной «царской Россией»⁸⁶⁰.

С точки зрения И. М. Сигаури, чеченским владетелям, выступавшим во взаимоотношениях с Россией в качестве самостоятельных субъектов, приходилось строить свою политику одновременно с учетом двух основных факторов: острой борьбы за лидерство и вмешательством великих держав во внутривнутриполитический процесс⁸⁶¹. Наличие этих двух факторов, как считает ученый, делало политическую ситуацию на Северном Кавказе чрезвычайно взрывоопасной, когда решение любого спора неизбежно приводило к военным столкновениям⁸⁶².

Грузинский историк Г. З. Анчабадзе посвятил монографию⁸⁶³ истории и культуре вайнахских народов. По его мнению, завоевание кавказских земель началось при Петре I в первой четверти XVIII в. В 1770-1780-х гг. периодические столкновения между

⁸⁵⁶ Там же. – С. 6.

⁸⁵⁷ Там же.

⁸⁵⁸ Гапуров Ш. А., Израйилов А. М., Товсултанов Р. А. Указ. соч. – С. 269.

⁸⁵⁹ Гакаев Дж. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 18.

⁸⁶⁰ Там же.

⁸⁶¹ Сигаури И. М. Указ. соч. – С. 238.

⁸⁶² Там же.

⁸⁶³ Анчабадзе Г. З. Вайнахи. – Тбилиси, 2001 // URL: http://oldcancer.narod.ru/caucasus/vai_nachi/vainahi.htm (дата обращения: 16.04.2015).

русскими войсками и отрядами горцев переросли в систематические боевые действия, началась «Кавказская (Русско-горская) война», «стоившая обеим сторонам много крови»⁸⁶⁴. Автор убежден, что России исключительно «благодаря огромному превосходству сил» удалось в 1859 г. «победить горцев»⁸⁶⁵.

В 2005 г. в Москве состоялась международная научная конференция «Чеченская республика и чеченцы: история и современность». Участники конференции осудили ложные идеи о 400-летней истории перманентного вооруженного противостояния Чечни и России⁸⁶⁶ и заявили, что «важнейшей составляющей истории чеченского народа в новое время являлись добрососедские взаимоотношения с русским и другими народами России, которые носили разнообразный характер»⁸⁶⁷. Один из участников конференции Ш. Б. Ахмадов в своих работах⁸⁶⁸ подчеркивал, что ориентация на Россию спасла вайнахов «от порабощения»⁸⁶⁹.

Ингушский историк А. У. Мальсагов⁸⁷⁰ в одном из своих исследований приводит слова архимандрита Григория из челобитной, адресованной императрице Екатерине II, в которой говорится,

⁸⁶⁴ Там же.

⁸⁶⁵ Анчабадзе Г.З. Указ. соч.

⁸⁶⁶ Хасбулатов А. И. Исследования по истории Чечни до 1917 года // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции, 19-20 апреля 2005 г., г. Москва. – М., 2006. – С. 68-87; Магомедова Т. С. Русско-чеченский военно-политический союз в конце XVI – в первой половине XVII в. // Там же. – С. 246-253 и др.

⁸⁶⁷ Цит. по: Дзидзоев В. Д. Объективность и субъективность в современной историографии Кавказа // URL: http://apsnyteka.org/1544-dzidzoev_v_objektivnost_i_subiektivnost_v_sovremennoi_istoriografii_kavkaza.html#6 (дата обращения: 16.04.2015).

⁸⁶⁸ Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). – Элиста, 2002; Его же. Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа и Россией в прошлом // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции, 19-20 апреля 2005 г., г. Москва. – М., 2006. – С. 55-67 и др.

⁸⁶⁹ Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века... – С. 4.

⁸⁷⁰ Ингушетия и ингуши / Ред. А. Мальсагов, Сост. М. Д. Яндиева. – Назрань – Москва, 1999; Мальсагов А. У. Ингуши в войнах России XIX-XX вв. – Нальчик, 2002; Мальсагов А. У. Ингуши. История и века родословий. – Нальчик, 2003 и др.

что «киштинцы (ингуши) в 1757 г. приведены к присяге на верность России»⁸⁷¹. Таким образом, историк указывает еще более раннее соглашение о принятии ингушами российского подданства, чем уже известный в науке договор 1770 г. Автор считает, что Ингушетия была необходима России, поскольку находящиеся на ее территории «Джейрахское ущелье и Ассинская котловина непосредственно примыкали к очень важным древним торгово-транспортным и военным магистралям»⁸⁷².

Авторы «Истории Ингушетии»⁸⁷³ Н. Д. Кодзоев и М. Б. Долгиева в своих работах⁸⁷⁴ развивают традиционную точку зрения о вхождении ингушей в состав Российской империи и сообщают, что в 1770 г. в ауле Ангушт посольство из Ингушетии во главе со старшинами Г. Чопановым и С. Мирзахановым торжественно принесло присягу России⁸⁷⁵. В результате подавления Назрановского восстания 1858 г. Ингушетия окончательно была включена в систему административного управления Российской империи⁸⁷⁶. Авторы подчеркивают, что ингушский народ никогда не изменял курсу на совместное развитие в семье народов единой России⁸⁷⁷.

Интерес представляют материалы научных конференций «Россия и Кавказ: история и современность»⁸⁷⁸, в которых содер-

⁸⁷¹ Мальсагов А. У. Ингуши. История и века родословий. – С. 18, 19.

⁸⁷² Мальсагов А. У. Ингуши. История и века родословий. – С. 19.

⁸⁷³ История Ингушетии. План-проспект. – Магас, 2004; История Ингушетии. – Нальчик, 2011.

⁸⁷⁴ Кодзоев Н. Д. История ингушского народа: с древнейших времен до конца XIX века. Учебное пособие для 7-9 классов общеобразовательных школ. – Магас, 2002; Долгиева М. Б. Русско-ингушские отношения в X – XVII вв. // Вопросы истории Ингушетии. – Магас, 2004. – С. 11-21; Её же. Вопросы русско-кавказской войны в произведениях В.-Г. Джабагиева // Вопросы истории Ингушетии. Исследования и материалы. – Магас, 2004. – Вып. 2. – С. 23-29 и др.

⁸⁷⁵ История Ингушетии. – С. 184.

⁸⁷⁶ Там же. – С. 212.

⁸⁷⁷ Там же. – С. 479.

⁸⁷⁸ Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции, 11-12 ноября 2004 года / Сост. В. Д. Дзидзоев; Сев.-Осет. ин-т гуманитарных и соц. иссл. им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А. – Владикавказ, 2005; Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конфе-

жатыся исследования по истории российско-кавказских взаимоотношений. В одном из сборников опубликована статья Б. М.-Г. Харсиева⁸⁷⁹, посвященная включению Ингушетии в состав России. По мнению автора, в истории русско-кавказских отношений можно наблюдать «приливы и отливы интересов Петербурга к Северному Кавказу», зависевшие от восточных планов империи⁸⁸⁰. Но всё же характер присоединения исследователем трактуется однозначно как мирный, выразившийся в договоре 1770 г.⁸⁸¹.

Историк М. Б. Магомедов датирует добровольное вхождение Ингушетии в состав России 1810 годом, когда во Владикавказе был подписан соответствующий акт. Это соглашение, как сообщает автор, подводило итог многочисленным обращениям представителей Чечни и Ингушетии о принятии их в российское подданство. В конце 1810-х – начале 1820-х гг. царская власть и местная феодальная знать, «заключили союз, направленный против крестьян-горцев, установив над ними двойной гнет»⁸⁸².

Таким образом, в современной региональной историографии существуют различные, порой диаметрально противоположные, взгляды на проблему присоединения народов Центрального Кавказа к России и в целом на содержание российско-кавказские взаимоотношений в средневековье и новое время. Большинство исследователей включение той или иной этнической общности в состав России связывает с насильственным завоеванием в период Кавказской войны. Часть авторов отстаивает точку зрения о добровольном вхождении местных народов в состав Российско-

ренции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19-20 июня 2012 г. – Махачкала, 2013.

⁸⁷⁹ Харсиев Б. М.-Г. Добровольное единение Ингушетии с Российской империей по договору 1770 г. // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19-20 июня 2012 г. – Махачкала, 2013. – С. 721-731.

⁸⁸⁰ Харсиев Б. М.-Г. Добровольное единение... – С. 722.

⁸⁸¹ Там же. – С. 724, 725.

⁸⁸² Магомедов М. Б. Кавказская война 20-50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты: дис. ... докт. истор. наук. – Махачкала, 2004 // URL: <http://www.disserscat.com/content/kavkazskaya-voina-20-50-kh-godov-xix-veka-istoriko-pravovye-aspekty> (дата обращения: 16.04.2015).

го государства посредством принесения присяги. Эмоционально-болезненное восприятие различных фактов и событий региональной политической истории привело к возникновению кризисных явлений в отечественном кавказоведении, в частности, к мифологизации исторического знания. На этом фоне возросла практическая значимость исторических источников, позволявших дать научное обоснование любым возникающим версиям о причинах, характере и итогах включения северокавказских народов в состав России. Стремление к преодолению негативных тенденций в исторической науке демонстрирует увеличение исследований, в которых анализируются особенности развития современного кавказоведения и разрабатываются новые методологические подходы к изучению тех или иных исторических проблем.

4.3. Постановка перспективных проблем исследования вхождения Северного Кавказа в состав России в современной отечественной историографии

Процесс вхождения народов Северного Кавказа в состав России был настолько длительным и противоречивым, что сторонники любого научного подхода могут найти богатую фактологическую и документальную основу для своих концептуальных построений. Нарастание противоречий между двумя основными теоретическими подходами к изучению российско-кавказского исторического взаимодействия, определенными А. Х. Боровым как рафинированный либерализм в «центре» и этнокультурный фундаментализм на «периферии», препятствует научному диалогу⁸⁸³ и всестороннему анализу проблемы. Поэтому первоочередной задачей отечественной историографии является ликвидация, с одной стороны, кавказофобии, с другой, – русофобских тенденций в научных исследованиях. Только в этом контексте российская политика в регионе в XVI-XIX вв. может быть показана

⁸⁸³ Боров А. Х. Осмысление национальной истории в логике культуры мира: Россия и адыги в новое время // Культура мира и Северный Кавказ. Материалы научно-практической конференции «Мир на Северном Кавказе через диалог культур». Нальчик, 9-11 декабря 1999 г. – Нальчик, 2000. – С. 132, 133.

объективно без демонизации, но и без ненужной идеализации⁸⁸⁴. История российско-кавказских взаимоотношений – это совокупность научных проблем, нуждающихся в широком и объективном обсуждении учеными.

В официальной историографии, как подчеркивает К. Ф. Дзамихов, национальное русское и имперское начало «четко объединяются в единое целое, которое при проведении государственной линии стремится к воссозданию позитивного образа самодержавия»⁸⁸⁵. Традиционная схема изложения российской истории, опирающаяся на «великорусскую державную идею приводит к тому, что российская история раскрывается преимущественно как история русского национального государства»⁸⁸⁶.

Включение в учебники по отечественной истории сюжетов, связанных с описанием национальных регионов, могут, отмечает В. В. Трепавлов, «послужить средством привлечения внимания к поучительным и ярким страницам прошлого народов»⁸⁸⁷, будут способствовать воспитанию толерантности по отношению к «чужим» жизненным устоям и культурным ценностям, формированию и развитию общероссийского гражданского патриотизма и солидарности, «в частности осознанию общности исторических судеб народов, населяющих Россию»⁸⁸⁸.

Размышляя над проблемами историописания, В. В. Дегоев отмечает, что мифотворчество – это «младенческий этап в технологии хранения коллективного опыта для передачи его следующим поколениям»⁸⁸⁹. Мифологизация истории национальными исследователями привела к наступлению «нового средневековья в российском кавказоведении»⁸⁹⁰. В. А. Шнирельман призывает

⁸⁸⁴ Патракова В. Ф., Черноус В. В. Историография, историческая память адыгов...

⁸⁸⁵ Дзамихов К. Ф. «Своё» и «чужое» прошлое... – С. 29.

⁸⁸⁶ Дзамихов К. Ф. «Своё» и «чужое» прошлое... – С. 29.

⁸⁸⁷ Трепавлов В. В. Народы России в школьных учебниках по отечественной истории (до XX в.) // Отечественная история. – 2003. – № 1. – С. 120.

⁸⁸⁸ Там же.

⁸⁸⁹ Дегоев В. В. Историку Северного Кавказа: не навреди во гневе и пристрастии! // URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document190447.phtml> (дата обращения: 12.04.2015).

⁸⁹⁰ Там же.

перестать рассматривать исторические проблемы сквозь «этнические очки»⁸⁹¹.

Каждому этносу необходимо приемлемое и полное достоинства прошлое, констатируют историографическую ситуацию В. А. Кузнецов и И. М. Чеченов, в силу этого основную задачу современных исследователей они видят в противодействии инерционным и деструктивным тенденциям в историческом кавказоведении, отстаивании позиций и достижений российской фундаментальной науки о Северном Кавказе, выработанной многими поколениями ученых научной парадигмы⁸⁹².

Выход на новый уровень исторического знания, с точки зрения Э. А. Шеуджен, не предполагает «раздачу ярлыков», представления себя «в роли единственного форпоста на границе научности и «мифологизации», объективности и «местного патриотизма», а также позиционирования себя «как единственного радетеля за «российско-горское взаимодействие», в ситуации, когда все историки Северного Кавказа, занимающиеся историей различных народов являются российскими, а не какими-то привнесенными извне фальсификаторами»⁸⁹³.

Вернуться из «ловушки» этноцентризма позволит, на наш взгляд, разработанный Й. Рюзенем подход к изучению культурных различий⁸⁹⁴. Исследователь предлагает начать с выявления антропологических универсалий, свойственных всем социокультурным системам, и приступить к построению идеальных типов на абстрактном уровне, в которых эти универсалии должны быть

⁸⁹¹ Шнирельман В. А. Излечима ли болезнь этноцентризма?.. – С. 112.

⁸⁹² Кузнецов В. А., Чеченов И. М. История и национальное самосознание... – С. 7.

⁸⁹³ Шеуджен Э. А. О «национальной историографии», «национальных историках», «своей» истории и «историописаниях» // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 2. – С. 90.

⁸⁹⁴ Rusen J. How to overcome ethnocentrism: approaches to a culture of recognition by history in the 21st century // Taiwan journal of East Asian studies. – 2004. – June. – No. 1. – P. 59-74; Rusen J. Tradition and identity: theoretical reflections and the European example // Taiwan journal of East Asian studies. – 2004. – December. – No. 2. – P. 135-158; Rusen J. Emotional forces in historical thinking: some metahistorical reflections and the case of mourning // Historein: a review of the past and other stories. – 2008. – Vol. 8. – P. 41-53.

конкретизированы. С помощью этих идеальных типов следует интерпретировать культурные особенности, которые, как убежден Й. Рюзен, не демонстрируют уникальность определенной культуры, а ставят вопрос о составе и соотношении ее основных элементов, каждый или большинство из которых можно найти в других знаковых системах. Таким образом, ту или иную культуру необходимо изучать как уникальное «созвездие» одних и тех же элементов⁸⁹⁵. Это позволит, по словам историка, не только понять чужую ментальность, но и познать самих себя⁸⁹⁶.

Проблема изучения наиболее сложных и дискуссионных проблем северокавказской истории носит не только этнопсихологический, но и научно-методологический характер. Многообразие интерпретаций вхождения Северного Кавказа в состав России строится на различном понимании одних и тех же исторических документов. А. Н. Максимчик обращает внимание на то, что любой текст имеет подтекст: как управляемый, так и неуправляемый, на выделение и понимание которого влияет методологическая и мировоззренческая позиция исследователя. В результате могут возникать некорректные трансплантации идеологических, религиозных и политических конструкций из прошлого в настоящее и наоборот⁸⁹⁷. В понимании ученого, характер присоединения новой территории к Российскому государству должен вычисляться «путем суммирования трех слагаемых: цель присоединения + используемые методы + оценка итогов присоединения, а также общего видения истории двусторонних отношений с момента включения территории в состав империи, вплоть до событий недельной давности»⁸⁹⁸.

Как полагает В. Г. Шнайдер, процесс интеграции малых народов Кавказа в государственное пространство России как «процесс предзаданный» не следует рассматривать. Нельзя также, по его мнению, «искать и универсальности в отношении к России отдельных этнокультурных групп региона», поскольку «различ-

⁸⁹⁵ Rusen J. How to overcome ethnocentrism... – P. 73.

⁸⁹⁶ Ibid. – P. 73, 74.

⁸⁹⁷ Максимчик А. Н. Изучение процесса формирования... – С. 39.

⁸⁹⁸ Максимчик А. Н. Полемика вокруг характера присоединения Северного Кавказа... – С. 259.

ным было и понимание характера российско-кавказских взаимоотношений каждой из сторон отдельно»⁸⁹⁹.

В. В. Трепавлов разделяет точку зрения о том, что отношения подчинения и подданства русской стороной и ее партнерами интерпретировались по-разному. Постановка такой исследовательской задачи предполагает изучение целого клубка взаимосвязанных проблем, в числе которых трактовка обстоятельств и легитимности вхождения северокавказских этнических групп в состав Российского государства; выяснение их отношения к российской власти, которая воплощалась в образе «белого царя», и к русскому народу в целом; изучение представлений о российский государственности как регулирующей системе, заменившей прежние модели общественного устройства, и др.⁹⁰⁰.

Плодотворным могло быть, как полагает В. В. Лапин, применение в исследовании данной проблематики компаративного метода. «Сопоставление действий европейских держав за пределами Старого Света с российской практикой присоединения и «обустройства» сопредельных территорий выглядит, – как считает исследователь, – очень перспективным»⁹⁰¹.

Австрийский ученый А. Каппелер⁹⁰², провел сравнительный анализ формирования многонационального Российского государства и европейских колониальных стран. В результате историк пришел к выводу, что «к российской дореформенной империи не подходит в качестве определения ее характера штамп «колониальной державы»⁹⁰³. Свою мысль он аргументирует отсутствием «превосходства в развитии метрополии над периферией» и приоритетом «политико-стратегических целевых установок над эко-

⁸⁹⁹ Шнайдер В. Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов // URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=15741>. (дата обращения: 01.07.2015).

⁹⁰⁰ Трепавлов В. В. Русско-кавказские отношения в XVI-XVIII вв... – С. 265.

⁹⁰¹ Лапин В. В. Новейшая историография Кавказской войны...

⁹⁰² Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад – Москва, 2000; Kappeler A. The Russian Empire: a Multiethnic History. – Harlow; London, 2001. Его же. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. – 2003. – № 2. – С. 129-135 и др.

⁹⁰³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. – С. 122.

номическими», что природе «колониальной империи» никак не соответствует⁹⁰⁴.

Ученый рассматривает взаимоотношения России и народов Северного Кавказа с точки зрения противостояния исламской и христианской цивилизации. Новые регионы в XIX в. завоевывались с помощью оружия, а сопротивление мусульман подавлялось самыми жестокими методами⁹⁰⁵. Несмотря на это, сосуществование в одном социуме двух разных мировоззренческих систем оказалось вполне возможным, что связывается А. Каппелером с преодолительностью этнической и религиозной дистанции между русскими и мусульманами, которая, к примеру, была меньше, чем в других странах Европы. Как полагает автор, мир ислама для России был миром знакомым, религиозные барьеры препятствовали интенсивному взаимовлиянию культур, но мусульмане не были исключены из российского общества⁹⁰⁶.

Важным принципом гибкой и осторожной политики освоения новых земель было сотрудничество российской власти с нерусскими элитами, которые должны были контролировать поведение масс и нести военную службу, за что подтверждались их привилегии. Так, в середине XVI в. с некоторыми кабардинскими князьями, искавшими покровительства московского государя, был заключен политический альянс⁹⁰⁷. По своему социально-политическому положению, утверждает историк, местная знать была схожа с русским дворянством, то есть представляла собой «оседлое, владеющее землей, военное сословие»⁹⁰⁸.

Малоизученной и весьма перспективной, на наш взгляд, остается проблема изучения взаимоотношений народов Северного Кавказа с Крымским ханством. Как известно, российско-адыгские переговоры середины XVI в. в Москве были расценены как основание для причисления горцев к подвластным царю народам, и в царский титул добавилась формула «Кабардинские земли, черкасских и горских князей» (государь). Однако тогда же чер-

⁹⁰⁴ Там же.

⁹⁰⁵ Каппелер А. Две традиции в отношениях... – С. 132.

⁹⁰⁶ Каппелер А. Две традиции в отношениях... – С. 133.

⁹⁰⁷ Там же. – С. 134.

⁹⁰⁸ Каппелер А. Россия – многонациональная империя... – С. 47.

кесы стали фигурировать и в крымском титуле: «Великой Орды, Кипчакской степи и Крымского юрта хан, множества татар и бесчисленных ногаев и черкесов повелитель»⁹⁰⁹. Возникают вопросы, требующие глубокого научного анализа, в частности о характере установившихся в XVI в. крымско-кавказских взаимоотношений и их дальнейшем развитии; о том, как эти связи воспринимались взаимодействующими субъектами и т. д. Эффективен, на наш взгляд, будет сравнительный анализ формы и степени зависимости местной элиты от российской и крымской власти. Изучение этих проблем позволит лучше понять российско-кавказские взаимоотношения в прошлом. Введение в научный оборот турецких архивных материалов также даст возможность многое уточнить в этом вопросе.

Объектом пристального внимания со стороны ученых была и остается проблема Кавказской войны. Этот вооруженный российско-кавказский конфликт лишен внутреннего единства, и для продуктивного его изучения целесообразным, представляется В. В. Лапину, «разделение Кавказской войны на ряд достаточно обособленных частей, выделенных из общего потока событий по принципу важнейшей составляющей данного конкретного эпизода (группы эпизодов) военных действий»⁹¹⁰.

С точки зрения коллектива исследователей Ш. А. Гапурова, А. М. Бугаева и В. В. Черноуса, к концу XVIII – началу XIX вв. большая часть Северного Кавказа уже находилась в Российском подданстве⁹¹¹, поэтому все военные события, происходившие в регионе в последующие десятилетия носят характер внутригосударственных. Обострение ситуации на Северном Кавказе в первой половине XIX в. рассматривается авторами как «институциональный конфликт, т.е. конфликт социальных и политико-правовых институтов Российской империи и горских обществ в контексте острой геополитической борьбы в регионе»⁹¹².

⁹⁰⁹ Цит. по: Гатагова Л. С., Исмаил-Заде Д. И., Котов В. И., Некрасов А. М., Трепавлов В. В. Указ. соч.

⁹¹⁰ Лапин В. В. История Кавказской войны... – С. 14.

⁹¹¹ Гапуров Ш. А., Бугаев А. М., Черноус В. В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 4. – С. 94.

⁹¹² Там же. – С. 95.

В качестве «предмета обсуждения» Ш. А. Гапурова, А. М. Бугаева и В. В. Черноуса предлагают научному сообществу следующие положения:

Во-первых, историки считают необходимым «развести» войны России с Турцией и Ираном в XVIII-XIX вв. и военные действия между российскими войсками и горцами в 1818 (1817) – 1864 гг., поскольку «это явления разного характера и, они не могут быть включены в одно название «Кавказская война». Термин «война» подразумевает военные действия между разными государствами, поэтому понятием «Кавказская война» правомерно обозначать военные действия между Россией, Турцией и Ираном в XVIII-XIX вв.⁹¹³

Во-вторых, военные действия между российскими войсками и горцами авторы предложили назвать «народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа в 1818-1864 гг.» и рассматривать эти события «как восстание горцев против установления российской власти в слишком жестких формах и силовыми методами»⁹¹⁴. А со стороны имперского правительства – «как подавление крестьянского восстания, иногда возглавленного отдельными феодалами»⁹¹⁵.

История Кавказа и его взаимоотношений с Россией, как отмечает В. В. Дегоев, не сводится к Кавказской войне, а та, в свою очередь, только к военно-конфронтационной составляющей⁹¹⁶. На наш взгляд, всеобъемлющее изучение Кавказской войны предполагает всесторонний анализ российско-кавказских взаимоотношений в XVIII-XIX вв., который включает в себя не только подробное описание военных действий в регионе, но и исследование социально-экономических и культурных связей между Россией и местными народами, и демонстрирует многофакторность и непрерывное развитие этих процессов.

⁹¹³ Там же. – С. 97.

⁹¹⁴ Гапуров Ш. А., Бугаев А. М., Черноус В. В. К 150-летию окончания Кавказской войны... – С. 98.

⁹¹⁵ Там же.

⁹¹⁶ Дегоев В. В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007. – С. 31.

Таким образом, распад СССР естественным образом привел к распаду и «советской» идентичности, за которым моментально последовал всплеск национализма среди северокавказских народов России. Возросла роль исторической науки как средства формирования и выражения этнической идентичности. Большинство региональных историков в 1990-х гг. предприняло попытку переписать историю российско-кавказских отношений в XVI – XIX вв. на новый лад, отказавшись от марксистских подходов, ограничивавших свободу научного творчества. Местные исследователи, стремясь продемонстрировать равную степень вклада народов Северного Кавказа и русского народа в развитие Российского государства, отказавшись от позиции, трактующей взаимоотношения России с северокавказскими этническими обществами по формуле сюзерен-вассал, ставят в своих работах акцент на равноправии сторон в решении тех или иных вопросов на протяжении всего периода их исторического взаимодействия и подчеркивают взаимовыгодный характер этих связей. Всё это привело к возникновению в историографии Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии идей союзов, альянсов народов Центрального Кавказа с Россией в прошлом. В частности, возникла концепция, согласно которой между Кабардой и Московским государством в 1557 г. был заключен военно-политический союз. Данный тезис лег в основу научных построений соседей по региону.

Окончательное вхождение Центрального Кавказа в состав России многие региональные историки связывают с «жестокой колониальной политикой» имперского руководства в период Кавказской войны. В качестве даты окончательного завоевания Кабарды называется 1825 г., Чечня признается «покоренной» в 1859 г., Карачай – в 1828 г. и т. д. Этот подход является вполне обоснованным и поддерживается многими исследователями, но, к сожалению, он нередко превращается в инструмент манипулирования общественным мнением со стороны различных политических сил.

В целях препятствования нарастанию центробежных тенденций в национальных республиках в 90-х гг. XX в. возрождается

теория о добровольном присоединении северокавказских народов к Российскому государству. Часть исследователей русско-кабардинских, русско-осетинских и русско-вайнахских отношений развивает традиции советских работ 1950-х – 1980-х гг., отстаивая точку зрения об исключительно позитивной роли русского народа, находившемся на более высоком уровне политического, социально-экономического и культурного развития, чем народы Центрального Кавказа в период их вхождения в состав России. Концепция добровольности является важным элементом современной российской национальной политики, поэтому широко поддерживается властями, как на федеральном, так и на региональном уровне. Яркое проявление этой тенденции находим в праздновании юбилейных дат вхождения народов Терека в состав России.

Расширение и развитие методологического инструментария в изучении формирования Российского многонационального государства, в частности использование социокультурного (цивилизационного) подхода, теории границы, (контактных зон, фронта), осуществление политико-правового анализа и др., привело к возникновению многообразия интерпретаций присоединения Центрального Кавказа к России. Многие отечественные ученые вырабатывают альтернативные точки зрения, пытаются дистанцироваться от идеологически и эмоционально ангажированных оценок. Едины исследователи в одном: взаимоотношения России с народами Северного Кавказа всегда носили сложный и неоднозначный характер; за период многовекового взаимодействия эти отношения испытали и мирное сосуществование, сотрудничество, и трагические военные столкновения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ историографии вхождения Центрального Кавказа в состав России позволил прийти к следующим выводам:

1. Характер и проблематика исследований в имперский период определялись как внутренней логикой развития самой исторической науки, так и внешними факторами ее существования. С началом военных действий в регионе наблюдается интенсивное изучение истории и культуры народов Центрального Кавказа с целью выстраивания стратегии и тактики Российской политики в отношении горцев. Имперская территориальная экспансия воспринималась большинством исследователей как неизбежный исторический процесс.

Внутри имперской исторической мысли, ставшей основой развития отечественного кавказоведения, мы выделяем три основных направления в изучении проблемы: консервативное, либеральное и демократическое.

В исследованиях консервативного направления отечественной историографии ярко отразилась позиция имперского руководства в вопросе российско-кавказского исторического взаимодействия. Представители данного течения оправдывали государственную политику в регионе и создавали идейную основу ее легитимации. Они подчеркивали историческую обусловленность вхождения Северного Кавказа в состав России, доказывали необходимость строительства крепостей, военных экспедиций для «умиротворения» горцев и решения важнейших геополитических задач в крае. Вместе с тем, в исследованиях данного направления системно обосновывался позитивный характер русского влияния на северокавказскую культуру, в результате которого местные народы приобщались к основным ценностям европейской цивилизации.

Либеральные исследователи конца XVIII – начала XX века, опираясь в своих работах на идеи гуманизма, отстаивали возможность плодотворного поиска компромиссных способов «покорения» горских обществ, альтернативных насильственным. В

то же время российский либерализм, обладая сильным консервативным началом и являясь одним из источников укрепления монархической власти, представлял политику территориального расширения России как процесс неизбежный, определенный её «исторической судьбой» и позитивный для народов Центрально-Кавказа и других национальных окраин. Северокавказская интеллигенция XIX – начала XX века выполняла функцию прямого субъекта духовного производства. Без обеспечения сохранности и трансляции, упорядочивания и распространения культурных ресурсов, удержания норм и ценностей, исторической памяти было невозможно ни сохранение горских обществ, ни их адаптация к изменяющимся условиям существования в границах Российской империи. Представители национальной интеллектуальной элиты выступали за единение с Россией, видя в ней будущие перспективы развития своих народов. Их исследовательская деятельность заложила основы регионального кавказоведения.

Демократы рассматривали движение народов Северного Кавказа в русле общероссийского освободительного процесса. Определяя имперское руководство как «жандарма Европы», стоявшего на пути всемирного «раскрепощения трудящихся масс», представители радикального направления считали «прогрессивной», «освободительной», «справедливой» любую борьбу, направленную против него. Они выступали резко против российской завоевательной политики в регионе, подчинения самодержавной власти других народов, характеризовали действия имперских властей как антигуманные и антидемократические.

Исследователи конца XVIII – начала XX вв., по-разному оценивая и характеризуя государственную политику в регионе, единогласно определяли процесс российско-кавказского исторического взаимодействия как сочетание добровольного и взаимовыгодного «подданства» на начальном этапе взаимоотношений и принудительной «колонизации» во второй половине XVIII – середине XIX вв. Большинство исследователей полагали, что в 1557 г. Кабарда приняла российское подданство, международно-правовое оформление которого произошло только в 1774 году благодаря Кючук-Кайнарджийскому договору. Окон-

чательное вхождение Кабарды в состав России историки связывают с деятельностью А.П. Ермолова и датируют первой четвертью XIX в. Русско-балкарские взаимоотношения в XVIII в. определяются как мирные и процесс присоединения Балкарии, т. е. ее «добровольного подданства», считается завершенным в 1827 г. Включение Северной Осетии в состав Российской империи по одним данным состоялось в конце XVIII века, по другим – в 1830 г. Включение Ингушетии в состав России было осуществлено если не мирным, то куда менее кровопролитным путем, чем «покорение» Чечни в результате Кавказской войны. В качестве даты, когда обозначенный процесс был завершён, авторами рассматриваются 1770, 1810, 1830 гг. – для ингушского народа, и 1858-1859 гг. – для чеченского.

Созданные в имперский период труды послужили важной основой для дальнейшего развития отечественного кавказоведения и являются ценнейшими историческими и историографическими источниками, не потерявшими своего значения и для современной науки. Дореволюционные исследования, на наш взгляд, характеризуются меньшей степенью идеологизированности, чем новейшая историография, которая превратилась в важный инструмент национальной и социальной политики и испытывает постоянное давление со стороны государственных и общественных структур.

2. Изучение процесса вхождения Центрального Кавказа в состав России в советский период неразрывно было связано с изменениями внутри- и внешнеполитической ситуации в СССР. Исследования, как правило, носили четкую идеологическую направленность, способствовали решению партийных целей и задач. В качестве теоретической и методологической основы изучения мировой и отечественной истории выступал марксизм. Основное внимание историки уделяли причинам, методам и последствиям присоединения горцев к России.

В советском кавказоведении изучаемой проблемы условно можно выделить два этапа: 1920-е – середина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х – 1980-е гг. Подобная периодизация обусловлена внешними и внутренними факторами развития советской исто-

риографии по вопросам исторического взаимодействия России и народов Кавказа, главными из которых являются смена исследовательских подходов к освещению истории русско-кавказских отношений и эволюция политических установок существующей власти.

Отечественное кавказоведение 1920-х – середины 1950-х гг. характеризуется, прежде всего, критическим отношением к имперской историографии, обвинением в «искажениях и фальсификации» авторов, освещавших историю народов Центрального Кавказа. В то же время наблюдается преемственность, поскольку основой для новых научных построений остается созданная в XVIII-XIX вв. источниковая база. В отличие от работ дореволюционных авторов, поэтапно описавших процесс вхождения Центрального Кавказа в состав России, марксистские историки сконцентрировались на анализе методов российской политики в регионе, оценке причин и итогов присоединения, идеологии и социальной базы национально-освободительного движения и др.

В 20-х – первой половине 30-х гг. XX в. под влиянием работ М. Н. Покровского доминировала концепция об «абсолютном зле», выполнявшая функцию дискредитации имперского режима и легитимации советской власти, согласно которой царская, а в последующем имперская Россия была «тюрьмой народов», и все нерусские народы вошли в её состав насильственным путем в ходе Кавказской войны. Во второй половине 30-х гг., с началом критики «школы Покровского», появляется теория о «наименьшем зле», согласно которой, местные народы, став перед выбором: присоединиться к России и, сохраняя свою самобытность, развиваться дальше или быть «поглощенными» Турцией или Персией, выбрали наименьшее из зол, т. е. стали составной частью Российского государства. Данный тезис был призван решить задачу историко-идеологического обоснования дальнейшего укрепления СССР, сохранения общественной и международной стабильности в стране. Но окончательный переход к идее «наименьшего зла» так и не был осуществлен. Тем не менее, новый научный концепт оказал влияние на всё дальнейшее развитие советской историографии вхождения народов Северного

Кавказа в состав России. Исследовательские оценки причин, характера и результатов присоединения той или иной территории к Российскому государству стали менее категоричными, с этого времени в работах стало обосновываться положительное влияние российской политики на культуру местных народов.

С развитием советской государственности идеология превратилась, по выражению А. Н. Сахарова, в «суррогат из марксистских идей» и «имперских традиций», в инструмент воспитания советского общества в духе «единства и дружбы народов» в составе СССР. В 50-х гг. XX в. концепция о «наименьшем зле» переросла в теорию о «добровольном присоединении», а дореволюционная «цивилизаторская роль» России в судьбах северокавказских народов в «объективно-прогрессивные последствия» их присоединения. Согласно этой концепции Кабарда добровольно присоединилась к Московскому государству в 1557 г. Исследователями-балкароведами была сформулирована идея о включении Балкарии в состав России в конце XVIII – начале XIX в. Историки второй половины XX в. отстаивали точку зрения о мирном и добровольном характере включения Северной Осетии в состав России, и в качестве основной даты этого события отмечали 1774 г., а для Ингушетии и Чечни назывались 1770 и 1781 гг. соответственно в качестве дат добровольного вхождения в состав России. Концепция добровольного присоединения утвердилась в исторической науке региона и не пересматривалась вплоть до конца 80-х гг. XX в., немало ее сторонников и в современном кавказоведении.

В целом же в 20-80-х гг. XX в. были разработаны основные проблемы истории региона, накоплена обширная источниковая база, опубликованы обобщающие работы, создана национальная историография северокавказских народов. Важную роль в развитии советской историографии сыграли научные центры по изучению истории и этнографии народов Кавказа, функционировавшие при региональных филиалах Академии наук, высших учебных заведениях юга России. В них осуществлялась подготовка специалистов в области изучения российско-кавказского исторического взаимодействия, проводились конфе-

ренции, «круглые столы», защищались кандидатские и докторские диссертации.

3. В современном кавказоведении утвердился методологический плюрализм и отчетливо прослеживается поляризация позиций российских и региональных историков в вопросе российско-кавказского исторического взаимодействия.

Российские историки благодаря применению новых подходов, методологического инструментария исследований мирового уровня, смогли достичь значительных результатов в изучении проблем российско-северокавказского исторического взаимодействия. Многие исследователи меньше акцентируют внимание на боевых действиях в регионе и стремятся найти обоснования мирного и позитивного характера российско-горского исторического взаимодействия. Кавказская война рассматривается большинством ученых с позиций цивилизационного подхода, как неизбежный результат соприкосновения двух разных социокультурных систем: имперской и раннегосударственной. Юридическое вхождение Центрального Кавказа в состав России авторы связывают с русско-турецкими мирными соглашениями конца XVIII – первой трети XIX в.

В региональной историографии существуют различные, порой диаметрально противоположные, взгляды на проблему присоединения народов Центрального Кавказа к России, и в целом на содержание российско-кавказских взаимоотношений в средневековье и новое время. Большинство исследователей включение той или иной этнической общности в состав России связывает с насильственным завоеванием в период Кавказской войны. Часть авторов отстаивает точку зрения о добровольном вхождении местных народов в состав Российского государства посредством принесения присяги. Эмоционально-болезненное восприятие различных фактов и событий региональной политической истории, привело к возникновению кризисных явлений в отечественном кавказоведении, в частности, к мифологизации исторического знания. На этом фоне возросла практическая значимость исторических источников, позволяющих дать научное обоснование любым возникающим версиям о причинах, харак-

тере и итогах включения северокавказских народов в состав России. Стремление к преодолению негативных тенденций в исторической науке демонстрирует увеличение исследований, в которых анализируются особенности развития современного кавказоведения и разрабатываются новые методологические подходы к изучению тех или иных исторических проблем.

Распад СССР естественным образом привел к девальвации «советской» идентичности, за которым моментально последовал всплеск национализма среди северокавказских народов России. Возросла роль исторической науки как средства формирования и выражения этнической идентичности. Большинство региональных историков в 1990-х гг. предприняло попытку переписать историю российско-кавказских отношений в XVI – XIX вв. на новый лад, отказавшись от марксистских подходов, ограничивавших свободу научного творчества. Местные исследователи, стремясь продемонстрировать равную степень вклада народов Северного Кавказа и русского народа в развитие Российского государства, отказавшись от позиции, трактующей взаимоотношения России с северокавказскими этническими обществами по формуле сюзерен-вассал, ставят в своих работах акцент на равноправии сторон в решении тех или иных вопросов на протяжении всего периода их исторического взаимодействия и подчеркивают взаимовыгодный характер этих связей. Всё это привело к возникновению в историографии Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии идей союзов, альянсов народов Центрального Кавказа с Россией в прошлом. В частности, возникла концепция, согласно которой между Кабардой и Московским государством в 1557 г. был заключен военно-политический союз. Данный тезис лег в основу научных построений соседей по региону.

Окончательное вхождение Центрального Кавказа в состав России многие региональные историки связывают с «жестокой колониальной политикой» имперского руководства в период Кавказской войны. В качестве даты окончательного завоевания Кабарды называется 1825 г., Чечня признается «покоренной» в 1859 г., Карачай – в 1828 г. и т. д. Этот подход является вполне

обоснованным и поддерживается многими исследователями, но, к сожалению, он нередко превращается в инструмент манипулирования общественным мнением со стороны различных политических сил.

В целях препятствования нарастанию центробежных тенденций в национальных республиках в 90-х гг. XX в. возрождается теория о добровольном присоединении северокавказских народов к Российскому государству. Часть исследователей русско-кабардинских, русско-осетинских и русско-вайнахских отношений развивает традиции советских работ 1950-х – 1980-х гг., отстаивая точку зрения об исключительно позитивной роли русского народа, находившемся на более высоком уровне политического, социально-экономического и культурного развития, чем народы Центрального Кавказа в период их вхождения в состав России. Концепция добровольности является важным элементом современной российской национальной политики, поэтому широко поддерживается властями, как на федеральном, так и на региональном уровне. Яркое проявление этой тенденции находим в праздновании юбилейных дат вхождения народов Терека в состав России.

Расширение и развитие методологического инструментария в изучении формирования Российского многонационального государства, в частности использование социокультурного (цивилизационного) подхода, теории границы, (контактных зон, фронта), осуществление политико-правового анализа и др., привело к возникновению многообразия интерпретаций присоединения Центрального Кавказа к России. Многие отечественные ученые вырабатывают альтернативные точки зрения, пытаются дистанцироваться от идеологически и эмоционально ангажированных оценок.

Усиливающееся расхождение во взглядах и подходах историков свидетельствует о наличии проблемы определения характера связей между Россией и народами Северного Кавказа на том или ином этапе их исторического взаимодействия. Едины исследователи в одном: взаимоотношения России с народами Северного Кавказа всегда носили сложный и неоднозначный характер; за

период многовекового взаимодействия эти отношения испытали и мирное сосуществование, сотрудничество, и трагические военные столкновения.

Очевидно, что научный поиск новых подходов к всеобъемлющему объективному изучению вхождения народов Центрального Кавказа в состав Российского государства, будет продолжаться в отечественном кавказоведении и в дальнейшем. В процессе исследования исторических связей России с местными этническими группами необходимо, на наш взгляд, избегать крайностей в оценках, не акцентируя внимание на военных столкновениях в регионе, и, в то же время, на исключительной добровольности присоединения к империи. Здесь нужен синтез исследовательских подходов, который позволит детально реконструировать российско-кавказские отношения в XVI-XIX вв.

Перечень условных обозначений:

- АГУ – Адыгейский государственный университет
АН – Академия наук
ГССР – Грузинская Советская Социалистическая Республика
ИВИ РАН – Институт всеобщей истории Российской академии наук
ИПП – Издательско-полиграфическое предприятие
ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук
КБАССР – Кабардино-Балкарская Автономная Советская Социалистическая Республика
КБГУ – Кабардино-Балкарский государственный университет
КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
КБНЦ РАН – Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук
КБР – Кабардино-Балкарская республика
КубГТУ – Кубанский государственный технологический университет
МГИМО (У) МИД – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
МГТУ – Московский государственный технический университет
НИИ – Научно-исследовательский институт
ПГЛУ – Пятигорский государственный лингвистический университет
ПГТУ – Пятигорский государственный технологический университет
РАН – Российская академия наук
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РОССПЕН – Российская политическая энциклопедия
РСО-А – Республика Северная Осетия – Алания

РФ – Российская Федерация
СГУ – Ставропольский государственный университет
СКНЦ ВШ ЮФУ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного Федерального университета
СОАССР – Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика
СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет
СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социологических исследований им В. И. Абаева
ЦК ВКП (б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет
ЧР – Чеченская республика

Часть II
ПРИСОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА К РОССИИ
В ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XXI В.

ВВЕДЕНИЕ

Глобальные исторические трансформации Российского государства, приводившие к смене трех составных элементов его внутренней организации (формы правления, формы государственного устройства и формы политического режима), традиционно ставили на повестку дня вопросы сохранения незыблемости его основы – многоэтничности населения. На протяжении всей истории становления, развития и укрепления российской государственности профилактика, а также выработка практических механизмов защиты и противодействия сепаратистским проявлениям являлись ключевыми задачами политического руководства. Приоритетность территориальной целостности России и гарантии ее сохранения закреплены в Конституции от 12 декабря 1993 г. (ст. 4 п. 3; ст. 5 п. 3; ст. 13 п. 5) и «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» от 12 мая 2009 г. (п. 2, п. 21, п. 35)⁹¹⁷.

Проблемы формирования Российского многонационального государства изначально оказались в числе наиболее значимых вопросов российской исторической науки. Выявление магистральных направлений в изучении, глубины проработки исторических сюжетов, раскрытие сути механизма формирования полиэтничной основы Российского государства позволяют, как определить уровень историко-идеологической защищенности, монолитности государства и общества, так и обозначить слабые

⁹¹⁷ 31 декабря 2015 г. Указом Президента РФ была утверждена новая «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», в тексте которой вопросы, связанные с укреплением государственной и территориальной целостности, нашли свое отражение в п. 30, п. 42, п. 43.

концептуальные места, требующие доработки. Исследования в этом направлении дают возможность не только изучить процесс формирования современных границ государства, выявить историко-правовые основы распространения юрисдикции России на иные территории, практику реализации принципов мирного сосуществования в границах мультикультурного пространства, но и проанализировать накопленный исследовательский опыт с целью его применения и использования при решении злободневных проблем современности.

С распадом СССР Россия стремительно пытается найти и определить свою цивилизационную идентичность. В значительной мере это происходит путем переосмысления и изучения имперского опыта прошлого. Обращение к нему связано с решением практических задач укрепления федеративных основ государственного устройства, позволяет обогатить вариативность стилей и механизмов управления многонациональным государством, способствует лучшему пониманию текущих событий. В настоящее время над решением этой задачи работает Центр истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН⁹¹⁸. Однако изучение имперского опыта в современной России происходит крайне болезненно и дискуссионно. На противоречивый характер этой динамики обратил внимание профессор Лондонской школы экономики Доминик Ливен: «нигде и никогда вопрос позитивного или негативного отношения к империи не стоял так остро и не был столь противоречив, как в современной России. Для того чтобы осознать свои новые цели и задачи, посткоммунистической России необходимо определить своё отношение к царскому и советскому прошлому»⁹¹⁹.

⁹¹⁸ См.: Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления / С. Г. Агаджанов [и др.]; Отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. – М., 1997; Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия / [В. В. Трепавлов, Н. Е. Бекмаханова, Д. И. Исмаил-Заде и др.]; Отв. ред. В. В. Трепавлов]. – М., 2003; Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. – М., 2007; Русские в Евразии, XVII-XIX вв.: миграции и социокультурная адаптация в иноэтнической среде: [сб.] / [отв. ред. В. В. Трепавлов]. – М., 2008.

⁹¹⁹ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / [Предисл. В. Глазычева]. – М., 2007. – С. 42-43.

В условиях доминирования в исторической науке концептуального плюрализма имперский дискурс имеет полярные оценки. Одна группа исследователей видит в прошлом империи стремление к постоянной экспансии и завоеваниям, крайнее неприятие и жесткое подавление любых форм сопротивления со стороны захваченных территорий или народов. Другая – расставляет акценты на том, что империя по своему устройству являет собой идеальный вариант организации власти и управления народами, служит образцовым примером решения проблем внешней безопасности, благотворного прогрессивного влияния на материальную и духовную культуру. Несмотря на такое черно-белое восприятие событий прошлого, рядом российских и западных ученых вырабатываются альтернативные точки зрения, пытающиеся дистанцироваться от идеологически и эмоционально ангажированных оценок⁹²⁰. Это проявляется и на примере изучения проблемы формирования южных границ Российской империи, процесса включения в ее состав Северного Кавказа, который обоснованно считается испытательным «полигоном» проверки на прочность конституционного строя и территориальной целостности Российской Федерации.

Осмысление узловых вопросов проблемы присоединения Северного Кавказа к России имеет очевидную значимость, поскольку в основе центробежных тенденций залегает политизированная трактовка многовековой истории российско-кавказских отношений. Именно оттуда черпаются травмирующие элементы прошлого для обоснования незаконности притязаний империи на эти территории, восхваляются сюжеты сопротивления и не-

⁹²⁰ См.: Хаген М. фон. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / сост.: М. Багалина, А. Миллер. – М., 2004. – С. 18-46; Верт В.П. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в сравнительной перспективе... – С. 48-81; Дегоев В.В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность: мат-лы междунар. конф., Москва, 16-17 мая 2006 г. / [под ред. В.В. Дегоева]. – М., 2007. – С. 17-34; Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии ист. исследования. – М., 2008.

подчинения российским властям, изображается их «бесчеловечное» отношение к горцам. Полноценное опровержение подобных информационно-подрывных вбросов в общественное сознание возможно только при условии четко выработанной стратегии асимметричного действия, где важное место отводится историографическому анализу. Использование опыта исследовательских практик позволяет найти рычаги сдерживания проблемы в допустимых научных пределах. Постоянно функционирующий мониторинг анализа литературы, затрагивающей вопросы присоединения Северного Кавказа к России, дает возможность отслеживать и фиксировать источники спекуляций и фальсификаций событий прошлого и предлагать программу по их опровержению. Кроме того, историографический анализ позволяет охарактеризовать современное состояние изученности проблемы, сопоставить ее качественный уровень с достигнутыми результатами предшественников, определить новые вопросы и подходы для дальнейшего изучения.

На практическую значимость изучения истории российско-кавказских отношений наглядно указали российско-чеченские вооруженные конфликты 1990-х гг., когда воюющие стороны пытались обосновать свою позицию по отношению к праву Чеченской Республики Ичкерия на независимость исходя из реалий исторического прошлого: наличия либо отсутствия легитимных оснований для ее пребывания в составе Российской империи и Советской России (СССР)⁹²¹. Изучение вопросов присоединения Северного Кавказа к России демонстрирует их связь

⁹²¹ См.: Дудаев Д. Концепция национально-государственной политики Чеченской Республики Ичкерия. – Грозный, [1994]. – С. 5; Тройно Ф. П. Взгляд на создание Российской империи // Рос. ист. журн. – 1994 – № 2. – С. 11; Чеченцы: история и современность / [А. А. Адилсултанов, Ю. А. Айдаев, А. Ю. Айдаев и др.]; Сост. и общ. ред. Ю. А. Айдаева. – М., 1996. – С. 145-146; Гунашев А. Трансформация огня: от зависимости к взаимозависимости // Вайнах сегодня. – 1998. – № 1/3. – С. 32; Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне / [Предисл. Т. Мазаевой]. – Грозный; СПб., 1998. – С. 8; Горбачев С. Северокавказский барьер // Молодая гвардия. – 1999. – № 11/12. – С. 255.

с современными проблемами, с которыми сталкивается научное сообщество и политическое руководство⁹²².

Актуальность темы исследования обусловлена и тем, что в научном отношении проблема недостаточно разработана. В российской исторической науке до сих пор отсутствуют комплексные историографические работы, в которых бы последовательно и всесторонне было проанализировано многообразие подходов и оценок, свойственных российскому кавказоведению XIX – начала XXI в. В связи с чем данная работа сконцентрирована на анализе русскоязычной (дореволюционной, советской, и современной) историографии.

Хронологические рамки исследования охватывают более чем двухвековой период вызревания и развития в российском кавказоведении исследовательских подходов к широкому спектру проблем присоединения Северного Кавказа к России. В качестве нижней временной границы в работе выступает начало XIX в. С этого времени наблюдается отчетливая тенденция перехода российского руководства к политике утверждения на Кавказе имперской администрации. Это стало причиной активизации в России изучения истории народов Северного Кавказа. Обращение в первой главе работы к более ранним сюжетам различных сторон изучения региона преследовало цель представить изначальную практическую направленность российского кавказоведения как дисциплины, помогающей и сопутствующей процессу присоединения северокавказских территорий. Широкий временной диапазон анализа научной литературы, в который включены публикации 2010-х годов (они и определили верхний хронологический рубеж работы), позволяет выявить аспекты складывания

⁹²² См.: Матвеев В. А. Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность. – М., 2002; Дармилова Э. Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (вторая половина XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2003; Казенин К. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М., 2009; Жемухов С. Черкесский мир: вызовы нового времени // Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения: [Сб.] / [Сост. Ж. А. Калмыков; ред. А. Х. Мукожев]. – Нальчик, 2012. – С. 87–98; Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. – М., 2006.

научно-исследовательских традиций в изучении российско-кавказских отношений, проследить их трансформацию, отметить элементы преемственности в рамках различных научных поколений, их столкновение с новационными взглядами.

Таким образом, цель работы состоит в проведении историографического анализа исследований российских историков-кавказоведов XIX – начала XXI в. для выявления тенденций и ориентиров в изучении, интерпретации времени, причин, характера и последствий процесса присоединения Северного Кавказа к России, что должно позволить представить целостную картину научного осмысления этого сложного и длительного политического процесса.

В соответствии с целью автором были выдвинуты следующие задачи:

- определить на основе анализа историографических источников XIX – начала XX в. российского происхождения особенности оценки процесса присоединения Северного Кавказа к России;

- выявить направленность изучения вопросов, связанных с присоединением Северного Кавказа к России, советскими историками и проследить динамику концепций и подходов по проблеме;

- определить основные тенденции в изучении проблемы присоединения Северного Кавказа к России в современной российской историографии и сопоставить ее качественный научный уровень с ранее достигнутым;

- определить роль и место Кавказской войны в концептуальных подходах историков XIX-XXI вв. при осмыслении ими всего процесса присоединения Северного Кавказа к России;

- показать значение терминологии и хронологии в обосновании и закреплении концептуальных подходов различных авторов по важнейшим аспектам проблемы.

Объектом исследования является история взаимоотношений народов Северного Кавказа и России на протяжении XVI – начала XXI в. в научном представлении и осмыслении российской дореволюционной, советской и современной историографии. Предмет исследования – развитие российского исторического кавказоведения в XIX – начале XXI в. от накопления и первич-

ной интерпретации знаний о народах Северного Кавказа до утверждения различных концептуальных подходов о времени и причинно-следственных обстоятельствах присоединения Северного Кавказа к России.

В работе, на широком историографическом материале, раскрываются следующие положения:

1. Становление дореволюционной российской историографии, посвященной вопросам присоединения Северного Кавказа к России, напрямую связано с динамикой российско-кавказских отношений XVI-XIX вв. В рамках этого этапа изучения были заложены не только основы, но, в ряде случаев, оформлены исследовательские подходы, оказавшие фундаментальное значение для последующего осмысления этого процесса. В исследованиях были определены основания для установления хронологических границ присоединения территорий Северного Кавказа к России и периодизации этого процесса, сформулированы и обоснованы мотивы, цели и задачи внешнеполитического курса России в регионе и методы их реализации;

2. В рамках советского этапа изучения присоединения Северного Кавказа к России направления движения исторической мысли были продиктованы постоянно менявшимися оценками и пересмотром имперского опыта в государственной идеологии. В результате решения исследовательских задач историография проблемы приобрела свои оценочные границы, которые получили окончательное оформление в двух диаметрально противоположных историко-типологических моделях присоединения: военной (концепция «абсолютного зла») и мирной (концепция «добровольного вхождения»). В их основу были положены антонимичные философские понятия добра и зла, употребляемые для обозначения положительной или отрицательной ценности исторических явлений. Хронологически протяженный и многоуровневый характер присоединения вызвал необходимость внесения в эти модели корректировок и смешения их концептуальных положений;

3. Современный этап изучения проблемы протекает в созданном в советской историографии диапазоне крайних оценочных границ. Отчетливо прослеживается отличия в подходах между фе-

деральными и национальными историками. Многие из них видят в военной историко-типологической модели наиболее правомерную и адекватную историческим реалиям платформу для изучения российско-сеveroкавказских отношений. Признавая завоевательный характер этого процесса, исследователи вместе с тем оставляют за собой право отстаивания его прогрессивных последствий. Серьезное внимание на современном этапе изучения уделяется детализации и конкретизации смысловой нагрузки используемых терминов для описания процесса присоединения. Корректировка хронологических границ происходит на новой доказательной базе уточнения столь сложного и неоднозначного процесса;

4. Анализ историографических источников показывает, что включение событий Кавказской войны в хронологические рамки процесса присоединения Северного Кавказа к России напрямую зависит от того, какие критерии вкладывает исследователь в само определение термина «присоединение». Осмысление роли и места Кавказской войны на различных этапах изучения российско-сеveroкавказских отношений показывает, что она могла рассматриваться в качестве самостоятельного явления, последовавшего за включением региона в состав России и, тем самым, выносилась за скобки изучения этого процесса, или представлялась как физический и завершающий этап присоединения. Наложение событий Кавказской войны, отрицавших бесконфликтный характер российско-сеveroкавказских отношений, на мирную модель присоединения приводило в советской историографии к ее затушевыванию или игнорированию;

5. Основными элементами концепций, раскрывающих процесс присоединения Северного Кавказа к России, являются определение времени присоединения и описание характера российско-сеveroкавказских отношений, выраженных в понятийном аппарате. Новые хронологические рамки, предложения новых дат присоединения, как правило, определялись на основании переосмысления ранее известных источников. В настоящее время полемика вокруг характера присоединения сводится к тому, что исследователи пытаются усилить в употребляемых терминах доминирование какого-либо скрытого смыслового значения: госу-

дарственно-идеологического («добровольное вхождение», «объединение»), этно-эмоционального («завоевание», «геноцид», «оккупация»), рационально-критического («военно-политический союз», «подданство», «пророссийская ориентация»).

Глава 1

ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Обзор источников по проблеме исследования

Источниковая база исследования базируется на выявленных историографических и исторических источниках в библиотеках Беларуси (НБ РБ, ЦНБ им. Я. Коласа НАН РБ), России (РНБ) и Грузии (НПБ Грузии, ННБ АН Грузии), а также архивах России (РГИА) и Грузии (ЦГИА).

Литература по проблеме присоединения Северного Кавказа к России разделена на два блока: *историографические* и *исторические* источники. Первый блок включает в себя широкий круг общих и специальных исследований, а также научно-справочных изданий, характеризующих рассматриваемую проблему. По содержанию и характеру историографические источники делятся на несколько групп.

К первой, наиболее значимой, группе источников относятся монографии и статьи по исследуемой теме. В связи с тем, что процесс присоединения Северного Кавказа к России рассматривается с разных точек зрения, разных временных отрезков и с преимущественным интересом каждого автора к какой-либо конкретной проблеме, в историографии условно можно выделить четыре приоритетных направления: *историко-этнографическое*, *военно-политическое*, *социально-экономическое* и *источниковедческое*. Каждое из них имеет свою традицию в изучении истории Северного Кавказа. В дореволюционный период прослеживается тенденция к созданию универсальных всеохватывающих работ. К ним можно отнести труды С. М. Броневского, И. Ф. Бларамберга, П. Г. Буткова, Н. Ф. Дубровина, П. П. Зубова. Вместе с тем значительное место было отведено *военно-политическому* (работы Г. Н. Казбека, Д. А. Милютина, В. А. Потто, Д. И. Романовского, Р. А. Фадеева, А. Ф. Щербины, С. С. Эсадзе), *историко-этнографическому* (исследования Ю. Клапрота, Н. Ф. Грабовского, К. Ф. Сталя, Н. Я. Данилевского) и *источниковедческому* направ-

лениям в изучении региона (работы С. А. Белокурова, А. П. Берже, А. А. Цагарели).

Для последующих периодов изучения наблюдается предметная дифференциация в рамках указанных направлений, а также географическая локализация проблематики (преобладающее число исследований реализуется учеными из северокавказских НИИ и ВУЗов), однако это не является обязательным условием. Ведущим направлением в советской историографии являлось *военно-политическое* направление. К нему относятся исследования К. Г. Азаматова, Ш. Б. Ахмадова, Я. З. Ахмадова, М. М. Блиева, С. К. Бушуева, В. Б. Виноградова, В. Г. Гаджиева, Х. М. Ибрагимбейли, А. Х. Касумова, Г. А. Кокиева, Т. Х. Кумыкова, М. С. Тотоева, Р. М. Магомедова, Н. А. Смирнова, Н. И. Покровского, Б. В. Скитского, Н. А. Тавакаляна, А. В. Фадеева и др. Активно развивалась и *социально-экономическая проблематика*, которая фиксировала качественные сдвиги последствий присоединения (работы К. Г. Азаматова, А. В. Фадеева, Е. П. Алексеевой, А. С. Гаджиева, Н. П. Гриценко, Ч. Э. Карданова, Н. Т. Лихницкого, И. Р. Нахшунова, М. А. Полиевктова, Б. В. Скитского, В. П. Невской, Х. М. Хошаева). *Источниковедческий* вектор изучения представлен такими специалистами, как В. Г. Гаджиев, Е. Н. Кушева, М. А. Полиевктов, А. П. Пронштейн и др. К историографическим источникам советского этапа изучения проблемы следует отнести выявленные в ЦГИА Грузии неопубликованные рукописи историка-архивиста М. А. Полиевктова, материалы которых значительно дополняют научную картину становления советской историографии и позволяют обосновать новый взгляд на известные сюжеты процесса присоединения⁹²³.

На современном этапе изучения вопросов присоединения

⁹²³ См.: Работа проф. М. А. Полиевктова «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века» // Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИА Грузии). – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 53; Его же. «Движение России на юго-восток через степи и горы к берегу моря» // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 11; Его же. «Очерки по истории русского кавказоведения XVI-XVIII вв.», 2 янв. 1940 г. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 50; Его же. «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики»; «Очерк колонизации на Кавказе». 17 нояб. 1924 г. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 12.

Северного Кавказа к России лидирующим направлением остается *военно-политическая тематика*. Она отражена в исследованиях А. Х. Бижева, Ш. А. Гапурова, К. Ф. Дзамихова, В. В. Дегоева, Я. А. Гордина, Ж. А. Калмыкова, В. В. Лапина, Б. К. Мальбахова, А. Н. Маремкулова, В. А. Матвеева, Д. И. Олейникова, В. В. Трепавлова, С. Х. Хотко, В. В. Черноуса, И. И. Якубовой и др.

К востребованным источникам первой группы относятся научные статьи (более 40% библиографического списка литературы), которые, в отличие от монографий, гораздо мобильнее воспринимают и реагируют на научно-идеологические сдвиги, происходившие в исторической науке, обществе и государстве. Они разделены на три типа с учетом специфики издания публикаций: а) *специализированные журналы научно-исследовательских центров, ведомств, учебных заведений* («Кавказский сборник», «Кавказский календарь», «Сборник сведений о кавказских горцах», «История СССР», «Революция и горец», «Вопросы истории», «Историк-марксист», «Труды Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы», «Ученые записки Кабардинского НИИ», «Адыги», «Научная мысль Кавказа», «Родина», «Отечественная история» и др.); б) *универсальные и отраслевые энциклопедии и справочники* («Военный энциклопедический лексикон», «Военная энциклопедия», «Географическо-статистический словарь Российской империи», «Энциклопедия военных и морских наук», «Советская историческая энциклопедия», «Советская военная энциклопедия» и др.); в) *газеты* («Кавказ», «Грозненский рабочий»), в которых помещались исторические заметки о развитии и изучении российско-кавказских отношений.

В отдельную группу источников вынесены *диссертационные исследования (авторефераты)*, использование которых позволяет фиксировать научную значимость и актуальность рассматриваемой проблемы на различных временных отрезках. В них освещаются предпосылки, причины, ход и последствия процесса присоединения горцев к России, установление российской административной власти, политика империи на Северном Кавказе в системе международных отношений и т.д. Уже к концу 1930-х гг. были подготовлены диссертации Б. А. Гарданова, С. К. Бушуева и

Н. И. Покровского⁹²⁴. Научный стиль изложения в диссертационных исследованиях отчетливо демонстрирует во взглядах и идеях ученых влияние и доминирование определенных историко-идеологических установок в рамках изучения процесса формирования России как многонационального государства. На примере истории защиты кандидатской диссертации А. Б. Закс просматривается научная атмосфера контроля и цензуры, направленности исследования от постоянно изменявшихся идеологических оценок в послевоенном советском обществе⁹²⁵. Несмотря на эти обстоятельства, в 1950-1980-е гг. как авторитетные специалисты в области изучения истории российско-кавказских отношений состоялись Я. З. Ахмадов, М. М. Блиев, З. М. Блиева, В. Г. Гаджиев, Г. А. Джахиев, В. В. Дегоев, А. Т. Керашев, Р. Г. Маршаев, Н. А. Тавакалян и др.⁹²⁶

⁹²⁴ Покровский Н. И. Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость: Тез. к дис. ... д-ра ист. наук. – Л., 1938; Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М., 1939; Работа Б. Гарданова «Осетинский вопрос в проблеме завоевания Кавказа» и рецензия на нее М. А. Полиевктова. 1939 г. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 119.

⁹²⁵ Закс А. Б. Как я защищала диссертацию и пыталась ее опубликовать // ВИ. – 1989. – № 6. – С. 164-167.

⁹²⁶ См.: Маршаев Р. Г. Сношения Кайтага и Казыкумуха с Русским государством в первой половине XVII в.: (Из истории русско-дагестанских отношений): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1954; Гаджиев В. Г. Присоединение Дагестана к России и его исторически прогрессивное значение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1955; Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России и его историческое значение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1956; Тавакалян Н. А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1972; Ахмадов Ш. Б. Народное движение в Чечне в конце XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1974; Ахмадов Я. З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1977; Блиева З. М. Административные и судебные учреждения на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1984; Керашев А. Т. Русско-адыгские отношения в XVIII – начале 60-х гг. XIX в.: (Переходы адыгов в Россию): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987; Дегоев В. В. Кавказский вопрос в системе международных отношений 30-60-х гг. XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1988; Джахиев Г. А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII – первой трети XIX вв.: (От Георгиевского трактата до Адрианопольского договора: 1783-1829 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ташкент, 1989.

На современном этапе изучения вопросов, связанных с присоединением Северного Кавказа к России, наблюдается расширение и углубление проблематики. По не полным подсчетам автора с 1991 по 2010 гг. было защищено 17 диссертаций на соискание ученой степени доктора наук⁹²⁷ и 26 кандидатских диссертаций⁹²⁸.

⁹²⁷ См.: Касумов А. Х. Северо-Западный Кавказ в системе международных отношений XIX века (Черкесский вопрос): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ростов н/Д, 1991; Гаджиев А-Г.С. Прогрессивная роль России, русского народа в истории Дагестана: (Вторая половина XIX – 90-е гг. XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 1995; Бижев А. Х. Адыги Северо-Западного Кавказа: внутриполитические и международные отношения в годы Кавказской войны (20-30-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 1996; Исаев С. А. Присоединение Чечни к России. Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1998; Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Нальчик, 2001; Блиева З. М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Владикавказ, 2004; Гапуров Ш. А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2004; Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Пятигорск, 2004; Магомедов М. Б. Кавказская война 20-50-х годов XIX в.: историко-правовые аспекты: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 2004; Якубова И. И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Нальчик, 2004; Шигабудинов Д. М. Россия и Северо-Восточный Кавказ в 20-50 гг. XIX в. (Проблемы и опыт взаимоотношений в период народно-освободительного движения горцев против царизма): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 2004; Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Армавир, 2006; Мурагова Е. Г. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Нальчик, 2006; Джахиева Э. Г. Северо-Восточный Кавказ в международных отношениях: историко-правовые аспекты договоров, заключенных Россией с Турцией и Ираном. 1774-1826 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 2007; Кипкеева З. Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ставрополь, 2007; Панеш А. Д. Адыги Северо-Западного Кавказа в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 2007.

⁹²⁸ См.: Гамзаева Г. Ш. Политические взаимоотношения феодальных владений Дагестана и России: (конец XVIII в. – 1867 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1994; Вачагаев М. М. Чечня в годы Кавказской войны (1816–

1859): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995; Мальбахов Б. К. Кабардинская феодальная аристократия во взаимоотношениях России с Кабардой и другими народами Северного Кавказа: (Вторая половина XVI – 70-е годы XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1995; Малахова Г. Н. Становление российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1996; Виноградов Б. В. Кавказ в политике Павла I: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 1997; Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 1998; Шаповалов А. Н. Северо-Западный Кавказ в политике Российской империи (70-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 1998; Касумов Р. М. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1999; Шатохина Л. В. Политика России на Северо-Западном Кавказе в 20-60-е годы XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000; Дармилова Э. Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (вторая половина XIX-XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2003; Ибрагимова А. О. Русско-дагестанские политические отношения во второй половине XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2003; Гелаева З. А. Социально-экономическое и политическое развитие надтеречной Чечни в XVIII – XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2004; Жемухов С. Н. Взаимоотношения Кабарды и России в начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2004; Мартиросян К. М. Внешнеполитическое положение Северо-Западного Кавказа в конце XVIII – первой трети XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2004; Закриев Б. Б. Чечня в политике России в последней трети XVIII – начала XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Грозный, 2005; Клычникова М. В. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005; Матвеев В. А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 2005; Юрченко И. Ю. Умиротворение Кавказа: место и роль казачества: (этноисторический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005; Гасаналиев М. Русско-дагестанские отношения в последней четверти XVIII – начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2006; Гусейханова Т. М. Северный Кавказ в составе Российской Империи в первой четверти XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007; Рябиков А. Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 2007; Саламова Н. А. Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях: от Каспийского похода Петра I до присоединения Крыма к России (1722-1783 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2007; Алиева У. М. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Османской империей и Иранской державой: 70-е гг. XVIII – 20-е гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2008; Рахаев Дж. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2008; Бадаева Л. А. Социально-экономическое раз-

Обращает на себя внимание междисциплинарный подход к изучению проблем российско-кавказского взаимодействия. Помимо уже традиционных специальностей 07.00.02 (Отечественная история) и 07.00.03 (Всеобщая история) проблематика рассматривается под ракурсом других специальностей – 12.00.01 (Теория и история права и государства; история правовых учений)⁹²⁹ и 23.00.02 (Политические институты, процессы и технологии)⁹³⁰. В контексте рассмотрения объекта исследования интерес представляют диссертации, посвященные истории становления и развития научно-исследовательской инфраструктуры Кавказа, научных центров по изучению истории региона⁹³¹.

витие и политические взаимоотношения народов Северо-Восточного Кавказа с Россией (1774-1813 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2009; Газиумаров, С. Д. Россия и Северный Кавказ: колониальная политика самодержавия и освободительная борьба горцев во второй четверти XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009; Думанов З. Б. Политика Российской империи в Кабарде: административно-правовые, социальные и экономические аспекты (конец XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2010.

⁹²⁹ См.: Маремкулов А. Н. Юридические формы политики российского государства на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д, 2005; Алати Н. Б. Нормативное и организационно-правовое обеспечение государственной политики России на Северном Кавказе в период XVIII-XX вв.: (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006; Гайдабура И. Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007; Охонько Я. Н. Становление российской государственности в Предкавказье в XVIII-XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009; Арсанукаева М. С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010.

⁹³⁰ Дидигов Т. А. Интеграция чеченского народа в российском государстве: историко-политологический процесс: автореф. дис. ... канд. политич. наук. – М., 2010.

⁹³¹ См.: Парова Л. М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во второй половине XIX – начале XX вв. по публикации источников истории Кавказа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985; Тютюниана Е. С. Проблемы истории Кабарды и Балкарии в русской исторической науке второй половины XIX в. [Микроформа]: дис. ... канд. ист. наук / Орджоникидзе, 1987; Ушмаева К. А. Развитие высшего исторического образования на Северном Кавказе с 1945 по 2000 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2004; Колесникова М. Е. Изучение Северного Кавказа к России во второй половине XVIII – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ставрополь, 2011.

К третьей историографической группе источников относятся *сборники материалов научных конференций, «круглых столов»*. Этот вид интересен тем, что дает представление о центральных дискуссионных вопросах, которые пытаются решать историки. Очень часто именно на таких научных мероприятиях создаются условия для предания институционального статуса отдельным концепциям, формируются предпосылки для внесения изменений в устоявшиеся в науке подходы и направления. Доклады, тезисы, а также итоговые рекомендации научных мероприятий дают возможность зафиксировать глубину проникновения этих идей, позволяют увидеть реакцию научной общественности, упрощают классификацию исследователей по направлениям научной работы, их взглядам и оценкам. С учетом этих критериев наиболее продуктивными мероприятиями по изучаемой проблеме являлись: сессия Дагестанского филиала АН СССР «О движении горцев под руководством Шамиля» (г. Махачкала, 4-7 октября 1956 г.), Всероссийская научная конференция «Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX века)» (г. Грозный, 2-3 октября 1979 г.), Всесоюзная конференция «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.» (г. Махачкала, 20-22 июня 1989 г.), круглый стол «Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития» (г. Звенигород, 20-24 ноября 1989 г.), Всесоюзная научно-практическая конференция «Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства» (г. Нальчик, 24-26 октября 1990 г.), Всероссийская научная конференция «Чеченская Республика и чеченцы: история и современность» (г. Москва, 19-20 апреля 2005 г.) и др.

К четвертой группе относятся *обзоры литературы и рецензии*, в которых делается критический анализ и оценка публикаций, посвященных проблемам российско-сеveroкавказских

отношений⁹³². В этой связи интерес вызывает рецензия, подготовленная М. А. Полиевктовым в марте 1942 г. на кандидатскую диссертацию Гамуева «Терское казачество в период освободительной борьбы горцев Кавказа под руководством Шамиля»⁹³³. В ней, несмотря на имевшую место в советской историографии идеологическую «брезгливость» к наследию предшественников, в качестве существенного недостатка работы М. А. Полиевктов назвал отсутствие широкого круга дореволюционной исследовательской литературы по выбранной теме (И. Д. Попко, И. В. Бентковского И. Л. Дебу, У. Лаудаева).

⁹³² См.: Гизетти А. Библиографический указатель печатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. – СПб., 1901; Авалиани С. [Рецензия] // Голос минувшего. – 1913. – № 7. – С. 254-255. – Рец. на кн.: Ковалевский П. И. Завоевание Кавказа Россией: Ист. очерки. – СПб., [1911]; Кокиев Г. [Рецензия] // Историк-марксист. – 1927. – Т. 3. – С. 239-241. – Рец. на кн.: Поджидаев В. П. Горцы Северного Кавказа: Ингуши, чеченцы, хевсурь, осетины и кабардинцы: Краткий ист.-этнограф. очерк. – М.; Л., 1926; Яковлев Н. Ф. [Рецензия] // Историк-марксист. – 1927. – Т. 5. – С. 270-273. – Рец. на кн.: Кокиев Г. Очерки по истории Осетии / Осет. науч.-исслед. ин-т краеведения. – Владикавказ, 1926; Гарданов Б. Против великодержавничества и национализма (По поводу «Материалов по истории Осетии XVIII в.» Г. Кокиева «Известия Сев. ОсНИИ», вып. VI. Орджоникидзе, 1934 г.) // Изв. Сев.-Осет. НИИ. – 1935. – Т. 8. – С. 272-290; Петрушевский И. [Рецензия] // Историк-марксист. – 1940. – №. 7. – С. 141-144. – Рец. на кн.: Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М., 1939; Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1971-1975 гг.) // История СССР. – 1977. – № 3. – С. 158-166; Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1976-1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР. – 1987. – № 3. – С. 89-101; Шатохина Л. В. Кавказская война XIX в. в ресурсах сети интернет // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 8, История. – 2001. – № 1. – С. 39-60; Айрапетов О. [Рецензия] // Рус. сб.: исследования по истории России XIX-XX вв. / ред.-сост. М. А. Колеров [и др.]. – М., 2006. – Т. II. – С. 373-388. – Рец. на кн.: Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М., 2004; Колеров М. А. [Рецензия] // Рус. сб.: исследования по истории России XIX-XX вв. / ред.-сост. М. А. Колеров [и др.]. – 2008. – Т. V. – С. 389-394. – Рец. на кн.: Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М., 2006.

⁹³³ Рец. проф. М. А. Полиевктова на кандидатскую диссертацию Гамуева «Терское казачество в период освободительной борьбы горцев Кавказа под руководством Шамиля». 4 марта 1942 г. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 108.

В отдельную группу источников вынесены *комплексные исследования* по истории формирования Российского многонационального государства, войн, внешней политики России XVI-XIX вв., затрагивающие сюжеты из истории и изучения Северного Кавказа⁹³⁴; работы обобщающего характера по истории региона, отдельных территорий и народов, в которых также содержатся данные о роли и месте Северного Кавказа в системе международных отношений, его значении в становлении российской государственности, кратко описана история российско-северокавказских отношений и процесс присоединения Северного Кавказа к России⁹³⁵.

Завершает обзор отдельная группа вспомогательных источников, к которой относятся *учебные издания* (пособия, учебники, программы занятий, курсы лекций). В них в обобщенном виде

⁹³⁴ См.: Михайловский-Данилевский А. И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 до 1812 года: в 2 ч. – СПб., 1843; Лазинский А. С. Хронология русской военной истории: Хрон. указ. войн, сражений и дел, в которых участвовали рус. войска от Петра I до новейшего времени. – СПб., 1891; Глиноецкий Н. П. История Русского генерального штаба: в 2 т. – СПб., 1883-1894; Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). – М., 1955; Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. – М., 1963; Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX в. / [В. А. Георгиев [и др.]; Отв. ред. Н. С. Киняпина]. – М., 1978 и др.

⁹³⁵ См.: Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды: Исследования и заметки. – Тифлис, 1901; Алиев У. Д. «Kara-xalk» (Карахалк – черный народ): Очерк ист. развития горцев Северного Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. – Ростов н/Д., 1927; Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI-XVII вв. / Под ред. В. П. Невской. – Черкесск, 1957; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / [Нарочницкий А. Л., Гаджиев В. Г., Гриценко Н. П. и др.]; Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. – М., 1988; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / [В. П. Любин, Х. А. Амирханов, П. У. Аутлеев и др.]; Отв. ред. Б. Б. Пиотровский. – М., 1988; Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. – Махачкала, 1994; Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность / Предисл. Р. Бзарова. – Владикавказ, 1999; Бегидов А. М. Кабардино-Балкария. – М., 2003; История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / [А. И. Османов, М. Г. Гаджиев, О. М. Давудов [и др.]; редкол.: А. И. Османов (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – Т. 1; Магомедов М. Г. История аварцев. – Махачкала, 2005; Блиев М. Черкесия и черкесы XIX в.: Краткий очерк истории. – М., 2011.

освещаются основные события истории российско-кавказских отношений XVI-XIX вв.⁹³⁶

Ко второму блоку источников отнесены документы и материалы, отражающие период истории, который входит в проблему, подвергаемую историографическому анализу. Между двумя выделенными блоками источников существует тесное взаимопроникаемое единство. К письменным (архивным и опубликованным) группам исторических источников, в которых отражается организационная сторона изучения проблемы присоединения Северного Кавказа к России, раскрываются механизмы взаимодействия исторической науки и политической практики, освещаются вне научные факторы, оказывавшие влияние на подходы и оценки процесса присоединения, относятся: законодательные акты; делопроизводственная и дипломатическая документация; частная переписка; мемуары и воспоминания; картографический материал. В первую группу включены указы и постановления о подготовке и проведении юбилейных торжеств по случаю при-

⁹³⁶ См.: Программа занятий генерал-майора И. Попко по историографии кавказских казачьих войск (14-19 апр. 1874 г.) // РГИА. – Ф. 866. – Оп. 1. – Д. 62; Литвинов М. Кавказ: Пособие для изучения воен. географии России. – СПб., 1883; Потто В. А. Кавказская война и общий обзор военного и гражданского управления Кавказом с 1801 по 1901 год / Сост. по поруч. ген. Н. Н. Белявского по случаю 100-летия присоединения Грузии. – Тифлис, [1900]; Драбкина Е. Национальный и колониальный вопрос в царской России. – М., 1930; Бушуев, С. К. Народы Кавказа во второй половине XIX в. Борьба горских народов за независимость // История СССР: учеб. для вузов: в 2 т. / Под ред. М. В. Нечкиной; сост. С. Н. Валк, С. С. Дмитриев, Н. М. Дружинин. – М., 1940. – Т. 2. – С. 275-290; Шестаков А. В. Борьба горцев за независимость // История СССР: учеб. для вузов: в 2 т. / Под ред. В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова. – М., 1941. – Т. 1. – С. 395-399; Бабаев С. К., Кумыков Т. Х. Развитие феодальных отношений в Балкарии в XVI-XVII вв. // Очерки истории балкарского народа: (С древнейших времен до 1917 г.) / Редкол.: А. В. Фадеев (гл. ред.) [и др.]. – Нальчик, 1961. – С. 26-37; Магомедов Р. М. История Дагестана: С древнейших времен до конца XIX в. – 2-е изд. – Махачкала, 1968; История Дагестана: Курс лекций / [М. Р. Гасанов, Г. Х. Ичалов, А. А. Кандауров и др.; Отв. ред. М. Ш. Шигабуудинов]. – Махачкала, 1992; Дзамихов К. Ф. Вопросы политической истории народов Северного Кавказа: Учеб. пособие. – Нальчик, 2001; Лапин В. В. История Кавказской войны: Пособие по лекц. курсу. – СПб., 2003; Крамаров Н. И. История народов Северного Кавказа: курс лекций. – Ростов н/Д, 2005; Дегоев В. В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год): Учеб. пособие. – М., 2009.

соединения отдельных северокавказских территорий к России⁹³⁷. Во вторую – комплекс документов, отражающий юридическую сторону российско-северокавказских отношений (прошения и акты о принятии российского подданства). Они широко представлены в различных сборниках документов⁹³⁸.

⁹³⁷ См.: Навеки вместе: Стеногр. отчет / Торжеств. заседание Кабард.-Балкар. обкома КПСС и Верховного Совета Кабард.-Балкар. АССР, посвященные 425-летию добровольного присоединения Кабардино-Балкарии к России, 16 июля 1982 г. – Нальчик, 1983; Празднование 400-летия присоединения Кабарды и Балкарии к России (подборка арх. док.) / Вступ. ст. и коммент. Р.М. Ашхотовой // Архивы и общество [эл. ресурс]. – 2011. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://archivesjournal.ru/?p=225>. – Дата доступа: 01.07.2012; О подготовке к празднованию 450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства // Архивы и общество [эл. ресурс]. – 2011. – Вып. 2. – Режим доступа: [http:// http://archivesjournal.ru/?p=225](http://http://archivesjournal.ru/?p=225). – Дата доступа: 01.07.2012.

⁹³⁸ См.: Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Моск. главного архива Мин-ва иностранных дел. – М., 1889. – Вып. 1: 1578-1613; Материалы по истории Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1940. – Т. 3. – Ч. 1; Материалы по истории осетинского народа: в 3 т. – Орджоникидзе, 1933-1950. – Т. 2; Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: (Сб. док. материалов) / Под ред. Ш. В. Цагарейшвили. – Тбилиси, 1953; Скитский Б. В. Хрестоматия по истории Осетии: в 2 ч. 2-е изд., перераб. и доп. – Орджоникидзе, 1956. – Ч. 1; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы: в 2 т. / Сост. Н. Ф. Демидова и [и др.]. – М., 1957. – Т. 1; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: (Док. и материалы). – Махачкала, 1958; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века: Сб. док. – Махачкала, 1959; Русско-осетинские отношения в XVIII в.: Сб. док.: в 2 т. / Сост. М. М. Блиев. – Орджоникидзе, 1976-1984; Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Акт 21 января 1781 г. – важнейшее событие в процессе вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (арх. док.) // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в.: Сб. ст. – Грозный, 1981. – С. 104-113; Документы о вхождении Дагестана в состав России // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в.: Темат. сб. / [Сост. Б. Г. Алиев; отв. ред.: В. Г. Гаджиев] – Махачкала, 1988. – С. 150-166; Эльмесов А. М. Из истории Русско-Кавказской войны: (док. и материалы). – Нальчик, 1991; Под стягом России: Сб. арх. док. / [Сост. А. А. Сазонов и др.]. – М., 1992; Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II: Сб. док.: в 4 т. / Сост. Р. У. Туганов. – Нальчик, 1996-2004; Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI-XVII в.: Сб. док. / Выявление, сост., введ., коммент. Е. Н. Кушевой; [Отв. ред. Н. Г. Волкова]. – М., 1997; Документальная история образования многонационального государства Российского: в 4 кн. / Редкол.: Г. Л. Бондаревский, Г. Н. Колбая. – М., 1998. – Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX века / [Сост. Г. В. Осипов и др.]; Трагиче-

К этой группе примыкает отчетная и протокольная документация, раскрывающая деятельность отдельных лиц и учреждений по изучению истории Северного Кавказа и его включению в состав России⁹³⁹. Особую ценность представляют выявленные в ЦГИА Грузии архивные материалы о деятельности ВЮ при Штабе Кавказского военного округа и Кавказского военно-исторического музея (Фонд № 1087), Кавказской археографической комиссии (Фонд № 13, 416). Документы проливают свет на причины прекращения деятельности КАК, обстоятельства отсутствия

ские последствия Кавказской войны для адыгов: Вторая половина XIX – начало XX века: Сб. док. и материалов / Сост.: Р.Х. Гугов и др. – Нальчик, 2000; Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / Рук. авт. кол. В.А. Козлов. – М., 2011; Кавказский вектор российской политики: сб. док. / Сост.: М.А. Волхонский, В.М. Муханов. – М., 2011. – Т. 1.

⁹³⁹См.: Доклад по военно-историческому отделу при Штабе Кавк. воен. окр. В.А. Потто Нач. Штаба Кавк. воен. окр. от 3 марта 1900 г. – [Тифлис], 1900; Об ассигновании кредита на содержание в 1907 г. Кавказской археографической комиссии: В Совет министров. – [СПб., 1907]; Доклад С. Какабадзе на имя Народного комиссара просвещения Грузии о выполнении работы по реэвакуации в Грузию архивов и музейных ценностей с территории Северного Кавказа в 1923 г. // Ист. вестн. – 1924. – Кн. 1. – С. 272-281; Работа горских научно-исследовательских институтов Северного Кавказа в области истории // Историк-марксист. – 1934. – Т. 3. – С. 136-138; Закс А. Дискуссия о движении Шамиля // ВИ. – 1947. – № 11. – С. 134-140; Об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля в трудах научных сотрудников Академии // Вестн. Акад. наук СССР. – 1950. – № 11. – С. 104-105; Обсуждение вопроса о характере движения горских народов Северного Кавказа в 20-50-х годах XIX в. // ВИ. – 1956. – № 12. – С. 188-198; Отчет о научной работе Кабард.-Балкар. ун-та за 1960, 1961, 1962 и 1963 годы: (Авторефераты). – Нальчик, 1964; Рекомендация Всероссийской научной конференции «Историография истории народов Северного Кавказа и Дона» (г. Грозный, 21-22 сент. 1978 г.) // Вопр. истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. – 1980. – Вып. 2. – С. 195-197; Рекомендация научной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа» // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): Материалы всерос. науч. конф., 2-3 окт. 1979 г., г. Грозный / [Редкол.: А.Л. Нарочницкий (отв. ред.) и др.]. – Грозный, 1982. – С. 357-358; Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 г. / вступ. ст. Ю.Н. Амиантова // ВИ. – 1996. – № 2. – С. 47-86; Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории (1934-1936 годы) / Вступ. ст. и публ. М.В. Зеленова // ВИ – 2004. – № 6. – С. 3-30.

в печати XIII тома «Актов»⁹⁴⁰, уточняют сведения о подготовке организации юбилейных торжеств по случаю окончания Кавказской войны⁹⁴¹, научном редактировании сценария к фильму «Покорение Кавказа» (1913 г.)⁹⁴², создании и деятельности КВИМ, иллюстрировавшего историю присоединения Северного Кавказа к России⁹⁴³.

Дипломатическая документация представлена международными соглашениями, пункты которых напрямую были связаны с будущей судьбой территорий Северного Кавказа⁹⁴⁴. Интерес вызывает черновой вариант «Воззвания к народам Кавказских гор», подготовленный в 1829 г. главнокомандующим Кавказским корпусом И. Ф. Паскевичем после подписания Адрианопольского мира с Турцией. Текст документа, изобилующий правками, демонстрирует поиск автором оснований для убеждений горцев в их легитимном присоединении к России и выгод, которые им сулит империя⁹⁴⁵.

⁹⁴⁰ См.: Предписание наместника Кавказского об учреждении Кавказской археографической комиссии при Главном Управлении; штатная ведомость археографической комиссии // ЦГИА Грузии. – Ф. 416. – Оп. 3. – Д. 560; О приостановлении действий Кавказской археографической комиссии и сдаче в архив всех ее дел, материалов и актов // ЦГИА Грузии. – Ф. 13. – Оп. 3. – Д. 1234; О восстановлении деятельности Кавказской археографической комиссии // ЦГИА Грузии. – Ф. 13. – Оп. 3. – Д. 1235.

⁹⁴¹ См.: О праздновании 50-ти летнего юбилея покорения Восточного Кавказа 25 августа 1909 г. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 1. – Д. 170; О праздновании 50-ти летнего юбилея покорения Западного Кавказа 21 мая 1914 г. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 1. – Д. 208; Походной канцелярии журнал // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 1. – Д. 171.

⁹⁴² См.: Инсценировка картины «Покорение Кавказа» и военная кинематография // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 1. – Д. 209.

⁹⁴³ См.: О военно-историческом музее, о сборе пожертвований на него, о создании картин и их тематике // ЦГИА Грузии. – Фонд 1087. – Оп. 1. – Д. 39; О деятельности и нуждах военно-исторического отдела // ЦГИА Грузии. – Фонд 1087. – Оп. 1. – Д. 97.

⁹⁴⁴ См.: Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. – СПб., 1869; Документальная история образования многонационального государства Российского...; Кавказский вектор российской политики: сб. док...

⁹⁴⁵ Воззвание к народам Кавказских гор о мире и верноподданстве в целях сохранения спокойствия и благоденствия страны // РГИА. – Ф. 1018. – Оп. 3. – Д. 223.

В тексте работы использованы мемуары и воспоминания участников Кавказской войны, в которых они описывали не только ситуацию в регионе, но и пытались объяснить причины продолжительности конфликта, делали исторические экскурсы в прошлое двусторонних отношений, старались дать им оценку⁹⁴⁶. Благодаря их наблюдениям отмечена специфика правосознания горцев, которая сейчас позволяет пересмотреть проблему определения времени присоединения, по-новому посмотреть на причины и значимость принятия российского подданства горскими владетелями.

Важное значение для определения социокультурной среды, в рамках которой работал исследователь, его отношения к процессам, происходившим в науке и обществе, имеет переписка между официальными и частными лицами⁹⁴⁷. Существенному расши-

⁹⁴⁶ См.: Костенецкий Я.И. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года: в 3 ч. – СПб., 1851; Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. (1842–1867): в 2 ч. – СПб., 1879. – 2 т.; Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // КС. – 1879. – Т. III. – С. 1-251; Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // КС. – 1900. – Т. XXI. – С. 53-173; Народы Западного Кавказа: (По неизданным запискам природного бжедуга князя Хаджимукова) // КС. – 1910. – Т. XXX. – С. 1-50; Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. В. К. Гарданова; [Предисл. Х. С. Кушхов; Послесл. А. Х. Бижев]. – Нальчик, 1995; Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: [Сб.]: в 2 т. / Сост. Х. М. Думанов. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – Т. 1; Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год / [Вступ. ст. и коммент. А. Н. Лукирского]. – СПб., 2003; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность: начало XIX – начало XX вв.: [сост.: Я. А. Гордин и др.; подгот. текстов и коммент. Б. П. Миловидова]. – СПб., 2005.

⁹⁴⁷ См.: Письмо и докладная записка командира 2-го Кубанского казачьего полка султана Казы-Гирея главнокомандующему Отд. кавк. корп. М.С. Воронцову о мероприятиях, необходимых для привлечения местного населения Кавказа на сторону России мирным путем // РГИА. – Ф. 932. – Оп. 1. – Д. 88; Копии материалов Кубанского войскового архива // ЦГИА Грузии. Ф. 416. – Оп. 5. – Д. 18; АКАК. – Т. 2. – 1868. – С. 757-758; АКАК. – Т. 4. – 1870. – С. 3-6; Цицокца Н.И., Черноус В.В. Как это было... (Штрихи к истории концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России) // Изв. СКНЦ ВШ. Сер., Общественные науки. – 1990. – № 2. – С. 68-74; «Старайтесь убедить их, что сии агенты суть бродяги». Неизвестные документы Хан-Гирея / Публ. В. Захарова // Источник. Док. рус. истории. – 2003. – № 2. – С. 37-40; Николай I. Памятная записка А. И. Нейдгарту / [Публ. и примеч. М. В. Сидоровой] // Рос. Арх.: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альм. – 2003. – Т. XII. – С. 375-379.

рению представлений об атмосфере изучаемого времени способствовало использование публицистических произведений, поскольку в них авторские позиции выражают мнение какой-либо социальной группы по различным вопросам присоединения Северного Кавказа к России⁹⁴⁸. При подготовке данного исследования автор обращался также к картографическим материалам. Они отражают реальные факты или представления современников о границах Российской империи, динамику ее территориального роста в южном направлении⁹⁴⁹.

Помимо создания оптимальных условий для «погружения» в предмет исследования обращение к архивным документам было продиктовано необходимостью определения информационных возможностей источниковой базы рассматриваемой проблемы и дальнейших перспектив ее разработки.

Привлечение широкого круга историографических и исторических источников в их сравнительном сопоставлении, критическом отборе и анализе позволили достичь цели и решить задачи изучаемой проблемы.

⁹⁴⁸ См.: Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении: С объясн. истории, религии, яз., облика, одежды, строений, воспитания, правления, законов, коренных обычаев, нравов, образа жизни, пищи, образования и торговли хищ. горцев Кавказа. – М., 1846; Соллогуб В. А. Кавказ в восточном вопросе / [Пер. с фр.]. – Тифлис, 1856; Мугуев Х-М. Ингушетия: Очерки. – М., 1931; Восстание декабристов: Материалы [по истории восстания декабристов]: в 8 т. / Под общ. ред. и с предисл. М. Н. Покровского. – Т. 7: «Русская правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие. – М., 1958; Гаджиев В. Г. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1972; Величко В. Л. Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы. – Баку, 1990; Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М., 2008.

⁹⁴⁹ См.: Атлас российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим обсервациям, с приложенною притом генеральною картою великия сея Империи [Карты]. – СПб., 1745; Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий [Карты] – СПб., 1792; Атлас Российской Империи, содержащий в себе 51 губернию, 4 области, Царство Польское и Княжество Финляндское [Карты]. – СПб., 1835; Учебный атлас по русской истории / Сост. Н. Н. Торнау. 8-е изд. – СПб., 1910; Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004) [Карты]. – М., 2006.

1.2. Историографический обзор литературы

Попытки систематизации изучения истории присоединения Северного Кавказа к России на всех этапах развития российской исторической науки крайне схематичны, поверхностны, сужены до отдельных вопросов и заидеологизированы. В дореволюционной историографии проблема не подвергалась аналитическому осмыслению. Она освещалась преимущественно в общеисторическом плане. В качестве исключения можно выделить работы Н. Ф. Дубровина, Д. И. Романовского, А. Л. Гизетти, в которых делалась попытка краткого историографического обзора, однако и она в большей степени сводилась к простому упоминанию трудов, посвященных тем или иным вопросам процесса присоединения Северного Кавказа к России⁹⁵⁰. Свою цель историки видели в создании объемных исследовательских работ, построенных на привлечении широкой фактографической базы. Только после реализации этой задачи они могли приступить к историографическому анализу текстов. Спецификой периода являлся как бы «запараллеленный» с изучением истории российско-северокавказских отношений процесс присоединения региона к России, что не всегда позволяло комплексно подойти к анализу событий. Больше половины XIX в. прошли в условиях военного противостояния, что накладывало отпечаток на исследовательский подход.

Становление советской историографии ознаменовало начало нового этапа и изучении рассматриваемой проблемы. Для появившихся в конце 1920 – начале 1930-х гг. первых работ главной проблемой являлась слабость методологической и источниковой базы. Зыбкость научных построений определялась к тому же и постоянной динамикой политического режима, дрейфом общих идеологических парадигм. По этой причине изначально в историографии доминировало простое отторжение

⁹⁵⁰ Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война: Публич. лекции, чит. в зале Пассажа в 1860 г. – СПб., 1860; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. – СПб., 1871-1888; Гизетти А. Указ. соч.

и даже шельмование научных построений дореволюционных предшественников путем обвинения их в «искажениях и фальсификациях». Ярким примером может служить статья историка Б. А. Гарданова «Покорение Кавказа в военной историографии», опубликованная в 1935 г.⁹⁵¹ В ней, с позиций обновленной идеологии, автор обвинил дворянско-буржуазных историков в великодержавном шовинизме.

В послевоенное время воинствующий характер многих работ, вслед за соответствующей концепцией «абсолютного зла», уступил место более сдержанным оценкам. В 1950-1980-х гг. сжатый анализ изучаемых вопросов предпринимался исследователями в историографических разделах диссертаций. В послевоенный период историками была предпринята попытка вынесения за скобки процесса присоединения горцев к России политического этапа завоевания территории (Кавказской войны), о наличии которого писали в довоенных исследованиях. В 1970 г. это было закреплено в статье профессора СОГУ М. М. Блиева⁹⁵². Кроме предложенной двухэтапной периодизации процесса присоединения автор, на основе анализа работ советских историков, показал вариативность взглядов и обозначил временные этапы существования приоритетных концепций в исторической науке.

В 1979 г. на Всероссийской научной конференции «Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа», закрепившей доминирование в науке концепции «добровольного вхождения» народов региона в состав России, Ш. Б. Ахмадов подверг историографическому анализу проблему присоединения Чечено-Ингушетии к России⁹⁵³. Структура выступления имела черты выработанного за годы изучения проблемы, строго оформленного шаблона, рисующего процесс

⁹⁵¹ Гарданов Б. Покорение Кавказа в военной историографии // Изв. Сев.-Осет. НИИ. – 1935. – Т. 8. – С. 233-271.

⁹⁵² Блиев М.М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // ВИ. – 1970. – № 7. – С. 43-56.

⁹⁵³ Ахмадов Ш. Б. Историография вхождения Чечено-Ингушетии в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 248-253.

присоединения как смену приоритетных в науке концепций⁹⁵⁴. В 1970 – первой половине 1980-х гг. популярностью у советских историков пользовалась тема разоблачения западной историографии, рассматривавшей вопросы истории российско-кавказских отношений⁹⁵⁵.

Во второй половине 1980-х гг. в рамках изучения проблемы присоединения Северного Кавказа к России произошел историографический «взрыв», чему способствовал новый политический курс. Во-первых, специалисты ощутили возможность проведения открытых дискуссий по этому далеко неоднозначному вопросу. Историография приобрела смелый оценочный характер. Во-вторых, ряд ученых связывали восстановление «справедливой» картины процесса присоединения Северного Кавказа к России с реанимацией идей предшественников. Кроме того, решалась задача выведения из «репрессивной тени» историков, пострадавших за свои научные взгляды. В-третьих, Кавказская война снова была включена в рамки процесса присоединения⁹⁵⁶.

⁹⁵⁴ См.: Блиев М. М. Историография проблемы присоединения Северного Кавказа к России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 241-248; Пронштейн А. П., Патракова В. Ф. Советская историческая наука и вопросы изучения кавказского мухаджирства // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства: Материалы всесоюз. науч.-практ. конф., 24-26 окт. 1990 г. / Редкол: Р. Х. Гугов [и др.]. – Нальчик, 1994. – С. 123-129.

⁹⁵⁵ См.: Ибрагимбеги Х. М. Критика современной англо-американской буржуазной историографии присоединения Северного Кавказа к России // Вопр. истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. – 1980. – Вып. 2. – С. 122-125; Киняпина Н. С., Даниялов М., Дегоев В. В. Движение горцев под руководством Шамиля в освещении буржуазной англо-американской историографии // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 311-319; Некрасов А. М. Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России XVI в. в зарубежной историографии // История СССР. – 1983. – № 3. – С. 195-202.

⁹⁵⁶ См.: Азаматов К. Г. Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа в XIX веке и проблемы мухаджирства в трудах советских осетинских историков Г. А. Кокиева, Б. В. Скитского, М. С. Тотоева // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства ... – С. 192-201; Ахмадов Ш. Б. Вопросы движения горцев Северного Кавказа под предводительством Мансура в советской исторической ли-

Наиболее полная характеристика достижений и пробелов советской историографии в изучении проблемы присоединения Северного Кавказа к России была дана в другой статье М. М. Блиева⁹⁵⁷. Среди неразработанных и нерешенных проблем автор называл отсутствие специальных исследований по историографии изучения этого процесса, научной периодизации взаимоотношений нерусских народов с Россией, установление общих закономерностей процесса присоединения и его исторических последствий. Он считал, что среди невыясненных проблем оставались и вопросы научной терминологии, хронологии, позволявших зафиксировать истоки процесса присоединения нерусских народов к российскому государству и определить его завершающую стадию. М. М. Блиев пришел к выводу, что «присоединение к России – двуединый исторический процесс, обусловленный, с одной стороны, становлением российской государственности, с другой – общественно-политическим развитием нерусских народов»⁹⁵⁸.

Перестроечные темпы в изучении событий прошлого сохраняются и в современной российской историографии. Повышенный интерес у исследователей вызывает история изучения Кав-

тературе 70-80-х годов // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.: Материалы всесоюз. науч. конф... – С. 109-111; Гаджиев В. Г. Русско-дагестанские отношения как исследовательская проблема (Вместо введения) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в.: Темат. сб. / [Сост. Б. Г. Алиев; отв. ред.: В. Г. Гаджиев] – Махачкала, 1988. – С. 3-15; Магомедов Р. М. Движение горцев под руководством Шамиля в советской историографии // Изв. СКНЦ ВШ. Сер. Общественные науки. – 1989. – № 3. – С. 43-54; Магомедов Р. М. Методологические вопросы вхождения народов Северо-Восточного Кавказа в состав России // Вопр. истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. – 1980. – Вып. 2. – С. 13-19; Магомедов Р. М. Национально-освободительная борьба горцев под руководством Шамиля в советской историографии // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.: Материалы всесоюз. науч. конф... – С. 6-17; Пронштейн А. П., Патракова В. Ф. Указ. соч.; Шебзухов М. Х. К вопросу историографии Кавказской войны и мухаджирства // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства ... – С. 147-155.

⁹⁵⁷ Блиев М. М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // История СССР. – 1991. – № 6. – С. 67-84.

⁹⁵⁸ Блиев М. М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа... – С. 81.

казской войны⁹⁵⁹. Можно говорить, что более широкая проблема присоединения региона к России решается, прежде всего, с помощью анализа подобной составной его части. В таком разрезе изучение процесса присоединения выглядит крайне односторонне и поверхностно, хотя современные условия развития исторической науки обеспечивают исследователю широкие возможности для его трактовки. Так, авторы книги «Северный Кавказ в составе Российской империи» сочли возможным ограничиться лишь кратким историографическим экскурсом, указав только на современные направления в изучении Кавказской войны и процесса присоединения региона к России⁹⁶⁰.

Зачастую приращение нового материала по истории изучения политической истории Северного Кавказа XVI-XIX вв. осуществляется через призму анализа научной деятельности предше-

⁹⁵⁹ См.: Азаров В., Марущенко В. Кавказ в составе России: исторические мифы, порождающие конфликты // Воин России. – 2001. – № 3. – С. 2-19; Бурдун В.Н. Участие кубанского казачества в покорении Западного Кавказа (1861-1864 гг.): к историографии вопроса // Культурная жизнь Юга России. – 2008. – № 4. – С. 59-61; Гашимов Р.Р. Борьба горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века в советской историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2003; Гожев К.М. История и философия великой Кавказской войны: к вопросу о методологической концепции // Общество. Среда. Развитие (Terra humana). – 2008. – № 3. – С. 20-35; Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Большая игра на Кавказе: история и современность: [Ст., очерки, эссе]. 2-е изд., расш. и доп. – М., 2003. – С. 256-306; Лапин В.В. Новейшая историография Кавказской войны // ОИ. – 2008. – № 5. – С. 179-185; Лапин В.В. Хронологические рамки Кавказской войны в контексте ее историографии // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2. – 2007. – Вып. 3. – С. 78-88; Румянцева Н.С. История изучения в XIX-XX вв. большой Кавказской войны 1817-1864 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 3. – С. 23-28; Савельев А.Е. Кавказская война 1817-1864 гг. в исторической науке // ВИ. – 2011. – № 2. – С. 161-165; Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20-50-х гг. XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. – 2003. – № 1. – С. 50-64.

⁹⁶⁰ Северный Кавказ в составе Российской империи / [Д. Ю. Арапов, И. Л. Бабич, В. О. Бобровников и др.; отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич]. – М., 2007. – С. 132-134.

ственников – специалистов в этой области⁹⁶¹. На необходимость такого анализа в 2009 г. обратил внимание известный специалист в области изучения российско-кавказских отношений профессор В. В. Дегоев. На примере дореволюционной историографии он констатировал, что анализ ее итогов до настоящего времени не стал предметом специального историографического исследования, результаты которого позволили бы «развенчать миф о ее тематической односторонности, концептуальном единообразии и идейной ограниченности»⁹⁶². На примере статьи С. Д. Газиумарова можно наблюдать, что такие пробелы в изучении истории присоединения Северного Кавказа к России приводят к некорректным формулировкам. Говоря о новых тенденциях в исследованиях по истории колониальной политики России в регионе, появившихся в 1990-е гг., автор ошибочно причислял переизданные дореволюционные работы В. Л. Величко и Г. А. Вертепова⁹⁶³.

Следует признать, что наблюдение, сделанное В. В. Дегоевым, не менее актуально и для советского, и для постсоветского этапов изучения проблемы. На сегодняшний день анализ советской историографии представлен в небольшой брошюре профессора Телавского университета Э. А. Борчашвили, в которой автор, игнорируя довоенный этап осмысления процесса присоединения

⁹⁶¹ См.: Анчабадзе Ю. Д. Кавказовед Г. А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы: Сб. биографий / Сост. и отв. ред. Д. Д. Турмаркин. – М., 1999. – Вып. 1. – С. 134-151; Гаджиев В. Г., Борохова И. М. Н. И. Покровский и его роль в развитии отечественного кавказоведения // Научная мысль Кавказа. – 1998. – № 1. – С. 72-79; Кокаева И. В. Общественная и научная деятельность Г. А. Кокиева (1896-1954 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владикавказ, 2010; Мусукаев А. И. Выдающийся ученый-кавказовед Иван Федорович Бларамберг // Культурная жизнь Юга России. – 2012. – № 2. – С. 29-30; Соснина Е. Л. Генерал – исследователь Кавказа. К 210-летию со дня рождения И. Ф. Бларамберга // ВИЖ. – 2010. – № 12. – С. 66-67; Тихонов В. В. М. А. Полиевктов как кавказовед // История народов России в исследованиях и документах: [сб.] / [Редкол.: В. В. Трепавлов (отв. ред.) и др.]. – М., 2011. – Вып. 5. – С. 73-82.

⁹⁶² Дегоев В. В. Введение в политическую историю Северного Кавказа... – С. 57.

⁹⁶³ Газиумаров С. Вопросы военно-дипломатической и колониальной политики самодержавия на Северном Кавказе (вторая четверть XIX в.) // Власть. – 2009. – № 8. – С. 67.

Северного Кавказа к России, утверждает, что его изучение началось только в конце 1950-х гг.⁹⁶⁴

В связи с вышеизложенным, в данной работе осуществлен всесторонний анализ историко-научного изучения и осмысления процесса присоединения Северного Кавказа к России исследователями XIX – начала XXI в.

1.3. Методология и методы исследования

В основу исследования положен проблемно-хронологический принцип изложения материала, который позволяет организовать исследование, структурировать анализ, выделить проблемы и эволюцию взглядов историков.

Работа базируется на понимании истории исторической науки как одной из сфер интеллектуальной истории. Она предусматривает рассмотрение процесса изучения прошлого в профессиональной среде историков под углом зрения взаимосвязи и взаимовлияния их научной деятельности и социальной среды, в котором рождаются достижения их интеллекта.

При подготовке работы применялся цивилизационный подход, позволяющий фокусировать внимание на целостности процессов в обществе, эволюция которого обусловлена действием различных интеграционных факторов. Его использование дало возможность рассматривать процесс научного познания как обусловленный одновременно объективными (социокультурная среда) и субъективными (личность автора) обстоятельствами, позволяющими анализировать исторические явления в становлении и развитии, во взаимосвязи с другими фактами и явлениями, условиями, при которых они происходили.

Оформление исследовательской методологии тесно связано с процессами формирования национальных историй автономных республик Северного Кавказа и пересмотра ими событий про-

⁹⁶⁴ Борчашвили Э. Присоединение народов Северного Кавказа к России в советской историографии / [Под ред. Е. Мамукелашвили]. – Тбилиси, 2005. – С. 3.

шлого. Современные исследователи, характеризуя историографическую ситуацию в России, отмечают усиление этноцентризма – исследовательского подхода, для которого характерна сочувственная фиксация черт своей этнической группы, вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания⁹⁶⁵. В этой связи, применительно к России, можно говорить о таких понятиях, как национальная и федеральная история. В тексте работы автор придерживался определения «национальная история», данное исследователями Г. А. Бордюговым и В. М. Бухараевым. Они считают, что «национальная история – это система знаний, созданная определенной этнической группой (с точки зрения ментальной принадлежности), историографической школой, принадлежащей к той или иной стране»⁹⁶⁶. Термин «федеральная история» позаимствован из статьи заведующего отделом ИНСПИ РАН И. Б. Орловой «Этнизация исторического знания в постсоветских государствах». Она утверждает, что современное «федеральное» историческое знание своим основополагающим принципом считает этатизм, который «воспринимается прежде всего как идея государственная, державная, но не этническая. Отношение к русской истории трактуется прежде всего как к истории Государства российского»⁹⁶⁷.

Методологическое значение имеют работы С. Г. Агаджанова, М. М. Блиева, Ш. А. Гапурова, К. Ф. Дзамихова, В. В. Дегоева, В. В. Лапина и др., в которых под разными углами рассматриваются аспекты присоединения Северного Кавказа к России⁹⁶⁸.

⁹⁶⁵ Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах: [сб. ст.] / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисл. Ф. Бомсдорфа. – 2-е изд. испр. и дополн. – М., 2003. – С. 21; Орлова И. Б. Этнизация исторического знания в постсоветских государствах // Социологические исследования. – 2009. – № 10. – С. 126.

⁹⁶⁶ Бордюгов Г., Бухараев В. Указ. соч. – С. 27.

⁹⁶⁷ Орлова И. Б. Указ. соч. – С. 134.

⁹⁶⁸ См.: Блиев М. М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России... – С. 67-84; Агаджанов С. Г. Основные проблемы истории образования и развития многонационального российского государства // История и историки: Сб. ст. / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. – М., 1995. – С. 6-15; Черно-

В основу работы положен ряд *методологических принципов* (историзма, объективности, системности и целостности), *общенаучных и специально-исторических методов*. *Принцип историзма* позволил рассмотреть историю изучения рассматриваемой проблемы во взаимосвязи с политическими, социально-экономическими и культурными процессами, происходившими в России во второй половине XVIII – начале XXI в., изучить исторические труды в конкретно-исторических условиях их появления, оценить заслуги авторов по сравнению с предшествующим, а не последующим уровнем исторических знаний. Историзм в подходе к осмыслению научных концепций и подходов является неременным условием их оценки. *Принцип объективности* в исследовании необходим для максимально возможной нейтрализации предвзятого отношения при интерпретации и оценке факта. *Принцип системности* позволил рассмотреть историю изучения присоединения Северного Кавказа к России как определенную систему, обладающую соответствующей структурой и функциональной значимостью. Его использование направлено на определение места какого-либо научного труда в ряду ему подобных, появившихся в одно и то же время. Опираясь на *принцип целостности*, автор рассматривает историографию в целом, а ее отдельные периоды и направления – как систему взаимосвязанных элементов исторического знания, причин, определяющих их изменения, и влия-

ус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 3. – С. 154-166; Лапин В.В. История Кавказской войны... – СПб., 2003; Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX века: политико-правовой аспект. – Нальчик, 2003; Гапуров Ш.А. Актуальные проблемы истории Чечни в XVI-XIX веках // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всерос. науч. конф., 19-20 апр. 2005 г., г. Москва / Редкол.: Х.И. Ибрагимов, В.А. Тишков (отв. ред.) [и др.]. – М., 2006. – С. 40-48; Северный Кавказ в составе Российской империи / [Д.Ю. Арапов, И.Л. Бабич, В.О. Бобровников и др.; отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич]. – М., 2007; Дзамихов К.Ф. Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI-XVII вв.: (исследования и материалы). – Нальчик, 2007; Дегоев В.В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность: материалы междунар. конф., Москва, 16-17 мая 2006 г. / [под ред. В.В. Дегоева]. – М., 2007. – С. 17-34.

ния, которое они оказывают на общественное сознание, политическое и историческое развитие.

В целях реализации поставленных задач использовались такие специально-исторические методы, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический. *Историко-генетический метод* дал возможность комплексно рассмотреть этапы в развитии исторической мысли применительно к процессу формирования российской государственности, поскольку изъятие из хронологии определенных временных отрезков не сможет привести к комплексной, системной оценке современного состояния этой области российского кавказоведения. Применение *историко-сравнительного метода* позволило провести необходимые сравнения различных концептуальных подходов с целью выявления их общих черт, особенностей, самобытности и степени заимствования, вычленив устойчивые и качественно новые единицы в трактовке присоединения кавказского региона к Российскому государству. С помощью *историко-типологического метода* были упорядочены историографические источники по качественно различным типам (направлениям) на основе присущих им существенных признаков. Этот же метод, основанный на дедуктивно-индуктивном подходе, позволяет обосновать периодизацию российской историографии, определить как общие тенденции ее развития, новые элементы ее структуры, так и региональные особенности.

Для раскрытия рассматриваемой проблемы определенное значение имеет *ретроспективный (возвратный) метод*, который позволяет изучать процесс движения мысли исследователя от современности к прошлому. Ретроспекция в исследовании дала возможность использования современных знаний для изучения их состояния в прошлом. С учетом этого метода учитывалась специфика развития исторической мысли по решению вопроса о времени присоединения Северного Кавказа к России. За период с XIX по начало XXI в. варианты установления хронологических рамок этого процесса варьировались в растянутом диапазоне от XVI до XIX в. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на библиографическую выборку историографических источников,

в которых рассматривались события из истории российско-кавказских отношений за этот трехвековой период. Необходимо было обращать внимание на трактовку и отношение дореволюционных исследователей к событиям, которые в советской историографии были использованы в качестве хронологической даты присоединения. Это позволяло наглядно зафиксировать вариативные взгляды при трактовке конкретных фактов прошлого разными поколениями историков, указать на их новационные черты, увидеть иные принципы аргументации. В работе также использовался *метод актуализации*, который помогает определить ценности научных знаний для современного этапа исследований. Он позволяет выстраивать научные прогнозы будущего развития исторической науки на основе выявления ее ведущих тенденций, а также имеет прагматическое значение – предоставляет возможность разрабатывать практические рекомендации для дальнейшей деятельности историографов.

Глава 2

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ В ОЦЕНКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

2.1. Переход от бессистемного к целенаправленному изучению Северного Кавказа (вторая половина XVIII – начало XIX в.)

Процесс накопления исторических сведений о Кавказе тесно связан с динамикой политических, социально-экономических и культурных взаимоотношений Российского государства с населяющими его народами и имеет длительную историю. Появление первых описаний кавказского региона было детерминировано общим ходом выстраивания отношений между Московским государством и потестарными образованиями Северного и Южного Кавказа, на платформе которых вырабатывались исследовательские программы для нарождавшейся комплексной дисциплины – кавказоведения.

В XVI в. цивилизационно-культурное взаимодействие между ними, уходящее своими корнями в X в., получает качественно новый импульс. Регион постепенно начал превращаться в динамично развивающуюся «контактную зону» не только в условном двустороннем формате «Россия – Кавказ», но и оказался объектом противоборства внутри геополитического треугольника «Россия – Турция – Иран». В это время отмечены первые шаги, направленные на укрепление военного присутствия России в регионе (основание в 1558 г. в устье реки Терек крепости Терки), наблюдается встречная динамика в сближении Москвы и северокавказскими правителями посредством подписания присяг и заключения династических браков, отражавших двусторонние интересы. Так, одними из первых, дошедших до настоящего времени обращений горцев в российское подданство, являются грамоты и шертные записи за 1588 г. на верность Кабардинской земли Московскому государству и службе Аварского хана Рос-

сии⁹⁶⁹. Из текстов многих сохранившихся документов видно, что кавказские «дела», продолжительное время носившие эпизодический характер во внешнеполитических акциях Москвы, включаются в стройную систему ее государственных интересов. Именно в это время в большой царский титул московских государей вписывается формула «...кабардинские земли, черкасских и горских князей», указывавшая на растущие геополитические интересы государства⁹⁷⁰.

В XVI-XVII вв. разноплановая информация о Кавказе (сведения по истории, этнографии, торговле) встречается в записках российских послов, путешественников и купцов⁹⁷¹. Историк С. М. Броневский по этому поводу отмечал, что «... многие любопытствующие путешественники и ученые мужи возложили на себя труд, с различным успехом исполненный, доставить Европе основательные сведения о политическом и гражданском состоянии тамошних народов ровно как о физических качествах страны, примечательным положением своим между Европой и Азией»⁹⁷². Главным недостатком этих сведений являлся фрагментарный и эпизодический характер сбора информации, отсутствие четко выработанной программы из-

⁹⁶⁹ Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы: в 2 т. / Сост. Н. Ф. Демидова и [и др.]. – М., 1957. – Т. 1. – С. 51; Документальная история образования многонационального государства Российского... – С. 305.

⁹⁷⁰ Описание тушинских, шубинских, черкасских, кумыцких, нагайских, кабардинских и калмыцких мурз и китайских ханов, которые имели ссылки с Государями и Великими князьями Российскими, какие от них и к ним были грамоты, и какие титулы употребляли // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российские касающихся, изданная Н. Новиковым. – 2 изд. в 20 ч. – СПб., 1788-1791. – Ч. 16. – 1791. – С. 249-250.

⁹⁷¹ См.: Полиевкта М. А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. – Тифлис, 1932; Его же. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. – Тифлис, 1935; Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. – 1955. – Т. 26. – С. 265-374; Карачай – страна на вершине Кавказа: Очерки истории и культуры Карачая: [Сб.] / Сост., вступ. ст. и коммент. С. Х. Хотко. – Майкоп, 2011.

⁹⁷² Броневский С. М. Новейшие Известия о Кавказе / Подгот. текста к изд., предисл., примеч., слов. малоупотреб. слов, указ. И. К. Павловой. – СПб., 2004. – С. 23.

учения региона, их малодоступность для широкого круга читателей.

Новым этапом в исследовании Кавказа, ознаменовавшим начало систематического и несравненно более интенсивного изучения региона, стал XVIII в., где важнейшая роль в его организации принадлежала Петру I и созданной им Академии Наук⁹⁷³. Главной своей целью Императорская академия поставила всестороннее комплексное изучение различных регионов империи, в том числе и Кавказа. Такой подход во многом был связан с необходимостью удовлетворения внутривластных потребностей усиливающегося и расширяющего свои границы Российского государства, поиска источников, обеспечивающих его динамичный экономический рост. В сложившихся условиях проблематика кавказоведческих изысканий в России изначально опиралась на нужды и потребности правительственных кругов и носила инструментальный характер, т.е. научно обеспечивала планы правительства по реализации расширения Российской империи на восток.

Осведомленность российских властей о Кавказе и его населении в должной мере отражал первый официальный атлас Российской империи, изданный в 1745 г. На «Генеральной карте» атласа хорошо видно, что места компактного проживания ряда северокавказских народов вынесены за черту государственных границ России⁹⁷⁴. В новой редакции «Атласа» (1792 г.), на карте Кавказского наместничества, четко видно, что граница империи проходила по Азово-Моздокской укрепленной линии⁹⁷⁵.

Подъем научных исследований о Северном Кавказе пришелся на правление Екатерины II. Начало строительства цепи россий-

⁹⁷³ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке... – С. 274; Орбели Р. Р. Кавказоведение // Азиатский музей – Ленинград, отд. Ин-та востоковедения Акад. наук СССР / [Редкол.: А. П. Базиянц и др.]. – М., 1972. – С. 468; Северный Кавказ в составе Российской империи... – С. 19.

⁹⁷⁴ Атлас российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том генеральною картою великия сея Империи [Карты]. – СПб., 1745. – Л. 6.

⁹⁷⁵ Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий [Карты] – СПб., 1792.

ских укреплений в регионе, подписание Георгиевского трактата (1783 г.), российско-турецкие войны (1768–1774; 1787–1791 гг.) актуализировали для властей необходимость изучения Кавказа. В 1768 г. в рамках «академической» экспедиции были организованы и совершены поездки в различные уголки Северного Кавказа, имевшие своей целью сбор разностороннего материала об этом регионе и его народах. Так, с 1770 по 1773 гг. среди горцев работал естествоиспытатель академик И.-А. Гильденштедт. Широта кругозора и личная заинтересованность ученого позволили ему поместить в своем труде и ряд исторических заметок и наблюдений, в которых затрагивались вопросы состояния российско-северокавказских отношений. После посещения чеченской деревни Истесу он записал: «сейчас этот народ, правда, [изъяснялся] в верноподданнических [чувствах] России, но сопровождавший меня барагунский князь Кулшук так мало верил в заключение ими мира, что отсоветовал не только что переночевать, но и даже заходить в дом»⁹⁷⁶. Исследователь на конкретных примерах продемонстрировал неэффективность правовых механизмов принятия российского подданства горцами, практику стимулирования лояльности горской верхушки российским властям⁹⁷⁷.

На основании материалов И.-А. Гильденштедта в 1799 г. вышло в свет сочинение академика И.-Г. Георги⁹⁷⁸. В разделах, касающихся характеристик ряда северокавказских народов, автор частично затрагивал вопрос о степени их подчиненности России. Он отмечал, что, несмотря на принятие присяг и дачу аманатов, горцы «...живут в полной свободе по своим собственным законам и не платят никакой подати»⁹⁷⁹.

Фрагменты из истории выстраивания контактов между Московской и северокавказскими владельцами вкраплялись также в

⁹⁷⁶ Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг.: [Перевод] / [Авт. предисл. П.-С. Паллас; коммент. Ю. Ю. Карпова]. – СПб., 2002. – С. 42.

⁹⁷⁷ Гильденштедт И. А. Указ. соч. – С. 40, 228-229.

⁹⁷⁸ Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / [предисл. и прим. В. А. Дмитриева]. – [Изд. 2-е, перепеч. с изд. 1799 г. с испр. и доп.] – СПб., 2007.

⁹⁷⁹ Георги И.-Г. Указ. соч. – С. 171, 174.

исторические труды XVIII – начала XIX в. В первую очередь – это сведения о посольствах северокавказских горцев в Москву. Так, в работе «Ядро российской истории» А. И. Манкиева упоминалось о вступлении в 1554 г. пятигорских черкесов под «покровительство» Московского государства⁹⁸⁰. Горские посольства трактовались не как обращения к царю с целью включения территории в состав его владений, а как просьба о защите, поручительстве и поддержке царя в случае внешней угрозы. Об этом в начале XIX в. писал Н. М. Карамзин, считавший главным импульсом в процессе сближения горцев с Москвой в XVI в. угрозу со стороны Крымского ханства⁹⁸¹. Косвенным подтверждением сказанного является информация, содержащаяся в толковых словарях XIX в., где в качестве синонимов понятия «покровительство» выступали слова «заступление», «защита»⁹⁸².

К началу XIX в. изучение вопросов российско-кавказских отношений XVI-XVIII в., не говоря об аспектах проблемы присоединения региона к России, находилось еще в зачаточном состоянии. Вместе с тем уже был накоплен значительный материал, собранный путешественниками, этнографами и историками, который в последующем будет положен в основу всестороннего изучения российско-северокавказских отношений. Например, исследователи XVIII в. отмечали неоднозначный характер правосознания горцев, восприятия ими российских правовых норм, декларировавших права и обязанности в рамках двусторонних отношений. Уже только по этой причине они предпочитали писать о Северном Кавказе как о регионе, вошедшем в сферу внешнеполитического влияния России, но не как о его составной части.

⁹⁸⁰ Манкиев А. И. Ядро российской истории / Соч. бывшим стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, В пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием и о сочинителе сей книги и о фамилии князей Хилковых. – М., 1770. – С. 194.

⁹⁸¹ Карамзин Н. М. История государства Российского: в 6 кн. / [Вступ. ст. В. Г. Перельмутера]. – М., 1993. – Кн. 4. – С. 58.

⁹⁸² См.: Покров / Даль В. И. Большой иллюстрированный толковый слов. рус. языка: совр. написание. – М., 2008. – С. 228; Покровительство // Слов. церковно-славянского и рус. языка / Сост. вторым отд. Имп. Акад. наук: в 3 т. – СПб., 1847. – Т. 3. – С. 309.

2.2. Исследование истории российско-северокавказских взаимоотношений в период Кавказской войны

Присоединение Восточной Грузии к России в 1801 г. стало знаменательным событием для дальнейшей истории Кавказского региона в целом. С этой датой связано начало активного распространения российского политического влияния, которое окончательно закрепилось с подавлением сопротивления горцев в 1864 г. В этот период российское руководство обращается не только к накопленному опыту в изучении региона для его последующего практического использования, но и создает военно-топографические и статистические описания, где неотъемлемым элементом были сведения по истории горцев. Так, в 1809 г. академик К. Ф. Герман «по повелению» Академии Наук специально подготовил для представителей российской администрации на Кавказе извлечения из работы И. А. Гильденштедта, а в 1810 г. Ф. Шишкевич перевел и опубликовал работу путешественника барона де Сент-Круа по Кавказу⁹⁸³.

В XIX в. российское кавказоведение определилось как область гуманитарных знаний⁹⁸⁴. На фоне усиливающегося изучения Северного и Южного Кавказа в нем наметилась определенная дифференциация: ряд исследователей целенаправленно сконцентрировались не только на вопросах этнографии, лингвистики, географии и экономики региона, но и на его истории. Условно в изучении Северного Кавказа стали характерными три взаимосвязанных направления: *правительственное, академическое и общественное*. Господствующая роль принадлежала первому направлению, которое расставляло приоритеты в проблематике. В рамках этого направления значительное место отводилось

⁹⁸³ Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. – СПб., 1809; Шишкевич Ф. Историко-географические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие подробные описания живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания / [пер. с фр.]. – СПб., 1810.

⁹⁸⁴ Орбели Р. Р. Кавказоведение... – С. 469.

работам *военно-стратегического характера*, ставившего целью детальное изучение особенностей местности, с учетом анализа исторического опыта взаимоотношений России и народов Кавказа⁹⁸⁵. Проведение в первой половине XIX в. активной внешней политики на территории Кавказского региона объективно способствовало формированию в среде офицеров и местной кавказской администрации научно-исследовательской прослойки, которая в своих изысканиях опирались не только на свой личный опыт, но и привлекала архивные и иные источники.

Ярким примером правительственного направления в изучении Северного Кавказа является комплексное исследование С. М. Броневского⁹⁸⁶. С 1804 г. по поручению министра иностранных дел А. Чарторыйского и сенатора Д. П. Трошинского он занимался подготовкой труда по истории российско-кавказских отношений. К 1810 г. задание было выполнено, однако в виду финансовых трудностей в свет вышла только первая часть труда, в которой в основном содержался географический и этнографический материал о Кавказе⁹⁸⁷. Вторая часть – историческая – была опубликована только в 1996 г.⁹⁸⁸

В первой части работы С. М. Броневский рассматривал историю Кавказского региона в широком контексте европейской и ближневосточной истории. В основу исторической периодизации Кавказа был положен принцип немецкого исследователя Г. Ромеля, который выделял *греческий, римский, византийский (греко-персидский), турко-персидский и российский периоды*. По мнению автора, российский период начинался только с правления Петра I, который заключал в себе «превозможение Российской власти в Кавказе над Персией и

⁹⁸⁵ Глиноецкий Н. П. История Русского генерального штаба: в 2 т. – СПб., 1883-1894. – Т. 2. – С. 202-205.

⁹⁸⁶ Броневский С. М. Новейшие Известия о Кавказе. – СПб., 2004.

⁹⁸⁷ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: в 2 ч. – М., 1823.

⁹⁸⁸ Броневский С. М. Исторические Выписки о сношениях России с Персией, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича донныне / Подгот. текста к изд., предисл., словарь малоизв. слов, указ. И. К. Павловой. – СПб., 1996.

Портой Оттоманской»⁹⁸⁹. По логике периодизации, принятие пятигорскими черкесами в 1552 г. «добровольного» покровительства, по мнению С. М. Броневского, были отнесены к турко-персидскому периоду, что показывало слабость позиции России в делах региона в XVI в.⁹⁹⁰

Применительно к истории российско-кавказских отношений С. М. Броневский первый разработал и предложил периодизацию, разделив ее на три эпохи наращивания «славы и могущества» Российской империи. На основе анализа архивных документов он сделал вывод о том, что «влияние Российской империи на народы, в Кавказе обитающие, три раза усиливалось и два раза ослабевало, по мере общих и частных политических соображений». Для первой эпохи – «от царя Ивана Васильевича до похода Петра Великого в Персию» (1554-1722 гг.) – главным итогом стало включение Северного Кавказа в орбиту внешнеполитических интересов России, а также строительство крепостей на р. Терек. Вторая эпоха – «от похода императора Петра Великого в Персию до заложения Моздока» (1722-1763 гг.) – характеризовалась началом ее интенсивного наступательного движения вглубь региона. Обилие приведенных документов в рамках этого этапа раскрывало сущность торговой и экономической политики империи по отношению к этим территориям. Третья эпоха – «от заложения Моздока до нынешних времен» (1763 г. – начало XIX в.) – повествовала о военных акциях России на Северном и Южном Кавказе. В представлении ключевых моментов российско-северокавказских отношений автор отталкивался от договоренностей международных актов, имевших прямое отношение к судьбе этих народов (Белградский, Кючук-Кайнарджийский мирные договоры и т.д.).

Отличительной особенностью изысканий С. М. Броневского были скрупулезные поисковые и археографические работы в архиве Коллегии иностранных дел, позволившие ввести в научный оборот значительное количество новых архивных документов, относившихся к принятию российского подданства народа

⁹⁸⁹ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе ... Ч. 1. – С. 21.

⁹⁹⁰ Там же. – С. 19.

ми Северного Кавказа (присяжные листы, шертные записи). В исторической части труда автором была помещена специальная таблица использованных документов с краткими выписками и пометками из них. В отличие от своих коллег, исследователь целенаправленно сконцентрировался на изучении истории российско-северокавказских отношений, чем снискал себе славу первооткрывателя в этой области российского кавказоведения.

Невзирая на то, что историческая часть работы С. М. Броневского долгое время была малодоступной широкому кругу исследователей, она не оставалась невостребованной. Так, периодизация российско-кавказских отношений без ссылки на ее автора была использована представителем академического направления в изучении Северного Кавказа немецким языковедом-ориенталистом Г.-Ю. Клапротом⁹⁹¹. Компилятивная методика подачи материала отразилась и на этнографических сведениях о народах Северного Кавказа. Несовместимым в тексте выглядело употребление выражения «черкесская независимость» с выводом о том, что «черкесы... народ российского происхождения и добровольно присоединился к России»⁹⁹². Неточные сведения и кальки из других работ позволили военному историку Д. И. Романовскому высказать мысль о том, что исследование Г.-Ю. Клапрота «основаны на ложных началах и не вполне добросовестны»⁹⁹³.

Активность и наступательный характер политики России на Северном Кавказе в первой половине XIX в. (российско-турецкие и российско-персидские войны, проведение карательных экспедиций вглубь региона) привела к тому, что в изучении истории российско-кавказских отношений стал преобладать военный нарратив, а инициатива в изучении региона перешла к представителям армии⁹⁹⁴. Отличительной особенностью работ военных

⁹⁹¹ Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства / пер. с англ. К. А. Мальбахов. – Нальчик, 2008.

⁹⁹² Клапрот Ю. Указ. соч. – С. 39.

⁹⁹³ Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война... – С. 27.

⁹⁹⁴ См.: А. П. К. Кавказские войны // Воен. энцикл. лексикон: в 14 т. – СПб., 1854. – Т. 6. – С. 601-653; Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / [Пер. с фр., предисл., коммент. И. М. Назаровой]. – Нальчик, 1999; Зубов П. Картина Кавказского

офицеров была их сопричастность с военно-политическими событиями, происходившими на Северном Кавказе. Участник боевых действий на Кавказской линии одновременно выступал и непосредственным свидетелем происходивших событий, и как исследователь, пытавшийся разобраться в российско-кавказских противоречиях, дать им оценку и сделать выводы. Эти обстоятельства позволяют рассматривать произведения мемуарного характера не только с позиции источниковедческого, но и историографического анализа.

В начале 1828 г. Николай I, осознавая дефицит достоверных данных о северокавказских горцах, приказал военному министру А. И. Чернышеву подготовить и составить о них свод материалов. С этой целью в 1832 г. генерал-лейтенанту И. Ф. Бларамбергу было поручено составить всестороннее описание северной части Кавказа. В основу работы были положены многочисленные штабные материалы, касавшиеся народов Северного Кавказа, личные наблюдения автора и данные, почерпнутые из русских и иностранных литературных источников⁹⁹⁵. В 1834 г. двухтомный труд был подготовлен к печати, однако, по личному распоряжению Николая I, он не был опубликован и длительное время находился в архиве военно-топографического депо. Только в 1999 г. работа И. Ф. Бларамберга была переведена с французского языка и опубликована в г. Нальчик⁹⁹⁶.

края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях: в 4 ч. – СПб., 1834-1835. – Ч. 3; Костенецкий Я. И. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года: в 3 ч. – СПб., 1851; Материалы по истории Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1940. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 298-329; Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. – СПб., 1850; Неверовский А. А. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. – СПб., 1847; Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: [Сб.]: в 2 т. / Сост. Х. М. Думанов. – Нальчик, 2001. – Т. 1; Сорокин А. Ф. Руководство к расположению и построению временных укреплений на Кавказе. – СПб., 1844.

⁹⁹⁵ Глиноецкий Н. П. Указ. соч. – С. 203; Соснина Е. Л. Генерал – исследователь Кавказа. К 210-летию со дня рождения И. Ф. Бларамберга // ВИЖ. – 2010. – № 12. – С. 66; Мусукаев А. И. Выдающийся ученый-кавказовед Иван Федорович Бларамберг // Культурная жизнь Юга России. – 2012. – № 2. – С. 29.

⁹⁹⁶ Бларамберг И. Указ. соч.

В 1834 г. капитан генерального штаба И. И. Норденстамм составил первое сочинение, специально посвященное территории Чечни, в котором кроме исторических сведений о чеченцах и их отношениях с Россией были даны географический обзор страны, оценка состояния военных сил и путей сообщений, характеристика хозяйственной деятельности населения и т.д.⁹⁹⁷ В частности, автор обратил внимание на то, что в основе возмущений горцев против российских войск лежал не религиозный фанатизм, а «корыстолюбие, грубое невежество и привычка к праздности и хищничеству...»⁹⁹⁸. Он склонялся к выводу о том, что главным фактором обострения российско-горских отношений являлась их набеговая форма хозяйствования. Позднее эта версия получит широкое распространение за счет подпитывания ее тезисом о варварской природе горского общества.

В 1840-е гг. активность в изучении чеченского народа проявил капитан М. Я. Ольшевский, который прослужил на Кавказе 25 лет и смог создать сочинение мемуарно-исторического характера «Кавказ с 1841 по 1866 год», которое в 1890-е гг. публиковалось фрагментарно в журнале «Русская Старина». Только в 2003 г. его работа была полностью опубликована⁹⁹⁹. За время пребывания на Кавказе М. Я. Ольшевский детально изучил структуру чеченского общества, дал общую характеристику управления, военного дела, организации набегов, взаимоотношений с русскими, описал историю их завоевания. Намечая точку отсчета времени присоединения чеченцев к империи, автор подчеркивал, что «до 1807 года ни один русский отряд не переправлялся за Терек и не заглядывал в заветные чеченские леса»¹⁰⁰⁰. По его мнению, только основание в 1818 г. крепости Грозной и вырубка лесов вблизи Ханкальского ущелья «навели на них такой страх

⁹⁹⁷ Материалы по истории Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1940. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 298-329.

⁹⁹⁸ Там же. – С. 315.

⁹⁹⁹ Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год / [Вступ. ст. и коммент. А. Н. Лукирского]. – СПб., 2003.

¹⁰⁰⁰ Материал, составленный капитаном Ольшевским «Общий взгляд на Чечню в военно-географическом и статистическом отношениях» // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 1. – Д. 290. – Л. 9 об.

и уважение к силе нашего оружия, что в 1824 году уже большая часть Чечни признавала над собой власть нашего Правительства и не только в изъявлении своей покорности выдавала аманатов, но и исполняла многие повинности генерала Ермолова»¹⁰⁰¹. Однако, писал автор с сожалением, такая ситуация сохранялась до 1839 г., когда чеченцы «восстали против нашего Правительства и признали Шамиля своим Имамом». В отличие от своих коллег, которые только описывали примеры несоблюдения условий принятия российского подданства, обвиняли горцев в легковесности и непостоянстве, он открыто поставил вопрос о причинах инвариантного поведения и восприятия подданства российскими войсками, с одной стороны, и местным населением, – с другой. В частности, он писал: «чеченцы обвинялись нами в легковесии и непостоянстве за то, что они отрекались от своих обещаний и даже изменяли нам. Да были ли ясно истолкованы наши требования и были ли поняты ими как следовало? В свою очередь, не имели ли права чеченцы обвинять нас за то, что мы, русские, сами были нарушителями заключаемых с ними условий». И далее: «чеченцы укорялись нами в коварстве и вероломстве, доходивших до измены. Но имели ли мы право укорять целый народ за такие действия, о которых мы трактовали не со всем чеченским населением, а с десятком чеченцев, не бывших ни представителями, ни депутатами»¹⁰⁰². Одной из главных заслуг М. Я. Ольшевского в изучении проблемы присоединения Северного Кавказа к России было создание дискуссионной среды вокруг комплекса вопросов, связанных с проблемой принятия российского подданства. После него сбором материалов для описания левого фланга Кавказской линии занимались офицеры Генерального штаба Давидов (1857-1859 гг.) и Барковский (1863 г.), однако труды их не сохранились¹⁰⁰³.

Благодаря обилию архивных материалов и накоплению практического и научно-исследовательского опыта, в 1840-е гг. военные исследователи предприняли попытку подготовить капиталъ-

¹⁰⁰¹ Там же. – Л. 10-10 об.

¹⁰⁰² Ольшевский М. Я. Указ. соч. – С. 65.

¹⁰⁰³ Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской обл.: в 2 ч. – Тифлис, 1888. – Ч. 1. – С. III.

ный труд по истории пошагового наступления России на Кавказ. Особенностью исследовательской рефлексии в изучаемый период являлось представление о неразрывной комплексной динамике происходившего процесса, где история присоединения Северного Кавказа к России не отрывалась от событий, происходивших в южной части региона. В период военных действий генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский начал подготовку к сбору материалов по истории столкновений России с Персией и Турцией в регионе в первой трети XIX в., однако в связи со смертью не успел довести работу до логического конца¹⁰⁰⁴.

Реализация подобных идей была возложена на профессора Военной академии Д. А. Милютин, который еще во время своего первого пребывания на Кавказе в 1839 г. вынашивал задачу подготовки обстоятельного труда по истории российско-кавказских конфликтов. В 1840-1841 гг. он подготовил доклад о необходимости написания истории войн России и Персии в 1804-1813 гг. и истории завоевания Кавказского края. В плане будущей работы Д. А. Милютин стремился доказать читателю, «что настоящая борьба наша на Кавказе есть не что иное, как продолжение борьбы христианства с исламом, варварства с просвещением»¹⁰⁰⁵. Историк считал необходимым начать повествование с характеристики состояния Кавказского региона до прихода российских войск, описать поход Петра I на Кавказ, проследить установление политических связей местных народов с Россией в XVIII в. и затем проследить историю овладения всем Кавказом и его современное состояние. В период с 1849 по 1865 гг. Д. А. Милютин и его помощник капитан Д. Х. Бушен собрали значительный материал, на основании которого были сделаны первоначальные наброски¹⁰⁰⁶. В процессе последующей работы Милютину пришлось отказаться от составления «Истории кавказской войны» и приступить к постепенному изданию собранных статей под заглави-

¹⁰⁰⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 до 1812 года: в 2 ч. – СПб., 1843.

¹⁰⁰⁵ Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. – М., 1962. – . 140.

¹⁰⁰⁶ Парова Л. М. Создание и деятельность Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа // ВИЖ. – 1988. – № 5. – С. 87.

ем «Материалы для истории Кавказа» или «Кавказский исторический сборник», которое было одобрено военным министром Н. О. Сухозанетом, но по неизвестным причинам в свет так и не вышло¹⁰⁰⁷. Конечным результатом работы Д. А. Милютинина стало «Описание военных действий в 1839 г. в Северном Дагестане»¹⁰⁰⁸. Дальнейшая разработка предложенной темы была продолжена во второй половине XIX в. историком Н. Ф. Дубровиным¹⁰⁰⁹.

Заметное место в изучении истории российско-черкесских отношений принадлежит уроженцу Минской губернии военному этнографу барону К. Ф. Сталю. После окончания Военной академии он с 1844 по 1859 гг. проходил службу на Кавказской линии, совмещая ее с изучением истории и этнографии горцев. А в 1852 г. им был подготовлен «Этнографический очерк черкесского народа», который явился результатом трехлетних наблюдений (1846-1848 гг.). Полностью очерк был опубликован в 1900 г. в журнале «Кавказский сборник» благодаря усилиям известного кавказоведа Е. Г. Вайденбаума¹⁰¹⁰. Несмотря на чисто этнографический характер работы, автор значительное место уделил причинам непокорности горцев. Указывалось на то, что «горцы не понимают нашей иерархии, нашей общей системы действий. Случалось часто, что горские старшины, увлеченные личным расположением к одному из наших частных начальников, заключали с ним мирный договор, но хищничали в пределах другого начальника. Не понимая связи наших начальств, они считали начальника, которому покорились, самостоятельным князем, чем-то вроде их горских князей и полагали возможным хищничать в пределах другого русского князя»¹⁰¹¹. Кроме этого, К. Ф. Сталь попытался определить причину кратковременности подданства горцев. Он

¹⁰⁰⁷ Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России ... – С. 140-141; Осипова М. Обзор военно-научных трудов Д. А. Милютинина // ВИЖ. – 1972. – № 9. – С. 105.

¹⁰⁰⁸ Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. – СПб., 1850.

¹⁰⁰⁹ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. – СПб., 1871-1888.

¹⁰¹⁰ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // КС. – 1900. – Т. XXI. – С. 53-173.

¹⁰¹¹ Сталь К. Ф. Указ. соч. – С. 101-102.

высказывал версию о том, что горцы боялись покорности, поскольку считали, что вместе с ней «они все превратятся в военнопленных, каких они у себя имеют в горах; что завоеватель имеет над покорным народом право жизни и смерти, подобно тому как горец над своим военнопленным»¹⁰¹².

Следуя за традицией написания истории двусторонних отношений С. М. Броневского, большинство авторов исследований, появившихся в 1810-1850-е гг., придерживались идеи обоснования легитимности присоединения горцев к империи на основании территориальных уступок в пользу России в рамках международных соглашений с Турцией и Персией (Гюлистанский 1813 г. и Адрианопольский 1829 г. мирные договоры)¹⁰¹³. Ярким примером такой традиции может служить черновой вариант «Воззвания к народам Кавказских гор», подготовленный в конце 1820-х гг. главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевичем. После подписания Адрианопольского мира в сентябре 1829 г. между Россией и Турцией он, обращаясь к воинственным горцам, подчеркивал, что «Порта сама отказалась от Вас на вечные времена; следовательно, единое прибежище для Вас есть Россия»¹⁰¹⁴. Из приведенной формулировки видно, что последующие военные действия в горах (1830-1850-е гг.), направленные против ее жителей, воспринимались как трансформировавшийся конфликт *внутри* государства и трактовались как подавление восстания или бунта.

Опираясь на этот вывод, российские военные историки работали и соответствующую терминологию, смысловая нагрузка которой наглядно демонстрировала глубину российского присутствия в регионе и методы приведения к покорности «новоприобретенных» подданных российскому командованию. Так, по

¹⁰¹² Там же. – С. 105.

¹⁰¹³ Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 год. – Тифлис, 1857. – С. 281; Бларамберг И. Указ. соч. – С. 75; Константинов О. Путеводитель по Черномории, Кавказскому и Закавказскому краю, от Тамани до Тифлиса и потом до Кутаиса, Эривани, Шемахи, Дербента // КК на 1851 год. – Тифлис, 1850. – С. 46.

¹⁰¹⁴ Воззвание к народам Кавказских гор о мире и верноподданстве в целях сохранения спокойствия и благоденствия страны // РГИА. – Ф. 1018. – Оп. 3. – Д. 223. – Л. 3.

логике генерал-лейтенанта И. Ф. Бларамберга, в термин «усмирение» вкладывался следующий смысл: «это силовая акция со стороны Российской империи по отношению к своим подданным, территория проживания которых входит в состав империи»¹⁰¹⁵. Именно поэтому в 1820-1860-е гг. повсеместно в исторической литературе начинают преобладать схожие выражения, применяемые к населению Северного Кавказа: «*приведение к покорности*», «*усмирение*», «*подчинение*». Употребление в тексте исследований выражения «*утверждение русского владычества*» было вызвано четким осознанием того, что территория Северного Кавказа не была охвачена контролирующими инстанциями российских властей и, по мысли большинства историков, эту власть еще предстояло *утвердить*. Император Николай I в памятной записке на имя командира отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгарта писал: «Не хочу никаких завоеваний и мысль об оных считаю преступною. Хочу упрочения нашего владычества краем, где признаю его покуда крайне шатким и неверным»¹⁰¹⁶.

Проблемность российского присутствия на Северном Кавказе подтолкнула российских военных и местную администрацию к разработке адекватной классификации народов региона, где ключевым элементом выступала степень их покорности. В июне 1833 г. была подготовлен специальный документ, который был озаглавлен: «Ведомость о численности народонаселения Кавказа и степени их покорности царскому правительству»¹⁰¹⁷. В последней колонке таблицы фигурировали следующие определения: «*совершенно непокорны*», «*довольно покорны*», «*считаются покорными*», «*мало покорные*». Свою версию классификации горцев предложил известный декабрист П. И. Пестель в конституционном проекте «Русская правда» (1823 г.). Касаясь кавказской проблемы, он высказывал идею о том, что необходимо «...разделить все сии Кавказские народы на два разряда: *мирные* и *буйные*.

¹⁰¹⁵ Бларамберг И. Указ. соч. – С. 118-119.

¹⁰¹⁶ Николай I. Памятная записка А. И. Нейдгарту / [Публ. и примеч. М. В. Сидоровой] // Рос. Арх.: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альм. – 2003. – Т. XII. – С. 376.

¹⁰¹⁷ Документальная история образования многонационального государства Российского ... – С. 490-497.

Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям...»¹⁰¹⁸. Схожая классификация горских народов была представлена в работах И. Ф. Бларамберга и Н. В. Данилевского¹⁰¹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что выражения, раскрывающие степень покорности, не были устойчивыми. Они требовали постоянного уточнения в виду колебаний военно-стратегической ситуации в регионе. Так, в рапорте генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова от 5 ноября 1831 г. подчеркивалось, что считать ряд северокавказских народов покоренными, т.е. мирными, рано, поскольку «некоторые из них были проводимы к присяге на верно-подданничество, но ныне все отложились и действуют противу наших войск»¹⁰²⁰. Об этом, в частности, писал также Д. А. Милютин, который склонялся к мнению, что название *мирных* не мешало «чеченским джигитам (удальцам) по временам предпринимать набеги на линию или на покоренные нам части края»¹⁰²¹. В документах также фигурировало понятие «*мнимо покоренные*»¹⁰²². Такого рода высказывания характерны для всей дореволюционной историографии. Об этом не только писали в открытой форме, но и лишней раз подчеркивали в своих работах и академический персонал, участвовавший в научных экспедициях, и военные историки, и участники Кавказской войны¹⁰²³.

¹⁰¹⁸ Восстание декабристов: Материалы [по истории восстания декабристов]: в 8 т. / Под общ. ред. и с предисл. М. Н. Покровского. – М.; Л., 1925-1958. – Т. 7. – С. 167.

¹⁰¹⁹ Бларамберг И. Указ. соч. – С. 270-271, 354; Данилевский Н. Указ. соч. – С. 8, 11-13.

¹⁰²⁰ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века: Сб. док. – Махачкала, 1959. – С. 100.

¹⁰²¹ Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане ... – С. 8.

¹⁰²² Представление кн. Цицианова гр. Воронцову от 8 янв. 1803 г. // АКАК. – 1868. – Т. 2. С. 757; Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // КС. – 1879. – Т. III. – С. 216.

¹⁰²³ Берже А. П. Чечня и чеченцы. – Тифлис, 1859. – С. 104; Данилевский Н. Указ. соч. – С. 8, 13; Zubov П. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 89, 170; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность: начало XIX – начало XX вв.: [сб. / сост.: Я. А. Гордин и др.; подгот. текстов и коммент. Б. П. Миловидова].

В период открытых военных действий на Кавказе окончательно оформляется идея о цивилизаторской миссии России по отношению к народам Кавказа. В сознании и мировоззрении российского общества, причислявшего себя к носителям общеевропейских ценностей, утверждалось европоцентристское понимание исторического процесса, согласно которому Россия, как органичная часть европейского континента, должна продвигать это культурное начало на Восток «непросвещенным народам». В работах ученых, занимавшихся анализом уровня развития горского общества, часто использовалась классификация американского антрополога Льюиса Моргана. В своих оценках и взглядах они подчеркивали дикость, необузданность и отсталость северокавказских горцев¹⁰²⁴. Например, писатель-беллетрист П. А. Зубов с сожалением писал: «Если бы нашлись люди – благодетели человечества, которые, приняв на себя труд изучиться горским наречиям, и презирая опасность, для небесной награды, проникли бы в ущелья сих жалких получеловеков, и умели бы, озарив светом христианства, блестящими красками представить им весь ужас их настоящего положения, и те бесчисленные выгоды гражданственности, которые ожидают их, когда они добровольно покорятся могущественной России, <...> – и я вполне уверен, что в след за тем ударит час спокойствия на Кавказе...»¹⁰²⁵.

Значительное место в описании истории двусторонних отношений и причин движения России вглубь Кавказа отводилось религиозной составляющей. Исследователи прибегали к целена-

– СПб., 2005. – С. 154-155; Клапрот Ю. Указ. соч. – С. 212; Костенецкий Я. И. Указ. соч. – С. 6; М. Горские народы, состоящие в ведении Черноморской Кордонной линии, которые принесли покорность России до 1838 г. // Кавказ. – 1858. – 7 дек. – С. 2; Материалы по истории Дагестана и Чечни ... – С. 380, 383; Н. Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // КС. – 1883. – Т. VII. – С. 52; Отношение гр. Гудовича к кн. Куракину от 30 янв. 1809 г. // АКАК. – 1870. – Т. 4. – С. 4; Отрывки из статьи неизвестного автора о покорении Осетии // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 1. – Д. 1198. – Л. 1; Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: [Сб.]: в 2 т. / Сост. Х. М. Думанов. – Нальчик, 2001. – Т. 1. – С. 16; 54.

¹⁰²⁴ Бларамберг И. Указ. соч.; Данилевский Н. Указ. соч.; Зубов П. Указ. соч.; Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сб. – 1859. – № 6. – С. 541-549.

¹⁰²⁵ Зубов П. Указ. соч. – С. 90.

правленной подаче материала, идея которой была устремлена на обоснование мессианского долга Российской империи не только по отношению к народам Южного, но и Северного Кавказа. Заметную роль в закреплении идеи реставрации христианского «креста» на Кавказе, а также его противопоставление мусульманскому «полумесяцу» принадлежала Н. М. Карамзину, который с надеждой полагал, что «вера Спасителя, насажденная между Черным и Каспийским морем в самые древние времена империи Византийской, еще не совсем угасла в сих странах; оставались ее темные предания и некоторые обряды: известность и могущество России оживили там память христианства и любовь к оному»¹⁰²⁶. В середине 1830-х гг. в статье офицера А. Ф. Десимона «Исторические сведения о бывших вольных общинах Кубинской провинции, составляющих ныне Самурский округ» также преобладали религиозные акценты. «Ожидать совершенного сближения их с нами – писал автор, – можно разве только тогда, когда на горах и равнинах водрузится крест, и когда вместо мечетей воздвигнутся храмы Христу Спасителю, а до того времени одна только сила оружия, есть верный оплот владычества нашего на Кавказе и за Кавказом»¹⁰²⁷. Активным сторонником неизбежности российского присутствия на Кавказе был писатель В. А. Соллогуб. Полемизируя в своей статье с западными оппонентами о роли и месте Кавказа в «восточном вопросе», он подчеркивал, что «наше владычество на Кавказе не есть завоевание, но крест, который носит Россия подобно тому, как носит его Хевсур, никогда не снимавший со своей груди этого символа войн, пылавших в старину не ради хлеба и одежды, а ради священных верований...»¹⁰²⁸. «Восточный вопрос», трактовался автором, как борьба с исламом, и поэтому, Кавказская война воспринималась «как война, подерживаемая Россией для защиты оскорбленного Креста»¹⁰²⁹.

Следует признать, что в целом работы представителей

¹⁰²⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского: в 6 кн. – М., 1993. – Кн. 4. – С. 258.

¹⁰²⁷ Материалы по истории Дагестана и Чечни ... – С. 385;

¹⁰²⁸ Соллогуб В. А. Кавказ в восточном вопросе / [Пер. с фр.]. – Тифлис, 1856. – С. 30.

¹⁰²⁹ Соллогуб В. А. Указ. соч. – С. 47.

общественного направления в изучении Кавказа (В. А. Соллогуб Н. В. Данилевский, П. И. Пестель) являлись индикатором отношений различных общественных кругов к оценке российско-кавказских отношений в период вооруженного конфликта.

Начиная с первых шагов установления административной власти на Кавказе, в работах чиновников царской администрации, занимавшихся изучением быта, нравов и образа жизни горцев, деятелей науки, путешественников, военных офицеров активно обсуждалась проблема создания универсальных проектов покорения горцев, поскольку многолетний опыт показал, что строительство оборонительных линий и проведение карательных экспедиций оказались малодейственными. В преобладающей своей массе проекты покорения северокавказских горцев были ориентированы на силовое решение проблемы. В начале XIX в. Ю. Клапрот писал, что «в отношении горцев проводится неправильная политика, а именно политика милосердия и гуманности, с коими русское правительство, конечно, не будет способно достичь своей цели, ибо это считается горцами проявлением слабости и страха»¹⁰³⁰. Он предлагал руководствоваться идеей минимизации применения физической силы в отношении горцев, а также одаривания местных князей с целью их привлечения на российскую сторону. Генералы И. Ф. Бларамберг и М. Ф. Кудашев, наоборот, были убеждены, что горцами можно управлять только силой¹⁰³¹. В 1842 г. князь М. Ф. Кудашев писал, что «миролюбивыми средствами достигнуть к покорению этих горцев нет надежды после стольких опытов, да и в истории нет примера, чтобы какой-то горский народ поддался добровольно»¹⁰³². В среде военных существовала и противоположная (мирная) точка зрения, отстаивавшая необходимость проведения комплекса экономических и культурных мер среди горцев. Альтер-

¹⁰³⁰ Клапрот Ю. Указ. соч. – С. 213.

¹⁰³¹ Бларамберг И. Указ. соч. – С. 31; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность ... – С. 144-153.

¹⁰³² Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность ... – С. 144.

нативу силовому сценарию они видели в налаживании торговли с горцами¹⁰³³.

На страницах сочинений военных историков очень хорошо прослеживается комплекс проблем, с которыми приходилось сталкиваться местной российской администрации. Головной болью чиновников было обеспечение спокойствия на вверенной им территории, которое достигалось главным образом путем денежного подкупа горских владетелей. Это можно продемонстрировать на примерах. И. Ф. Бларамберг, перечисляя ряд дагестанских владетельных князей (шамхал Тарки, уцмий Каракайтага, кадий Акуши и Табасарана и др.), подчеркивал, что «почти все эти правители находятся в материальной зависимости от России, так что им остается лишь название государя без власти. Аварский и казикумухский ханы считаются союзниками России, тем не менее они покорны только из-за выплачиваемого им правительством России содержания»¹⁰³⁴. В некоторых случаях ситуация с денежным подкупом осложнялась специфическим социально-политическим устройством горских обществ. Об этом косвенно намекал подполковник К. И. Бюрно. Относительно Терской области он писал, что «у здешних горцев нет привилегированных классов, то нам придется действовать без посредников, непосредственно на всю массу населения»¹⁰³⁵. Замкнувшись над решением этой задачи, российское командование не обращало внимания на другие, залегавшие гораздо глубже, причины невозможности выполнения условий

¹⁰³³ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965. – С. 234-235; Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сб. – 1859. – № 6. – С. 541-549; Мордвинов Н. С. Мнение о способах, коими России удобнее можно привить к себе Кавказских жителей // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1858. – Т. 4. – С. 109-112; «Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании». Князь Г. Г. Гагарин о политике России на Кавказе. 1844 г. / Публ. С. В. Солдатов, А. Л. Худобородов // Ист. арх. – 2004. – № 1. – С. 207-216; Письмо и докладная записка командира 2-го Кубанского казачьего полка султана Казы-Гирея главнокомандующему Отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову ... // РГИА. – Ф. 932. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 1-1 об.; Сивков К. В. О проектах окончания Кавказской войны в середине XIX в. // История СССР. – 1958. – № 3. – С. 191.

¹⁰³⁴ Бларамберг И. Указ. соч. – С. 33.

¹⁰³⁵ Н. Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // КС. – 1883. – Т. VII. – С. 56.

российского подданства. В этом отношении интересен рапорт генерал-майора А. О. Дебу на имя начальника Черноморской береговой линии вице-адмирала Л. М. Серебрякова от 26 ноября 1851 г. В нем указано: «Сего числа были у меня депутаты из общего собрания натухайцев, объявившие, что народ согласен принять и выполнить в ненарушимости только два первых требования Вашего Превосходительства, именно: присягнуть на верноподданство Государю императору и дать аманатов. Относительно же водворения деревнями отказались, <...> ибо при этой мере, многие должны будут бросать и уступать усадьбы и поземельные участки, приобретенные по праву наследия, и по другим между собой сделками, через что неизбежно возникнут вековые раздоры и междоусобия, могущие повлечь за собой кровомщение»¹⁰³⁶.

Вслед за появлявшимися работами военных историков информация об истории продвижения Российской империи на Кавказ стала поступать на страницы энциклопедических изданий, которые как губка «впитывали» результаты их работы¹⁰³⁷. Так, довольно подробные сведения были помещены в «Справочном энциклопедическом словаре» А. Старчевского и Л. Крайя (1847 г.) в статьях «Кавказская линия» и «Кавказский край»¹⁰³⁸. Говоря о функциональной принадлежности Кавказской линии, автор статьи отмечал, что она «имеет назначение препятствовать всяким покушениям горцев делать набеги на плоскость Кавказской области и уничтожать свободное сообщение края в горах»¹⁰³⁹. Об этой линии писали скорее как о системе вынужденных оборонительных укреплений, а не как о механизме планомерного движения России вглубь региона. В отличие от этого тезиса, военный инженер А. Ф. Сорокин кроме ее защитной функции «от грабежей и разбоев племен горцев» признавал наступательный характер

¹⁰³⁶ Копии материалов Кубанского войскового архива // ЦГИА Грузии. – Ф. 416. – Оп. 5. – Д. 18. – Л. 16.

¹⁰³⁷ См.: Максимчик А. Представления о Кавказской войне на страницах энциклопедических изданий дореволюционной России // Актуальные проблемы Кавказской войны и наследие имама Шамиля: Материалы междунар. науч. конф., 4 февраля 2012 г. – Махачкала, 2012. – С. 86-100.

¹⁰³⁸ Кавказская линия // Справочный энцикл. слов.: в 12 т. / Изд. К. Крайя. – СПб., 1847. – Т. 5. – С. 370-371; Кавказский край... – С. 371-373.

¹⁰³⁹ Кавказская линия // Справочный энцикл. слов. ... – С. 370-371.

линии в деле завоевания Кавказа¹⁰⁴⁰. В статье «Кавказский край» словаря А. Старчевского и Л. Крайя сведения из истории российско-кабардинских отношений XVI в., не только описывались, но и подвергались аналитическому осмыслению. Так, причина вступления пятигорских черкесов в 1552 г. под покровительство Ивана IV объяснялась их слабостью и невозможностью устоять перед «предприимчивыми и воинственными отдельными племенами, занимающими верховья ущелий». В условиях нестабильной ситуации в регионе события XVI-XVII вв. трактовались, как череда принесений присяги России, и, в сущности, они не могли свидетельствовать о полноценном включении этих территорий в ее состав. Данная статья позволяет также проследить процесс присоединения кавказских территории, а также причины, побудившие Россию приступить к «завоеванию» горцев. Кардинально изменило стратегию России на Северном Кавказе (от оборонительных мер к наступательным действиям), как отмечено в словаре, присоединение Восточной Грузии к России (это событие почему-то датировано 1802 г. – А. М.). В качестве причины изменения стратегии России в регионе, а также необходимости присоединения горцев к империи здесь названо то, что «прочное утверждение русского владычества в Грузии, и самое ограждение этого края от вторжения горцев с одной стороны, персиян и турков с другой, требовали неизбежного, надежного и по возможности безопасного сообщения, сухим путем, между Кавказской линией и Закавказским краем»¹⁰⁴¹.

Активность действий России в горах Кавказа и их результативность в 1840-е гг. (т.е. на момент написания статьи) позволили автору сделать вывод о том, что «в настоящее время можно вполне рассматривать весь Кавказский край как часть Российской империи, совершенно слитую с остальной массой ее территории. Беспокойные племена состоят теперь внутри государства, окруженные со всех сторон частями края, занятыми русскими войсками и крепостями»¹⁰⁴². Этот вывод не соответствовал «Атласу

¹⁰⁴⁰ Сорокин А. Ф. Руководство к расположению и построению временных укреплений на Кавказе. – СПб., 1844. – С. 3.

¹⁰⁴¹ Кавказский край // Справочный энцикл. слов. ... – С. 372.

¹⁰⁴² Там же. – С. 373.

Российской империи» 1835 г., который дал четкое представление о границах империи и подвластных ей территориях. На карте «Кавказская губерния» можно увидеть, что она совпадает с Кавказской линией. На ней отмечены «владения горских народов» и «Дагестан», которые не входят в состав России¹⁰⁴³.

В 1854 г. впервые в «Военном энциклопедическом лексиконе» была помещена объемная статья А. П. Карбанова (более 50 страниц) под названием «Кавказские войны»¹⁰⁴⁴. В этот термин автор вкладывал многовековую историю российско-кавказского противостояния, начиная с похода Святослава Игоревича к ясам (осетинам) и косогам (черкесам) в 968 г. до захвата аула Гергебиль в 1848 г. отрядом под командованием князя М. З. Аргутинского-Долгорукова. Отличительной особенностью статьи было отведение ее значительной части (четверть текста) описанию деятельности генерала А. П. Ермолова на Кавказе, поскольку с его правлением связывалось усмирение северокавказских горцев и «водворение спокойствия в наших Кавказских владениях». При чтении статьи невольно бросаются в глаза выражения, употребляемые в тексте и выступающие в качестве синонимов: Кавказ – «наши владения»; горцы – «мятежники» или «злумышленники»; аулы – «непокорные селения» или «убежища хищников», военная операция – «наказание» и т.д. Кавказские войны, в понимании А. П. Карбанова, скорее напоминали усмирение внутригосударственных восстаний или бунтов, чем открытый затяжной внешний военный конфликт. В целом показ Кавказской войны в данной статье был пропитан духом времени ее написания. Насилие, применяемое для усмирения горцев, по мнению автора, было оправдано и не вызывало сомнения в его применении. Определенным новшеством, используемым авторским коллективом «Военного лексикона», стало помещение в конце статьи краткой библиографии по теме, что говорило о постепенном складывании в исторической науке источниковой и историографической базы в раскрытии понятия «Кавказские

¹⁰⁴³ Атлас Российской Империи, содержащий в себе 51 губернию, 4 области, Царство Польское и Княжество Финляндское [Жарты]. – СПб., 1835.

¹⁰⁴⁴ А. П. К. Кавказские войны // Воен. энцикл. лексикон: в 14 т. – СПб., 1854. – Т. 6. – С. 601-653.

войны» с целью последующего углубленного изучения. В списке были приведены работы И. Л. Дебу, П. П. Зубова, Д. А. Милютина, а также реляции и приказы, помещенные в периодической печати.

Заложив прочную фактографическую основу в изучение проблемы присоединения Северного Кавказа к России, историки характеризуемого периода обращались к поиску начальных дат российско-горского противостояния. Несмотря на то, что большинство исследователей склонялось к 1801 г. – дате присоединения Восточной Грузии к России, существовали и другие мнения. Редактор газеты «Кавказ» О. И. Константинов считал, что началом силового этапа присоединения региона являлось основание в 1763 г. крепости Моздок¹⁰⁴⁵. В книге «Жизнь Шамиля имама Чечни и Дагестана» начало военных действий на Кавказе рассматривается с проповедей Шейха Мансура (1780-е гг.), когда «кавказцы стали питать фанатическую ненависть к русским. Чеченцы, находившиеся прежде в дружественных сношениях с казаками, начали производить непрерывные набеги на их земли; примеру чеченцев последовали и другие горские народы; даже кабардинцы, бывшие до сих пор верными России, предались разбойничьему промыслу»¹⁰⁴⁶. Известный ориенталист А. П. Берже называл дату 1829 г. – заключение Адрианопольского мира, «когда мы потребовали от черкес покорности и повиновения, они вздумали отстаивать свою свободу», что привело к началу «кровопролитной войны с закубанцами»¹⁰⁴⁷.

Сведения по истории российско-кавказских отношений помещались в периодических изданиях (газетах и журналах), которые являлись основным каналом получения российской общественностью информации о событиях на Северном Кавказе. С 1801 г. сообщения о Кавказе в российских газетах приобретают

¹⁰⁴⁵ Константинов О. Указ. соч. – С. 51.

¹⁰⁴⁶ Жизнь Шамиля имама Чечни и Дагестана на Кавказе: Извлеч. из достовер. источников. – 1-е изд. – М., 1860. – С. 41.

¹⁰⁴⁷ Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 год. – Тифлис, 1857. – С. 281.

регулярный характер¹⁰⁴⁸. В конце 1850-х гг. число местных газет и журналов на Кавказе достигло 30 наименований, в которых публиковались материалы по истории и культуре горцев¹⁰⁴⁹.

С 1845 г. в Тифлисе ежегодно стал выходить «Кавказский календарь». На его страницах помещались работы по истории кавказского края¹⁰⁵⁰. С января 1846 г. началось издание в Тифлисе политической и литературной газеты «Кавказ». Своей целью она ставила знакомство читателей «с любопытнейшим краем, еще находящимся почти в младенческом состоянии и малоизвестным». На ее страницах также помещались статьи и заметки об истории российско-кавказских отношений¹⁰⁵¹. Так, первоначально известный труд кабардинского историка и филолога Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа» был опубликован в отдельных отрывках под названием «О Кабарде» в газетах «Закавказский вестник» (1847 г.) и «Кавказ» (1849 г.), а в 1861 г. А. П. Берже опубликовал его полностью¹⁰⁵². Как исследователь, мировоззрение которого сформировалось под влиянием российской науки и культуры, Ш. Б. Ногмов рассматривал историю российско-адыгских политических отношений XVI-XVIII вв. с пророссийских позиций. Принятие российского подданства черкесами в 1557 г. он называл союзом, поскольку видел в нем основы закладывавшегося единства русского и адыгского народов против их внешних врагов¹⁰⁵³.

С публикаций историко-этнографических статей в газете

¹⁰⁴⁸ Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. – М., 1973. – С. 10.

¹⁰⁴⁹ Дамения И. Х. Историография истории народов Кавказа XIX – начала XX вв. – СПб., 1996. – С. 15.

¹⁰⁵⁰ Константинов О. Указ. соч.; Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе ...; История адыгейского народа / Сост. по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым; Напеч. с подлинной, испр. рукописи и доп. предисл., биогр. авт., примеч. и прил. Ад. Берже // КК на 1862 год. – Тифлис, 1861. – С. 3-176.

¹⁰⁵¹ М. Горские народы, состоящие в ведении Черноморской Кордонной линии, которые принесли покорность России до 1838 г. // Кавказ. – 1858. – 7 дек. – С. 2. Хицуков П. Сношения России с северной частью Кавказа // Кавказ. – 1846. – 20 апр. – С. 2.

¹⁰⁵² История адыгейского народа ...

¹⁰⁵³ Там же. – С. 108.

«Кавказ» начал свою научную деятельность другой известный адыгский историк Султан Хан-Гирей. В 1836 г. он «по высочайшему повелению» выполнял особое поручение в качестве посланника от царя к горцам с целью убедить их «принести изъявление покорности» России¹⁰⁵⁴. Тогда же по заданию Военного министерства он составил сочинение «Записки о Черкесии» (работа была опубликована в 1978 г.)¹⁰⁵⁵. Оба историка выступали за единение с Россией, видя в ней будущие перспективы развития своих народов. Их научная деятельность заложила основы местного национального кавказоведения.

Периодические издания стали также появляться и при создаваемых филиалах научных учреждений. Еще в 1850 г. в Тифлисе был основан Кавказский отдел Императорского Русского географического общества. В 1852 г. он стал издавать свои «Записки». В издании помещались материалы не только по географии, топографии и статистике, но также и по истории¹⁰⁵⁶. В 1865 г. на страницах «Географическо-статистического словаря» в статье «Кавказ» авторы подготовили исторический экскурс присоединения горцев к России. Война географически локализовалась с территорией проживания северокавказских горцев, что представляло собой новую точку зрения в намечавшемся процессе ее выделения из массы конфликтов, происходивших на Кавказе в разное время¹⁰⁵⁷.

В условиях, когда почти вся первая половина XIX в. прошла под знаком открытых военных действий в горах Кавказа, осмыс-

¹⁰⁵⁴ «Старайтесь убедить их, что сии агенты суть бродяги». Неизвестные документы Хан-Гирея / Публ. В. Захарова // Источник. Док. рус. истории. – 2003. – № 2. – С. 37.

¹⁰⁵⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии / Вступ. ст. и подгот. текста к печ. В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. – Нальчик, 1978.

¹⁰⁵⁶ Свечин Д. Очерк народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев // Зап. Кавк. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. – 1853. – Кн. 2. – С. 59-67; Венюков М. И. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации русскими в 1841, 1860 и 1863 гг. // Зап. Кавк. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. – 1864. – Кн. I. – С. 1-95; Дьячков-Тарасов А. Н. Абадзехи: Ист.-этнограф. очерк // Зап. Кавк. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. – 1902. – Кн. 22. – Вып. 4. – С. 2-51.

¹⁰⁵⁷ Кавказ // Географическо-статистический слов. Рос. империи / Сост. по поручению Рус. геогр. о-ва П. Семенов, при содействии В. Эверинского, Н. Филиппова и Р. Мака: в 5 т. – СПб., 1865. – Т. II. – С. 405.

ление проблемы присоединения Северного Кавказа к России значительно обогатилось. Интенсивность, характер и направления исследований в этот период определялись как внутренней логикой развития самой исторической науки, так и внешними условиями ее существования. В работах историков делалось мало теоретических обобщений, в виду размытости и нечеткости рамок предмета исследования ученым не удавалось создать целостную картину процесса присоединения, выявить его закономерности, основные этапы и особенности. В то же время они усиленно пытались фиксировать динамику этапов российско-кавказских отношений. В 1810-1850-е гг. работы, как правило, представляли собой результат непосредственных авторских наблюдений, имевших научно-исследовательский характер в виду изучения и использования архивных и печатных материалов. Характерной особенностью изложения был показ истории российского наступления на Кавказ в контексте решения империей ее внешнеполитических задач.

Таким образом, в первой половине XIX в. процесс складывания историографической традиции продолжался, что нашло свое выражение в деятельности академических экспедиций, научно-исследовательской работе военных офицеров и историков-любителей. Это позволило прочно включить историю Северного Кавказа в круг научных интересов и расширить проблематику российской исторической науки в целом.

2.3. Изучение процесса присоединения Северного Кавказа к России во второй половине XIX – начале XX в.: институализация концепций и подходов

Конец 1850 – начало 1860-х гг. был ознаменован окончанием организованного сопротивления горцев на Северо-Восточном (1859 г.) и Северо-Западном Кавказе (1864 г.). Завершение силового этапа присоединения позволило исследователям очертить границы этого процесса, смоделировать хронологический каркас и осмыслить природу его амплитудных колебаний, проана-

лизировать причины продолжительности конфликта и дать им оценку.

Во второй половине XIX в. российские властные структуры и местная кавказская администрация были крайне заинтересованы в наращивании комплекса мероприятий в регионе, направленных на его более углубленную интеграцию в правовые, социально-экономические и культурные традиции империи. Их эффективность во многом зависела от получения и использования качественных знаний по истории и этнографии северокавказских народов.

Первостепенность роли армии в процессе присоединения Северного Кавказа к России обусловило то, что в основание этой платформы была заложена военная составляющая процесса, оказавшая в последующем значительное влияние не только на дальнейшее развитие кавказоведения, но и на сам подход к изучению истории региона в целом¹⁰⁵⁸. Это привело к доминированию в практической работе историков военного нарратива, где основной осью повествования стала Кавказская война, т.е. история реализации физического этапа присоединения Северного Кавказа к России.

Первым шагом по воплощению программы стала задача обеспечения исследователей источниковедческим материалом, для чего необходима была организация соответствующих учреждений, которые смогли бы провести систематический разбор обилия сохранившихся архивных дел, отражавших процесс присоединения Кавказа, с последующим выявлением и введением в научный оборот источникового материала. По этому поводу военный историк Р.А. Фадеев писал, что «для истории такого долгого и сложного периода нужна предварительная разработка материалов, заваливших в продолжение шестидесяти лет многие архивы»¹⁰⁵⁹. В связи с этим уровень и качество исследовательской работы был крайне неудовлетворительными. В 1860 г. полковник

¹⁰⁵⁸ Гагагова Л. «Покой, тишина и умиротворение». Образы Кавказа и Кавказской войны в русском общественном сознании // Родина. – 2012. – № 1. – С. 119.

¹⁰⁵⁹ Фадеев Р.А. Кавказская война: [сб.] / [вступ. ст. Е. Ф. Морозова, С. М. Сергеева] – М., 2005. – С. 34.

Генерального штаба Д. И. Романовский, выступая с публичными лекциями по истории российско-кавказских отношений, с разочарованием отмечал, что «полного систематического описания ни Кавказского края, ни его истории, ни войны, которую наше правительство ведет на Кавказе, по настоящее время вовсе нет»¹⁰⁶⁰. Участник Кавказской войны генерал Г. И. Филипсон в своих воспоминаниях также подчеркивал, что в Петербурге «незнание Кавказа доходило до смешного»¹⁰⁶¹. На это обстоятельство при подготовке программы занятий по историографии кавказских казачьих войск обращал внимание и военный историк И. Д. Попко, который писал, что представление о последовательной колонизации Северного Кавказа Россией есть «предмет в высшей степени интересный и до сих пор еще весьма мало разработанный»¹⁰⁶².

Большую работу по источниковедческой эвристике в 1860-1890-е гг. провели историки-архивисты С. А. Белокуров, А. А. Цагарели, М. И. Броссе, Т. П. Юзефович¹⁰⁶³. В 1869 г. совместными усилиями академиков А. А. Куника и М. И. Броссе был издан трехтомный труд ранее умершего академика П. Г. Буткова, в котором было использовано обилие архивных документов по истории российско-кавказских отношений XVII-XVIII вв.¹⁰⁶⁴ Однако решение общегосударственной задачи на уровне отдельных инициатив не могло в полной мере удовлетворить растущие запросы местной администрации. Начальник Главного управления наместника на Кавказе А. П. Николаи 16 февраля 1864 г. подготовил на имя наместника – великого князя Михаила Нико-

¹⁰⁶⁰ Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война... – С. 4.

¹⁰⁶¹ Осада Кавказа: Воспоминания участников Кавк. войны XIX в. / [Сост., подгот. и авт. вступ. ст. Я. Гордин]. – СПб., 2000. – С. 100.

¹⁰⁶² Программа занятий генерал-майора И. Попко по историографии кавказских казачьих войск (14-19 апр. 1874 г.) // РГИА. – Ф. 866. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 3.

¹⁰⁶³ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. – М., 1889. – Вып. 1; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.: в 3 ч. / Под ред. А. А. Куника, М. И. Броссе. – СПб., 1869; Цагарели А. А. Сношения России с Кавказом в XVI-XVIII столетиях. – СПб., 1891; Юзефович, Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. – СПб., 1869.

¹⁰⁶⁴ Бутков П. Г. Указ. соч.

лаевича – записку, в которой отмечал: «не без основания по сие время раздаются у нас жалобы на недостаток сведений об этой обширной и разнохарактерной части нашего отечества, сведений серьезных, добытых из официальных актов, которые во всех образованных странах считаются достоверными источниками»¹⁰⁶⁵. С целью исправления сложившегося положения он предложил организовать в Тифлисе Кавказскую археографическую комиссию (КАК), результаты деятельности которой послужили бы «богатым источником всевозможных сведений по развитию в здешнем крае гражданского управления и постепенного присоединения к России разных владений, образовавших собою Кавказское Наместничество в нынешних его пределах»¹⁰⁶⁶.

В апреле 1864 г. наместник утвердил штат комиссии, и она приступила к исполнению своих обязанностей. На нее возлагались две основные задачи: тщательный разбор архивных документов «любопытных в каком-либо отношении» с целью их обнародования и составление подробного исследования о постепенном развитии в Кавказском крае гражданского управления под российским владычеством. Председателем комиссии был назначен востоковед А. П. Берже. В состав КАК в качестве переводчиков вошли майор М. Ф. Ахундов, историк и археограф Д. З. Бакрадзе, сотрудник газеты «Кавказ» Н. Г. Берзенов и начальник архива Главного управления кавказского наместника И. М. Ныркоу. С 1884 г. постоянным членом комиссии был также археограф Д. А. Кобяков, который после смерти А. П. Берже возглавил работу комиссии¹⁰⁶⁷ (в последующем на посту председателя КАК были Е. Д. Фелицын, Д. Н. Михайлов, Г. Н. Прозрителев).

За 40 лет работы комиссии (1864-1904 гг.) было издано 12 томов, содержащих в себе 16057 документов по истории российско-кавказских отношений XIV-XVIII вв. и российского управле-

¹⁰⁶⁵ Предписание наместника Кавказского об учреждении Кавказской археографической комиссии при Главном Управлении // ЦГИА Грузии. – Ф. 416. – Оп. 3. – Д. 560. – Л. 1.

¹⁰⁶⁶ Там же. – Л. 3.

¹⁰⁶⁷ Корнева И. И. История археографии в дореволюционной России: Учеб. пособие / [Под ред. М. С. Селезнева]. – М., 1969. – С. 146.

ния краем (в 1799-1862 гг.)¹⁰⁶⁸. Значительная стоимость издания «Актов» неоднократно ставила вопрос о прекращении деятельности КАК, что негативно сказывалось на подготовке к изданию XIII тома, охватывающего время управления Кавказским краем великим князем Михаилом Николаевичем. В конце 1912 г. закончился срок ассигнования деятельности комиссии, что привело к временному приостановлению ее работы и передаче всех дел в канцелярию наместника. Со слов председателя комиссии Д. Н. Михайлова, материалы для XIII тома «Актов» уже были подготовлены к печати, оставалось только заплатить за бумагу¹⁰⁶⁹. Несмотря на то, что 4 июля 1913 г. Николай II утвердил постановление об отпуске финансовых средств на содержание КАК еще на 10 лет, XIII том так и не был напечатан¹⁰⁷⁰. Согласно материалам ЦГИА Грузии, где хранятся документы о деятельности комиссии, а также и неопубликованный том «Актов», основными причинами, не позволившими опубликовать издание, стали: излишняя перегруженность издания, в результате чего необходимо было проводить тщательную редакторскую работу с целью его сокращения путем выявления уже опубликованных документов в других изданиях; военные действия на Кавказе в связи с началом Первой мировой войны¹⁰⁷¹. В целом, следует отметить огромный вклад КАК на последующее развитие российского кавказоведения.

Не менее значимым звеном в создании источниковедческой инфраструктуры была деятельность Военно-исторического от-

¹⁰⁶⁸ Об ассигновании кредита на содержание в 1907 г. Кавказской археографической комиссии: В Совет министров. – [СПб., 1907]. – С. 4.

¹⁰⁶⁹ О приостановлении действий Кавказской археографической комиссии и сдаче в архив всех ее дел, материалов и актов // ЦГИА Грузии. – Ф. 13. – Оп. 3. – Д. 1234. – Л. 2.

¹⁰⁷⁰ О восстановлении деятельности Кавказской археографической комиссии // ЦГИА Грузии. – Ф. 13. – Оп. 3. – Д. 1235. – Л. 1.

¹⁰⁷¹ Максимчик А. Н. Нереализованный проект начала XX в.: история подготовки к изданию XIII тома Актов Кавказской археографической комиссии // Ист. документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени / Сб. тез. докладов участников Третьей междунар. конф. молодых ученых и специалистов «Сюю – 2013»; [отв. ред. С. А. Котов]. – М., 2013. – С. 294.

деления (с 1887 г. – отдела) при штабе Кавказского военного округа, образованного 16 января 1880 г. ВИО предназначался для «собирания и издания материалов для истории Кавказской войны и истории частей войск Кавказской армии; разбор архивов Кавказского военного округа»¹⁰⁷². Его сотрудники должны были издавать ежегодный «Кавказский сборник» и организовать в Тифлисе деятельность Кавказского военно-исторического музея (КВИМ). Начальником ВИО был назначен полковник И. С. Чернявский. Сотрудники ВИО выявляли архивные документы по военной истории Кавказа во многих населенных пунктах региона (Тифлис, Моздок, Ставрополь, Кизляр, Владикавказ, Георгиевск, Темир-хан-Шура, Грозный, Екатеринодар) и выступали с идеей концентрации всех документов в одном учреждении в Тифлисе – военно-историческом архиве при штабе Кавказского военного округа (он так и не был создан). С целью предварительного разбора архивных дел и приведения их в порядок на местах создавались комиссии из офицеров Главного штаба, не всегда обладавших навыками работы с архивными документами. В докладе от 3 марта 1900 г. начальника ВИО (с 1899 г.) В. А. Потто на имя окружного начальника штаба генерал-лейтенанта Н. Н. Белявского констатировалось, что результатом работы этих комиссий явилось «отчасти полное истребление, а отчасти хаотическое состояние архивов края»¹⁰⁷³. В качестве примера он привел Ставропольский архив, где было сконцентрировано около 200 тыс. дел. Комиссией были оставлены только 6190 архивных единиц, а остальные 181672 – уничтожены¹⁰⁷⁴.

За годы своего существования Военно-историческим отделом было опубликовано 32 тома «Кавказского сборника» (1876–1912), издано четыре из планировавшихся 15 томов «Исторического очерка Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии» (Тифлис, 1899), два тома «Памятников времен утверждения рус-

¹⁰⁷² Об учреждении Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 22 об.

¹⁰⁷³ Доклад по военно-историческому отделу при Штабе Кавк. воен. окр. В. А. Потто Нач. Штаба Кавк. воен. окр. от 3 марта 1900 г. – [Тифлис], 1900. – С. 2.

¹⁰⁷⁴ Там же. – С. 2.

ского владычества на Кавказе» (Тифлис, 1906-1909), более 30 описаний боевой жизни частей войск Кавказского военного округа и огромное количество статей в периодических изданиях. В стенах отдела была подготовлена и выращена целая плеяда известных историков-кавказоведов (В. А. Потто, С. С. Эсадзе, А. Л. Гизетти, В. И. Томкеев), внесших ценный вклад в изучение проблемы присоединения Северного Кавказа к России¹⁰⁷⁵.

Сотрудниками отдела была подготовлена научная концепция КВИМ, в стенах которого была увековечена память о подвигах российской армии на Кавказе в XVIII-XIX вв. и ее роль в расширении империи не только за счет Кавказа, но и Центральной Азии. 1 марта 1906 г. музей перешел из подчинения инженерного ведомства округа в руки сотрудников ВИО. И уже 11 февраля 1907 г. распахнул свои двери для посещения публики. На сегодняшний день музей не сохранился: в связи с началом Первой мировой войны музейный фонд (1060 предметов) в 1915 г. был эвакуирован в г. Ставрополь. Последовавшие за войной революционные потрясения и Гражданская война подвели итоговую черту под его деятельностью¹⁰⁷⁶.

ВИО выступал также в роли организатора ряда торжественных мероприятий, целью которых было ознаменование юбилейных дат по случаю 50-летия покорения Северо-Восточного (1909 г.) и Северо-Западного (1914 г.) Кавказа¹⁰⁷⁷. В 1913 г. начальник отдела С. С. Эсадзе подготовил сценарий для съемок исторической хроники «Покорение Кавказа», где с документальной

¹⁰⁷⁵ Максимчик А. Н. Присоединение Северного Кавказа к Российской империи: историографические итоги дореволюционного этапа изучения // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – 2012. – Вып. 7. – С. 290.

¹⁰⁷⁶ Максимчик А. Н. Кавказский военно-исторический музей. История и судьба уникального музейного собрания // КС. – 2015. – Т. 9. – С. 262-292.

¹⁰⁷⁷ См.: О праздновании 50-ти летнего юбилея покорения Восточного Кавказа 25 августа 1909 г. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 1. – Д. 170; О праздновании 50-ти летнего юбилея покорения Западного Кавказа 21 мая 1914 г. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 1. – Д. 208; Походной канцелярии журнал // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 1. – Д. 171.

точностью были инсценированы эпизоды из истории присоединения Северного Кавказа к России¹⁰⁷⁸.

Параллельно с масштабными работами по наполнению документальных лакун и включению в научный оборот обилия архивных документов активно шел процесс организации научно-исследовательских учреждений, где изучался источниковый материал, генерировались и апробировались идеи и концепции исследователей по истории Северного Кавказа. С 1868 по 1881 гг. при Кавказском горском управлении в Тифлисе издавался «Сборник сведений о кавказских горцах», редактором которого был кавказовед Н. И. Воронов. При управлении Кавказского учебного округа издавалось серийное издание – «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». С 1881 по 1915 гг. было опубликовано 44 тома. На страницах этих изданий печатался историко-этнографический материал, в котором отражалась и злободневная проблема присоединения горцев к России¹⁰⁷⁹. Так, в статье «Ингуши» этнограф Н. Ф. Грабовский подчеркивал, что главной целью российско-ингушского договора, заключенного 22 августа 1810 г. между шестью ингушскими фамилиями и комендантом крепости Владикавказ генералом И. П. Дельпоццо, было не принятие их в «совершенное верноподданническое состояние», а разрыв вассальной зависимости ингушей от кабардинских князей и прекращение уплаты им дани¹⁰⁸⁰. Особый интерес представляет другая статья исследователя – «Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость». Необычной была формулировка, использованная автором во второй части названия. Это говорило о том, что Н. Ф. Грабовский не рассма-

¹⁰⁷⁸ Инсценировка картины «Покорение Кавказа» и военная кинематография // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 1. – Д. 209; Вишневыский В. Е. Художественные фильмы дореволюционной России: (фильмографическое описание): [Справочник]. – М., 1945. – С. 32.

¹⁰⁷⁹ См: Грабовский Н. Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. – 1876. – Вып. IX. – С. 1-111; Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // ССКГ. – 1876. – Вып. IX. – С. 112-212; Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. – 1872. – Вып. VI. – С. 1-62; Сысоев В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. – 1913. – Вып. 43. – С. 1-156.

¹⁰⁸⁰ Грабовский Н. Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) ... – С. 2.

тривал вооруженные события на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв. в формате «подданный – монарх», как делало большинство историков, а придерживался версии о «физическом» завоевании империей независимой территории. Значительное внимание этнограф уделит юридическому статусу российско-кабардинских отношений. Он писал, что «несмотря на установившиеся таким образом дружественные отношения между кабардинцами и русскими, отношения эти были чисто фиктивного свойства; общей и прочной связи не существовало между этими народами: ни язык, ни религия, ни народные интересы не имели между собой ничего общего <...> о торговой и промышленной связи не могло быть и речи»¹⁰⁸¹. В понимании исследователя, российско-кабардинские отношения XVI-XVII вв. следует рассматривать как отношения равноправных союзников. «Кабардинцы стояли на стороне последней [России – А. М.] совершенно добровольно и оказывали помощь русским из простого чувства дружелюбия, не требуя за это никакого возмездия и даже не пользуясь, в свою очередь, в трудных обстоятельствах ... помощью со стороны русских войск», – подчеркивал автор¹⁰⁸². Этнограф акцентировал внимание на том, что сами кабардинцы никогда не считали себя российскими подданными, а двусторонние отношения со времен Ивана IV называли «куначескими». Сам автор пояснил смысл этого понятия: «в раннее время кунаками назывались сильные и влиятельные люди или целые племена, под покровительство и защиту которых отдавались наиболее слабые»¹⁰⁸³.

Версия о заключении равноправного союза, а не вступлении кабардинцев в российское подданство явилась качественно новым шагом в историографии проблемы присоединения горцев к России. Значительные изменения в российско-кабардинских отношениях, по мнению Н. Ф. Грабовского, произошли после заключения Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.), в результате которого российская внешняя политика по отношению к Кабар-

¹⁰⁸¹ Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды ... – С. 116.

¹⁰⁸² Там же. – С. 118.

¹⁰⁸³ Там же. – С. 152-153.

де была переведена на завоевательные «рельсы»¹⁰⁸⁴. Признание насильственного характера присоединения не мешало автору утверждать, что этот акт имел прогрессивное значение для Кавбарды, но только с точки зрения перспектив дальнейшего социально-экономического развития региона.

Значительное влияние на концептуальное видение проблемы присоединения иноэтничных территорий к России во второй половине XIX в. оказали работы С. М. Соловьева и В. О. Ключевского – видных российских историков. Они, как и большинство других представителей «государственной» школы русской историографии, традиционно писали «русскую», а не «российскую» историю, где эпизодические сюжеты истории национальных регионов придавали истории России «национальный» колорит¹⁰⁸⁵. В своих трудах они не подвергали специальному изучению проблему роли и места Кавказа в истории России, исторических связей народов региона и их включение в состав империи, но пытались сформулировать универсальную формулу, объясняющую причины роста государства за счет иноэтничных территорий. В ее основе лежал тезис о жизненной необходимости государственного «организма» к установлению стабильной «естественной» границы своих рубежей, которые могли бы его защитить от внешней угрозы. С. М. Соловьев озвучил версию о том, что основной причиной русской колонизации являлась исконная «борьба леса со степью», «борьба с азиатами», итогом которой должно было стать обретение своих «естественных границ». Содержание этой наступательной программы было оформлено задолго до оформления Российской империи и хронологически относится к XVI в., когда Кавказские горы стали рассматриваться как естественный барьер против агрессии извне, как форпост безопасности южных границ государства. С. М. Соловьев писал: «Еще с XVI века, когда русские границы достигли устьев Волги через покорение Астрахани, Россия, волею-неволею, должна

¹⁰⁸⁴ Там же. – С. 125.

¹⁰⁸⁵ Шеуджен Э. А. Кавказская война в пространстве исторической памяти: к 145-летию окончания Кавказской войны. – Майкоп, 2009. – С. 29.

была вмешиваться в дела кавказских народов»¹⁰⁸⁶. В статье «Петр Великий на Каспийском море» историк подытожил историографический опыт описания истории российско-кавказских взаимоотношений и пришел к выводу о том, что основными факторами продвижения России на Кавказ были *политические* (геополитические интересы России с целью недопущения усиления магометанского влияния в регионе, стремление горских князей к установлению прочных связей с северным соседом), *торговые* (утверждение российской монополии на транзитную торговлю между Балтийским и Каспийским морями) и *религиозные* (защита единоверных христианских народов на Кавказе и их церковных ценностей).

Вопросы причин и путей расширения Российской империи были развиты В. О. Ключевским. По его мнению, к концу XVIII в. «естественным» рубежом России стал Кавказский хребет. Однако отсутствие стабильных «плотных политических обществ» (потестарных государственных образований на Северном Кавказе), не имеющих сил для сдерживания российской колонизации, стало главной причиной, заставившей Россию «перешагнуть» за него¹⁰⁸⁷. При этом В. О. Ключевский видел в этом шаге случайный, но судьбоносный характер, трансформировавшийся с силу необходимости практического доказательства своего международного статуса – защитника очагов христианской веры в Закавказье. В этой ситуации, как писал историк, России «волей-неволей» пришлось принять завещание грузинского царя Георгия XII о вступлении государства в российское подданство, но при этом получить «воинственный» тыл, который необходимо было обезопасить путем его усмирения¹⁰⁸⁸. Это и стало основной причиной присоединения региона, зафиксированного итогами Кавказской войны. Отметим, что завоевательный характер присоединения горцев к России признавал

¹⁰⁸⁶ Соловьев С. М. Петр Великий на Каспийском море // Чтения и рассказы по истории России / Сост. и вступ. ст. С. С. Дмитриева; коммент. С. С. Дмитриева, Л. П. Дойниковой. – М., 1989. – С. 695.

¹⁰⁸⁷ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. / [Под ред. В. Л. Янина. – М., 1987-1989. – Т. 5. – С. 177.

¹⁰⁸⁸ Ключевский В. О. Указ. соч. – С. 178.

также видный российский социолог и культуролог Н. Я. Данилевский, который сравнивал завоевание с «политическим убийством» и подчеркивал, что эти территории «через это только выиграли»¹⁰⁸⁹.

При анализе терминологической базы исследований, посвященных проблеме правовых взаимоотношений России и горцев Северного Кавказа в XVI-XVIII вв., а также времени присоединения Кавказа к империи, следует особое внимание обратить на идеи юриста и публициста В. М. Гессена. В 1909 г. в Санкт-Петербургском университете он защитил диссертацию «Подданство, его установление и прекращение», где значительное внимание уделил генезису употребления термина «подданство» в истории России¹⁰⁹⁰. В. М. Гессен писал, что для России XVI-XVIII вв. принятие подданства ассоциировалось в первую очередь с крещением в православную веру¹⁰⁹¹, что для анализа истории российско-северокавказских взаимоотношений не является характерным в виду отсутствия документальных подтверждений. По мнению автора, под «присягой на верность» следует понимать присягу на верность службе, носившей временный характер, а не принятие российского подданства¹⁰⁹². Приведенные наблюдения исследователя подвели итоговую черту, под укрепившейся в историографии тенденцией, отрицавшей присоединение горцев к России на основании принятия ими подданства.

На фоне активного процесса введения в научный оборот архивного материала по проблеме утверждения российского владычества на Кавказе продолжалась научно-исследовательская работа по углубленному изучению истории взаимоотношений горцев с Россией и процесса их включения в состав империи. В 1860-1910-е гг. историография обогатилась трудами историков Д. И. Романов-

¹⁰⁸⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М., 2008. – С. 35, 51-52.

¹⁰⁹⁰ Гессен В. М. Подданство, его установление и прекращение – СПб., 1909. – Т. I.

¹⁰⁹¹ Гессен В. М. Указ. соч. – С. 203.

¹⁰⁹² Там же. – С. 218.

ского, Р. А. Фадеева, Н. Ф. Дубровина, И. С. Чернявского, В. А. Потто, И. Д. Попко, Г. Н. Казбека, К. С. Соловьева, Е. Г. Вейденбаума, Г. Н. Прозрителева, Ф. А. Щербины, И. В. Бентковского и др.¹⁰⁹³ В абсолютном своем большинстве их работы имели описательный характер, отличались детализацией фактографической картины военных действиях российских войск на Кавказе, что хорошо видно на примере структуры подготовленного в 1901 г. библиографического указателя А. Л. Гизетти¹⁰⁹⁴. В ее состав входили разделы, посвященные «кавказско-горской войне» (термин автора), разделенной на ряд этапов в соответствии с устоявшейся периодизацией конфликта; разделы по истории российско-турецких/персидских войн, истории участия кавказских казачьих войск в покорении Кавказа, а также биографии и жизнеописания выдающихся российских военачальников на Кавказе. Отдельная рубрика была посвящена истории российско-кавказских отношений XVIII в., истории возникновения мюридизма на Кавказе и его руководителям.

¹⁰⁹³ См.: Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. (1842–1867): в 2 ч. – СПб., 1879; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. – СПб., 1871–1888; Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды: Исследования и заметки. – Тифлис, 1901; Историко-статистическое обозрение распространения русского владычества и колонизации на Северном Кавказе. Оттиски статей Бентковского, помещенных в газете «Ставропольские губернские ведомости» за 1875 и 1876 гг. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 2. – Д. 220; Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии: К столетию занятия Тифлиса рус. войсками 26 нояб. 1799 г. / Под ред. В. А. Потто. – Тифлис, 1899; Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской обл.: в 2 ч. – Тифлис, 1888; Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен: Ист. очерк. – СПб., 1880. – Вып. 1; Потто В. А. Кавказская война: в 5 т. – Ставрополь, 1994. – 5 т.; Прозрителев Г. Шейх Мансур: (Материалы для истории Кавк. войны). – Ставрополь, 1912; Романовский Д. И. Указ. соч.; Соловьев К. С. Военное обозрение Дагестанской обл.: в 2 вып. – Тифлис, 1887. – Вып. 1; Фадеев Р. А. Кавказская война: [сб.] / [вступ. ст. Е. Ф. Морозова, С. М. Сергеева] – М., 2005. Чернявский И. С. Кавказ в течение 25-летнего царствования государя имп. Александра II. 1855–1880: Ист. очерк. – СПб., 1898; Щербина А. Ф. Очерки борьбы русских с черкесами: Ист. очерки. – Екатеринодар, 1912. – Вып. 1; Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом: в 2 т. – Тифлис, 1907; Эсадзе С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. – Тифлис, 1913; Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля: Ист. очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. – Тифлис, 1909; Эсадзе С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. – Майкоп, 1993.

¹⁰⁹⁴ Гизетти А. Указ. соч.

В большинстве исторических работ исследователи обосновывали идею необходимости и неизбежности завоевания Северного Кавказа, подчеркивая исторически сложившиеся приоритеты политических целей и задачи российской геополитики¹⁰⁹⁵. Так, Р. А. Фадеев в исследовании «Шестьдесят лет Кавказской войны» указывал, что «для России кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское. Занятие этого края было первой государственною необходимостью»¹⁰⁹⁶. В начале XX в. другой известный специалист в области российско-кавказских отношений С. С. Эсадзе писал, что «распространение пределов империи к Черному и Каспийскому морям было естественным стремлением славянского племени к соединению в сильное государство в пределах, указываемых его географическим положением»¹⁰⁹⁷.

Однако существовало и другое мнение, озвученное В. О. Ключевским, которое трактовало присоединение региона к России как непреднамеренный процесс, как цепь случайных событий. В попытке найти ответ на вопрос – было ли присоединение Грузии результатом завоевательных планов России – А. П. Берже откровенно писал, что «всякое движение вперед, всякий шаг далее к югу, к Кавказским горам, вовсе не был исполнением политической программы, преподанной свыше, а вызывался случайными событиями, совершившимися в сопредельных странах и дипломатия, отставая от хода дел, только давала санкцию уже свершившему-

¹⁰⁹⁵ Вейденбаум Е. Г. Указ. соч. – С. 196; Вишняков Е. П. Кавказ и Кавказская война: Чтение для народа, избр. комис. для печати из числа произнес. в Соляном городке. – СПб., 1874. – С. 6-7; Иванин И. Кавказская война и ее герои: Очерки покорения Кавказа. – М., 1904. – С. 3-4; Литвинов М. Кавказ: Пособие для изучения воен. географии России. – СПб., 1883. – С. 26; Острогорский М. Завоевание Кавказа. (1801–1864): Рассказ из отеч. истории. – 2-е изд. – СПб., 1880. – С. 30; Риттих А. Ф. Умиротворение Кавказа. – СПб., 1906. – С. 15; Романовский Д. И. Указ. соч. – С. 44.

¹⁰⁹⁶ Фадеев Р. А. Кавказская война. – М., 2005. – С. 40.

¹⁰⁹⁷ Эсадзе С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. – Тифлис, 1913. – С. 70.

ся»¹⁰⁹⁸. Во взглядах исследователей отчетливо прослеживалось тяготение к устойчивой традиции трактовки взаимоотношений России с горцами в формате многовековой борьбы двух мировых религий – христианства и ислама, как противостояние цивилизации и варварства¹⁰⁹⁹. «Мы глубоко верим в цивилизующую роль России на Кавказе и в способность туземцев воспринять цивилизацию, и потому считаем нынешнее неустановившееся положение населения Терской области временным, но пока это положение существует, брожения в Области будут повторяться», – писал Г. Н. Казбек¹¹⁰⁰.

Кавказоведческой наукой была унаследована дискуссионная среда по вопросу времени присоединения региона к России, характерная и для первой половины XIX в. Военные историки, тщательно описавшие течение Кавказской войны, расширительно не могли прийти к общему мнению в определении верхней и нижней хронологических границ присоединения Кавказа к России. Наиболее распространенным мнением в дореволюционной исторической науке была версия, связывавшая начало присоединения с вступлением российских войск в Тифлис 26 ноября 1799 г.; присоединением Картли-Кахетинского царства к России 12 сентября 1801 г., а его окончание – с ликвидацией очагов сопротивления на Северо-Восточном (1859 г.) и Северо-Западном Кавказе (1864 г.)¹¹⁰¹. В связи с началом масштабного восстания в Чечне и

¹⁰⁹⁸ Берже А. П. Присоединение Грузии к России // Русская старина. – 1880. – Т. XXVIII. – С. 2-3.

¹⁰⁹⁹ Иванин И. Указ. соч. – С. 3-4; Кавказ: Описание края и краткий исторический очерк его присоединения к России. – 3-е изд. – СПб., 1911; Романовский Д. И. Указ. соч. – С. 48; Чернявский И. С. Указ. соч. – С. 4.

¹¹⁰⁰ Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской обл.: в 2 ч. – Тифлис, 1888. – Ч. 2: Военный обзор Терской области. – С. 3.

¹¹⁰¹ См.: Гизетти А. Указ. соч.; Кавказская война и ее герои. – 2-е изд. – СПб., 1897; Лацинский А. С. Хронология русской военной истории: Хрон. указ. войн, сражений и дел, в которых участвовали рус. войска от Петра I до новейшего времени. – СПб., 1891; Прозрителев Г. Шейх Мансур: (Материалы для истории Кавк. войны). – Ставрополь, 1912; Томилов П. А. Кавказская война // Воен. энцикл.: в 18 т. / Под ред. В. Ф. Новицкого, А. В. фон Шварца [и др.]. – СПб., 1913. – Т. XI. – С. 220-242; Фадеев Р. А. Кавказская война. – М., 2005; Цаликов А. Т. Кавказ и Поволжье: очерки инородч. политики и культ.-хоз. быта. – М., 1913; Чернявский И. С. Указ. соч.; Юбилейный сб. к столетию присоединения Грузии к России: 1801-1901 / Материалы собр. Е. С. Сталинский; Изд. под ред. К. Н. Бегичева. – Тифлис, 1901.

Дагестане в 1877 г. ряд исследователей не спешили утверждать, что в 1864 г. российские войска окончательно замирили край¹¹⁰². Г. Н. Казбек подчеркивал, что «мы не должны увлекаться иллюзиями и не считать страну вполне умиротворенной», следует признать, что «большинство туземного населения Терской области не слилось с Россией органически, а только спаялось механически...»¹¹⁰³. Однако в целом историки очень скептически отзывались о факте присоединении в результате подавления восстания в 1878 г.¹¹⁰⁴

Многие связывали начало процесса фактического присоединения горцев с назначением на Кавказ в 1817 г. генерала А. П. Ермолова¹¹⁰⁵. Некоторые же видели уже в деятельности Петра I на Кавказе определенный водораздел в периодизации российско-кавказских отношений¹¹⁰⁶. Так, В. А. Потто обращал внимание на то что «если сношения России с Кавказом относятся к отдаленнейшим временам нашей истории, то первые шаги, к прочному завоева-

¹¹⁰² Кавказ // Рус. энцикл. слов.: в 16 т. / Изд. И. Н. Березин. – СПб., 1878. – Т. 7. – С. 594; Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской обл.: в 2 ч. – Тифлис, 1888. – Ч. 2. – 1888.

¹¹⁰³ Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской обл.: в 2 ч. – Тифлис, 1888. – Ч. 2. – С. 11-12, 14.

¹¹⁰⁴ См.: И. И. О. Кавказские войны // Энцикл. военных и морских наук: в 8 т. / Под ред. Г. А. Леера. – СПб., 1889. – Т. IV. – С. 43; Иванин И. Указ. соч. – С. 144.

¹¹⁰⁵ См.: И. О. Кавказские войны // Энцикл. слов.: в 82 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон; [Под ред. И. Е. Андреевского]. – СПб., 1894. – Т. XIIIА. – С. 854-862; Иванин И. Указ. соч.; Кавказская война // Большая энцикл.: Слов. общедоступных сведений по всем отраслям знания: в 22 т. / Под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова. – СПб., 1903. – Т. 10. – С. 331; Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. – 6-е изд. – Одесса, 1901; Романовский Д. И. Указ. соч. – С. 210; Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. – Тифлис, 1907. – С. 22, 25.

¹¹⁰⁶ См.: Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. – СПб., 1871-1888; Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: в 19 т. / Под общ. ред. П. П. Семенова. – СПб.; М., 1881-1901. – Т. 9: Кавказ. – 1883; Литвинов М. Кавказ: Пособие для изучения воен. географии России. – СПб., 1883; Покоренный Кавказ: Очерки ист. прошлого и соврем. положения Кавказа: [По поводу столетия геройской борьбы за Кавказ и сорокалетия замирения Кавказа]. – СПб., 1904; Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом: в 2 т. / С. Эсадзе. – Тифлис, 1907.

нию его сделаны были Петром Великим, указавшим России те мировые задачи, которые предстояли ей в будущем на ближнем азиатском Востоке»¹¹⁰⁷. Предлагались также и другие нижние хронологические границы начала процесса фактического присоединения горцев, в зависимости от описываемой части региона. Так, начало активных военных действий на Северо-Западном Кавказе рассматривалось с 1763 г. – даты основания крепости Моздок¹¹⁰⁸, а на Северо-Восточном Кавказе – с распространением мюридизма (1820-е гг.)¹¹⁰⁹.

Конкретика отсутствовала и в вопросе хронологии присоединения конкретных территорий Северного Кавказа. Так, присоединение Северной Осетии к России связывалось с организацией Осетинской духовной комиссии в 1745 г., присоединением Восточной Грузии к России в 1801 г., карательной экспедицией генерала И. Н. Абхазова в 1830 г.¹¹¹⁰ В начале XX в. покорение Северной Осетии стало трактоваться, как «избавительный момент» в жизни осетин, когда «Осетия нашла себе в лице великой и христианской России могущественную покровительницу, обеспечивавшую ей мирное житье и спокойное развитие»¹¹¹¹. В основной своей массе подобные выводы были свойственны для генерированных в российском обществе и пророссийски настроенных представителей горских народов. Наиболее яркими представителями местной историографии являлись чеченец Умалат Лаудаев и кабардинец Эльбаздуко Кудашев. При описании истории двусторонних отношений авторы стремились показать, что в их основе лежит не стремление к военному противостоянию,

¹¹⁰⁷ Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе: в 2 вып. / Под ред. В. А. Потто. – Тифлис, 1906-1909. – Вып. I.

¹¹⁰⁸ Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии: К столетию занятия Тифлиса рус. войсками 26 нояб. 1799 г. / Под ред. В. А. Потто. – Тифлис, 1899. – С. 47.

¹¹⁰⁹ Соловьев К. С. Военное обозрение Дагестанской обл.: в 2 вып. – Тифлис, 1887. – Вып. 1.

¹¹¹⁰ Литвинов М. Кавказ: Пособие для изучения воен. географии России. – СПб., 1883. – С. 28; Отрывки из статьи неизвестного автора о покорении Осетии // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 1. – Д. 1198. – Л. 1; Чудинов В. Окончательное покорение осетин // КС. – 1889. – Т. XIII. – С. 123.

¹¹¹¹ Баев Г. Осетинский дивизион: Ист. справка. – Владикавказ, 1903. – С. 1; Вертепов Г. В горах Кавказа // Терский сб.: лит.-науч. приложение к «Терскому календарю» на 1904 г. – Владикавказ, 1903. – Вып. VI. – С. 148.

а желание к мирному и взаимовыгодному общению и сотрудничеству, политическому единению обоих народов¹¹¹². В работе «Исторические сведения о кабардинском народе» В. Н. Кудашев пришел к выводу о том, что в результате женитьбы Ивана IV на кабардинской княжне Марии Темрюковне Кабарда добровольно присоединилась к России¹¹¹³. Применение словосочетания «добровольное присоединение» стало в определенной степени новационным явлением в дореволюционной исторической науке, однако уже на следующей странице автор привел другой, взаимоисключающий, вывод о том, что «Кабарда до сих пор находится на положении полувоенном. В ней царит система военно-народного управления, фактически сложившаяся по мере завоевания края»¹¹¹⁴. Автор с сожалением пишет о результате заключения Белградского договора 1739 г., заключенного между Россией и Турцией: Кабарда становилось вольной, а «кабардинцы, давно признавшие себя подданными русского государства, не по своей вине, перестали быть ими»¹¹¹⁵. Противоречивым является версия В. Н. Кудашева о том, что строительство крепости Моздок в 1763 г. приветствовалось кабардинцами.

С целью географической локализации процессов, происходивших на Северном Кавказе в первой половине XIX в. ряд исследователей стали употреблять термины «кавказско-горская» или «черкесская» война¹¹¹⁶. Трансформации и конкретизации подвергся сам термин «Кавказские войны». В начале XX в. их стали определять, как «длительную борьбу России с многочисленными воинственными племенами Кавказа, а также с соседними азиатскими государствами с целью умиротворения и покорения этой обширной окраины»¹¹¹⁷.

¹¹¹² Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе: [К 300-летию дома Романовых]. – Киев, 1913; Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. – 1872. – Вып. VI. – С. 1-62.

¹¹¹³ Кудашев В. Н. Указ.соч. – С. VIII.

¹¹¹⁴ Там же. – С. IX.

¹¹¹⁵ Там же. – С. 54.

¹¹¹⁶ Гизетти А. Указ. соч.; Цаликов А. Т. Кавказ и Поволжье: очерки инородч. политики и культ.-хоз. быта. – М., 1913.

¹¹¹⁷ Кавказская война // Большая энцикл.: Слов. общедоступных сведений по всем отраслям знания: в 22 т. / Под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова. – СПб., 1903. – Т. 10. – С. 331; Томилов П. А. Кавказская война... – С. 220.

По сложившейся еще в первой половине XIX в. традиции исследователи критически оценивали факт присоединения горцев к России на основании вступления их в российское подданство¹¹¹⁸. Наиболее доступно эту точку зрения озвучил в 1910 г. сын последнего правителя бжедугов Темтеч Хаджимуков. Он подчеркивал, что в первой половине XIX в. горцы не имели правильного понятия о российском подданстве: «Под этим словом они обыкновенно понимали полную зависимость от того или другого суверена, который мог облагать их податью и вообще распоряжаться ими по своему усмотрению, – чего не допускала народная гордость. Даже по отношению к России, когда сила оружия заставляла некоторые племена принимать присягу на подданство, они смотрели на него только как на временное перемирие. <...> Это отлично понимала кавказская администрация, а потому, оставляя присягу, как простую формальность, оно в то же время в своих донесениях называло своих новых подданных, не подданными, а только «мирными»¹¹¹⁹. И. Д. Попко, характеризуя степень подчинения дагестанских владельцев России, писал следующее: «У шамхала была печать, на одной стороне которой была надпись, обозначающая персидское подданство, а на другой – московское, и он прикладывал к своим бумагам той или другой стороной, куда писал в Шемаху или Астрахань»¹¹²⁰.

Среди других проблем, с которыми в процессе присоединения региона к империи пришлось столкнуться российским

¹¹¹⁸ См.: Вишняков Е. П. Кавказ и Кавказская война: Чтение для народа, избр. комис. для печати из числа произнес. в Соляном городке. – СПб., 1874. – С. 13; Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии... – С. 61; Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской обл. ... – Ч. 1. – С. VII, XVIII, 6-7; Покоренный Кавказ: Очерки ист. прошлого и современ. положения Кавказа. – СПб., 1904. – С. 101; Путеводитель по Дагестану: Сост. для проезда государя имп. от г. Петровска чрез Гуниб до границы Терской обл., в 1871 г. – Тифлис, 1871. – С. 3; Чудинов В. Окончательное покорение осетин // КС. – 1889. – Т. XIII. – С. 101; Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля: Ист. очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. – Тифлис, 1909. – С. 28.

¹¹¹⁹ Народы Западного Кавказа: (По неизданным запискам природного бжедуга князя Хаджимукова) // КС. – 1910. – Т. XXX. – С. 20-21.

¹¹²⁰ Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен: Ист. очерк. – СПб., 1880. – Вып. 1: Гребенское войско. – С. 71.

властям, в исторических работах отмечается неэффективность института аманатов¹¹²¹, слабость властных структур горского социума, не позволявших «привязать к России высшие сословия края, а через них скрепить с ней теснее и весь край»¹¹²². Поэтому «русскому начальству на линии приходилось вступать в сношения не с целым народом или его представителем, а с каждым почти большим селением отдельно». На страницах статей и монографий ученые не скрывали того, что в обмен на принятие российского подданства и проявление лояльности горцев к российской короне местная администрация прибегала к подкупу горской аристократии¹¹²³.

В 1860-1910 гг. в рассмотрении проблемы присоединения Северного Кавказа к России наблюдалась поляризация точек зрения по вопросам целей, реализации и итогов внешней политики России на Кавказе. Это было связано с выходом проблемы за рамки исторического нарратива. Свою точку зрения на страницах периодических изданий высказывали публицисты, литераторы, журналисты, творческая и научная интеллигенция – представители трех общественно-политических направлений: консервативно-охранительного, либерально-буржуазного и революционно-демократического¹¹²⁴. К первому направлению можно отнести работы П. И. Ковалевского и В. Л. Величко, в которых отстаивалась необходимость завоевания горцев в силу их «дикости и варварства»¹¹²⁵. В рецензии на работу П. И. Ковалевского «Завоевание Кавказа Россией» исследователь С. Авалиани с

¹¹²¹ Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии... – С. 44.

¹¹²² Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867): в 2 ч. – СПб., 1879. – Ч. 1. – С. 118; Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии ... – С. 164.

¹¹²³ Путеводитель по Дагестану: Сост. для проезда государя имп. от г. Петровска чрез Гуниб до границы Терской обл., в 1871 г. – Тифлис, 1871. – С. 55; Соловьев К. С. Военное обозрение Дагестанской обл.: в 2 вып. – Тифлис, 1887. – Вып. 1. – С. 120.

¹¹²⁴ См.: Гаджиев В. Г. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1972.

¹¹²⁵ См.: Величко В. Л. Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы. – Баку, 1990; Ковалевский П. И. Завоевание Кавказа Россией: Ист. очерки. – СПб., [1911].

возмущением писал: «такой злобной и острой ненавистью, такой проповедью огня и меча среди народностей Кавказа пропитаны названные книги проф. Ковалевского, столько ужасного человеконенавистничества, под маской ученого, что становится стыдно за автора»¹¹²⁶.

Второе направление представлено статьями и заметками Е. Л. Маркова, Я. В. Абрамова, А. Т. Цаликова, которые подвергли критическому анализу официальные идеологемы в обосновании целей и результатов присоединения Кавказа к России, акцентировали внимание на признании культурных цивилизованных начал в горском социуме¹¹²⁷. Я. В. Абрамов, категорически отрицая дикость и варварство горцев, прямо заявлял о том, что «если сравнить то, что сделано на Кавказе туземцами и нами, русскими, то менее культурною и трудолюбивою нацией придется признать именно русских»¹¹²⁸. Следует подчеркнуть, что подобные идеи и взгляды не оказали серьезного влияния на дореволюционную историографию, но явились показателем отношения различных общественных кругов к проблеме присоединения Северного Кавказа к России.

Подводя итог анализа дореволюционной российской историографии, следует отметить, что проблема присоединения Северного Кавказа изучалась в основном в контексте внешнеполитической истории России, в рамках изучения истории развития двусторонних отношений либо происходивших в этом регионе военных событий. Историография прошла путь от сбора количественных «сырых» наработок к их качественной интерпретации и анализу не только в изучении хронологии, терминологии, но и в накоплении, публикации и использовании документального и исследовательского материала. Итогом

¹¹²⁶ Авалиани С. [Рецензия] // Голос минувшего. – 1913. – № 7. – С. 254-255. – Рец. на кн.: Ковалевский П. И. Завоевание Кавказа Россией: Ист. очерки /. – СПб., [1911]. – С. 254.

¹¹²⁷ Марков Е. Очерки Кавказа: Картины кавказ. жизни, природы и истории. – СПб.; М., 1887; Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2 т. / Сост. Х. М. Думанов. – Нальчик, 2001. – Т. 1. – С. 318-324; Цаликов А. Т. Указ. соч.

¹¹²⁸ Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Т. 1. – С. 319.

этого этапа можно считать появление самостоятельных направлений в исторической науке, создание научных центров изучения истории Кавказского региона. При описании процесса присоединения северокавказских территорий ученые традиционно придерживались общекавказского масштаба. В рамках периода историография присоединения Северного Кавказа значительно обогатилась не только новым фактическим материалом, но и привнесла, а в ряде случаев оформила ряд концептуальных положений, которые станут характерными для всей истории изучения региона. Все это свидетельствовало о прочном включении истории Кавказа в круг научных интересов, расширении проблематики российской исторической науки в целом.

Глава 3

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОЦЕССА ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

3.1. Новое в оценках причин и последствий процесса присоединения Северного Кавказа к Российской империи в 1920 – середине 1940-х гг.

Революции 1917 г., Гражданская война крайне негативно сказались на сохранности архивных документов, многие из которых были уничтожены или бесследно пропали¹¹²⁹. В январе 1922 г. бывший начальник ВИО С.С. Эсадзе с сожалением писал, что «погибло до 100000 дел, относящихся до военного и военно-народного управления Кавказским и Закавказским краем со времени царствования Екатерины II»¹¹³⁰. Сотрудник АИМ Т.И. Воробьев отмечал, что на базаре г. Ростова-на-Дону листы архивных дел использовали для упаковки продуктов: «Такому уничтожению подвергся архив наместника на Кавказе, от которого сохранились лишь жалкие остатки. Многие архивы воинских частей были использованы «белыми» на топливо»¹¹³¹.

К началу 1920-х гг. советскому руководству удалось принять ряд мер с целью улучшения катастрофической ситуации в архивной отрасли, что позволило возобновить работу по дальнейшему выявлению, анализу и публикации исторических документов,

¹¹²⁹ Доклад С. Какабадзе на имя Народного комиссара просвещения Грузии о выполнении работы по эвакуации в Грузию архивов и музейных ценностей с территории Северного Кавказа в 1923 г. // Ист. вестн. – 1924. – Кн. 1. – С. 272-281.

¹¹³⁰ Объяснительная записка к проекту положения о Кавказской военно-исторической комиссии по изучению истории империалистической и гражданской войн // ЦГИА Грузии. – Ф. 1087. – Оп. 2. – Д. 22. – Л. 8, 9 об.

¹¹³¹ «... Печальное состояние Кавказского военно-исторического музея»: Воробьев Т.И. Гибель «Храма Славы» / Публ. Г.И. Герасимовой // Вестн. Музея-панорамы «Бородинская битва». – 2006. – Вып. III. – С. 123.

относящихся к проблеме включения Кавказа в состав России¹¹³².

Параллельно с разрешением архивного вопроса активно шел процесс организации новых гуманитарных марксистских научных учреждений: в 1920 г. был создан Институт Маркса и Энгельса, в 1921 г. – Институт Красной профессуры, в 1923 г. была основана РАНИОН, объединившая в своих стенах многих деятелей дореволюционной науки¹¹³³. Несмотря на отсутствие необходимой материально-технической базы, достаточного числа квалифицированных специалистов для организации и ведения научно-исследовательской работы, в мае 1920 г. в г. Владикавказе был создан Северо-Кавказский краевой горский НИИ краеведения с отделениями в Москве и Ленинграде¹¹³⁴ 580]. К началу 1930-х гг. в регионе уже функционировали Дагестанский, Ингушский, Чеченский, Северо-Осетинский, Адыгейский, Карачаевский, Черкесский, Кабардино-Балкарский и Горский НИИ. В программу их приоритетных научных задач входили изучение и анализ предпосылок, причин и последствий завоевания Кавказа, национально-освободительной борьбы горцев против царизма в XIX в.¹¹³⁵

Одновременно в центре и в регионах стали появляться первые специализированные научные журналы: «Пролетарская революция» (1921–1941), «Красный архив» (1922–1941), «Исто-

¹¹³² Закс А. Б. Северо-кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936-1937 гг. // Тр. ГИМ. – 1941. – Вып. XV. – С. 151-185; К биографии Шамиля / Публ. С. К. Бушуева // Красный арх. – 1941. – Т. 2. – С. 115-139; Кушева Е. Северный Кавказ и международные отношения XVI-XVII вв.: (Обзор материалов русских архивов) // Ист. журн. – 1943. – № 1. – С. 60-68; Материалы по истории Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1940. – Т. 3; Материалы по истории осетинского народа: в 3 т. – Орджоникидзе, 1933-1950. – Т. 2. – 1942; Покровский Н. И. Обзор источников по истории имамата // Проблемы источниковедения. – 1936. – Вып. II. – С. 187-234.

¹¹³³ Нечкина М. В. О периодизации истории советской исторической науки // История СССР. – 1960. – № 1. – С. 85-86.

¹¹³⁴ Е. М. Северо-Кавказский институт краеведения // Жизнь национальностей. – 1923. – Кн. 5. – С. 156-157; Работа горских научно-исследовательских институтов Северного Кавказа в области истории // Историк-марксист. – 1934. – Т. 3. – С. 136-138; Северокавказский горский научно-исследовательский институт // РИГ. – 1933. – № 10/12. – С. 143-145.

¹¹³⁵ Алиев У. Д. Национальный вопрос и интернациональная культура в Северо-Кавказском крае. – Ростов н/Д, 1926. – С. 46.

рик-марксист» (1926–1941), «Революция и горец» (1928–1933), «Борьба классов» (1931–1936). На их страницах советские историки апробировали свое понимание марксизма в оценках исторического процесса. Одновременно они активно вели борьбу на «научном фронте» с дворянской и буржуазной исторической наукой, критиковали и разоблачали построения неокрепших марксистских историков.

На этапе становления советской исторической науки (1920-1930-е гг.) историки, вслед за представителями новой власти, обращали особое внимание на пропаганду достижений и преимуществ политического курса партии большевиков в национальном вопросе путем его сопоставления с царским стилем управления окраинами империи¹¹³⁶. Учитывая многонациональный состав населения бывшей Российской империи, острие пропаганды и критики было направлено на оценку цели и характера ее расширения, положения местного «угнетенного» населения, преследуя задачу дискредитации свергнутого политического режима. Концептуальной опорой исторических работ служили оценки первых лиц государства. Так, в отчете ВЦИК и СНК «О внутренней и внешней политике республики» от 23 декабря 1921 г. В. И. Ленин, сравнивая царское правительство с новой властью, писал: «ее отношение к народностям, населявшим Россию, было преступным, что эти отношения недопустимы, что они вызывали законнейший протест негодования, возмущения угнетенных национальностей»¹¹³⁷. Он однозначно заявлял о насильственном присоединении к России иноэтничных территорий, об агрессивных и постоянных стремлениях

¹¹³⁶ См.: Алиев У. Д. Национальный вопрос и интернациональная культура в Северо-Кавказском крае...; Буркин Н. Г. Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. – Ростов н/Д, 1933; Гусалов Н. 15 лет социалистической стройки в Северо-Осетинской авт. области // Изв. Сев.-Осет. НИИ. – 1935. – Т. 8. – С. 1-32; Драбкина Е. Национальный и колониальный вопрос в царской России. – М., 1930; Лихницкий Н. Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. – Ростов н/Д, 1931; Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. – Грозный, 1928.

¹¹³⁷ Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 дек. (IX Всерос. съезд Советов 23-29 дек. 1921 г.) // Полное собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – М., 1967-1981. – Т. 44. – 1970. – С. 297.

империи расширять свои границы. В статье «К вопросу о национальной политике» (1914 г.) Ленин, вслед за французским писателем А. де Кюстином, сравнивал Российскую империю с «тюрьмой народов». После подобных тезисов вождя Октябрьской революции историки решительно стали отыскивать временные масштабы процесса трансформации царской России в тюрьму народов. На Всесоюзной конференции историков-марксистов 1928-1929 гг. с подачи М.В. Нечкиной была озвучена и поддержана версия о том, что началом такого превращения следует считать XVI в., а его завершение – Октябрьскую революцию 1917 г.¹¹³⁸ Исследователь А. Рогов писал, что только после революции «в тюрьме народов – царской России, освободилась камера «Кавказ»»¹¹³⁹.

Перед исследователями стояла также задача переоценки опыта и критики предшествующего этапа изучения истории. После того, как марксизм получил статус государственного учения, единственным авторитетным источником в изучении динамики исторического процесса стали выступать работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина. В основу новой (большевистской) методологической инфраструктуры исторической науки были положены идея интернационализма и учение о классовой борьбе, как движущей силе исторического процесса. Свое применение они получили и на северокавказском историческом материале¹¹⁴⁰.

Для первой половины XX в. в изучении процесса присоединения Северного Кавказа к России доминирующее положение за-

¹¹³⁸ Цит. по: Матвеев В. А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). – Ростов н/Д, 2006. – С. 9.

¹¹³⁹ Рогов А. О потомках Шамиля, Хаджи-Мурата, Зелим-Хана и Асланбека Шерипова (ист.-лит. набросок) // РИГ. – 1932. – № 6/7. – С. 95.

¹¹⁴⁰ См.: Раенко Я.Н. За ленинское изучение горских народов Северного Кавказа // РИГ. – 1932. – № 4. – С. 120-124; Сафаров Г. Маркс и Энгельс и борьба горских народов против царизма // РИГ. – 1933 – № 3/4. – С. 19-25; Шавкринский Ю. Об искажениях ленинизма в вопросах истории Дагестана // Историк-марксист. – 1932. – Т. 1/2. – С. 162-176.

нимала концепция «завоевания»¹¹⁴¹. На первый взгляд, ее использование наглядно демонстрировало «каналы» преемственности исторических взглядов и идей предшественников. Как и дореволюционные исследователи, советские историки базировались на единой платформе характера и методов присоединения. Они отмечали доминирование силового фактора в процессе присоединения горцев, однако расходились в оценке его последствий для местного населения и региона в целом. Вместе с тем, если раньше мотивом продвижения России вглубь Кавказа выступала идея расширения ареала цивилизации и культуры на Восток, приведшая к последующему прогрессивному развитию Кавказа в составе России, то молодая советская историческая наука, согласованная с партийными установками, сконцентрировалась на предании последствиям этого процесса безальтернативного статуса «абсолютного зла». Единственным сохраненным и унаследованным элементом старой «буржуазной» концепции в работах

¹¹⁴¹ См.: Алиев У.Д. «Kara-xalk» (Карахалк – черный народ): Очерк ист. развития горцев Северного Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. – Ростов н/Д., 1927; Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М., 1939; Гатуев Д. Зелимхан: Из истории национально-освободительных движений на Северном Кавказе. – Ростов н/Д; Краснодар, 1926; Гусалов Н. Указ. соч.; Драбкина Е. Указ. соч.; Кокиев Г. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Изв. Юго-Осет. НИИ краеведения. – 1933. – Вып. 1. – С. 179-225; Лихницкий Н. Колониальное развитие горских народов (Терек-колония) // Тр. Кубан. пед. ин-та. – 1930. – Т. I. – С. 69-97; Магомедов Р. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1939; Магомедов Р. Дагестан в период царского завоевания. – Махачкала, 1940; Писарев В.И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Ист. записки. – 1940. – Т. 9. – С. 154-185; Серов Ф. Наездник Бейбулат Тейманов // О тех, кого называли абреками: Сб. рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный, 1927. – С. 125-139; Сивков К. Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа (XIX век) // Борьба классов. – 1936. – № 8. – С. 24-35; Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сб. ст. – М., 1923; Скачко А. Е. Дагестан: От колониального вырождения к социалист. расцвету / Под ред. Т. Такоева. – М., 1931; Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Ист. сборник. – 1935. – Т. 4. – С. 135-183; Шерипов З. Шейх Мансур: (Краткий ист.-биограф. очерк) // О тех, кого называли абреками: Сб. рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный, 1927. – С. 151-158.

советских историков стали хронологические рамки присоединения. Как и в предшествующий период изучения, специалисты 1920-1940-х гг. связывали процесс присоединения горцев к России с окончанием Кавказской войны.

Первым, кто решил «обрисовать исторический процесс как историю классово-борьбы» и дать новую оценку последствий присоединения горцев к России, был основатель марксистской исторической школы М. Н. Покровский¹¹⁴². В основу внешнеполитической схемы истории России он пытался уложить концепцию торгового, а в последствии – промышленного капитализма, стремящегося к овладению новыми торговыми путями, рынками сбыта и сырья¹¹⁴³. В его интерпретации и казанские походы Ивана IV, и Северная война Петра I, и Кавказские войны, и завоевание Средней Азии, и активность царизма в «восточном вопросе» сводились к интересам российской торговли. Впервые свою версию причин расширения империи применительно к кавказскому региону М. Н. Покровский изложил в энциклопедической статье «Кавказские войны»¹¹⁴⁴. Более детально причины, ход и последствия присоединения Кавказа к России историк рассмотрел в сборнике статей «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии»¹¹⁴⁵. В статье «Завоевание Кавказа» он настойчиво рассматривал присоединение Кавказа к империи через призму российско-персидского соперничества в регионе, и якобы точкой невозврата в двусторонних отношениях стал переход персидского вассала Грузии под протекторат России. Война с северокавказскими горами, по мнению историка, имела чисто стратегическое значение и вытекала из начала персидских походов, начатых еще Петром I¹¹⁴⁶. М. Н. Покровский первым применил классовую теорию В. И. Ленина о двух культурах, двух Россиях – демократиче-

¹¹⁴² Нечкина М. В. О периодизации истории советской исторической науки... – 1960. – № 1. – С. 84.

¹¹⁴³ Рубинштейн Н. М. Н. Покровский – историк внешней политики // Историк-марксист. – 1928. – Т. 9. – С. 60.

¹¹⁴⁴ Покровский М. Кавказские войны // Энцикл. слов. рус. библиогр. ин-та ГРАНАТ: в 58 т. – 11-е стер. изд. – М., [1918]. – Т. 23. – Столб. 34-48.

¹¹⁴⁵ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сб. ст. – М.: Красная новь, 1923.

¹¹⁴⁶ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России... С. – 179.

ской и элитарной, жестко разделенных по социально-классовому принципу¹¹⁴⁷. При объяснении целого ряда вопросов, связанных с проблематикой истории российско-кавказских отношений, ее использование будет в дальнейшем носить фундаментальный характер в работах большинства советских историков. Так, по мнению М. Н. Покровского, причиной поражения горцев Северо-Западного Кавказа стало отсутствие единого фронта в рядах восставших, поскольку черкесское дворянство олицетворяло опору российского господства и содействовало их утверждению на Кавказе¹¹⁴⁸. Относительно версии об окончательном покорении горцев Чечни и Дагестана только после подавления восстания 1877-1878 гг. историк подчеркивал, что «это уже не была война, требовавшая «покорения»: это был лишь «бунт», который нужно «усмирять»»¹¹⁴⁹.

Концептуальный курс, выработанный М. Н. Покровским, оказал значительное влияние на исторические работы второй половины 1920 – середины 1930-х гг.¹¹⁵⁰. С позиций классовой борь-

¹¹⁴⁷ См.: Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полное собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – М., 1967-1981. – Т. 24. – 1973. – С. 113-150.

¹¹⁴⁸ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России... С. – 228.

¹¹⁴⁹ Там же. – С. 229.

¹¹⁵⁰ См.: Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни: (К десятилетию Сов. Чечни). – Грозный, 1930; Алиев У. Адыгея: (Адыгейская автономная область): Ист.-этнолог. и культ.-эконом. очерк / У. Алиев, Б. М. Городецкий, С. Суюхов. – Ростов н/Д, 1927; Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм в горской историографии // РИГ. – 1931. – № 4. – С. 3-11; № 5. – С. 44-60; Драбкина Е. Указ. соч.; Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Северном Кавказе // РИГ. – 1929. – № 4. – С. 30-35; № 5. – С. 33-38; № 6. – С. 32-37; Кокиев Г. К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. // Уч. зап. Ин-та этн. и нац. культур народов Востока. – 1930. – Т. II. – С. 72-89; Кокиев Г. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Изв. Юго-Осет. НИИ краеведения. – 1933. – Вып. 1. – С. 179-225; Лещенко Ф. Из истории украинской колонизации Кубани // Тр. Кубан. пед. ин-та. – 1930. – Т. I. – С. 123-155; Лихницкий Н. Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. – Ростов н/Д, 1931; Мартиросиан Г. К. История Ингуши: Материалы. – Орджоникидзе, 1933; Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. – Грозный, 1928; Поливектов М. А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. – Тифлис, 1935; Его же. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. – Тифлис, 1932; Скитский Б. В. Холопий вопрос и анти-русское движение кабардинских князей

бы Е. Я. Драбкина утверждала, что «установление русского владычества на Кавказе совпало с длительной эпохой антифеодального движения, охватившего все крупные народы, населявшие эту страну»¹¹⁵¹. Российская империя, по ее мнению, в этой борьбе выступила в защиту местных феодальных интересов, считая их опорой в проведении своей будущей политики на Кавказе. Она подчеркивала, что «движение, последовательно возглавлявшееся Кази-Муллой, Гамзат-Бекем и Шамилем, было именно восстанием, хотя во всей исторической литературе оно именуется войной. К тому времени, когда оно началось, Россия уже покорила Кавказ, так что горцы боролись не против внешнего вторжения, а против иноземной власти»¹¹⁵². Позицию Е. Я. Драбкиной разделял авторский коллектив издания «Адыгея», в котором отмечалось, что «в 1829 г. по Адрианопольскому миру все горцы отошли к России. Таким образом, война приняла характер подавления восстания собственных подданных и стала еще более ожесточенной»¹¹⁵³. Началом процесса наступления империи на территорию адыгов авторы считали 1783 г. – манифест Екатерины II о присоединении Прикубанского края к России. Относительно принятия пятигорскими черкесами российского подданства в XVI в. подчеркивалось, что оно «не принесло той пользы, на которую рассчитывали адыге, стало фиктивным и связь прекратилась»¹¹⁵⁴. Аналогично высказывался научный сотрудник Северо-Кавказского музея горских народов Н. Т. Лихницкий, который считал, что главной целью посольств кабардинских князей в Москву было только установление вассальной зависимости «в надежде с ее помощью отстоять свою самостоятельность от Крыма»¹¹⁵⁵.

По мере более углубленного изучения процесса присоединения горцев к России вариативность хронологических границ

в пору «независимости» Кабарды (1739–1779). – Владикавказ, 1930; Шукин И., Худаков В. Кавказ // Малая советская энцикл.: в 10 т. – М., 1931. – Т. 3. – Столб. 598–603; Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. – Ростов н/Д, 1930.

¹¹⁵¹ Драбкина Е. Указ. соч. – С. 106.

¹¹⁵² Там же. – С. 108.

¹¹⁵³ Алиев У. Адыгея: (Адыгейская автономная область) ... – С. 50.

¹¹⁵⁴ Там же. – С. 38.

¹¹⁵⁵ Лихницкий Н. Адыгея // РИГ. – 1932. – № 8/9. – С. 71.

расширялась. Так, Г. А. Кокиев связывал процесс присоединения Осетии к России с результатами карательных экспедиций генералов П. Я. Ранненкампа и И. Н. Абхазова в 1830 г.¹¹⁵⁶ О более ранних фактах присоединения он писал: «...во всех своих бесконечных просьбах осетинский народ никогда, ни единым словом не обмолвился о принятии русского подданства и везде старался подчеркнуть, что де они признаны свободными русской царицей» (Елизаветой Петровной)¹¹⁵⁷. М. Л. Тусиков относил начало завоевательной политики на Северном Кавказе ко времени Петра I, а его покорение – к 1859 г.¹¹⁵⁸

Известный лингвист-кавказовед Н. Ф. Яковлев, считавший договор ингушей с российскими властями от 22 августа 1810 г. актом присоединения их территории к империи, писал, что они сдержали свое слово и были верны присяге и «в 40-х годах прошлого столетия приняли самое активное участие в отражении наступавшего на Владикавказ известного борца за независимость горцев Шамиля»¹¹⁵⁹. В отличие от данной точки зрения, сотрудник Государственного научного музея г. Владикавказа Г. К. Мартиросиан отмечал вынужденный характер российского подданства ингушей в 1769 г., поскольку «это явилось результатом притеснения ингушей от кабардинских и кумыкских князей, которым они платили дань»¹¹⁶⁰. Не внес ясность в вопросы хронологии и писатель Х-М. Мугуев, который подчеркивал временный характер российского подданства ингушей. Он писал, что «в 1769 г. ингуши в первый раз приняли российское подданство, по мере возможности, то выходя из него, то снова заключая договора и мир с Россией»¹¹⁶¹.

Из дефиниций, употреблявшихся советскими историками для обозначения характера присоединения горцев к России, в 1920-е гг. наиболее утилитарным было смысловое наполнение термина «завоевание», отвечавшего смысловой нагрузке концеп-

¹¹⁵⁶ Кокиев Г. Очерки из истории Осетии. – Владикавказ, 1926. – С. 130, 139.

¹¹⁵⁷ Там же. – С. 82-83.

¹¹⁵⁸ Тусиков М. Л. Ингушетия: Эконом. очерк. – Владикавказ, 1926. – С. 17.

¹¹⁵⁹ Яковлев Н. Ингуши: Попул. очерк. – М.; Л., 1925. – С. 6.

¹¹⁶⁰ Мартиросиан Г. К. Указ. соч. – С. 44.

¹¹⁶¹ Мугуев Х-М. Ингушетия: Очерки. – М., 1931. – С. 10.

ции «абсолютного зла»¹¹⁶² [516]. В этот период историческая литература была наводнена выражениями, всячески порочащими политику царской России. Так, Ф. Лещенко гневно писал: «трудно найти в России и в Европе уголок, подобный Северо-Западному Кавказу, где торгово-промышленный империализм использовал все возможные средства насилия, вплоть до уничтожения и изгнания целых народов. Истребление и изгнание ногайского народа, – потом еще более многочисленного и культурного адыгского – дела, достойные ассирийских завоевателей, Чингис-ханов и Тамерланов»¹¹⁶³. Осетинский писатель Д. Гатуев отмечал, что «самодержавная российская государственность сознательно и бессознательно вернула Чечню к родовому строю, предполагая с этого начать приобщение дикого народа к благам европейской культуры и цивилизации. Вместо приобщения получилось столкновение. Потому тем более, что покорением Кавказа была бита горская карта на государственность»¹¹⁶⁴.

Распространенным методом трактовки итогов присоединения горцев к России в работах первых советских историков было использование цитат отдельных дореволюционных историков, которые, по их мнению, отвечали объективной оценке происходящего¹¹⁶⁵. Так, оценку присоединения Чечни к России А. Г. Авторханов заимствовал из работы А. П. Берже «Чечня и чеченцы» (Тифлис, 1859). Выступив с резкой критикой тезиса Д. Гатуева о крайне негативной оценке присоединения Чечни к империи, этот историк вновь сослался на цитату – на этот раз из статьи А. Балшина «Социально-экономическое состояние Нагорной Чечни» (в ней отстаивалось прогрессивное влияние империи на экономи-

¹¹⁶² См.: Кокиев Г. Очерки из истории Осетии ...; Мартиросиан Г. К. Указ. соч.; Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне...; Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа: Ингуши, чеченцы, хевсурсы, осетины и кабардинцы: Крат. ист.-этнограф. очерк. – М.; Л., 1926. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии ...

¹¹⁶³ Лещенко Ф. Из истории украинской колонизации Кубани // Тр. Кубан. пед. ин-та. – 1930. – Т. I. – С. 123.

¹¹⁶⁴ Гатуев Д. Зелымхан: Из истории национально-освободительных движений на Северном Кавказе. – Ростов н/Д; Краснодар, 1926. – С. 18.

¹¹⁶⁵ См.: Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни ...; Мартиросиан Г. К. Указ. соч.; Пожидаев В. П. Указ. соч.

ческое развитие Чечни)¹¹⁶⁶. Завуалирование своих выводов высказываниями предшественников не столько демонстрировало преемственность в историографии, как было вызвано мучительными поисками компромисса между идеологией и наукой.

С конца 1920-х гг. исследователи серьезное внимание стали уделять изучению роли мюридизма в национально-освободительной борьбе горцев¹¹⁶⁷. Исследования строились на разрабатываемом «атеистическом» подходе и признании реакционного характера этой идеологии. По мнению декана исторического факультета Ростовского педагогического института Н.И. Покровского, эволюция мюридизма привела к созданию «нового горского дворянства», которое стало главным виновником гуньбской трагедии 1859 г. Другое мнение высказал ректор Горского педагогического института Х.Д. Ошаев, который признавал объединительную роль идеологии в борьбе против российских войск и понимал ее не как религиозно-освободительное, а как религиозно-оборонительное движение¹¹⁶⁸. Н.Ф. Яковлев также подчеркивал, что «мусульманство явилось наиболее сильным идеологическим средством, организовавших горцев на борьбу с русскими»¹¹⁶⁹.

Немаловажную роль в популяризации концепции «абсолютного зла» и насильственного присоединения горцев к России сыграли научные исторические журналы¹¹⁷⁰. Важное место они уделяли методам и целям колониальной политики царизма на Кав-

¹¹⁶⁶ Бальшин А. Социально-экономическое состояние Нагорной Чечни // О тех, кого называли абреками: Сб. рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный, 1927. – С. 115.

¹¹⁶⁷ См.: Ошаев Х. Мюридизм в Чечне // РИГ. – 1929. – № 3. – С. 39-44; Покровский Н. Краткий обзор истории имамата времен Кавказской войны // РИГ. – 1933. – № 6/7. – С. 105-115; Покровский Н. Мюридизм у власти // Историк-марксист. – 1934. – Т. 2. – С. 30-76.

¹¹⁶⁸ Ошаев Х. Мюридизм в Чечне ... – С. 39.

¹¹⁶⁹ Яковлев Н.Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей: Лекция, читанная 17 апр. 1927 г. на объединенном собрании Чеченск. и ингушск. землячеств студентов г. Москвы. – Грозный, 1927. – С. 19.

¹¹⁷⁰ Максимчик А.Н. Аспекты присоединения Северного Кавказа к России на страницах советских исторических журналов (1920-е – начало 1940-х гг.) // Веснік БДУ, Сер. 3: Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2013. – № 1. – С. 31-34.

казе¹¹⁷¹. Исследователь К. В. Сивков продемонстрировал эволюцию целей российского государства, которые оно определяло по отношению к горцам. Он отмечал, что «если при Иване Грозном, первых Романовых и Петре I, походы на Кавказ предпринимались с целью обеспечить русским купцам торговые пути на Восток, то теперь, во второй половине XVIII века, целью кавказских походов русского правительства является захват новых земель»¹¹⁷². По его мнению, в XIX в. была четко сформулирована программа превращения Кавказа в русскую колонию. Н. Т. Лихницкий на широком фактическом и документальном материале сформулировал четыре принципа, которые лежали в основе политики царизма по водворению на Кавказе спокойствия и порядка: военная колонизация, разжигание междуплеменной вражды, система поддержки высших слоев горского общества и выселение горцев¹¹⁷³.

На страницах журналов активно шел процесс переоценки опыта и критики буржуазного этапа изучения истории Северного Кавказа. Историки задавались вопросами: что делать с наследием предшественников? Возможна ли преемственность идей дореволюционной историографии в новых условиях развития исторической науки? Для многих исследователей было очевидным, что

¹¹⁷¹ См.: Кокиев Г. Военно-колониационная политика царизма на Северном Кавказе // РИГ. – 1929. – № 4. – С. 30-35; № 5. – С. 33-38; № 6. – С. 32-37; Кокиев Г. К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. // Уч. зап. Ин-та этн. и нац. культур народов Востока. – 1930. – Т. II. – С. 72-89; Кокиев Г. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Изв. Юго-Осет. НИИ краеведения. – 1933. – Вып. 1. – С. 179-225; Лихницкий Н. Колониальное развитие горских народов (Терек-колония) // Тр. Кубан. пед. ин-та. – 1930. – Т. I. – С. 69-97; Петрушевский И. Джаро-белаканские вольные общества в первой трети XIX столетия // Тр. науч.-исслед. ин-та кавказоведения. – 1934. – Т. I. – С. 1-160; Писарев В. И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Ист. записки. – 1940. – Т. 9. – С. 154-185; Сивков К. Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа (XIX век) // Борьба классов. – 1936. – № 8. – С. 24-35; Токаева Н. Миссионерство в системе колониальной политики царизма на севере Кавказа // Революционный Восток. – 1936. – № 2/3. – С. 48-75; Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Ист. сборник. – 1935. – Т. 4. – С. 135-183.

¹¹⁷² Сивков К. Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа... – С. 24.

¹¹⁷³ Лихницкий Н. Колониальное развитие горских народов...

состояние молодой советской историографии не позволяло в одночасье отказаться от работ дореволюционных авторов. Г. Левонян подчеркивал, что старая литература «еще в недостаточной степени заменена новой популярной литературой, способной осветить правильным научным анализом происхождение и историю кавказских народов, их вековую борьбу с «исконно-русским» самодержавием...»¹¹⁷⁴. Выход из этой ситуации многие видели в критическом прочтении дореволюционных источников и литературы о Кавказе¹¹⁷⁵. Нередко на страницах журналов ставился вопрос о необходимости ликвидации тенденциозной дореволюционной литературы, ликвидации преемственных «нитей» между идеями и взглядами советских и дореволюционных авторов¹¹⁷⁶.

В статье «Об отношении к старому краеведению и о пользе и вреде преемственности» Н. Т. Лихницкий предлагал разделить всю дореволюционную литературу на 3 группы: 1) военно-исторические работы Н. Ф. Дубровина, А. П. Берже, П. Г. Буткова, В. А. Потто, С. С. Эсадзе, А. Ф. Щербины; 2) краеведческие работы и 3) публицистические статьи и брошюры оппозиционного направления по отношению к царской политике на Кавказе. Не отрицая идейное сходство с марксистско-ленинским направлением краеведения третьей группы источников, автор подчеркивал, что наиболее опасной группой в предложенной классификации являлась вторая, поскольку «некритическое отношение к наследству этой категории краеведов опаснее, ибо оно более замаскировано, чем военно-историческая литература, которая подчас прикрывала свою колонизаторскую сущность знаменем служения чистой науке...»¹¹⁷⁷.

С предупреждениями об опасности использования даже художественной литературы, посвященной Кавказу (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. А. Бестужев-Марлинский) в печати высту-

¹¹⁷⁴ Левонян Г. Страна «разбойников» или литературная халтура? // РИГ. – 1929. – № 1/2. – С. 57.

¹¹⁷⁵ Б. Г. О краеведческой работе в Адыгее // РИГ. – 1929. – № 1/2. – С. 49.

¹¹⁷⁶ Левонян Г. Указ. соч. – С. 54; Лихницкий Н. Об отношении к старому краеведению и о пользе и вреде преемственности // РИГ. – 1929. – № 9. – С. 27.

¹¹⁷⁷ Лихницкий Н. Об отношении к старому краеведению и о пользе и вреде преемственности // РИГ. – 1929. – № 10. – С. 22.

пил литературный критик Н. Г. Свирин. Говоря о расцвете «экзотической» литературы в 1820-1830-е гг., автор писал, что: «1) эта литература выросла на почве колониальных войн и колониальной политики русского государства, которое раскинулось на громадных пространствах Европы, Азии, частично даже Америки и включало в свой состав множество покоренных народов и стран с разнообразнейшими географическими и этнографическими особенностями; 2) она выражала великодержавно-колониаторские устремления дворянства и верхов торгово-промышленной буржуазии...; 3) мистифицирующая романтическая оболочка «экзотических» произведений привлекала внимание русского общества к напряженной борьбе за колонии...»¹¹⁷⁸.

На фоне критического пересмотра основных положений дворянско-буржуазной исторической науки происходил процесс обновления научных взглядов историка-архивиста М. А. Полиевктова. В абсолютном большинстве современных историографических работ, посвященных изучению российско-кавказских отношений XVI-XIX вв. в довоенной советской историографии, имя известного кавказоведа по-прежнему остается в тени. По справедливому мнению историка В. В. Тихонова, это связано с тем, что «до сих пор отсутствует комплексное исследование его жизни и научного творчества, его научно-литературное наследие не вписано в историографический контекст»¹¹⁷⁹. Несмотря на то, что в 1930-е гг. этим историком был опубликован ряд исследований¹¹⁸⁰, значительный пласт его научной работы так и остался

¹¹⁷⁸ Свирин Н. Русская колониальная литература // Лит. критик. – 1934. – Кн. 9. – С. 56.

¹¹⁷⁹ Тихонов В. В. «Не считайте меня изменником русской исторической науки...»: М. А. Полиевктова – историк русско-грузинских взаимоотношений // Россия – Грузия: альтернатива конфронтации – созидание...: (проблемы истории российско-грузинских отношений, XIX-XXI вв.): [сб.] / [сост.: Бугай Н. Ф.; редкол.: В. С. Адвадзе и др.]. – М., 2011. – С. 419.

¹¹⁸⁰ См.: Звакин Е. С. К истории прикаспийского вопроса / Е. С. Звакин, М. А. Полиевктова. – Тифлис, 1933; Полиевктова М. А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. – Тифлис, 1935; Его же. Из истории русского академического кавказоведения XVIII в. // Изв. Акад. наук СССР. Сер. VII. – 1935. – № 8. – С. 759-774; Его же. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. – Тифлис, 1932.

в рукописном виде. В личном фонде М. А. Полиевктова, хранящемся в ЦГИА Грузии, сосредоточен обширный материал, проливающий свет на его видение проблемы Кавказа во внешней политике России¹¹⁸¹. Еще в 1924 г. он подготовил работу «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики». По примеру историка С. М. Броневского, М. А. Полиевктов подошел к изложению политической истории Кавказа с геополитических позиций: показал разветвленную систему международных отношений не только внутри региона, но и на европейском континенте, которые оказывали влияние на роль и место Кавказа во внешнеполитических планах России. «Кавказский вопрос» историк вслед за дореволюционной традицией (Р. А. Фадеев, С. А. Белокуров) традиционно рассматривал, как составную и неотъемлемую часть «восточного вопроса» и считал началом его появления XVI век. Однако, на первых порах, этот вопрос, по мнению исследователя, находился в тени другой проблемы – «балтийского вопроса», успешное решение которого позволяло Московскому государству после овладения Кавказом стать транзитером в азиатско-европейской торговле. По мнению историка, в XVIII в. ««Преславная виктория» Петра на Балтийском море и оккупация им прикаспийских областей Кавказа – двуединый кульминационный момент борьбы России за азиатско-европейский транзит»¹¹⁸². М. А. Полиевктов также отмечал, что «кавказский вопрос» очень тесно увязывался с вопросом среднеазиатским. В тексте он неоднократно подчеркивал, что «глубокий охват Черного моря со стороны Балканского полуострова и Кавказа и охват Каспийского моря со стороны Кавказа и Закаспийского края – вот два основных момента восточной политики России в

¹¹⁸¹ Работа проф. М. А. Полиевктова «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века» // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 53; Его же. «Движение России на юго-восток через степи и горы к берегу моря» // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 11; Его же. «Очерки по истории русского кавказоведения XVI-XVIII вв.», 2 янв. 1940 г. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 50; Его же. «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики»; «Очерк колонизации на Кавказе». 17 нояб. 1924 г. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 12.

¹¹⁸² Работа проф. М. А. Полиевктова «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века» // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 32.

конце XVIII в. и первой половине XIX в., обуславливающие в эту эпоху ее наступательное движение и завоевательные стремления на Кавказе»¹¹⁸³.

Анализ причин налаживания дипломатических отношений горцев с Россией привели М. А. Полиевктова к выводу о том, что у них исторически «выработалась политическая традиция ориентации на того или другого из крупных соседей – старое феодальное искание могущественного защитника – сюзерена»¹¹⁸⁴. Исследователь придерживался версии о том, что ««подданство» Москве, о котором при этом очень часто говорят, не идет до поры до времени дальше неустойчивых вассальных и перманентных – союзнических отношений, не сопровождается административным и военным внедрением Москвы в местную жизнь»¹¹⁸⁵. По мнению М. А. Полиевктова, изучая процесс присоединения Северного Кавказа к России, необходимо всегда держаться общекавказского масштаба.

В неопубликованной работе «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века» М. А. Полиевктов справедливо отмечал, что в современной концепции истории России и Кавказа эта тема не раскрыта. Он обращал внимание на то, что исследователи в основной своей массе сосредоточились на периоде открытого завоевания Кавказа, т.е. XIX в., а «весь предшествующий, очень длительный период со второй половины XVI в. и до конца XVIII в., когда такое завоевание только подготавливалось... и когда в этом направлении делались только первые шаги, остается все еще мало изученным и освещенным»¹¹⁸⁶. Исследователь настаивал на том, что «между подготовкой наступления на Кавказ и реализацией этой цели нет разрыва»¹¹⁸⁷. В работе «Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе» он доказывал, что основным источником техники

¹¹⁸³ Рукопись проф. М. А. Полиевктова «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики»... – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 25.

¹¹⁸⁴ Там же. – Л. 16.

¹¹⁸⁵ Там же. – Л. 23.

¹¹⁸⁶ Работа проф. М. А. Полиевктова «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века» // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 8.

¹¹⁸⁷ Там же. – Л. 49.

разведывательной работы были посольства и приводил пример создания в Посольском приказе в XVII в. специальных анкет для выяснения подробной информации о народах Кавказа (географическое положение, население страны, политическое настроение умов, экономика страны и военная организация)¹¹⁸⁸. Аналогично М. А. Полиевктов отзывался об экспедиции Академии Наук 1768-1774 гг., которая «была большим разведочным предприятием, обслуживающим, в первую очередь, хозяйственные интересы и завоевательные устремления дворянской крепостнической России второй половины XVIII в.»¹¹⁸⁹. В подготовленном в 1940 г. «Очерке по истории русского кавказоведения XVI-XVIII вв.» исследователь разработал периодизацию продвижения России на Кавказ: 1) XVI-XVII вв. – подготовительный период наступления русского царизма на Кавказ, когда регион находился в системе «балтийского вопроса»; 2) XVIII в. – период открытого наступления России на Кавказ, когда регион находился в системе «восточного вопроса»; 3) начало XIX в. – второй период открытого наступления России на Кавказ¹¹⁹⁰. В работе «Движение России на юго-восток через степи и горы к берегу моря» М. А. Полиевктов доказывал, что хронологические рамки окончания присоединения северокавказских горцев к России совпадают со временем завершения Кавказской войны¹¹⁹¹.

Во многом идеи М. А. Полиевктова, оставшись не опубликованными и малоизвестными, в последующем были озвучены другими специалистами. У советских и современных историографов, оценивавших первые работы по вопросам причин продвижения Российской империи на Кавказ (исследования 1920-х гг.), его работы не указаны. Традиционно повествование в них начинается

¹¹⁸⁸ См.: Полиевктов М. А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. – Тифлис, 1932.

¹¹⁸⁹ Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. – Тифлис, 1935. – С. 156.

¹¹⁹⁰ См.: Рукопись проф. М. А. Полиевктова «Очерки по истории русского кавказоведения XVI-XVIII вв.». 2 янв. 1940 г. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 50.

¹¹⁹¹ Рукопись проф. М. А. Полиевктова «Движение России на юго-восток через степи и горы к берегу моря» // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 36-37.

с работ М. Н. Покровского, которые значительно уступают теоретической глубине исследований М. А. Полиевктова¹¹⁹².

С начала 1930-х гг. историческая наука подверглась значительным изменениям и трансформации, но их нельзя связывать с ее качественным скачком. Это было одним из проявлений эволюции политического режима в СССР, укрепления государственной системы и ужесточения цензуры. Об обстановке в стране в 1930-е гг. многое могут рассказать судьбы историков того времени и судьбы их работ. В качестве такого примера можно сослаться на перипетии творческой деятельности Г. А. Кокиева – автора «Очерков по истории Осетии» (Владикавказ, 1926). В этой работе историк зарекомендовал себя в качестве безусловного приверженца концепции «завоевания» Кавказа на основании концептуальных построений М. Н. Покровского и его школы. В 1927 г. в рубрике рецензий журнала «Историк-марксист» его работа была удостоена высокой оценки Н. Ф. Яковлева за содержание, идейную и научную направленность¹¹⁹³. Однако уже через несколько лет – после принятия решений XVI съезда ВКП (б) 1930 г. (о национальных уклонах в сторону великодержавного и местного шовинизма) и публикации в конце 1931 г. письма И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» – в редакции журнала «Пролетарская революция» труд Г. А. Кокиева был подвергнут критике и в последующем стал недоступен читателю. На страницах научных журналов историк был обвинен в отсутствии критики старой буржуазной литературы¹¹⁹⁴. В результате, в

¹¹⁹² См.: Максимчик, А. Н. Роль и место Кавказа во внешней политике России (по материалам неопубликованных работ профессора М. А. Полиевктова) // Проблемы джерелознавства, історіографії та історії Сходу: матеріали Міжнарод. наук. конф., присвяченої 90-річчю зі дня народження професора В. М. Бейліса (15-16 травня 2013 року, м. Луганськ) / під ред. М. С. Бурьяна. – Луганськ, 2013. – С. 137-142.

¹¹⁹³ См.: Яковлев Н. Ф. [Рецензия] // Историк-марксист. – 1927. – Т. 5. – С. 270-273. – Рец. на кн.: Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. – Владикавказ, 1926.

¹¹⁹⁴ См.: Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм в горской историографии // РИГ. – 1931. – № 4. – С. 3-11; № 5. – С. 44-60; Его же. О великодержавных и националистических тенденциях в горской исторической литературе // Историк-марксист. – 1932. – №. 1/2. – С. 140-161; Гарданов Б. Против великодержавничества и национализма (По поводу «Материалов по истории Осетии XVIII в.» Г. Кокиева «Известия Сев. ОсНИИ», вып. VI. Орджоникидзе, 1934 г.) // Изв. Сев.-Осет. НИИ. – 1935. – Т. 8. – С. 272-290.

1932 г. А. Кокиеву пришлось напечатать в журнале «Революция и горец» покаянное письмо, в котором он обещал переработать свой труд «под углом зрения марксистско-ленинской методологии»¹¹⁹⁵.

Вслед за подобной «критикой» работ Г. А. Кокиева в журнале «Историк-марксист» Н. Т. Лихницкий и Н. И. Покровский провели кампанию против исследований Б. В. Скитского, посвященных истории национально-освободительного движения на Северном Кавказе XVIII – 70-х гг. XIX в. Этот историк был обвинен в великодержавном шовинизме, выразившимся в фальсификации роли основной движущей силы движения – крестьянства – и обосновании прогрессивной цивилизаторской роли царской России на Северном Кавказе¹¹⁹⁶. В 1931-1932 гг. идеологическая «охота на ведьм» затронула историков и краеведов Г. К. Мартиросиана, А. Г. Авторханова, А. Е. Скачко, У. Д. Алиева, С. Сиюхова, Б. М. Городецкого¹¹⁹⁷. Это происходило на фоне шельмования и изобличения целых научных школ в исторической науке (дело историка С. Ф. Платонова, разгром школы М. Н. Покровского), арестов и ссылки академиков Н. П. Лихачева, Е. В. Тарле, М. К. Любавского, В. И. Пичеты и др.

В подобной внутривластной атмосфере, с подачи И. В. Сталина, активно обсуждался вопрос о необходимости пересмотра целого ряда позиций в исторической науке. В процессе работы над текстами учебников по истории СССР жюри правительственной комиссии потребовало от авторов-составителей

¹¹⁹⁵ Письмо Г. А. Кокиева в редакцию журн. «Революция и горец» // РИГ. – 1932. – № 2/3. – С. 205.

¹¹⁹⁶ Лихницкий Н., Покровский Н. Против великодержавного шовинизма в изучении истории горского национально-освободительного движения // Историк-марксист. – 1934. – Т. 2. – С. 105.

¹¹⁹⁷ См.: Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм в горской историографии // РИГ. – 1931. – № 4. – С. 3-11; № 5. – С. 44-60; Кондухов М. Об извращении горской истории и современности в краеведении (Ультра-правый уклон или псевдо-марксизм в национальном вопросе) // Революционный Восток. – 1930. – № 8. – С. 155-192; Раенко Я. Н. За ленинское изучение горских народов Северного Кавказа // РИГ. – 1932. – № 4. – С. 120-124; Шавкринский Ю. Об искажениях ленинизма в вопросах истории Дагестана // Историк-марксист. – 1932. – Т. 1/2. – С. 162-176.

корректировки концепции, рассматривавшей процесс присоединения какого-либо народа к России с позиций *«абсолютного зла»*. В силу своей безальтернативности и односторонности оценок эта концепция расходилась с задачами ВКП (б), направленными на историко-идеологическое обоснование создания и укрепления СССР. Правительственная комиссия указала на отсутствие показателя положительных последствий процесса присоединения и подчеркивала нецелесообразность применения концепции *«абсолютное зло»* на примерах перехода Украины и Грузии под власть России: «авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России... Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом»¹¹⁹⁸. Рекомендации комиссии стали переломным моментом в дальнейшем развитии исторической науки, занимавшейся изучением процесса присоединения иноэтнических территорий к империи. Оценки итогов присоединения ряда территорий к царской России в формулировках историков стали менее категоричными.

Однако замещение концепции *«абсолютного зла»* на концепцию *«наименьшего зла»* применительно к истории Северного Кавказа во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. шло очень медленно. В связи с тем, что в замечаниях к «Краткому конспекту учебника «История СССР»» И. В. Сталин оставил без изменения формулировку «Завоевание Северного Кавказа»¹¹⁹⁹, историки не спешили отказываться от концепции *«абсолютного зла»* и наполнять *«наименьшее зло»* свежей фактурой. Так, редактор «Исторического журнала» Е. М. Ярославский в своем докладе на заседании АН СССР в 1939 г. очень резко выступил против применения оценки *«наименьшее зло»* решительно ко всем колониальным окраинам. По его мнению, это означало бы создание новой универсальной «отмычки», и подобная «теория» не

¹¹⁹⁸ Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР // Историк-марксист. – 1937. – Кн. 3. – С. 140-141.

¹¹⁹⁹ Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории (1934-1936 годы) / Вступ. ст. и публ. М. В. Зеленова // ВИ. – 2004. – № 6. – С. 13.

изучает конкретно каждую колониальную окраину, а заставляет подходить к изучению с заранее предвзятыми схемами, идеями и оценками¹²⁰⁰. Оказавшись перед выбором, историки вынуждены были выбирать концептуальное направление, исходя из созданных постановлением жюри вариантов идейной платформы.

С позиций концепции «абсолютного зла» в предвоенные годы были подготовлены главы вузовских учебников по истории СССР¹²⁰¹, написано ряд монографий¹²⁰². Так, известный дагестанский историк Р.М. Магомедов настаивал на том, что «продвижение на Кавказ было подготовлено всем ходом колониальной политики царизма, проводившейся в течение сотен лет. Оно вытекало из самой природы русского феодально-крепостнического государства. Стремление к захвату рынков сбыта, сырьевых баз и торговых путей, шедших к восточным рынкам, было положено в основу захватнической политики царизма на Кавказе»¹²⁰³. В отличие от аналогичной по названию монографии С. К. Бушуева, связывавшего начало политического завоевания Северного Кавказа с разгромом Наполеона в России, Р.М. Магомедов указывал на 1801 г., а начало организованной борьбы горцев против царских колонизаторов и сплочение их под лозунгами шарията

¹²⁰⁰ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 г. / вступ. ст. Ю. Н. Амиантова // ВИ. – 1996. – № 2. – С. 75.

¹²⁰¹ См.: Бушуев С.К. Народы Кавказа во второй половине XIX в. Борьба горских народов за независимость // История СССР: учеб. для вузов: в 2 т. / Под ред. М. В. Нечкиной; сост. С. Н. Валк, С. С. Дмитриев, Н. М. Дружинин. – М., 1940. – Т. 2. – Гл. XVI. – С. 275-290; Шестаков А. В. Борьба горцев за независимость // История СССР: учеб. для вузов: в 2 т. / Под ред. В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова. – М., 1941. – Т. 1. – Гл. XXIX. – С. 395-399.

¹²⁰² См.: Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М., 1939; Его же. Дагестан и Чечня в период их завоевания рус. царизмом // Материалы по истории Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1940. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 3-40; Кровяков Н. Шамиль: Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. – М., 1940; Бурджалов Э.Н. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля: стенограмма лекции, прочит. 11 марта 1940 г. – М. 1940; Магомедов Р. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1939; Его же. Дагестан в период царского завоевания. – Махачкала, 1940; Его же. Имам Шамиль: [Ист. очерк]. – Махачкала, 1941; Его же. Юность Шамиля. – Махачкала, 1941.

¹²⁰³ Магомедов Р. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля ... – С. 13.

относил к 1829 г.¹²⁰⁴ Центральное место в диссертации Б. А. Гарданова «Осетинский вопрос в проблеме завоевания Кавказа», как и в предыдущей его статье¹²⁰⁵, было уделено пристальное внимание отрицанию факта добровольности присоединения осетин к России. На примере восстания в Кахетии в 1812 г. он отмечал, что «лучшим доказательством несостоятельности «теории» добровольности перехода осетин в пределы Российской империи является их длительная борьба за независимость. Она проявилась в виде вооруженной силы, в местах, где на первый взгляд это и не вызывалось никакими местными соображениями»¹²⁰⁶. Анализ результатов деятельности Осетинской духовной комиссии (создана в 1745 г. в Кизляре с целью восстановления основ православия и возрождения духовной власти осетинской епархии) привел Б. А. Гарданова к выводу о том, что осетины не были христианским народом, как это утверждала дореволюционная историография, и, следовательно, «заступить за осетин, как единоверных, не было основания у царизма в 60-х гг. XVIII в.»¹²⁰⁷. Он настойчиво отстаивал версию не только о насильственном характере присоединения Северной Осетии к России, но и Северного Кавказа в целом.

«Преимущественно» насильственный характер присоединения горцев признавал и историк-кавказовед Н. И. Покровский. Этот тезис он озвучивал при подготовке к защите докторской диссертации¹²⁰⁸. Однако, в отличие от своих коллег, ему удалось лаконично вписать в завоевательный характер присоединения концепцию «*наименьшего зла*». В 1940 г. он, рассуждая над результатами проникновения царизма на Северо-Восточный Кавказ, пришел к выводу, что «включение кавказских горцев в состав России было фактом объективно прогрессивным. Это не выража-

¹²⁰⁴ Магомедов Р. Юность Шамиля... – С. 25.

¹²⁰⁵ См.: Гарданов Б. Покорение Кавказа в военной историографии // Изв. Сев.-Осет. НИИ. – 1935. – Т. 8. – С. 233-271.

¹²⁰⁶ Работа Б. Гарданова «Осетинский вопрос в проблеме завоевания Кавказа» и рецензия на нее М. А. Полиевктова. 1939 г. // ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 20.

¹²⁰⁷ Там же. – Л. 70.

¹²⁰⁸ См.: Покровский Н. И. Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость: Тез. к дис. ... д-ра ист. наук. – Л., 1938.

ется очень ярко в разбираемый период (первая половина XIX в.) <...> но уже во второй половине XIX в. фактов, рисующих значение русского влияния, будет набираться все больше и больше»¹²⁰⁹. Он призывал других специалистов помнить об обеих сторонах присоединения: «об объективной прогрессивности его в той же мере, как и о реакционности колонизаторских методов»¹²¹⁰. Однако и здесь вживление концепции «*наименьшего зла*» в текст монографии «Кавказские войны и имамат Шамиля» объяснялось неоднократной переработкой рукописи по причине идеологической придирчивости издательств, которые так и не опубликовали ее при жизни ученого (книга впервые была издана только в 2000 г. сыном Николая Ильича академиком РАН Н. Н. Покровским).

Анализ публикаций довоенной советской историографии по различным аспектам присоединения Северного Кавказа к России показывает, что главной проблемой формирующейся новой исторической школы являлась слабость методологической и источниковедческой базы. Поэтому доминировало простое отторжение и даже искажение научных построений дореволюционных специалистов-кавказоведов путем обвинения их в фальсификациях. Отсутствовало четкое понимание того, какой должна быть «новая» историческая наука. Зыбкость научных построений определялась к тому же и постоянной динамикой политического режима, дрейфом общих идеологических парадигм. Односторонняя, не всегда научная дискредитация идей дореволюционных историков, а также замещение теоретических выводов профессиональных историков идеологемами привели к политизации исторической науки, ломке научного академизма. Основным каналом преемственности с дореволюционной историографией стало применение и заимствование собранного ею богатого фактического материала и исторических документов. В отличие от работ дореволюционных историков, детально описавших ход присоединения Северного Кавказа к России, советские историки главное внимание уделяли оценке причин и итогов присоединения, анализу методов российских властей, направленных на включение

¹²⁰⁹ Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля / [подгот. текста на араб. яз. и фарси А. Б. Куделин и др.]. – 2-е изд., доп. – М., 2009. – С. 191.

¹²¹⁰ Покровский Н. И. Указ. соч. – С. 191.

ние Кавказа в состав империи, представлению социальной базы и идеологии национально-освободительного движения. Довоенная советская историография была озадачена поиском альтернатив показа присоединения горцев к России, выработкой и корректировкой общей концепции понимания этого процесса (что напрямую зависело от партийных установок). В итоге были достигнуты диаметрально противоположные результаты, когда переход от версии «абсолютного зла» к «наименьшему злу» так и не был завершен.

3.2. Пересмотр концептуальных положений во второй половине 1940 – первой половине 1980-х гг.: причины и результаты

На завершающем этапе Великой Отечественной войны в научных кругах утверждалось мнение о необходимости кардинального пересмотра ряда устоявшихся положений в истории народов СССР. Ключевым вопросом прений стала необходимость внесения корректировок в трактовку процесса присоединения иноэтничных территорий к России. Как и в предыдущий период развития советской исторической науки, дискуссия, в первую очередь, сводилась к вопросу об изменении оценки последствий присоединения, но при устойчивом сохранении ленинского тезиса о Российской империи как «тюрьме народов». Одной из главных причин необходимости изменений в оценках явилось активное использование в годы войны в политической пропаганде лозунга сплоченности и дружбы всех народов СССР, выступивших единым фронтом в борьбе против фашизма. Перед послевоенной исторической наукой ставилась задача подведения под этот постулат конкретной исторической основы. В силу директивно полученной в довоенные годы установки на использование концепции «*наименьшего зла*», историки видели возможность расширения «ареала» ее применения за счет окончательного демонтажа прежней теоретической конструкции «*абсолютное зло*». Особое внимание при использовании новой формулы обращалось на по-

иск более широкого диапазона толкования *прогрессивного значения* присоединения нерусских народов к России¹²¹¹.

На заседании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) 1 июня 1944 г. критика прозвучала в отношении взглядов кавказоведа С. К. Бушуева. В резко отличавшемся на общем фоне выступлении философа Х. Г. Аджемьяна был поставлен вопрос о нецелесообразности изображения историком генерала А. П. Ер-

¹²¹¹ См.: Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70-е годы XIX в.). – М., 1955; Гаджиев А. С. Влияние присоединения Дагестана к России на развитие просвещения и культуры. – Махачкала, 1966; Его же. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. – Махачкала, 1964; Гаджиев В. Г. Возрождение народов Северного Кавказа в состав России // Изв. Акад. наук Казахской ССР. Сер., Общественные науки. – 1982. – № 3. – С. 40-44; Его же. Присоединение Дагестана к России // Уч. зап. Ин-та истории, яз. и лит. Дагест. фил. Акад. наук СССР. – 1956. – Т. I. – С. 7-41; Его же. Присоединение Дагестана к России и его исторически прогрессивное значение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1955; Кабанов А. С. Нальчик – столица Советской Кабарды: Краткий ист.-экон. очерк. – Нальчик, 1950; Калоев Б. А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. – 1961. – № 1. – С. 41-53; Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в.: [Учеб. пособие для вузов СССР]. – М., 1963; Кокиев Г. Из истории сношений России с Кавказом (IX-XIX вв.) // Уч. зап. Кабард. науч.-исслед. ин-та. – 1946. – Т. I. – С. 33-80; Его же. Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. // ВИ. – 1946. – № 10. – С. 44-60; Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552-1572 гг. // Ист. записки. – 1950. – Т. 34. – С. 236-287; Магомедов Р. М. Присоединение Дагестана к России // Очерки по истории Дагестана: в 2 т. / Под ред. Г. А. Аликберова. – Махачкала, 1950. – Т. I. – С. 86-155; Маршаев Р. Г. Сношения Кайтага и Казыкумуха с Русским государством в первой половине XVII в.: (Из истории русско-дагестанских отношений): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1954; Мустафаев, А. В братском единстве: Помощь русского народа – решающий фактор в национальном возрождении народов Дагестана. – Махачкала, 1960; Нарочницкий А. Л. Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 21-38; Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России: (Дюоктябрьский период). – Махачкала, 1956; Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях. XVI-XVIII вв. – Нальчик, 1948; Его же. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. – М., 1958; Фадеев А. В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России: (К проблеме развития капитализма вширь) // История СССР. – 1959. – № 6. – С. 40-62; Хашаев Х. М. Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России. – Махачкала, 1958.

молова в качестве «палача народов Кавказа». По мнению докладчика, это являлось извращением исторической истины, поскольку сам «декабрист-генерал» сумел покорить Дагестан в пользу дагестанского же народа. «Сами же горцы никогда не соглашались бы, и сам Шамиль никогда не согласился бы с подобной квалификацией Бушуева», – резюмировал Х.Г. Аджемян¹²¹². В этой связи особый интерес вызывает авторская трактовка причин, побудивших империю к расширению своих границ. Он считал, что борьба за «пространственный максимум» была «велением мудрого инстинкта самосохранения русской нации и державы, и это веление привело Россию к гигантским территориальным завоеваниям, благодаря тому, что национальные интересы России совпали с интересами <...> горцев»¹²¹³. Смысловая нагрузка такой трактовки в значительной степени корректировала сложившуюся в советской историографии оценку деятельности имама Шамиля. Признавая прогрессивность последствий присоединения горцев к России, Х.Г. Аджемян первым высказал версию о том, что движение, возглавляемое Шамилем, имело ярко выраженный негативный характер, поскольку имам осуществлял внешнеполитическую реакционную программу Турции и английской дипломатии против России¹²¹⁴.

В 1947 г. на расширенном заседании Института истории АН СССР данный тезис подвергся критике со стороны ряда известных специалистов-кавказоведов (К.В. Сивков, Б.Н. Заходер, Л.М. Иванов, Е.И. Чистякова, А.Б. Закс)¹²¹⁵. Однако уже в 1950 г. на волне охлаждения отношений СССР со странами Запада с подачи первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М.Д. Багирова в изучении проблемы присоединения горцев Кавказа к России произошел «переворот». Ранее считавшееся прогрессивным освободительное движение горцев под руководством Шамиля было вновь признано реакционным. Прогрессивность и добровольность республиканский партийный лидер перенес

¹²¹² Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б)... – С. 64.

¹²¹³ Там же. – С. 66.

¹²¹⁴ Там же. – С. 64.

¹²¹⁵ См.: Закс А. Дискуссия о движении Шамиля // ВИ. – 1947. – № 11. – С. 134-140.

на сам акт присоединения горцев к России, считая, что он «был для народов Кавказа единственно возможным путем для развития их хозяйства и культуры»¹²¹⁶. Несмотря на спорные взгляды М. Д. Багирова, его идеи были учтены и директивно закреплены в ряде научных изданий¹²¹⁷. Так, в 1950 г. на основе доклада ученого секретаря Президиума АН СССР В. П. Сухотина было принято постановление, в котором подверглись критике взгляды и деятельность сотрудников Академии Н. М. Дружинина, А. М. Панкратовой, М. В. Нечкиной, С. К. Бушуева, Г. Н. Гусейнова¹²¹⁸. С целью исправления допущенного идеологического «перекоса» Президиум предложил редакции журнала «Вопросы истории» опубликовать серию статей о реакционной роли движения Шамиля, а также о прогрессивной роли присоединения Кавказа к России¹²¹⁹.

В целом, возвращаясь к итогам совещания 1944 г. в ЦК ВКП (б), следует подчеркнуть, что они не только не позволили выработать общую теоретико-методологическую платформу для изучения причин и последствий процесса присоединения, но

¹²¹⁶ Багиров М. Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля. – М., 1950. – С. 28.

¹²¹⁷ См.: Адамов Е., Кутаков Л. Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // ВИ. – 1950. – № 11. – С. 101-125; Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70-е годы XIX в.). – М., 1955; Его же. О кавказском мюридизме // ВИ. – 1956. – № 12. – С. 72-79; Даниялов А. Д. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля // ВИ. – 1950. – № 9. – С. 3-18; Об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля в трудах научных сотрудников Академии // Вестн. Акад. наук СССР. – 1950. – № 11. – С. 104-105; Смирнов Н. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // ВИ. – 1950. – № 10. – С. 19-39; Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. – Орджоникидзе, 1954; Его же. Осетинский народ в борьбе против движения мюридизма и Шамиля // Изв. Сев.-Осет. НИИ. – 1954. – Т. XVI. – С. 48-68; Фадеев А. В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии // ВИ. – 1951. – № 9. – С. 76-96; Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: (Сб. док. материалов) / Под ред. Ш. В. Цагарейшвили. – Тбилиси, 1953.

¹²¹⁸ Об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля... – С. 104.

¹²¹⁹ Там же. – С. 105.

еще больше усугубили ситуацию в исторической науке. Так, в дополнительно вышедшем в 1947 г. томе первого издания БСЭ в параграфе статьи «История», посвященной народам Кавказа в начале XIX в., С. С. Дмитриев, избрав позицию концептуального нейтралитета, объединил в тексте статьи различные концепции и подходы. Результатом работы стал вывод о том, что «народы Кавказа, одни добровольно, другие в итоге завоевания, вошли в состав империи. Присоединение к России было тогда для народов Кавказа единственным возможным путем для развития хозяйства и сохранения в некоторой степени национальной культуры, хотя этот путь и дорого стоил кавказским народам, ставшим объектами колониальной политики царизма, сделавшего Россию «тюрьмой народов»¹²²⁰.

Дискуссия по выработке генеральной линии по вопросам оценки присоединения иноэтничных территорий к России была продолжена в начале 1950-х гг. Так, в 1951 г. журнал «Вопросы истории» опубликовал письмо М. В. Нечкиной «К вопросу о формуле «наименьшее зло»»¹²²¹. В нем предлагалось новое прочтение формулы, которое до этого времени воспринималось историками буквально. По мнению автора, термин «зло» правомерно воспринимался историками, как угнетение народа царизмом, как тяжесть национально-колониального гнета. Однако он не демонстрировал широты и многогранности всех явлений исторического процесса на примере конкретного народа после его присоединения к России (общение передовых культур, революционное общение народов, общение народов в хозяйственной сфере). М. В. Нечкина отмечала, что «только на основе глубокого изучения этой стороны процесса возможно дать объективную оценку результатов присоединения того или иного народа к России, возможно решить, в каких случаях она не может быть применена и, самое основное, как она, эта формула, в каждом конкретном

¹²²⁰ Дмитриев С. Россия в 19 в. // Большая советская энцикл.: в 65 т. – М., 1947. – Доп. том: Союз Советских Социалистических Республик. – Стлб. 482.

¹²²¹ См.: Нечкина М. К вопросу о формуле «наименьшее зло»: Письмо в редакцию // ВИ. – 1951. – № 4. – С. 44-49.

случае должна быть расшифрована»¹²²². В письме историк предлагала своим коллегам обратить внимание на положительные стороны динамики последующего развития народов, вошедших в состав России. Одобрительно на этот призыв отозвался ряд исследователей, которые подчеркнули несостоятельность формулы «наименьшее зло» и предлагали отказаться от нее¹²²³.

По сути, в послевоенной историографии поиски объективной и адекватной (с партийной точки зрения) исторической картины прошлого привели историческую науку к частичному возвращению идей предшественников XIX – начала XX в. в оценке последствий присоединения Северного Кавказа к России. Цивилизаторские основы миссии империи были заменены на ее прогрессивные последствия. В качестве методологического «щита» истинности этого утверждения историки активно стали использовать в работах выдержку из письма Ф. Энгельса к К. Марксу от 23 мая 1851 г., в котором подчеркивалась прогрессивная роль России по отношению к Востоку.

Причина подобной переоценки лежала далеко за пределами науки. По мнению Р.М. Магомедова, это было связано с послевоенным партийным переосмыслением национального критерия развития истории, находившегося в подчинении классового фактора. В общественном сознании явственно обозначилась тенденция считать СССР юридическим правопреемником царской России. «В оценках ее истории классовый момент начал слабеть, а национальный усиливаться вплоть до забвения слов В. И. Ленина о двух противоположных культурах в русской культуре и слов Герцена о двух Россиях...», – отмечал Р.М. Магомедов¹²²⁴.

Крайне негативным фактором, повлиявшим на последующее изучение различных аспектов присоединения Северного Кавказа к

¹²²² Там же. – С. 47-48.

¹²²³ См.: Мустафаев М.О. О формуле «наименьшее зло» // ВИ. – 1951. – № 9. – С. 97-101; Тавакалян Н. По поводу письма М.В. Нечкиной «К вопросу о формуле «наименьшее зло»» // ВИ. – 1951. – № 9. – С. 101-107; Якунин А.О. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // ВИ. – 1951. – № 11. – С. 51-86.

¹²²⁴ Магомедов Р.М. Движение горцев под руководством Шамиля в советской историографии // Изв. СКНЦ ВШ. Сер. Общественные науки. – 1989. – № 3. – С. 48.

России, стало выселение в 1944 г. с этнических территорий ряда «неблагонадежных» народов региона (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы) в Центральную Азию. Это привело к тому, что до середины 1950-х гг. на вопросы, связанные с историей присоединения этих народов к России, было наложено табу. Наиболее ярким примером в этом плане является история защиты кандидатской диссертации «Ташев Хаджи – сподвижник Шамиля и Чеченское восстание 1840 года» сотрудника ГИМ А.Б. Закс¹²²⁵. Вплоть до реабилитации этих народов в 1957-1958 гг. исследовательские интересы были направлены исключительно на изучение исторического прошлого Северо-Западного и Центрального Кавказа.

Пересмотр оценки последствий присоединения Северного Кавказа к России наложил свой отпечаток и на вопросы хронологии. В постоянно усиливавшемся в исторической науке идеологическом тезисе о вековой дружбе народов республик СССР с Россией ленинский этап политического завоевания горцев (который в довоенной историографии хронологически совпадал с окончанием Кавказской войны – А. М.) перестал отвечать насущным интересам Советского государства. С одной стороны, в исторической науке активно насаждался тезис о добровольности вхождения, с другой, – со второй половины 1950-х гг. исследователи вернулись к «добагировской» концепции национально-освободительного движения горцев¹²²⁶. Это четко отразилось в постав-

¹²²⁵ См.: Закс А. Б. Как я защищала диссертацию и пыталась ее опубликовать // ВИ. – 1989. – № 6. – С. 164-167.

¹²²⁶ См.: Даниялов Г. Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля // ВИ. – 1966. – № 10. – С. 18-28; Даниялов Г. Д. О движении горцев под руководством Шамиля // ВИ. – 1957. – № 7. – С. 67-72; К дискуссии о характере движения горцев Дагестана под руководством Шамиля // ВИ. – 1957. – № 1. – С. 195-196; О движении горцев под руководством Шамиля: Материалы сес. Дагест. фил. Акад. наук СССР, 4-7 окт. 1956 г. / Отв. ред. Г.-А. Д. Даниялов. – Махачкала, 1957; Обсуждение вопроса о характере движения горских народов Северного Кавказа в 20-50-х годах XIX в. // ВИ. – 1956. – № 12. – С. 188-198; Пикман А. М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // ВИ. – 1956. – № 3. – С. 75-84; Покровский М. В. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40-60-х годах XIX в. // ВИ. – 1957. – № 2. – С. 62-74; Сивков К. В. О проектах окончания Кавказской войны в середине XIX в. // История СССР. – 1958. – № 3. – С. 191-194; Фадеев А. В. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе // ВИ. – 1955. – № 6. – С. 67-77; Его же. Антиколониальное движение народов Северного Кавказа // Преподавание истории в школе. – 1957. – № 6. – С. 34-45.

ленных М. М. Блиевым вопросах: «являлось ли присоединение горцев к России результатом завоевания или, учитывая, что на протяжении длительного времени горцы обращались к русскому правительству с просьбой о включении их в состав России, оно носило добровольный характер? Если утверждать, что присоединение Северного Кавказа было актом добровольным, но отнести это событие к периоду Кавказской войны, то, естественно, встает другой вопрос: как объяснить тогда самую эту войну?»¹²²⁷.

Советские историки 1950-1980-х гг. предложили три варианта выхода из сложившегося в историографии противоречия. Часть исследователей увидела выход в реанимации дореволюционного подхода в определении времени присоединения горцев к империи, опиравшегося на итоговые договоренности международных договоров, в тексте которых юридически закреплялись территориальные приобретения Российской империи¹²²⁸. Это позволяло исследователям отойти от привязки факта присоединения какого-либо горского народа к России к событиям продолжительной и кровопролитной Кавказ-

¹²²⁷ Блиев М. М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // ВИ. – 1970. – № 7. – С. 56.

¹²²⁸ См.: Апфельбаум А. С. Северо-Западный Кавказ в период русско-турецкой войны 1828-1829 гг. // Изв. СКНЦ ВШ. Сер., общественные науки. – 1983. – № 4. – С. 38-42; Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России и его историческое значение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1956. – С. 11; Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. – 2-е изд., доп. и испр. – Нальчик, 1982. – С. 195; Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX в. / [В. А. Георгиев [и др.]; Отв. ред. Н. С. Киняпина]. – М., 1978; Гаджиев В. Г. Присоединение Дагестана к России // Очерки по истории Дагестана: в 2 т. – Махачкала, 1957. – Т. 1. – Гл. 6. – С. 192; Его же. Присоединение Дагестана к России // Уч. зап. Ин-та истории, яз. и лит. Дагест. фил. Акад. наук СССР. – 1956. – Т. I. – С. 7-41; Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). – М., 1955. – С. 334; Кабанов А. С. Нальчик – столица Советской Кабарды... – С. 8; Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России: (Дооктябрьский период). – Махачкала, 1956. – С. 9; Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия / Под ред. П. А. Брюханова. – Черкесск, 1956. – С. 64; Рагушняк В. Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие: Учеб. пособие оп спецкурсу. – Краснодар, 1978. – С. 46; Феодаева Ф. З. Русско-дагестанские отношения во 2-й половине XVIII – начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1971. – С. 17; Хашаев Х. Общественный строй Дагестана в XIX в. – М., 1961.

ской войны. Вслед за своими дореволюционными предшественниками историки трансформировали ее во внутривосточный политический конфликт, который, таким образом, переставал ассоциироваться с процессом присоединения. Кавказская война, перешедшая в разряд восстания, стала рассматриваться как реакция горцев на политику России, направленную на утверждение военно-административного аппарата и насаждения колониально-крепостнических порядков. Такой подход позволял историкам получить и использовать хронологическое пространство для лавирования в изложении комплекса вопросов, связанных с проблемой присоединения горцев и беспрепятственно утверждать положение о прогрессивном и добровольном вхождении какого-либо народа. В результате этот вариант привел к тому, что ранее считавшийся единым процесс присоединения Северного Кавказа к России был расчленен на две самостоятельные темы: присоединение территорий на основании мирных международных договоров и история Кавказской войны. Согласно этому подходу, еще в 1946 г. профессор Г. А. Кокиев на основании анализа исторических документов по истории российско-кабардинских отношений пришел к выводу о том, что официальной датой политического присоединения Кабарды к России следует считать заключение в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного трактата с Турцией¹²²⁹. Несмотря на то, что Г. А. Кокиеву удалось полностью отойти от своих довоенных оценок характера и последствий присоединения горцев к России, в 1949 г. он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и подрывной работе по развалу социалистической науки. В 1955 г. в результате очередной кампании шельмования Г. А. Кокиев умер, находясь в ссылке¹²³⁰.

¹²²⁹ Кокиев Г. Из истории сношений России с Кавказом (IX-XIX вв.) // Уч. зап. Кабард. НИИ. – 1946. – Т. 1. – С. 79; Его же. Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. // ВИ. – 1946. – № 10. – С. 60.

¹²³⁰ Анчабадзе Ю. Д. Кавказовед Г. А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы: Сб. биографий / Сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. – М., 1999. – Вып. 1. – С. 149; Цориева И. Т. Идеология и гуманитарные науки в Северной Осетии (середина 1940-х – середина 1950-х гг.) // Вестн. Владикавказ. науч. центра. – 2006. – Т. 6. – № 4. – С. 3.

В пользу подобного варианта высказалось большинство историков, занимавшихся проблемой присоединения Северной Осетии к России. В значительной мере к этому подтолкнули установки V пленума Северо-Осетинского обкома КПСС «О состоянии и мерах по улучшению идеологической работы в республике» (апрель 1952 г.). На нем был поставлен вопрос о ликвидации инвариантных версий времени и характера присоединения республики к России. Дело в том, что еще в конце 1940-х гг. в осетинской историографии продолжала доминировать точка зрения историка Б. В. Скитского, который, как и его ученик М. С. Тотоев, настойчиво продолжали считать, что окончательное «подчинение» (термин авторов) Северной Осетии произошло в 1820-1830-е гг.¹²³¹ В тоже время, это, по их мнению, не мешало констатировать прогрессивные последствия присоединения. В новых политических реалиях 1950-х гг. такой подход партийной элитой был отвергнут. Было принято решение остановиться на первом варианте – 1774 г., считая эту дату наименее острым эпизодом российско-осетинских отношений. После обвинений Б. В. Скитского в «буржуазном национализме», выражавшемся в выпячивании своеобразия исторического прошлого осетинского народа, ему пришлось коренным образом пересмотреть свою точку зрения¹²³².

Учитывая тот факт, что в самом тексте Кючук-Кайнарджийского мирного договора территория Северной Осетии не упоминалась, М. С. Тотоев, в попытке реабилитации в глазах научной общественности, предложил новую формулировку: «так как часть осетинских обществ в XVIII в. находилась в вассальной зависимости от кабардинских князей, то с присоединением Кабар-

¹²³¹ Скитский Б. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года / Б. Скитский // Изв. Сев.-Осет. НИИ. – 1947. – Т. XI. – С. 149; Тотоев М. С. Некоторые вопросы из истории Осетии XIX в. // Изв. Сев.-Осет. НИИ. – 1948. – Т. XIII. – Вып. 1. – С. 3.

¹²³² См.: Скитский Б. В. Присоединение Осетии к России и его историческое значение (вторая половина XVIII в.) // Очерки истории горских народов: Избранное / [Сост. и вступ. ст. А. К. Джанаев]. – Орджоникидзе, 1972. – С. 312-351; Его же. Хрестоматия по истории Осетии: в 2 ч. 2-е изд., перераб. и доп. – Орджоникидзе, 1956. – Ч. 1. – С. 162-218.

ды к России следует считать и Осетию»¹²³³. Эту дату он отстаивал и в последующих изданиях¹²³⁴. Международные договоренности 1774 г., а также результаты осетинского посольства 1749-1752 гг. в Санкт-Петербург были использованы в ряде различных публикаций историка М. М. Блиева¹²³⁵. С позиций середины 1950-х гг. он отмечал, что наиболее характерными ошибками, имевшими место в осетинской советской исторической литературе, были: 1) умалчивалась добровольность присоединения Осетии к России при одностороннем подчеркивании захватнической политики царизма; 2) не раскрывалась в полной мере прогрессивность последствий этого присоединения; 3) идеализировался ряд антинародных, реакционных движений конца XVIII – начала XIX в., направленных на отторжение Осетии от России¹²³⁶.

Вторым – новационным – вариантом рассмотрения истории российско-кавказских отношений XVI-XIX вв. в контексте определения времени присоединения горцев к России стал подход, базировавшийся на новом прочтении текстов прошений принятия горцами российского подданства¹²³⁷. Как и в первом случае, историки, в угоду партийным указаниям, пытались доказать, что ряд северокавказских народов добровольно вступил в состав России задолго до начала Кавказской войны. В результате «историко-идеологических мутаций» терминов в исторической

¹²³³ Дзакоев К. Х., Тотоев М. С. Славная страница в истории осетинского народа // Изв. Сев.-Осет. НИИ. – 1954. – Т. XVI. – С. 6.

¹²³⁴ См.: Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. – Орджоникидзе, 1954; Его же. К истории дореформенной Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1955.

¹²³⁵ См.: Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге. 1749-1752 гг. – Орджоникидзе, 1961; Его же. Осетия в первой трети XIX в. – Орджоникидзе, 1964; Его же. Присоединение Северной Осетии к России и его историческое значение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1956; Его же. Русско-осетинские отношения (40 гг. XVIII – 30 гг. XIX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1967; Блиев, М. М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). – Орджоникидзе, 1970.

¹²³⁶ Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России и его историческое значение... – С. 2.

¹²³⁷ Сокуров В. Н. О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х годах XVII века // Сб. ст. по истории Кабардино-Балкарии. – 1976. – Вып. 10. – С. 13.

науке 1950-1970-х гг. термин *подданство* был заменен понятием *присоединение* и стал рассматриваться в качестве его синонима. Вескими доказательствами в пользу той или иной даты присоединения исследователи считали неоднократные посольства в Москву и Санкт-Петербург кавказских «дипломатов», титулатуру российских монархов, неоднократное повторение присяг на верность. Это, по их мнению, служило гарантом прочности двусторонних отношений, определяло территориальный и численный охват присягавших, что позволяло делать утверждение не только о присоединении к России отдельных лиц, но и целых этносов, а также указывало на добровольное волеизъявление этого решения.

Значительным фактором в ускорении внедрения постепенно трансформировавшейся формулы *объективно-прогрессивных последствий* в концепцию «добровольного вхождения» по отношению к народам Кавказа стало празднование в 1954 г. 300-летия добровольного присоединения Украины к России. Следует отметить, что практика проведения подобных мероприятий была позаимствована у дореволюционной России.

В 1954 г. в г. Нальчике на Всесоюзной научной конференции историком Т. Х. Кумыковым была озвучена мысль о необходимости начала подготовки к скорому аналогичному юбилею присоединения Кабарды к России. Согласно выдержкам из стенографического отчета VIII сессии Кабардинского НИИ (август 1954 г.), опубликованных историком Ч. Э. Кардановым, изначально Т. Х. Кумыков предлагал отнести это событие к августу 1555 г. Его мнение было поддержано историками Е. П. Алексеевой, З. В. Анчабадзе, В. К. Гардановым, Б. В. Скитским, М. С. Тотоевым¹²³⁸. Однако позже сам Т. Х. Кумыков пересмотрел свое мнение и предложил взять за точку отсчета кабардинское посольство 1557 г. от князей Темрюка и Тазрюта в Москву¹²³⁹. Можно только предполагать, чем было вызвано изменение мнения историка. Скорее все-

¹²³⁸ Карданов Ч. Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI веке (1550-1580 гг.). – Нальчик, 1972. – С. 22-23.

¹²³⁹ См.: Кумыков Т. Х. О прогрессивном значении добровольного присоединения Кабарды к России // Сб. ст. по истории Кабарды / [Редкол.: К. Н. Керефов (глав. ред.) и др.]. – 1955. – Вып. 4. – С. 65-97.

го, главной причиной стали очень сжатые сроки для подготовки празднования, поскольку комплекс планируемых мероприятий затрагивал все сферы жизни Кабардинской АССР. Это видно из опубликованных архивных документов по подготовке 400-летия добровольного вхождения в 1957 г., выявленных в Центре документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (Ф.1. Оп. 2. Д. 465, 471)¹²⁴⁰.

В результате прений на заседании бюро Кабардинского обкома КПСС от 26 февраля 1955 г. была одобрена дата 1557 г. и принято решение о начале подготовки к праздничным мероприятиям, которые должны были состояться в июле 1957 г.¹²⁴¹ С целью придания аргументированности установке и для соблюдения исторической достоверности была организована рабочая группа историков (Е. И. Крупнов, Е. Н. Кушева, Н. А. Смирнов, Т. Х. Кумыков и др.), в задачу которых входила подготовка монографий и статей, посвященных 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России¹²⁴². Данная концепция получила свое логическое продолжение и в последующие годы, однако она не имела

¹²⁴⁰ Празднование 400-летия присоединения Кабарды и Балкарии к России (подборка арх. док.) / Вступ. ст. и коммент. Р. М. Ашхотовой // Архивы и общество [эл. ресурс]. – 2011. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://archivesjournal.ru/?p=225>. – Дата доступа: 01.07.2012.

¹²⁴¹ Там же.

¹²⁴² См.: Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI-XVII вв. / Под ред. В. П. Невской. – Черкесск, 1957; Аутлеев М. Г. Адыги: Ист.-этнограф. очерк. – Майкоп, 1957; Бербеков Х. 400 лет вместе с народами России // Коммунист. – 1957. – № 10. – С. 64-72; Бушуев С. К. Из истории русско-кабардинских отношений. – Нальчик, 1956; Кабардино-Балкарская АССР: [Сб. ст. / Глав. ред. К. Н. Керевов]. – Нальчик, 1957; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы: в 2 т. / Сост. Н. Ф. Демидова и [и др.]. – М., 1957. – Т. 1; Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. – Нальчик, 1957; Его же. Совместная борьба русского и кабардинского народов против иностранных захватчиков в XVI-XVIII вв. // Уч. зап. Кабард. НИИ. – 1955. – Т. X. – С. 3-23; Кушева Е. Н., Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия // История Кабарды: С древнейших времен до наших дней / [Редкол.: Н. А. Смирнов (отв. ред.) и др.]. – М., 1957. – Гл. IV. – С. 33-39; Невская В. П. Добровольное присоединение Черкесии к России: К 400-летию юбилею / Е. П. Алексеева, Т. Х. Калмыков, В. П. Невская; Под ред. Э. А. Джанибекова. – Черкесск, 1957; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. – М., 1958.

монопольного статуса¹²⁴³. Критически о ней стали высказываться еще в 1960-1970-е гг. Историки подчеркивали, что «признание кабардинцев «холопами» русского царя и их служба Русскому государству не означало, однако, включения Кабарды в государственные границы и не привело к назначению в Кабарду русской администрации...»¹²⁴⁴.

После реабилитации во второй половине 1950-х гг. карачаевского и балкарского народов местные исследователи также начали вести поисковую работу по обнаружению даты их добровольного присоединения к России. Так, авторский коллектив издания «Добровольное присоединение Черкесии к России», отмечая тот факт, что в результате трех посольств (1552, 1555 и 1557 гг.) состоялось добровольное присоединение Черкесии и Кабарды к России, высказали предположение, что «карачаевцы и балкарцы присоединились к Русскому государству тогда же, когда и Черкесия и Кабарда»¹²⁴⁵. Косвенно к этой дате склонялся балкарский историк Н. Х. Тхамков в статье «К вопросу о социально-экономическом строе Балкарии в XVIII веке». Анализ торгово-экономических связей между балкарскими обществами и Россией подвел его к мысли о необходимости установления точной даты присоединения Балкарии к России. Он отмечал, что «дата присоединения Балкарии к России конца XVIII – первой половины XIX века является слишком поздней, так как необходимые усло-

¹²⁴³ См.: Алексеева Е. П. Связи народов Северо-Западного Кавказа с Россией в XVI-XVII вв. и их прогрессивное значение // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 257-263; Карданов Ч. Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI веке (1550-1580 гг.). – Нальчик, 1972; Кумыков Т. Х. Добровольное вхождение адыгов в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 70-79; Навеки вместе: Стеногр. отчет / Торжеств. заседание Кабард.-Балкар. обкома КПСС и Верховного Совета Кабард.-Балкар. АССР, посвященные 425-летию добровольного присоединения Кабардино-Балкарии к России, 16 июля 1982 г. – Нальчик, 1983.

¹²⁴⁴ Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. 2-е изд., доп. и испр. – Нальчик, 1982. – С. 46; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. – М., 1963. – С. 233.

¹²⁴⁵ Невская В. П. Добровольное присоединение Черкесии к России: К 400-летию юбилею / Под ред. Э. А. Джанибекова. – Черкесск, 1957. – С. 15.

вия к присоединению Балкарии к России созрели гораздо раньше»¹²⁴⁶. Данную точку зрения не разделило большинство исследователей. Так, секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС историк С. К. Бабаев и профессор В. Б. Виноградов настаивали на том, что присоединение балкарских таубиев к России произошло на основании прошений о подданстве во второй половине XVIII – начале XIX в.¹²⁴⁷, а историки С. А. Чекменев, К. Г. Азаматов и А. С. Апфельбаум связывали это событие со сражением генерала Г. А. Эммануэля с карачаевцами 20 октября 1828 г. и принятием в феврале 1827 г. присяги от балкарских обществ¹²⁴⁸. Позже К. Г. Азаматов пересмотрел свою точку зрения в пользу 90-х гг. XVIII в.¹²⁴⁹ Коллектив авторов издания «Карачаевцы» считали датой присоединения Карачая к России 1783 г. т.е. год установления российско-турецкой границы по р. Кубань¹²⁵⁰.

Вслед за Северо-Западным Кавказом юбилейные торжества по случаю добровольного вхождения в состав России охватили весь Кавказ: в 1963 г. отмечалось 150-летие вхождения Азербайджана в состав России, в 1974 г. – 200-летие принятия Северной Осетии в состав России, в 1978 г. – 150-летний юбилей присоединения Армении, в 1982 г. – 200-летие доброволь-

¹²⁴⁶ Отчет о научной работе Кабард.-Балкар. ун-та за 1960, 1961, 1962 и 1963 годы: (Авторефераты). – Нальчик, 1964. – С. 126.

¹²⁴⁷ Бабаев, С. К. Кумыков Т. Х. Развитие феодальных отношений в Балкарии в XVI-XVII вв. // Очерки истории балкарского народа: (С древнейших времен до 1917 г.) / Редкол.: А. В. Фадеев (гл. ред.) [и др.]. – Нальчик, 1961. – Гл. III. – С. 37; Виноградов В. Б. Балкарцы в русско-кавказских отношениях XVII в. // ВИ. – 1985. – № 6. – С. 177.

¹²⁴⁸ Азаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. – Нальчик, 1968. – С. 19; Апфельбаум А. С. Северо-Западный Кавказ в период русско-турецкой войны 1828-1829 годов // Изв. СКНЦ ВШ. Сер., Общественные науки. – 1983. – № 4. – С. 42; Чекменев С. А. Включение Карачая и Черкесии в состав России // Очерки истории Карачаево-Черкесии: в 2 т. / [Отв. ред. В. П. Невская]. – Черкесск, 1967-1972. – Т. 1. – Гл. 7. – С. 289.

¹²⁴⁹ Азаматов К. Г. К вопросу о русско-балкарских отношениях в XVII-XVIII вв. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 276.

¹²⁵⁰ Алексеева Е. П., Невская В. П., Шаманов И. М. Исторический очерк // Карачаевцы / Отв. ред. Л. И. Лавров. – Черкесск, 1978. – Гл. I. – С. 25.

ного вхождения в состав России Чечено-Ингушская АССР, в 1983 г. 200-летний юбилей был отпразднован в Грузии. Попытка проведения аналогичного мероприятия в Дагестане по случаю 350-летия его добровольного вхождения встретила категорический протест ученых исторического факультета ДГУ¹²⁵¹. За основу празднования предлагалась версия о начале принятия российского подданства целым рядом дагестанских владений, завершившееся в 1635 г. Первым его приняли в 1614 г. Сурхай шамхал и владелец Засулакской Кумыки Султан-Махмуд¹²⁵². Такое мнение еще ранее отрицал Р.Г. Маршаев. Он подчеркивал, что отношения Кайтага и Казыкумуха с Россией в XVII в. характеризовались тем, «что они устанавливались впервые и что переговоры о русском подданстве велись еще с воеводами Терского города, а не с центральным правительством. Кайтагские и казыкумухские посольства еще не ездили в Москву и юридически оформленного акта принятия присяги о русском подданстве еще не состоялось»¹²⁵³. И. Р. Нахшунов также писал, что целью этих посольств было не присоединение к России, а «стремление получить поддержку России для освобождения от зависимости восточных деспотий»¹²⁵⁴. Главную причину невозможности добровольного вхождения Дагестана в состав России в XVII-XVIII вв. А. С. Гаджиев видел в постоянных вмешательствах в процесс русско-дагестанских отношений иранских и турецких завоевателей¹²⁵⁵. Однако известный дагестанский историк В. Г. Гаджиев и ряд других исследователей в 1950-1980-е гг., несмотря на то, что не опровергали факт присоединения Дагестана к России в 1813 г., всячески старались доказать, что этот

¹²⁵¹ Рамазанов Х. Х. Шамиль: Ист. порт. – Махачкала, 1990. – С. 88.

¹²⁵² Гаджиев В. Г. Вхождение Дагестана в состав России // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в.: Темат. сб. / [Сост. Б. Г. Алиев; отв. ред.: В. Г. Гаджиев] – Махачкала, 1988. – С. 16.

¹²⁵³ Маршаев Р. Г. Сношения Кайтага и Казыкумуха с Русским государством в первой половине XVII в.: (Из истории русско-дагестанских отношений); автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1954. – С. 12.

¹²⁵⁴ Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России: (Дооктябрьский период). – Махачкала, 1956. – С. 30.

¹²⁵⁵ Гаджиев А. С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. – Махачкала, 1964. – С. 10.

акт юридически подтвердил состоявшееся ранее присоединение народов Дагестана в XVII-XVIII вв.¹²⁵⁶

Новым прочтением текстов присяг была охвачена и историческая наука Чечено-Ингушской АССР¹²⁵⁷. Начало утверждению концепции *добровольного вхождения* Чечни и Ингушетии в состав России положила статья историков В. Б. Виноградова и С. Ц. Умарова «Вехи единства», опубликованная в 1978 г. в газете «Грозненский рабочий». В ней они впервые высказали версию о добровольном вхождении этих кавказских территорий в состав России в результате принятия населением российского подданства в 1781 г. В октябре 1979 г. эта концепция получила одобрение директивных органов на проходившей в г. Грозном конференции¹²⁵⁸. В журнале «История СССР» авторы концепции

¹²⁵⁶ Алиев Б. Г. Взаимоотношения союзов сельских обществ даргинцев с Россией в XVII – первой четверти XVIII в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 270-273; Гаджиев В. Г. Присоединение Дагестана к России и его исторически прогрессивное значение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1955. – С. 5; Его же. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965. – С. 203.

¹²⁵⁷ См.: Вехи единства: Сб. ст., посвященных 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России / Сост. В. Д. Беловецкий, Р. М. Нашхоев. – Грозный, 1982; Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Акт 21 января 1781 г. – важнейшее событие в процессе вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (арх. док.) // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в.: Сб. ст. – Грозный, 1981. – С. 104-113; Исаева Т. А. О вхождении чечено-ингушских земель в состав Русского централизованного государства (XV-XVI вв.) // Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV-XVIII вв.: Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина: Тез. докл. и сообщ., 26-28 нояб. 1980 г., г. Москва / [Редкол.: В. Т. Пашуто (отв. ред.) и др.]. – М., 1980. – С. 61-65; Колосов Л. Н. Русско-чечено-ингушские отношения на рубеже XVIII-XIX вв. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа ... – С. 305-310; Нарочницкий А. Л. Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 21-38; Умаров С. Ц. Позиция местного мусульманского духовенства в процессе вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (вторая половина XVI – начало 80-х годов XVIII в.) // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 298-301.

¹²⁵⁸ См.: О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России / Бузуртанов М. О. [и др.] // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 47-60.

предложили свою периодизацию российско-вайнахских отношений: 1) X – первая половина XVI в. – время первых контактов; 2) середина XVI-XVII в. – установление непосредственных политических, военных, культурных связей, отразивших складывающееся взаимное тяготение и начало процесса вхождения обществ Чечено-Ингушетии в состав России; 3) XVIII в. – дальнейший рост и углубление политических, военных, культурных, а вслед за тем широких торгово-экономических и социальных взаимоотношений; победа в середине XVIII в. русской ориентации у основной массы чеченцев и ингушей и фактическое оформление в 1762-1781 гг. их добровольного вхождения в состав России¹²⁵⁹.

Монопольное утверждение концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России вызвало резкую волну критики многих ученых. Свои аргументированные замечания высказали известный историк и этнограф Л. И. Лавров и профессор РГУ А. П. Пронштейн¹²⁶⁰. С определенной долей сомнения в правомерности даты присоединения Чечено-Ингушетии к России высказывались молодые историки Ш. Б. Ахмадов и Я. З. Ахмадов. Они считали, что в 1780-е гг. закончился один из этапов российско-чеченских отношений, за которым начался новый – присоединение к России¹²⁶¹. Критически к оценке прогрессивности присоединения всего Северо-Восточного Кавказа к России подходил профессор Р. М. Магомедов. На конференции «Историко-география истории народов Северного Кавказа и Дона» в г. Грозном он отмечал, что «благоприятные последствия присоединения не соответствовали ни целям, ни методам самодержавия. Ибо про-

¹²⁵⁹ Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч.; Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России / Байбулатов Н. К. [и др.] // История СССР. – 1980. – № 5. – С. 50.

¹²⁶⁰ Цикоцкая Н. И., Черноус В. В. Как это было... (Штрихи к истории концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России) // Изв. СКНЦ ВШ. Сер., Общественные науки. – 1990. – № 2. – С. 68-69, 74.

¹²⁶¹ Ахмадов Ш. Б. Народное движение в Чечне в конце XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1974. – С. 21; Ахмадов Я. З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1977. – С. 15.

гресс достигнут не благодаря, а вопреки его реакционной политике»¹²⁶².

Третий путь в развитии хронологии присоединения Северного Кавказа к России был связан с утверждением тезиса о непротиворечивости прогрессивности присоединения горцев и событий Кавказской войны на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе. Единственной оговоркой в формулировке даты было прибавление к термину *присоединение* выражения *окончательное*. Это было связано с рассмотрением двухэтапного процесса присоединения. В 1960 г. об этом писал А. В. Фадеев¹²⁶³. В 1970 г. периодизация была усовершенствована М. М. Блиевым. В статье «О времени присоединения Северного Кавказа к России» он продемонстрировал существующую поливариантность и многогранность точек зрения по данному вопросу. Основываясь на результатах анализа советской историографии, М. М. Блиев предложил более гибкую периодизацию истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией: 1) установление русско-кавказских связей и присоединение народов Кавказа к России (середина XVI в. – заключение Гюлистанского мира в 1813 г.); 2) утверждение на Кавказе царского военно-административного аппарата, превращавшего этот регион в колонию России, и развертывание освободительной борьбы горцев (1813-1864 гг.)¹²⁶⁴. По мнению автора, применение данной периодизации позволяло четко развести по углам два различных процесса, которые ошибочно рассматривались как явления одного и того же политического содержания. Большинство специалистов приняло вышеуказанную периодизацию, согласившись рассматривать присоединение как новое состояние во взаимоотношениях между двумя народами, оформленное соответствующими юридическими документами, подписанными договаривающимися сторонами. Они приобрели силу закона до того, как на вошедших в состав России территории

¹²⁶² Магомедов Р.М. Методологические вопросы вхождения народов Северо-Восточного Кавказа в состав России // Вопр. истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. – 1980. – Вып. 2. – С. 18-19.

¹²⁶³ Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. – М., 1960. – С. 11.

¹²⁶⁴ Блиев М.М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // ВИ. – 1970. – № 7. – С. 51.

ях была введена российская администрация¹²⁶⁵. При этом исследователи Н. С. Киняпина и В. В. Дегоев акцентировали внимание на том, что «Северный Кавказ был для России менее освоенным районом, чем Закавказье. Северный Кавказ, по существу, уже присоединенный к России, в некоторых горных районах, особенно к югу от Кубани-Терека, оставался независимым от России, а если и был связан с ней, то весьма слабо»¹²⁶⁶. На это обращала внимание и З. М. Блиева, которая на широкой документальной основе проанализировала становление российской системы управления в Чечне в конце XVIII – начале XIX в. Она сделала вывод о том, что в первой трети XIX в. Чечня, в отличие от других районов Центрального Кавказа, во многом оставалась «не освоенной» развитием царских административных учреждений¹²⁶⁷.

Версию о том, что территория Чечни окончательно вошла в состав России в 1859 г. отстаивали А. В. Фадеев, Н. А. Тавакалян, Н. П. Гриценко, С. Б. Котиков¹²⁶⁸. Так, Н. А. Тавакалян писал, что

¹²⁶⁵ Киняпина Н. С. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в. – М., 1984. – С. 10-11.

¹²⁶⁶ Киняпина Н. С. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России... – С. 123.

¹²⁶⁷ См.: Блиева З. М. Из истории становления российской системы управления в Чечне (конец XVIII – первая треть XIX вв.) // *Вопр. истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период): Сб. науч. тр. / Под ред. Т. Х. Кумыкова. – Нальчик, 1989. – С. 98.*

¹²⁶⁸ См.: Гриценко Н. П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. – Грозный, 1965. – С. 51; Его же. Истоки дружбы: Из истории экон. культ. связей и дружбы чечен., ингуш. народов с великим рус. народом и народами Кавказа. – Грозный, 1975. – С. 79; Его же. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. // *Тр. Чечено-Ингуш. НИИ истории, яз. и лит. – 1961. – Т. IV. – С. 3-194; Котиков С. Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Изв. Чечено-Ингуш. НИИ истории, яз. и лит. – 1972. – Т. IX. – Ч. 2. – Вып. I. – С. 61-102; Тавакалян Н. А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // *Археолого-этнографический сб. – 1968. – Т. II. – С. 92-111; Его же. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1972; Его же. Торжество ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1965. – С. 5; Его же. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его объективно-прогрессивное значение // *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: С древнейших времен до наших дней: в 2 т. / Отв. ред. Н. А. Смирнов. – Грозный, 1967-1972. – Т. 1. – 1967. – Гл. V. – С. 78; Фадеев А. В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую***

в присоединении Чечено-Ингушетии сочеталось два начала: добровольное, исходящее снизу – от самих народных масс чеченцев и ингушей, и насильственное, навязываемое народным низам царскими властями и верноподданно-настроенными представителями местных социальных верхов¹²⁶⁹. В отличие от Н. П. Гриценко, Н. А. Тавакалян четко различал присоединение Ингушетии и присоединение Чечни. В своей докторской диссертации он отмечал, что «ингуши добровольно приняли русское подданство в 1810 г., а чеченцы – в результате почти полувековой опустошительной и изнурительной войны, закончившейся в 1859 г.»¹²⁷⁰. На этой дате также настаивал Р. М. Магомедов¹²⁷¹. С окончанием Кавказской войны в 1864 г. ряд исследователей связывали и присоединение Северо-Западного Кавказа¹²⁷². Эта дата прошла также в ряде энциклопедий¹²⁷³.

В целом, все три варианта рассмотрения вопросов характера и времени присоединения народов Северного Кавказа в 1960-1980-х гг. основывались на идее прогрессивности включения этих территорий. Это соответствовало идеологической линии коммунистической партии. Так, 18 декабря 1962 г. Секретарь ЦК КПСС Б. Н. Понаморов, выступая на Всесоюзном совещании по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогиче-

систему пореформенной России: (К проблеме развития капитализма вширь) // История СССР. – 1959. – № 6. – С. 40-62; Его же. Из истории русско-чеченских связей // Вестн. Моск. ун-та. Сер., Историко-филологическая. – 1959. – № 1. – С. 219-227; Его же. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // Уч. зап. Кавкард.-Балкар. НИИ. Сер., История. – 1960. – Т. XVII. – Вып.1. – С. 39-66; Его же. Россия и Кавказ первой трети XIX в. – М., 1960.

¹²⁶⁹ Тавакалян Н. А. О русской ориентации чеченцев и ингушей... – С. 111.

¹²⁷⁰ Тавакалян Н. А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия... – С. 30.

¹²⁷¹ Магомедов Р. М. История Дагестана: С древнейших времен до конца XIX в. 2-е изд. – Махачкала, 1968. – С. 289.

¹²⁷² Ратушняк В. Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие... – С. 34; Чекменев С. А. Включение Карачая и Черкесии в состав России... – С. 300.

¹²⁷³ См.: Бестужев И. В. Кавказские войны // Сов. ист. энцикл.: в 16 т. – М., 1965. – Т. 6. – Слб. 759-765; Ибрагимбеги Х. М. Кавказская война 1817-64 // Сов. воен. энцикл.: в 8 т. – М., 1977. – Т. 4. – С. 15-18; Кавказская война 1817-1864 // Сов. энцикл. слов. / Гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. – М., 1983. – С. 519.

ских кадров по историческим наукам, отмечал, что усилия историков советских республик, стремящихся раскрыть объективно положительное значение сближения своих народов с русским народом и присоединения их к России, заслуживает всяческой поддержки. Идеолог нацеливал на то, что «показывая прогрессивное значение присоединения народов к России в широкой исторической перспективе, историк способствует укреплению дружбы народов нашей страны...»¹²⁷⁴. В этом плане в исторической науке крепло «критическое опровержение антинаучных или ошибочных концепций буржуазных историков по поводу хода и характера складывания и укрепления исторического единства России и Кавказа»¹²⁷⁵.

Своеобразным итогом пересмотра оценок процесса присоединения стала конференция в г. Грозном в 1979 г. на тему «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа». В ее рекомендациях безапелляционно заявлялось, что интеграция всех без исключения народов региона в Российскую империю носила мирный и добровольный характер. В этой связи для обозначения процесса предлагался термин «*вхождение*» вместо традиционных для историографии «*завоевание*» и «*присоединение*». В итоговой рекомендации ученым и было предложено «продолжить исследования дореволюционной истории народов Северного Кавказа, прогрессивной роли России в исторических

¹²⁷⁴ Понаморов Б. Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории / Б. Н. Понаморов // ВИ. – 1963. – № 1. – С. 17.

¹²⁷⁵ См.: Ибрагимбеили Х. М. Критика современной англо-американской буржуазной историографии присоединения Северного Кавказа к России // Вопр. истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. – 1980. – Вып. 2. – С. 122-125; Его же. Россия и Северный Кавказ в XVI – первой половине XIX в. в освещении современной буржуазной историографии // История СССР. – 1982. – № 2. – С. 185-199; Киняпина Н. С., Даниялов М., Дегоев В. В. Движение горцев под руководством Шамиля в освещении буржуазной англо-американской историографии // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 311-319; Некрасов А. М. Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России XVI в. в зарубежной историографии // История СССР. – 1983. – № 3. – С. 195-202.

судьбах этих народов, процесса их добровольного вхождения в состав России»¹²⁷⁶.

Кроме подобного решения научно-теоретических вопросов особое внимание исследователи уделяли публикации исторических источников, которые значительно расширяли представления по вопросам присоединения региона к России¹²⁷⁷.

По мере накопления большого количества публикаций по различным вопросам истории региона наблюдался постепенный процесс систематизации советской исторической мысли через написание историографических работ¹²⁷⁸. Определив основные достижения историографии и подведя итоги изучению внешней политики России, авторы коллективной монографии «Итоги и задачи изучения внешней политики России» наметили пути дальнейшего изучения внешнеполитических проблем, не миновав при этом и советское кавказоведение. Констатировалось, что

¹²⁷⁶ Рекомендация научной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа» // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 357.

¹²⁷⁷ См.: Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Акт 21 января 1781 г. – важнейшее событие в процессе вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (арх. док.) // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в.: Сб. ст. – Грозный, 1981. – С. 104-113; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века: Сб. док. – Махачкала, 1959; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы: в 2 т. / Сост. Н. Ф. Демидова и [и др.]. – М., 1957. – Т. 1; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: (Док. и материалы). – Махачкала, 1958; Русско-осетинские отношения в XVIII в.: Сб. док.: в 2 т. / [Сост. М. М. Блиев]. – Орджоникидзе, 1976-1984; Скитский Б.В. Хрестоматия по истории Осетии: в 2 ч. – 2-е изд., перераб. и доп. – Орджоникидзе, 1956. – Ч. 1.

¹²⁷⁸ См.: Ахмадов Ш.Б. Историография вхождения Чечено-Ингушетии в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 248-253; Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. – М., 1962; Блиев М.М. Историография проблемы присоединения Северного Кавказа к России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа... – С. 241-248; Его же. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // ВИ. – 1970. – № 7. – С. 43-56; Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1971-1975 гг.) // История СССР. – 1977. – № 3. – С. 158-166; Итоги и задачи изучения внешней политики России: Сов. историография / [В.Т. Пашуто, Г.А. Санин, Л.А. Никифоров и др.; Редкол.: А.Л. Нарочницкий (отв. ред.) и др.]. – М., 1981.

«в литературе до сих пор существуют разноречивые суждения по вопросу о времени присоединения к России отдельных народов Северного Кавказа. Слабо изучены культурные связи народов России и Кавказа, нуждается в дополнительном исследовании проблема Кавказской войны. Необходимы специальные труды о политике России на окраинах государства»¹²⁷⁹.

Важным вкладом в изучение российско-кавказских отношений в 1950-1970-е гг. следует считать издание истории отдельных народов Северного Кавказа, где более углубленно рассматривались вопросы взаимоотношений России и народов региона¹²⁸⁰. Значительным прорывом стали результаты совещания в Институте истории СССР АН в 1975 г. На нем было принято решение о создании 4-х томной истории народов Северного Кавказа¹²⁸¹. Но только в 1988 г. в Москве под редакцией А. Л. Нарочницкого и Б. Б. Пиотровского в свет вышли первые два тома издания, которые захватили время присоединения региона к России¹²⁸². Несмотря на витавший в науке перестроечный «дух», в них была закреплена версия о добровольном вхождении горцев в состав России.

Плодотворный характер изучения вопросов формирования Российского многонационального государства обеспечивался проведением «круглых столов», научных сессий, конференций всесоюзного и республиканского масштабов, где решались узловые вопросы кавказоведческой науки, вносились корректировки

¹²⁷⁹ Итоги и задачи изучения внешней политики России: Сов. историография... – С. 246.

¹²⁸⁰ См.: Очерки по истории Дагестана: в 2 т. – Махачкала, 1957. – Т. 1; История Кабарды: С древнейших времен до наших дней / [Редкол.: Н. А. Смирнов (отв. ред.) и др.]. – М., 1957; Магомедов Р. М. История Дагестана: С древнейших времен до конца XIX в. – 2-е изд. – Махачкала, 1968; // Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: С древнейших времен до наших дней: в 2 т. / Отв. ред. Н. А. Смирнов. – Грозный, 1967-1972. – Т. 1; Очерки истории Карачаево-Черкессии: в 2 т. / [Отв. ред. В. П. Невская]. – Черкесск, 1967-1972. – Т. 1.

¹²⁸¹ История народов Северного Кавказа: (с древнейших времен до наших дней): Проект структуры для обсуждения. – М., 1975.

¹²⁸² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / [В. П. Любин, Х. А. Амирханов, П. У. Аутлеев и др.]; Отв. ред. Б. Б. Пиотровский. – М., 1988; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / [Нарочницкий А. Л., Гаджиев В. Г., Гриценко Н. П. и др.]; Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. – М., 1988.

и изменения в уже существующее состояние дел, шел процесс приращения и обмена информацией. Так, на Всероссийской научной конференции «Историография истории народов Северного Кавказа и Дона», проходившей в 1978 г. в г. Грозном, исследователи настаивали «сделать упор на обобщение опыта изучения в историографии процессов вхождения народов Кавказа в состав России»¹²⁸³.

В 1950-1970-е гг. по проблеме присоединения ряда северокавказских территорий были защищены кандидатские и докторские диссертации, что также свидетельствовало не только о преемственности в изучении проблемы, но и характеризовало качественный уровень специалистов-кавказоведов¹²⁸⁴.

В целом при анализе литературы по проблеме присоединения Северного Кавказа к России видно, что, несмотря на заданные государством идеологические рамки для исторической науки, в вопросах формирования Российского многонационального государства отчетливо проявлялась полифония мнений и взглядов. Такое положение показывает, что в послевоенной исторической науке отсутствовали монополярные модели оценки процесса присоединения Северного Кавказа к России, и тем самым горизонтальная структура последовательно сменявшихся концепций, которые предлагались историками, не соответствовала реалиям самой исторической науки. В указанный период времени трактовка присоединения Северного Кавказа к России была значи-

¹²⁸³ Рекомендация Всероссийской научной конференции «Историография истории народов Северного Кавказа и Дона» (г. Грозный, 21-22 сент. 1978 г.) // *Вопр. истории исторической науки Северного Кавказа и Дона*. – 1980. – Вып. 2. – С. 197.

¹²⁸⁴ См.: Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. ...; Блиев М.М. Присоединение Северной Осетии к России и его историческое значение...; Его же. Русско-осетинские отношения (40 гг. XVIII – 30 гг. XIX в.)...; Гаджиев В.Г. Присоединение Дагестана к России и его исторически прогрессивное значение...; Маршаев Р.Г. Сношения Кайтага и Казыкумуха с Русским государством в первой половине XVII в....; Налоева Е.Д. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 1973; Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия ...; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во 2-й половине XVIII – начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1971.

тельно обновлена. Исследователи реанимировали дореволюционную версию о прогрессивном влиянии вхождения народов и территорий в состав России. Изменения осуществлялись не путем прямого заимствования идей из дореволюционных работ, а посредством адаптации идеологии Советского государства (от которой зависело идейно-концептуальное наполнение знаний о прошлом) к реалиям времени. В плоскости науки это привело к искажению смысловой терминологической базы. В 1950-е – первой половине 1980-х гг. применение формулы «добровольного вхождения» на примере двусторонних отношений привело к окончательному оформлению оценочных границ («абсолютное зло» и «добровольное вхождение»). В пользу утверждения об отсутствии монопольных версий прошлого говорит разделение исследователей на сторонников и критиков концепции «добровольного вхождения». Волна юбилейных празднеств по случаю «добровольных вхождений» создала атмосферу, не способствовавшую объективному изучению прошлого народов СССР.

3.3. Институализация поливариантного подхода к изучению процесса присоединения горцев к России во второй половине 1980 – начале 1990-х гг.

Апрель 1985 г. стал прологом больших изменений в Советском Союзе, завершившихся сменой модели политического устройства и общественного развития. Политика «перестройки» с ее гласностью, плюрализмом и открытостью представляла собой новый, после «оттепели» 1960-х гг., импульс к изменениям в общественном сознании. Это позволило обновить и методологические основы исторической науки, повысить уровень исследовательской автономии, смягчить цензурные запреты. Политические изменения подтолкнули исследователей к новому прочтению проблем, которые ранее были заидеологизированы, являлись политически невостребованными. В первую очередь для историков кавказского региона это были традиционные вопросы необходимости очередной переоценки характера и времени присоединения горцев

к России, истории национально-освободительного движения на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв.

Особую значимость в этот период, как символы реального воплощения идей плюрализма и гласности в жизнь, приобрели «круглые столы» и конференции. Атмосфера проведения конференций и их результаты, в отличие от предыдущих этапов развития исторической науки, стали качественным показателем динамично развивающихся направлений в изучении проблем формирования Российского многонационального государства. На конференциях все смелее и громче стали звучать замечания и предложения о необходимости «отбрасывания старых догматических подходов и субъектно-социальных факторов», призывы «строго исходить из принципов историзма, создавая новую, объективную концепцию взаимоотношений народов Северного Кавказа с царской Россией на протяжении XVI – 60-х годов XIX столетия»¹²⁸⁵. Такие мероприятия, по существу, являлись научно-исследовательскими «полигонами» для обкатки новых идей и концепций, ощущения уровня исследовательской свободы в трактовке исторических событий, трибуной не только для открытого диалога, но и для порицания идей и взглядов оппонентов¹²⁸⁶.

¹²⁸⁵ Дзамихов К. Ф. Национально-освободительная борьба Кабарды в конце XVIII – первой половине XIX в. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства: Материалы всесоюз. науч.-практ. конф., 24-26 окт. 1990 г.; Редкол: Р.Х. Гугов [и др.]. – Нальчик, 1994. – С. 122.

¹²⁸⁶ См.: Боков Ф.П. О методологических основах «концепции добровольного вхождения» народов Северо-Восточного Кавказа в состав России // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.: Материалы всесоюз. науч. конф., 20-22 июня 1989 г. / Редкол.: В.Г. Гаджиев (отв. ред. и авт. предисл.) [и др.]. – Махачкала, 1994. – С. 54-59; Ибрагимбеи Х.М. Правда истории и плоды фальсификации // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 54-67; Миловидов Г.И. За правдивое отражение истории // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.... – С. 117-122; Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.: Из материалов всесоюз. науч. конф. «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.» / [Науч. ред.: Г.Г. Гамзатов]. – Махачкала, 1990; Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность // ВИ. – 1989. – № 5. – С. 3-98; Чирг А. Ю. Назревшие задачи изучения политической истории адыгов XIX в. //

В условиях партийного либерализма многим из выступавших на конференциях историкам было тяжело сохранять баланс между рациональными доводами и эмоциями.

На круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность», состоявшемся 20-21 февраля 1989 г. в редакции журнала «Вопросы истории», доктор исторических наук В. П. Крикунов предлагал отказаться от термина «добровольное вхождение», поскольку он был пронизан духом антиисторизма. Исследователь отмечал, что «если добровольное присоединение в том или ином виде имело место в какой-то конкретной ситуации, то добровольное вхождение как процесса длительного, с ломкой экономической и социальной структуры, традиций и уклада жизни, религии и национальной культуры быть просто не могло. Такой процесс обязательно в каких-то слоях встречал сопротивление, вызывая у кого-то недовольство, так как задевал интересы многих»¹²⁸⁷. Он предложил разработать четкую систему характеристик процесса складывания Российского многонационального централизованного государства¹²⁸⁸.

Особое внимание историки обращали на вопросы правомочности применения и корректировки существовавшей научной терминологии. Решение поставленной задачи в условиях послабления идеологического давления являлось основополагающим вектором в изучении вопросов формирования многонационального Российского государства, поскольку традиционно терминологическая обеспеченность проблемы зависела от политического климата, а не от научных достижений в области истории.

В 1987 г. в статье В. Б. Виноградова кроме демонстрации достижений советской историографии были обозначены узловые вопросы, которые необходимо было решать. В вопросительной форме исследователь обратился к одному из ключевых вопросов

Черкесия в XIX веке: (Материалы 1-го кошехабльского форума «История – достояние народа») [24-25 апр. 1990 г.: Материалы конф. / Редкол.: Меркулов Д. Х. (науч. ред.) и др.]. – Майкоп, 1991 (1992). – С. 51-69.

¹²⁸⁷ Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность... – С. 41-42.

¹²⁸⁸ Там же. – С. 42.

послевоенной историографии: «надо ли культивировать термин «вхождение» (в состав России) начиная с первых присяг и договорных обязательств о военно-политическом союзе? Следует учитывать историко-смысловое различие понятий «присоединение» и «вхождение», второе из которых несет качественно иное содержание, отражая итог хронологически протяженного неровного, но исторически обусловленного процесса»¹²⁸⁹. Несмотря на то, что в тексте статьи при описании истории российско-кавказских отношений XVI в. В. Б. Виноградов оперировал относительно новым термином «*военно-политический союз*», характеризовавшим качественный уровень российско-кавказских отношений, и вслед за этим приводил цитату М. М. Блиева о тенденции к абсолютизации значения некоторых дат установления российско-кавказских отношений, он продолжал настаивать на добровольном присоединении в 1557 г. адыгских и абазинских народов¹²⁹⁰. При этом подчеркивалось, что «политическая зависимость от России на протяжении всего XVII столетия выражалась нередко в форме двойного подданства отдельных феодальных владетелей»¹²⁹¹. В целом, историк призывал коллег «полно и позитивно раскрыть в развитии позитивных связей роль многочисленных «приятельных», «мирных» (по терминологии своего времени), стойко сохраняющих российское подданство континентов в среде народов Северного Кавказа; выявить и осветить многообразные проявления дружественных, «совместических» отношений между трудящимися массами, передовыми представителями различных народов в годы вспышек военных действий на Северном Кавказе»¹²⁹².

Крайнюю агрессивность историки северокавказского региона проявляли к авторам концепции «добровольного вхождения» Чечни в состав России профессору В. Б. Виноградову и археологу С. Ц. Умарову, а также М. М. Блиеву – автору «набеговой»

¹²⁸⁹ Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1976-1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР. – 1987. – № 3. – С. 92.

¹²⁹⁰ Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ... – С. 90-91.

¹²⁹¹ Там же. – С. 92.

¹²⁹² Там же. – С. 97.

теории горцев, приведшей, по мнению автора, к эскалации российско-горского противостояния. Волна критики, осуждения и обвинений в «научном браконьерстве» в адрес этих ученых прокатилась на Всесоюзных научных конференциях «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX века» (Махачкала, 20-22 июня 1989 г.) и «Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства» (Нальчик, 24-26 октября 1990 г.). Не выдержав прессинга со стороны коллег, В. Б. Виноградов вынужден был покинуть конференцию в г. Махачкале, а в ноябре 1989 г. опубликовал в газете «Грозненский рабочий» «покаянное» письмо о признании своих ошибочных взглядов. Он, с сожалением – с одной стороны и оптимизмом – с другой, подчеркивал: «Да, концепция добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России два столетия назад, подаваемая как истина в последней инстанции, отвергнута большинством историков. Она не удовлетворяет при нынешнем «прорыве» исторической науки на новые рубежи и многих ее авторов, в том числе и меня самого, ряд моих учеников. Теперь ее удел – область историографии, то есть истории нелегкого пути развития нашей науки... Извлекая личные уроки из научного опыта недавних лет, я со всей строгостью стремлюсь изжить в себе и хотел предостеречь других от излишней поспешности, монополярной безапелляционности, партнерской глухоты, чуждых настоящей науке мстительности и истерии... Время перестройки дает ученым невиданный ранее простор для исследования дискуссионных проблем»¹²⁹³. Большинство выступавших на конференциях исследователей были солидарны с тезисом о том, что прокатившаяся в 1950-1970-е гг. волна юбилейных празднеств «добровольных вхождений» создала атмосферу, не способствовавшую объективному и деловому изучению прошлого народов¹²⁹⁴.

Интересный взгляд на вопросы терминологии на конфе-

¹²⁹³ Виноградов В. Б. История с директивной «историей» // Грозненский рабочий. – 29 нояб. 1989 г. – С. 3.

¹²⁹⁴ Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.: Из материалов всесоюз. науч. конф. «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.»... – С. 6-7.

ренции в г. Звенигород (20-24 ноября 1989 г.) изложил Я.З. Ахмадов, который предлагал для объяснения качественных характеристик российско-кавказских отношений оперировать такими понятиями, как «завоевание», «российская внешнеполитическая ориентация», «инкорпорация», «присоединение» (военным, политическим путем и с обязательным указанием на реальность этого акта), «вассально-союзнические отношения» и т.д.¹²⁹⁵ Он также дал определение термину «*присоединение*». По его мнению, «присоединение – это установление административной и государственной власти России на данной территории, а также границ». Ранее, в 1988 г., чеченский историк критически высказался о бытовавшей многие десятилетия традиции, что присоединение малых народов Кавказа к России объяснялось исключительно страхом физического истребления их сильными и агрессивными соседями. Он подчеркнул, что «феодальный мир Северного Кавказа, несмотря на всю разобщенность, пестроту и мозаичность, три века выходил победителем многочисленных схваток с шиитскими и османскими захватчиками»¹²⁹⁶.

Относительно новую для советской историографии интерпретацию российско-кабардинских отношений в XVI в. (в до-революционной историографии ее придерживались Ш.Б. Ногмов, Н.Ф. Грабовский) и термина «*военно-политический союз*» в 1989 г. озвучили кабардинские историки В.Н. Сокуров и К.Ф. Дзамихов. В угасающей в науке версии о том, что в 1557 г. состоялось добровольное вхождение Кабарды в состав России, К.Ф. Дзамихов подчеркивал ее односторонний характер. «Здесь как раз тот случай, – указывал исследователь, – когда авторы, раскрывавшие, таким образом, проблему шли от термина к явлению, а не наоборот. Это привело к подмене понятия «покровительство со стороны России» совершенно другим – «вхожде-

¹²⁹⁵ Ахмадов Я.З. Проблемы присоединения народов Чечено-Ингушетии к России // История и историки: Сб. ст. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1995. – С. 59.

¹²⁹⁶ Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. – Грозный, 1988. – С. 172.

ние в состав этого государства»¹²⁹⁷. К. Ф. Дзамихов и его коллега В. Н. Сокуров считали, что в 1557 г. произошло не «вхождение», а принятие кабардинцев на службу Московскому государству при условии оказания Москвой военной помощи Кабарде. По их мнению, это был взаимовыгодный договор о союзе, а не принятие в подданство и тем более вступление в состав России. Этот союз не предусматривал включения территории адыгов во владения России. В. Н. Сокуров подчеркивал, что «подданство в буквальном смысле означает «находящийся под данью». Насколько известно, вплоть до второй половины XIX в., когда Кабарда действительно вошла в состав Российской империи, кабардинцы, как и другие северокавказцы не обязаны были платить ясак или нести какие-либо повинности в пользу Русского государства»¹²⁹⁸. Данная концепция получила одобрение и была широко распространена в выступлениях во время работы Всесоюзной научно-практической конференции в Нальчике в 1990 г.

Новационные изменения на конференциях затронули также вопросы в области методологии, источниковедения и хронологии. Динамику научной дискуссии на конференции в Звенигороде задавал руководитель отдела истории общих проблем истории народов СССР АН С. Г. Агаджанов. На фоне обострения межнациональных отношений и нарастания политического кризиса в стране в пленарном докладе историк обозначил узловые вопросы и предложил пути их решения. Он отмечал, что «идея о позитивном характере присоединения и вхождения народов в состав России в значительной мере явилась закономерной реакцией на одностороннюю трактовку данной проблемы в первые годы становления исторической науки»¹²⁹⁹. С. Г. Агаджанов считал, что появление политизированной концепции прогресса и добровольности вхожде-

¹²⁹⁷ Дзамихов К. Ф. Некоторые исторические аспекты русско-адыгских взаимоотношений (середина XVI – 60-е годы XIX в.) // История и историки: Сб. ст.... – С. 138.

¹²⁹⁸ Сокуров В. Н. Было ли присоединение Кабарды к России в 1557 г.? // История и историки: Сб. ст.... – С. 134-135.

¹²⁹⁹ Агаджанов С. Г. Основные проблемы истории образования и развития многонационального российского государства // История и историки: Сб. ст.... – С. 7.

ния было связано с замалчиванием антагонистической классовой природы самодержавия и недопустимости обличения дореволюционной истории в мрачных тонах. Он призывал историков различать, а не отождествлять понятия добровольности в феодальный, капиталистический и современный периоды, поскольку все они обладали определенной спецификой, которую необходимо учитывать. Был поставлен вопрос о добровольности как историческом явлении, имевшим в прошлом различное объективное содержание. «Грань между пониманием добровольного и вынужденного подданства должна рассматриваться с точки зрения конкретных исторических этапов и временных условий», – резюмировал исследователь¹³⁰⁰. Для концептуального осмысления комплекса вопросов, относящихся к истории создания и развития многонациональной Российской империи С. Г. Агаджанов предлагал провести анализ и синтез материалов на трех основных уровнях: субрегиональном, региональном и общероссийском. Это, по мнению историка, позволило бы систематизировать разнородные факты и явления в рамках крупных исторических периодов: крепостнически-феодального и капиталистического¹³⁰¹. Исследователь обратил также внимание на отсутствие глубоко проработанных историко-типологических моделей присоединения. Он предлагал выделить три основные модели: мирная, военная и колониционная. С. Г. Агаджанов признавал, что в процессе образования Российской империи они зачастую носили смешанный характер.

Усилиями исследователей ЧГУ В. Б. Виноградова и С. Л. Дударева был реанимирован дореволюционный подход к проблеме принятия горцами российского подданства. Они акцентировали внимание на том, что «отсутствие у вайнахов развитых классовых форм международного правового регулирования, потестарный уровень институтов управления внутренней жизнью и внешними связями порождали неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и царской администрацией. Очевидно, что обе стороны по-разному понимали и оценивали те формулы подчинения, которые были заложены в присяги и договоры,

¹³⁰⁰ Там же. – С. 10.

¹³⁰¹ Там же. – С. 10.

и придавали им далеко не адекватное содержание и смысл»¹³⁰². На этом же настаивал и Р.Г. Маршаев, который подчеркивал, что «вассалитет как своеобразная форма зависимости не связывался с реальным вхождением в состав России. При этом допускалась и двойная его форма. Принявший присягу на русское подданство мог быть слугой соседних держав...»¹³⁰³.

Новые идеи и мысли были озвучены по проблемам источниковедения. Председатель отделения истории и права СКНЦ ВШ профессор А.П. Пронштейн и В.В. Черноус предложили четкий классификатор выявления «научной стерильности» работ историков. Опираясь на опыт советской историографической традиции, они обращали внимание на особую значимость для историографа анализа «не только использованных авторами источников, но и то, какие источники они, хотя и знали, но не привлекли в своем исследовании, какой характер носят купюры при публикации или цитировании документа»¹³⁰⁴. Следует подчеркнуть, что в данный период публикаторская работа не была активной. Только в 1988 г. профессор В.Г. Гаджиев подготовил подборку документов по истории присоединения Дагестана к России, которые хронологически охватывали XVI-XVII вв.¹³⁰⁵ Большинство же историков в своих научных поисках обращались либо к архивным учреждениям Москвы, Ленинграда, Ставрополя, Махачкалы, Владикавказа, Тбилиси и т.д., либо использовали и интерпретировали ранее опубликованный источниковый материал. В литературе высказывалось мнение о необходимости более широкого вовлечения в обиход науки источников на национальных языках

¹³⁰² Виноградов В. Б., Дударев С. Л. К вопросу о типологии и периодизации русско-вайнахских политических отношений // История и историки: Сб. ст. ... – С. 132-133.

¹³⁰³ Маршаев Р. Г. Вопросы присоединения северокавказских народов России // История и историки: Сб. ст. ... – С. 125.

¹³⁰⁴ Пронштейн А. П., Черноус В. В. Некоторые вопросы источниковедения истории народно-освободительных движений Северного Кавказа в первой XIX в. // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. ... – С. 115-116.

¹³⁰⁵ Документы о вхождении Дагестана в состав России // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в.: Темат. сб. / [Сост. Б. Г. Алиев; отв. ред.: В. Г. Гаджиев] – Махачкала, 1988. – С. 150-166.

народов, вошедших в состав России¹³⁰⁶. По-новому исследователи стали рассматривать применение царского титула для установления времени присоединения ряда горских народов к империи. Несмотря на отстаивание историком В. Г. Гаджиевым мнения о том, что упоминание в царском титуле формулировки «горских князей» являлось веским свидетельством о включении Дагестана в состав России уже в XVII в.,¹³⁰⁷ профессор А. А. Преображенский обращал внимание на то, что в нем «наряду с точной фиксацией подданства того или иного народа прослеживается нечто как бы опережающее события»¹³⁰⁸. Историк настаивал на более углубленном изучении эволюции полного царского титула, что позволило бы уточнить ряд вопросов в изучении формирования Российского многонационального государства.

Более скрупулезно в перестроечные годы ученые стали заниматься переосмыслением советской историографии присоединения Северного Кавказа к России, национально-освободительного движения на Кавказе¹³⁰⁹. Характерной чертой из-

¹³⁰⁶ Преображенский А. А. Народы России (К проблеме присоединения) // История и историки: Сб. ст. ... – С. 43.

¹³⁰⁷ Гаджиев В. Г. Вхождение Дагестана в состав России // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в.: Темат. сб. ... – С. 20.

¹³⁰⁸ Преображенский А. А. Народы России ... – С. 47.

¹³⁰⁹ См.: Агаев А. Г. Н. Самурский о характере движения горцев и личности Шамиля // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. ... – С. 210-213; Азаматов К. Г. Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа в XIX веке и проблемы мухаджирства в трудах советских осетинских историков Г. А. Кокиева, Б. В. Скитского, М. С. Тотоева // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства ... – С. 192-201; Андрусенко А. Как история писалась ... // Грозненский рабочий. – 1989. – 19 окт. – С. 2; Ахмадов Ш. Б. Вопросы движения горцев Северного Кавказа под предводительством Мансура в советской исторической литературе 70-80-х годов // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. ... – С. 109-111; Бекмеханова Н. Е., Бекешева С. Б. Некоторые вопросы изучения национально-освободительного движения в Казахстане и на Северном Кавказе во второй половине XIX в. // История и историки: Сб. ст. ... – С. 80-88; Дзидзоев В. К вопросу освещения в современной печати народно-освободительной борьбы горцев Кавказа в XIX в. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства ... – С. 160-170; Ибрагимбейли Х. М. Правда истории и плоды фальсификации // Национально-освободительная борьба народов Северного

учаемого этапа стал спад идеологической «брезгливости» по отношению к документальному наследию дореволюционных исследователей¹³¹⁰.

Плюрализм как краеугольный элемент «перестроечной модели» был направлен на пересмотр ранее сложившейся картины в периодизации и хронологии российско-кавказских отношений, а также на создание новых конструкций. В своей основе этот процесс был направлен на реанимацию идей предшественников, которые относили время присоединения к XIX в. В этот период активно шла работа по пересмотру концепции *добровольного вхождения* горцев в состав России и сопутствовавших ей дат. Как отмечалось выше, появление концепции *«военно-политического союза»* снимало вопрос правомерности существовавшего утверждения о присо-

Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 54-67; Магомедов Р.М. Движение горцев под руководством Шамиля в советской историографии // Изв. СКНЦ ВШ. Сер. Общественные науки. – 1989. – № 3. – С. 43-54; Патракова В.Ф. Народно-освободительное движение на Северном Кавказе 20-60-х годов XIX в. в работах А.В. Фадеева // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.... – С. 168-171; Пронштейн А.П., Патракова В.Ф. Советская историческая наука и вопросы изучения кавказского мухаджирства // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 123-129; Шебзухов М.Х. К вопросу историографии Кавказской войны и мухаджирства // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 147-155.

¹³¹⁰ См.: Бадерхан Ф. История Северного Кавказа в книге Джона Бэдли «Завоевание Россией Кавказа» // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования: Материалы регион. конф. / Редкол.: Гаджиев В.Г. и др.]. – Махачкала, 1991 (1992). – С. 168-170; Громов В. П. А. Ф. Щербина о русско-адыгских отношениях в первой половине XIX в. // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.... – С. 166-168; Колосов Л.Н. К вопросу о тенденциозности актов Кавказской археографической комиссии: (К биографии известного кавказоведа А.П. Берже) // Вopr. истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. – 1980. – Вып. 2. – С. 154-157; Назарова И.М. Труд Иоганна Бларамберга как источник по истории народов Северного Кавказа: (первая половина XIX в.) // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа... – С. 176-180; Павлова И.К. «Исторические выписки» С.М. Броневского как источник по истории горских народов Дагестана (XVI-XVIII вв.) // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа ... – С. 149-152.

единении ряда народов Кавказа к России уже в XVI-XVII вв. Так, Я.З. Ахмадов считал, что XVI в. в политической истории Северного Кавказа был периодом выстраивания вассально-союзнических отношений, в рамках которых «горские народы самостоятельно избрали ориентацию на Россию»¹³¹¹.

Многие историки предпочитали не применять акты принятия российского подданства, международные договора, в рамках которых происходило юридическое закрепление северокавказских территорий за Россией, в качестве дат окончательного присоединения¹³¹². Так, директор Института истории СССР АН А.П. Новосельцев подчеркивал, что факты присоединения народов Северного Кавказа к России на основании прошений о подданстве являлись формальными, на которые обе стороны смотрели как на временное явление. По мнению историка, речь должна идти об установлении определенного покровительства, патроната царского правительства по отношению к другим правителям¹³¹³. К.Ф. Дзамихов, обращая внимание на существовавшую в советской историографии оценку Кючук-Кайнарджийского договора, заметил, что к нему подходили лишь с точки зрения научного экстраполирования, и «это привело к тому, что взаимоотношения северокавказских народов (Кабарда, Чечня, Ингушетия, Осетия) и России с 1774 г. стали трактоваться как процесс окончательного присоединения»¹³¹⁴. Проведя анализ

¹³¹¹ Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. – Грозный, 1988. – С. 172.

¹³¹² См.: Ахмадов Я.З. Указ. соч.; Боков Ф.П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России: теоретико-методологический аспект. – Грозный, 1990; Дзамихов К.Ф. Национально-освободительная борьба Кабарды в конце XVIII – первой половине XIX в. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 110-122; Маршаев Р.Г. Вопросы присоединения северокавказских народов России // История и историки: Сб. ст.... – С. 124-129.

¹³¹³ Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.: Из материалов всесоюз. науч. конф. «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.»... – С. 60.

¹³¹⁴ Дзамихов К.Ф. Национально-освободительная борьба Кабарды в конце XVIII – первой половине XIX в. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 111.

российско-кабардинских отношений, он предложил опираться на следующую схему: «при рассмотрении вопросов периодизации необходимо четко разграничивать два момента: историю и периодизацию завоевательной политики царизма; историю и периодизацию военных действий между северокавказскими народами и царской Россией»¹³¹⁵. Это позволило ему, вслед за дореволюционной традицией, отнести начало планомерного захвата кабардинских земель к строительству крепости Моздок в 1763 г.¹³¹⁶

Вторым, не менее важным моментом анализа российско-северокавказских отношений стала трансформация представления о субъектно-объектных связях в международных отношениях, применяемых по отношению к потестарным образованиям горцев. Так, К. Ф. Дзамихов отмечал, что в результате заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира Россия и Турция, определяя сферы своего влияния, делили не принадлежавшие им территории и суверенные народы¹³¹⁷. Г. И. Миловидов также писал, что мнение дагестанцев о присоединении к России никто не спрашивал¹³¹⁸. Следуя за традицией отнесения времени присоединения Северного Кавказа к России к итоговым международным договорам, многие региональные исследователи всячески подчеркивали его номинальную юридическую сторону. Это обстоятельство путем наложения на него последующих событий Кавказской войны позволяло говорить лишь как об одном из этапов включения Кавказа в состав России, которое завершилось *фактическим* присоединением. По этому поводу Р. Г. Маршаев, вслед за дореволюционным историком Д. И. Романовским, отмечал, что, несмотря на внешнеполитические успехи Российской империи в первой трети XIX в., «коммуникации России в завоеванных и присоединившихся частях Северного Кавказа, в частности Дагестана,

¹³¹⁵ Там же. – С. 122.

¹³¹⁶ Там же. – С. 111.

¹³¹⁷ Там же. – С. 111.

¹³¹⁸ Миловидов Г. И. За правдивое отражение истории // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. ... – С. 120.

оставались все же ненадежными, внутренне оторванными от империи»¹³¹⁹.

Отчетливая тенденция перенесения дат присоединения северокавказских народов на более поздний хронологический отрезок развития двусторонних отношений не только возобновила предшествовавшие традиции, но и генерировала новые версии в хронологии процесса присоединения. Так, по мнению Л. Р. Габоевой, территории Чечни и Ингушетии вошли в состав России в 1807 г. и 1810 г. соответственно. Вывод был сделан на основе нового прочтения присяг чеченских и ингушских аулов¹³²⁰. В 1990 г. на первом кошехабльском форуме «История – достояние народа» в докладе Х. М. Думанова прозвучала версия, в которой окончание процесса присоединения Кавказа совпадало с завершением русско-кавказской войны (термин докладчика)¹³²¹. А. Ю. Чирг также считал, что «присоединение Черкесии к России совершилось насильственным путем в ходе Кавказской войны»¹³²².

Устойчивые тенденции обновления результатов исторической науки наталкивались на консервативное «крыло» историков, которые продолжали придерживаться в своей работе историко-партийных установок 1950-1970 гг. Довольно отчетливо это можно проследить на материалах региональной научной конференции в г. Махачкале «Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана» (26-27 ноября 1987 г.) и сборника статей «Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI

¹³¹⁹ Маршаев Р. Г. Вопросы присоединения северокавказских народов России // История и историки: Сб. ст. ... – С. 127; Его же. Георгиевский договор 1802 г. (предпосылки и значение) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в.: Темат. сб. ... – С. 98.

¹³²⁰ Габоева Л. Р. К вопросу о политическом развитии Северного Кавказа накануне и в период русско-иранской и русско-турецкой войн начала XIX в. // Вопр. историко-культурных связей на Северном Кавказе: Сб. науч. тр. – Орджоникидзе, 1985. – С. 145.

¹³²¹ Думанов Х. М. К вопросу о периодизации Кавказской войны // Черкесия в XIX веке: (Материалы 1-го кошехабльского форума «История – достояние народа») ... – С. 40.

¹³²² Чирг А. Ю. Назревшие задачи изучения политической истории адыгов XIX в. // Черкесия в XIX веке: (Материалы 1-го кошехабльского форума «История – достояние народа») ... – С. 69.

– начале XX в.». Исходя из названия конференции и тематики докладов, отчетливо просматривается тенденция мирного показа истории двусторонних отношений, объединявшая исследователей. Преобладающее большинство выступавших высказывались в пользу версии о присоединении Дагестана к России в результате заключения Гюлистанского мира в 1813 г. Так, Н. А. Сотавов считал, что «Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., юридически оформивший безраздельный приоритет России на Северном Кавказе, создал предпосылки для присоединения к ней Чечни в 1781 г., Грузии и юго-восточной Осетии в 1783 г. и вхождения всего Северного Кавказа в состав России в 1813 г.»¹³²³.

В целом, проведенный анализ исследований второй половины 1980 – начала 1990-х гг., в которых так или иначе затрагивались проблемы присоединения Северного Кавказа к России, позволяет представить картину состояния историографии по вопросу о характере присоединения. На завершающем этапе развития советской исторической науки достаточно четко просматривались три концепции показа процесса присоединения Северного Кавказа к России.

Во-первых, несмотря на признание противоречивости характера присоединения Северного Кавказа ряд ученых продолжал придерживаться концепции «добровольного вхождения»¹³²⁴. Наи-

¹³²³ Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях (1750-1775 гг.) // Дагестан в составе России: ист. корни дружбы народов России и Дагестана: Регион. науч. конф. (26-27 нояб. 1987 г.) / [Редкол.: В. Г. Гаджиев (отв. ред.) и др.]. – Махачкала, 1987. – С. 24.

¹³²⁴ См.: Алиев Б. Г. Взаимоотношения Акуша-Дарго с Россией и вхождение его в состав России // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в.: Темат. сб.... – С. 51-60; Блиев М. М. Русско-ингушские отношения и присоединение Ингушетии к России // Вопр. историко-культурных связей на Северном Кавказе: Сб. науч. тр. – Орджоникидзе, 1985. – С. 111-124; Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1976-1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР. – 1987. – № 3. – С. 89-101; Гаджиев В. Г. Вхождение Дагестана в состав России // Дагестан в составе России: ист. корни дружбы народов России и Дагестана... – С. 5-6; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / [В. П. Любин, Х. А. Амирханов, П. У. Аултеев и др.]; Отв. ред. Б. Б. Пиотровский]. – М., 1988; Кидырниязов Д. С. К вопросу о вхождении ногайцев в состав России // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в.: Темат. сб.... – С. 46-50.

более ярким примером ее применения была история о якобы состоявшемся присоединении Кабарды к России в середине XVI в. Являясь продуктом советской идеологии, концепция исходила не с позиции приращения нового знания, а преследовала цель удовлетворения идеологических установок партийного руководства. Во второй половине 1980-х гг. эти установки постепенно стали отвергаться научно обоснованной критикой, что закрепило за концепцией «добровольного вхождения» антиисторический статус.

Со второй половины 1980-х гг. в историографии процесса образования Российского многонационального государства вновь зазвучали термины «завоевание», «покорение», «экспансия»¹³²⁵. Это было связано с крайним недовольством научной общественности искажениями в сложившейся ранее традиции описания процесса присоединения иноэтничных территорий к империи. Инициатива реставрации взглядов предшественников исходила от историков северокавказского региона, которые в условиях легального плюрализма мнений и обострения межнациональных отношений в СССР пытались выстраивать защитные механизмы своего исторического прошлого (национально-освободительного движения). Так, исследователь А.Х. Бижев в своем выступлении неоднократно подчеркивал, что «борьба адыгских

¹³²⁵ См.: Бижев А.Х. Борьба северо-западных адыгов против военно-колониальной политики царизма (1774–1864) // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 86-109; Боков Ф.П. О методологических основах «концепции добровольного вхождения» народов Северо-Восточного Кавказа в состав России // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.... – С. 54-59; Его же. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России: теоретико-методологический аспект. – Грозный, 1990; Дзамихов К.Ф. Национально-освободительная борьба Кабарды в конце XVIII – первой половине XIX в. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 110-122; Касумов А.Х., Касумов Х.А. Освободительная борьба адыгских народов в XIX в. // Черкесия в XIX веке: (Материалы 1-го кошехабльского форума «История – достояние народа»)... – С. 41-63; Кумыков Т.Х. Мухаджирство в истории горских народов Северного Кавказа // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 15-26; Халилов А.М.-С. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. – Махачкала, 1991.

народов Северо-Западного Кавказа в 1774-1864 гг. была освободительной, справедливой, а политика царизма реакционной, захватнической»¹³²⁶. Находясь в рамках марксистской методологии и всячески это подчеркивая, острие научных изысканий историки направляли на исследование причин и последствий процесса присоединения¹³²⁷. Так, в выводах и рекомендациях Всесоюзной научной конференции в Нальчике открыто заявлялось о том, что царская Россия проводила политику геноцида и изгнания по отношению к некоторым народам Кавказа. Высказывались предложения о снятии в районе городов Сочи, Туапсе и Адлер всех символов военно-колониальной политики царизма XIX в., выраженных в названиях улиц, населенных пунктов и памятниках «царским войнам»¹³²⁸.

Концептуальную и идейную пропасть между двумя полярными версиями заполнила имевшая место в исторической науке в конце 1940 – начале 1950-х гг. формула *«преимущественно мирного и прогрессивного присоединения»*¹³²⁹. Во многом она напомина-

¹³²⁶ Бижев А.Х. Борьба северо-западных адыгов против военно-колониальной политики царизма (1774–1864) // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 108.

¹³²⁷ См.: Бабахян Л. Мухаджирство – уроки истории // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 207-209; Бадерхан Ф. Мухаджирство как следствие Кавказской войны // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.... – С. 206-207; Джамирзаев С.М. Кавказская война и ее последствия для чеченского народа // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.... – С. 203-206; Кумыков Т.Х. Переселение адыгов в Турцию как следствие Кавказской войны // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.... – С. 64-69.

¹³²⁸ Выводы и рекомендации всесоюзной научной конференции // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 260, 262.

¹³²⁹ См.: Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России ...; Гаджиев В.Г. Русско-дагестанские отношения как исследовательская проблема (Вместо введения) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в.: Темат. сб.... – С. 3-15; Гасанов М.Р. К вопросу о вхождении Табасарана в состав России // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в.: Темат. сб.... – С. 61-65; Магомедов Р.М. Присоединение Дагестана к России – закономерный итог исторического процесса // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана... – С. 3-5.

ла модернизированную концепцию «наименьшего зла». В новых условиях развития советской историографии ее сторонникам удавалось сглаживать острые углы в истории российско-северокавказских отношений за счет синтеза результатов указанных выше идей и концепций. Так, Х. М. Ибрагимбеили и В. Г. Гаджиев подчеркивали, что не может быть никакого противоречия между констатацией положения о прогрессивных последствиях присоединения народов Северного Кавказа к России и объективным изложением истории освободительной борьбы горцев против царизма и местных феодалов¹³³⁰. В своей научной деятельности историки-кавказоведы исходили из тезиса о сложности и противоречивости процесса присоединения кавказских народов к России. Они критически высказывались о работах, в которых этот процесс идеализировался. Факты насильственных мероприятий и вооруженных столкновений между местной российской администрацией и горским населением противопоставлялись прогрессивным последствием включения Северного Кавказа в состав России.

Нужно подчеркнуть тот факт, что результаты изучения процесса присоединения Северного Кавказа к России во второй половине 1980 – начале 1990-х гг. органично вписались в условия современной вариативной парадигмы в историографии российско-кавказских отношений.

Что же было сделано, а что нет советской исторической наукой за 74 года изучения присоединения территории Северного Кавказа к России? Какие новации пришли на смену традициям, и какие традиции остались неизбежными в условиях постоянно дрейфующей идеологии?

Во-первых, изучение процесса присоединения Северного Кавказа к России неразрывно было связано с изменениями внутреннего политического, социально-экономического и международного климата. Как правило, исследования носили четкую

¹³³⁰ Гаджиев В. Г. Русско-дагестанские отношения как исследовательская проблема (Вместо введения) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в.: Темат. сб. ... – С. 14; Ибрагимбеили Х. М. Правда истории и плоды фальсификации // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства... – С. 67.

идеологическую направленность, соответствовали партийным целям и задачам. Динамика идеологических приоритетов снижала концептуальную устойчивость исследователей, которые в ряде ситуаций вынуждены были кардинально перестраиваться в угоду политической конъюнктуре. Это накладывало отпечаток на профессиональные карьеры и личную жизнь историков. Попытки возвращения в русло научного диалога имели малоэффективные результаты и зачастую сводились к реанимации традиций предшественников. Это приводило к тому, что на всем протяжении развития советской исторической науки отсутствовало единое мнение по вопросам причин, характера и последствий присоединения Северного Кавказа к России. На этапах становления и стагнации советской исторической науки, вызванной ростом национального самосознания и обострением межнациональных отношений на Кавказе, были характерны черты радикализации взглядов и оценок, а также преобладание в тексте работ национально-эмоциональной тональности. В ряде работ высказывалась версия о проведении царской Россией политики геноцида по отношению к некоторым народам Кавказа. Несмотря на наблюдавшуюся тенденцию к количественному увеличению работ по проблеме присоединения Северного Кавказа к России, качественный их уровень оставался невысоким. Отбор исторических источников подгонялся под основу теоретических построений и концепций, критика в адрес идей дореволюционных историков-кавказоведов имела классовый характер и не всегда соответствовала нормам научной этики. Наиболее успешным периодом в изучении различных аспектов присоединения Северного Кавказа к России следует считать вторую половину 1980 – начало 1990-х гг., когда идеологическая составляющая уступила место накопленному научному потенциалу кавказоведов.

Во-вторых, следует признать, что за годы существования советской исторической школы историки практически не смогли выработать новационных версий характера процесса присоединения горцев к Российской империи. Исследовательские интересы ученых, в первую очередь, были направлены на пересмотр оценки последствий присоединения, что привело к появлению

полярных позиций (результат процесса присоединения измерялся понятиями «зло» и «добро»). Так, дореволюционная концепция «завоевания», объяснявшая механизм приобщения горцев к благам цивилизации, получила в работах довоенных историков крайне негативную и отрицательную оценку, а наметившаяся еще в начале XX в. тенденция к показу добровольных основ восточного движения народов (работы В. Н. Кудашева, Г. Х. Вертепова, Г. Е. Баева) была включена в послевоенную концепцию «добровольного вхождения». Это привело также к позитивному восприятию цивилизационно-мессианской концепции движения России вглубь Кавказа в работах советских историков. Одним из воплощений подобной преемственности в советской историографии можно считать унаследованную практику празднования юбилеев включения народов Кавказа в состав России.

Преемственность прослеживается также и в решении вопроса о времени присоединения. В работах советских историков дальнейшее развитие и закрепление получил опыт дореволюционной историографии, который опирался на итоговые документы (мирные договоры) международных отношений, в ходе развития которых решалась судьба региона, на результаты военных действий на Северном Кавказе (Кавказская война). Новационной версией в хронологии процесса, несмотря на предостережения и отрицательное к ней отношение дореволюционных ученых, стала трактовка включения территории в состав империи на основании прошений о вступлении в российское подданство. В последующем, с признанием хронологической протяженности и неоднородности процесса присоединения, все обозначенные акты стали рассматриваться в качестве одного из этапов присоединения (по версии М. М. Блиева – установление политической ориентации, по версии К. Ф. Дзамихова – заключение военно-политического союза), который предшествовал установлению административной власти в регионе. Это привело также к появлению и активному использованию новационного термина «вхождение».

В-третьих, нельзя не отметить активную работу исследователей в области археографии и источниковедения. За годы Советской власти количество опубликованных исторических источ-

ников значительно выросло. Представленные в сборниках документы (зачастую впервые введенные в научный оборот) активно используются и в настоящее время. Важную роль в развитии советской историографии сыграли научные центры по изучению политической истории Северного Кавказа. Они функционировали при региональных филиалах АН, высших учебных заведениях юга России (Майкоп, Нальчик, Владикавказ, Ставрополь, Грозный, Махачкала). Благодаря им активно велась подготовка специалистов в области изучения российско-кавказских отношений, проводились специализированные конференции, защищались кандидатские и докторские диссертации. Несмотря на широкое использование фактического материала из работ дореволюционных историков (что демонстрировало преемственность в изучении темы), советские историки значительно расширили круг исследовательских проблем. Особое внимание было уделено предпосылкам, причинам, методам и механизмам присоединения горцев к России. В первую очередь это стало возможным в результате применения марксистской методологии, поскольку классовый подход в изучении истории российско-кавказских отношений позволил выявить мотивы и заинтересованность отдельных социальных групп в получении российского подданства, показал причины горского сопротивления введению общероссийских законов и порядков. Европоцентристский подход к изучению Кавказа был заменен в соответствии с интересами регионального национально-культурного строительства. Это привело к более углубленному изучению истории отдельных республик Северного Кавказа, и в частности, к исследованию вопросов присоединения народов к России.

Значительным достижением советской исторической науки стали первые работы, пытавшиеся обобщить и дать оценку деятельности предшественников и своих коллег. К специалистам в этой области можно отнести М. М. Блиева, Р. М. Магомедова, Ш. Б. Ахмадова, В. Б. Виноградова и др.

Глава 4

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССА ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ

4.1. Поиск критериев оценки присоединения Северного Кавказа к России в 1990-е гг.

В начале 1990-х гг. активизация центробежных тенденций в ряде республик Северного Кавказа, обусловленных бурным ростом национального самосознания и обращением к своему историческому прошлому, поставила перед российским руководством задачу не допустить расширения «ареала» южнокавказской суверенитизации на северокавказскую территорию. Одним из ключевых обоснований и претензий на возможность создания независимого государства вне границ России как раз и стала оценка общей истории, и в первую очередь – процесса присоединения горских народов к Российской империи. Вариативность трактовок этого ключевого момента в истории народов Северного Кавказа (в зависимости от поставленных задач) позволяла в политической практике получить результаты, которые могли бы, с одной стороны, подвести историческую основу под содержание, цели и задачи сепаратистских политических программ и лозунгов, а с другой, – оказать им аргументированное противодействие. На этапе становления российской историографии это противоборство стало основообразующим стержнем в подаче истории российско-кавказских отношений. В результате истории как бы разделились на два лагеря: *державно-патриотический* и *либерально-сепаратистский*. Во многом критерии этого деления носили вненаучный характер, поскольку в их основу закладывались мировоззренческие, политические и национально-эмоциональные факторы, которые подспудно оказывали влияние на исследователей и выбор проблематики. С учетом того, что многовековая история двусторонних отношений, протекавшая в рамках различных государственных моделей, представляла собой богатый позитивный и/или негативный опыт взаимодействия, ракурс исследования можно было повернуть под любым, заданным автором, углом.

На волне этнизации исторического знания на Северном Кавказе в 1990-е гг. национальные историки пытались показать и доказать, что включение народов региона в состав империи было первым упущенным этапом в сохранении самостоятельного и независимого существования горских народов, когда их дальнейшая судьба решалась у них за спинами¹³³¹. В 1991 г. эту версию отстаивал историк Н. А. Сотавов, который писал, что присоединение Северного Кавказа к России воспринималось народами региона как результат политического союза, направленного против общих врагов, а не как акт их превращения в подданных российского царя. Этим автор объяснял и мотивы часто менявшейся внешнеполитической ориентации местных владетелей и старшин, для которых признание сюзеренитета России не означало прекращения своей государственной самостоятельности. «Как только Россия не считалась с этим, положение осложнялось, возникала конфликтная ситуация», – отмечал он¹³³². В 1994 г. на примере истории российско-кабардинских отношений аналогичное мнение высказывал К. Ф. Дзамихов. В трактовке Кючук-Кайнарджийского договора он отстаивал статус Кабарды в качестве самостоятельного игрока в международной политике и подчеркивал: «как и в период Белградского договора, в данном случае Россия и Турция, определяя сферы своего влияния, делили не принадлежавшие им территории и суверенные народы»¹³³³.

¹³³¹ См.: Бейтуганов С. Кабарда и Ермолов: Очерки истории. – Нальчик, 1993; Гамзаева Г. Ш. Политические взаимоотношения феодальных владений Дагестана и России: (конец XVIII в. – 1867 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1994; Джахияев Г. А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813–1829). – Махачкала, 1991; Дзамихов К. Ф. От военно-политического союза к колонизаторской политике (К истории русско-кабардинских отношений) // Адыги. – 1992. – № 4. – С. 77-85; История Дагестана: Курс лекций / [М. Р. Гасанов, Г. Х. Ичалов, А. А. Кандауров и др.; Отв. ред. М. Ш. Шигабуудинов]. – Махачкала, 1992; Мальбахов Б. К. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). – Нальчик, 1996; Чеченцы: история и современность / [А. А. Адилсултанов, Ю. А. Айдаев, А. Ю. Айдаев и др.]; Сост. и общ. ред. Ю. А. Айдаева. – М., 1996.

¹³³² Сотавов Н.-П. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в.: От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира, 1700-1774 гг. – М., 1991. – С. 179.

¹³³³ Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории: Сб. ст. – Нальчик, 1994. – С. 62.

В отличие от них, представители «федеральной» историографии усматривали в том времени легитимацию современных, исторически сложившихся государственных границ России на Кавказе. Они подчеркивали прогрессивный вклад империи в последующее социально-экономическое развитие региона, писали о приобщении горцев к цивилизации и получении ими из рук России основ государственности, отмечали невозможность сохранения своей независимости и генофонда в условиях геополитического противоборства их соседей в XVI-XIX вв.¹³³⁴. Так, профессор ДГПУ М. Р. Гасанов в «Очерках истории Табасарана» подчеркивал следующее: «несмотря на насаждение царизмом военно-административной власти, приведшей горцев к антиколониальной борьбе и антифеодальной борьбе в течение десятилетий, присоединение к России избавило табасаран от физического истребления. Этот факт следует считать важнейшим последствием присоединения табасаран к России»¹³³⁵. Исследователь В. А. Матвеев писал, что «когда присоединение достигалось в результате войн, совершавшихся чаще всего из-за стратегических потребностей обеспечения безопасности державных рубежей, нередко еще до их начала некоторые племена (как это было и накануне Кавказской войны) уже вступали с Россией в единение. Само же объединение официально не воспринималось как покорение. А главная цель проводившейся по отношению к дру-

¹³³⁴ См.: Азаров В., Марущенко В. Кавказ в составе России: исторические мифы, порождающие конфликты // Воин России. – 2001. – № 3. – С. 2-19; Горбачев С. Северокавказский барьер // Молодая гвардия. – 1999. – № 11/12. – С. 238-256; Гордин Я. Что увлекло Россию на Кавказ? Заметки об идеологии Кавказской войны // Звезда. – 1997. – № 10. – С. 94-111; Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик, 1999; Дегоев В.В. Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности // Вестн. Ин-та Цивилизации. – 1999. – Вып. 2. – С. 128-161; Матвеев О.В. Кавказская война и ее последствия для адыгов // Этнографическое обозрение. – 1996. – № 2. – С.104-113; Муханов В.М. Россия и Кавказ: история взаимоотношений // Гербоведъ. – 1998. – № 3. – С. 5-26; Спирин П. Семена добра и семена зла // Родина. – 1994. – № 3/4. – С. 148-149; Толмачев Е.П. Присоединение Кавказа к России: (Некоторые итоги и значение) // Сб. Рус. ист. о-ва. – 2000. – № 2. – С. 215-217; Тройно Ф.П. Взгляд на создание Российской империи // Рос. ист. журн. – 1994 – № 2. – С. 4-14.

¹³³⁵ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. – Махачкала, 1994. – С. 252.

гим народам политики сводилась к гражданскому приобщению, «слиянию с остальными подданными...»¹³³⁶.

Исследователи на страницах своих работ всячески пытались убедить читателя в доказательности и обоснованности высказываемых идей. Многие работали по принципу равной пропорции, который предполагал соблюдение баланса между полярными выводами о каком-либо событии или явлении. Так, в ответ на обвинения в адрес Российской империи в геноциде ряда горских народов, в 1995 г. группа краснодарских историков (А. М. Авраменко, О. В. Матвеев, П. П. Матющенко, В. Н. Ратушняк) предложила прямо противоположный взгляд на проблему¹³³⁷. Интерес вызывает трактовка результатов этого процесса В. А. Матвеевым. Он связывал причину продажи Аляски с тем, что в результате выселения горцев за пределы империи опустевшие земли необходимо было колонизировать. В этой связи российское руководство выражало неуверенность в возможности государства «освоить окраины» на Американском континенте¹³³⁸. Тем самым, автор хотел показать, что в результате мухаджирства потери понесла и российская сторона.

Свой отпечаток на проблематику и ее оценку оказывали ряд факторов внутривосточного развития России, а также состояние в этот период исторической науки, в рамках которой отсутствовало четкое понимание того, как должна выглядеть модель исторического развития России, концепция формирования Российского многонационального государства. Неслучайно в ноябре 1992 г. академик И. Д. Ковальченко вынужден был констатировать, «что современная историческая наука находится в

¹³³⁶ Матвеев В. Кавказская война минувшего века: итоги и уроки // Ориентир. – 1998. – № 10. – С. 70; Матвеев В. А. Отечество не только русских...: (размышления о геополитических, историко-цивилизационных и этнонациональных особенностях российской государственности) // Научная мысль Кавказа. – 1997. – № 1. – С. 33.

¹³³⁷ См.: Матвеев В. А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 4. – С. 35.

¹³³⁸ Матвеев В. А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе... – С. 38.

кризисном состоянии»¹³³⁹. В качестве основной причины он называл сильнейший идеологический и политический пресс, в котором была «зажата» история. Порционное разрешение на изучение отдельных аспектов исторического прошлого, получаемое от правящих элит, привело к большому количеству «белых пятен» в выстраивании целостной картины истории России. В условиях политического и идеологического плюрализма многие историки, отбросив принцип *Sine ira et studio*, сконцентрировались на их выявлении. Их прельщали ранее запретные и искаженные сюжеты прошлого. Причину такой научной избирательности А. А. Цуциев видел в необходимости «восполнения пробелов в смысловой картине прошлого, которые образовались во времена организованной дружбы народов и господства мифа об исключительно добровольном вхождении кавказских обществ в Российскую империю»¹³⁴⁰.

Стремление историков к поиску критериев оценки присоединения Северного Кавказа к России находило поддержку во властных структурах. Так, 7 февраля 1992 г. Верховный Совет Кабардино-Балкарской ССР выступил с инициативой признания Россией геноцида адыгов в годы Кавказской войны. В постановлении отмечалось, что «столетняя колониальная Русско-Кавказская война (1760–1864), принесшая черкесам (адыгам) неисчислимые бедствия и страдания, не имеет аналогов в истории нового времени. Большая часть адыгского этноса, в том числе свыше 90 процентов населения Кабарды, была физически уничтожена, более 500 тыс. адыгов насильственно изгнано царским самодержавием в Османскую империю»¹³⁴¹.

Результатом этих требований стало «Обращение к народам Кавказа» Президента РФ Б. Н. Ельцина, сделанное накануне 130-летия окончания Кавказской войны¹³⁴². В нем не отрицался факт жестокости войны, вынужденного выселения горцев за

¹³³⁹ Цит. по: Обсуждение работы Отделения истории Российской академии наук // Новая и новейшая история. – 1993. – № 2. – С. 51.

¹³⁴⁰ Цуциев А. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов // Дружба народов. – 2005. – № 10. – С. 167.

¹³⁴¹ Дзамихов К. Ф. Адыги: борьба и изгнание. – Нальчик, 2005. – С. 103.

¹³⁴² Дзамихов К. Ф. Адыги: борьба и изгнание... – С. 106-107.

пределы своей Родины. Б. Н. Ельцин акцентировал внимание на создании в государстве необходимых предпосылок для начала объективной трактовки событий Кавказской войны. На примере установленного в г. Нальчике памятника Марии Темрюковне с табличкой «Навеки с Россией» он дал понять, что российское руководство и на словах, и на деле будет руководствоваться этим лозунгом при проведении политического курса в регионе¹³⁴³. Реализация изложенных в «Обращении» идей и задач, по своей сути, открывала новую станицу в изучении российско-кавказских отношений, однако наложение на них сложной ситуации на Кавказе привело к аннулированию возможных позитивных результатов.

Начало военных действий в Чечне в 1994 г. придало болезненно-эмоциональный характер крайне щепетильной теме¹³⁴⁴. Зачастую события XIX в., оставившие глубокий след в памяти горцев, стали проецироваться на современную ситуацию в регионе. Так, директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков на основании собранного полевого материала и данных информантов о социально-культурной динамике чеченского общества в условиях вооруженного конфликта заключил, что «фактически вся аргументация чеченского сопротивления (или чеченской революции) была построена на драматической презентации прошлого, Кавказской войны XIX в.»¹³⁴⁵. Интересные социологические наблюдения были сделаны учеными Р. А. Хунаху и О. М. Цветковым. В результате диагностирования массового сознания населения региона по отношению к событиям XIX в. они пришли к выводу, что «Кавказская война – исторический сюжет, тесно вплетенный в социально-политическую реальность современности, отчетливое воздействие которого на нынешнюю действительность усматривают по общей анкете 40% респондентов¹³⁴⁶. Исследователи попытались также объяс-

¹³⁴³ Там же. – С. 107.

¹³⁴⁴ См.: Стариков В. Феномен «Чеченской» войны // Молодая гвардия. – 1997. – № 3. – С. 170-185.

¹³⁴⁵ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. – М., 2001. – С. 54.

¹³⁴⁶ Хунаху Р. А., Цветков О. М. Исторический феномен в современном преломлении // Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 59.

нить причину отождествления Кавказской войны с современной ситуацией в Чечне. Они заключили, что «симпатизирующие Джохару Дудаеву горцы интерпретируют развернувшиеся на территории Чечни боевые операции как «вторую кавказскую войну», реконструируя тем самым в памяти экспансионистскую логику царизма и отождествляя ее с современной политикой Москвы на Северном Кавказе»¹³⁴⁷. Для примера такой проекции можно сослаться на статью С.-Э. С. Бадаева, в которой один из этапов чеченского мухаджирства в 1865 г. он именовал «депортационным». Автор писал, что переселение горцев было фактически организовано кавказской администрацией¹³⁴⁸. Можно предположить, что употреблением этого понятия он хотел провести параллель между рассматриваемой темой и депортацией чеченцев в феврале 1944 г.

Вооруженные конфликты в Чечне в 1990-е гг., с одной стороны, резко актуализировали изучение истории российско-кавказских отношений, а с другой, – значительно ее политизировали. В этот период наблюдаются отчетливые попытки трактовки процесса включения Чечни в состав России с позиций суверенного статуса республики (это было закреплено в 1992 г. в первой статье Конституции ЧР). В этом ключе особый интерес вызывает статья профессора ЧГУ Я. З. Ахмадова, опубликованная в 1996 г. в сборнике «Чеченцы: история и современность»¹³⁴⁹. В ней он подчеркивал, что «горцы Чечни искренне желали установления с Россией взаимовыгодных торговых связей и дружественных отношений. Ради сохранения мира с северным соседом они шли на ряд уступок, но при этом резко протестовали против вмешательства в их внутренние дела, оказывали сопротивление попыткам ограничения политического суверенитета Чечни»¹³⁵⁰. Я. З. Ахмадов подробно остановился на аргументации критериев в выделении периодов российско-чеченских отношений. «Чтобы рассмотреть

¹³⁴⁷ Хунаху Р. А., Цветков О. М. Исторический феномен... – С. 62.

¹³⁴⁸ Бадаев С.-Э. С. Чеченское мухаджирство второй половины XIX века как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 4. – С. 54.

¹³⁴⁹ Чеченцы: история и современность ...

¹³⁵⁰ Там же. – С. 141.

и охарактеризовать международно-правовые аспекты статуса тех или иных государств и народов, в тот или иной период, следует рассматривать их в аспекте понятий и терминов», – отмечал он¹³⁵¹. Согласно этому подходу исследователь выделил пять этапов периодизации: 1) вторая половина XVI – конец XVII в. – складывание вассально-союзнических отношений; 2) начало XVIII – первая четверть XIX в. – возрастание колониальных методов и открытой военной экспансии России на Северном Кавказе; 3) 30-50-е гг. XIX в. – война между горским государством (имамат Шамиля) и Российской империей, по результатам которой территория Чечни «по праву меча» была захвачена и покорена; 4) середина XIX – начало 90-х гг. XX в. – пребывание Чечни в составе Российской и коммунистической империи; 5) с осени 1991 г. – новый этап, связанный с провозглашением суверенитета Чечни¹³⁵². Для каждого этапа автор подробно расписал его значение и итоги в истории двусторонних отношений. Так, для первого этапа он разработал последовательную схему правового оформления вассально-союзнических связей: 1) обращение горского владетеля к царю с просьбой о вступлении в «подданство»; 2) принесение им присяги местным русским воеводам; 3) посольство присягнувшего владетеля в Москву, связанное с торжественной аудиенцией и повторной присягой на царском дворе; 4) выдача горскому князю царской жалованной грамоты и выплата жалования; 5) представление владетелем заложника (аманата) в качестве гарантий и 6) включение названия вассальной территории в царскую титулатуру¹³⁵³.

Вслед за С. М. Броневским историк подчеркивал тот факт, что в XVI-XVII вв. Московская Русь в международных отношениях вокруг Кавказа выступала как второразрядная держава, уступая пальму первенства Турции и Ирану (в работе С. М. Броневского этот период назван турко-персидским – А. М.)¹³⁵⁴. Своим тезисом о том, что чеченские территории не фигурировали в международных договорах, Я. З. Ахмадов выбил из-под ног

¹³⁵¹ Там же. – С. 145.

¹³⁵² Там же. – С. 145-146.

¹³⁵³ Там же. – С. 146.

¹³⁵⁴ Там же. – С. 147.

своих оппонентов краеугольный элемент концепции о юридическом закреплении за Россией ряда северокавказских территорий. Говоря о неоднократных случаях прошения чеченцев в российское подданство, историк отмечал их формальную сторону, минимальное политическое значение и временный характер. На третьем этапе он акцентировал внимание на характер Кавказской войны, подчеркнув, что в этот период произошло изменение не только субъекта-завоевателя, но и объекта завоевания, имея в виду тот факт, что было образовано горское суверенное государство (имамат Шамиля)¹³⁵⁵. Результатом войны, по мысли историка, стало не присоединение Чечни к империи, а ее *оккупация*, которой был положен конец только в начале 1991 г. В реалиях того времени идеи Я. З. Ахмадова соответствовали Концепции национально-государственной политики ЧРИ в изложении пункта об историческом опыте взаимоотношений с Россией¹³⁵⁶.

С целью демонизации роли России по отношению к народам Кавказа ряд историков активно использовали такие термины и понятия, как «геноцид», «оккупация», «аннексия», «планомерный захват», «военно-оккупационный режим»¹³⁵⁷. В классический термин «Кавказская война» (с четкой географической локализацией) они пытались «втиснуть» и подчеркнуть этническую составляющую конфликта, предлагая заменить его синонимичными матрицами типа «Русско-Кавказская», «Русско-Черкесская», «Русско-Че-

¹³⁵⁵ Там же. – С. 149, 177.

¹³⁵⁶ Дудаев Д. Концепция национально-государственной политики Чеченской Республики Ичкерия. – Грозный, [1994]. – С. 4-5.

¹³⁵⁷ См.: Бадерхан М. Ф. Переселенцы с Северного Кавказа в Турции, Сирии и Иордании. Вторая половина XIX – первая половина XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993; Джахиов Г. А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813–1829). – Махачкала, 1991; Дзамихов К. Ф. Адыги: веки истории: Сб. ст. – Нальчик: Эльбрус, 1994; Думанов Х. М. Вдали от Родины: [Сб. арх. док.: К 130-летию окончания Кавк. войны (1864–1994)]. – Нальчик, 1994; Касумов А. Х., Касумов Х. А. Геноцид адыгов: Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в. – М., 1992; Кумыков Т. Х. Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. – Нальчик, 1994; Умаров С. Ц., Бадаев С.-Э. С. Заметки по средневековой этнической истории чеченцев // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 1. – С. 64-69; Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне / [Предисл. Т. Мазаевой]. – Грозный; СПб., 1998.

ченская» война, а также всячески «растянуть» ее временные рамки¹³⁵⁸.

Такие политизированные проекции закладывали в общественном сознании опасную мировоззренческую картину прошлого, демонстрировавшую историю многовековых российско-северокавказских взаимоотношений через призму вооруженного противостояния. В сложившейся ситуации историки были вынуждены всячески отсекаать эмоциональную предвзятость и отстаивать академический стиль изложения. С целью возвращения проблемы российско-кавказских отношений в научное русло в октябре 1997 г. на заседании Ученого совета Института российской истории РАН был озвучен коллективный доклад на тему «Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны?»¹³⁵⁹. В докладе авторы – известные специалисты в области политической истории Северного Кавказа – особое внимание уделили дискуссионным вопросам присоединения региона к России. В частности, они подчеркивали, что версия о присоединении северокавказских территорий в середине XVI в. не соответствовала реалиям того времени, поскольку «слишком отдалены были пока российские рубежи»¹³⁶⁰. Кроме этого, крайне осторожным было обращение к версии о включении какой-либо территории на основании прошений о получении российского подданства. Отмечалось, что «подобные обращения со стороны горских объединений («обществ»), начиная с середины XVIII в., были довольно многочисленными. Но едва ли это можно считать выражением воли всего горского населения Центрально-Кавказа. Значительная его часть, видимо, до последних де-

¹³⁵⁸ См.: Бейтуганов С. Кабарда и Ермолов: Очерки истории. – Нальчик, 1993; Гунашев А. Трансформация огня: от зависимости к взаимозависимости // Вайнах сегодня. – 1998. – № 1/3. – С. 32-35; Дзамихов К. Ф. Адыги: борьба и изгнание. – Нальчик, 2005; Думанов Х. М. Кабарда и Кавказская война // Адыги. – 1991. – № 1. – С. 146-149; Россия и Чечня: 200-летняя война: [Сб.] / Сост. А. Блинский. – СПб., 2000; Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне ...; Чеченцы: история и современность ...; Эльмесов А. М. Из истории Русско-Кавказской войны: (док. и материалы). – Нальчик, 1991.

¹³⁵⁹ Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? / Л. С. Гагагова [и др.] // ОИ. – 1998. – № 5. – С. 122-132.

¹³⁶⁰ Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны?... – С. 123.

сятилетий XVIII в. оставалась безразличной к России»¹³⁶¹. К наиболее правдоподобным версиям трактовки присоединения ряда северокавказских территорий специалисты относили результаты международных договоров (Кючук-Кайнарджийский и Ясский), в рамках которых за Россией были юридически закреплены территории Кабарды и Северной Осетии, а в отношении Чечни и Дагестана – результаты Кавказской войны, так как эти территории оставались неохваченными административной властью России. Авторы писали, что «логика геополитического развития вынуждала империю приняться за окончательное и полное присоединение горских земель, оказавшихся со всех сторон окруженными российскими владениями»¹³⁶². Итогом доклада стал вывод о том, что многовековой перманентной войны между Россией и горцами не существовало. Признавался тот факт, что кроме мирного включения территории Северного Кавказа в состав России были задействованы и насильственные силовые механизмы.

В ситуации активного поиска оснований для оценки исторического прошлого и налаживании диалога между федеральными и национальными историками одними из главных задач дальнейшего плодотворного развития кавказоведения были: восстановление, реформирование и организация новых научно-исследовательских учреждений; поиск нового методологического «сценария» и выработка комплексной программы по определению стратегических направлений в изучении истории региона. С этой целью в 1990-е гг. создавались новые крупные центры изучения истории народов Северного Кавказа в Ростове-на-Дону, Армавире, Нальчике, Махачкале, Майкопе и др. Интеграционную функцию в развитии науки о Кавказе взяли на себя научные журналы («Научная мысль Кавказа», «Кавказский сборник» и др.)¹³⁶³. Прекращению дистанцирования историков

¹³⁶¹ Там же. – С. 124.

¹³⁶² Там же. – С. 124.

¹³⁶³ Кузьминов П. А. Кавказоведение на грани веков // Новые исследовательские практики изучения местной истории: Материалы интернет-конф. – Ставрополь, 2005. [эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com/node/69>. – Дата доступа: 13.09.2012.

способствовало проведение совместных научных мероприятий и конференций¹³⁶⁴.

Одна из первых попыток создания новой (скорее – обновленной) парадигмы изучения российско-кавказских отношений была предпринята бывшим сотрудником Чечено-Ингушского НИИ В. Б. Виноградовым, который, после прихода к власти в Чечне Д. Дудаева, вынужден был покинуть республику и продолжить работу в АГПУ. Там в 1993 г. он впервые озвучил и ввел в научный оборот термин «*российскость*»¹³⁶⁵. В одноименной разрабатываемой концепции В. Б. Виноградов и его ученики отстаивали идеи о взаимовыгодном историческом партнерстве народов, входящих в состав Российского государства, в стремлении добиваться культурного сближения, несмотря на разные ментальные особенности и традиции. При этом сам автор концепции не скрывал, что «феномен российскости» является продолжением и развитием интеграционной концепции «добровольного вхождения». Скорее всего, В. Б. Виноградов в попытке возрождения прежней надэтнической установки создания единого советского народа хотел предложить ей альтернативу – термин «*россиянин*», который в современной России сможет объединить всех граждан государства вне зависимости от национальности¹³⁶⁶. Его идеи получили дальнейшее развитие, и на сегодняшний день в АГПУ сложилась научно-методическая кавказоведческая школа (С. Л. Дударев, Н. Н. Великая, В. В. Виноградов, Ю. Ю. Клычников, В. А. Матвеев

¹³⁶⁴ См.: Перевернутый мир бесконечной войны: («круглый стол») // Родина. – 1994. – № 3/4. – С. 17-23; Ахмадов Я. З., Гасанов М. Р., Черноус В. В. Новые подходы к истории Кавказской войны // Сев.-Кавказ. юридич. вестн. – 1998. – № 3. – С. 136-142; Исторические, духовные и нравственные уроки Шамиля: Слово к 200-летию имама Дагестана и Чечни: [Сб. докл., речей и ст.] / Сост., авт. предисл. и отв. ред. Г. Г. Гамзатов. – Махачкала, 2000.

¹³⁶⁵ Виноградов В. Б. Современные аспекты российского кавказоведения: мозаика новейших публикаций). – М.: Армавир, 2007. – С. 39.

¹³⁶⁶ Максимчик А. Н. Полемика вокруг характера присоединения Северного Кавказа к России в современной историографии // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – 2010. – Вып. 5– С. 259.

и др.)¹³⁶⁷. Однако помимо нее термин и концепция «*российско-сти*» в научно-исследовательской практике не получили широкого распространения, а идеи школы крайне редко выходят за рамки университета.

На фоне стагнации формационного подхода к изучению истории в 1990-е гг. популярность получил цивилизационный подход, который ряд историков попытались применить на местном северокавказском материале (Р.Г. Абдулатипов, В.В. Черноус, А.А. Аникеев и др.). В научных изданиях стали появляться термины «*кавказская цивилизация*», «*горская цивилизация*», «*кавказская горская цивилизация*»¹³⁶⁸. По мнению одного из ярких представителей этого подхода В.В. Черноуса, свое окончательное оформление кавказская горская цивилизация получила

¹³⁶⁷ См.: Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Южнорос. обозрение. – 2007. – Вып. 45. – С. 88-101; Виноградов В. В. К проблеме особенностей служения горцев России в контексте существенных характеристик российско-северокавказского взаимодействия XVI – начала XIX в. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заоч. науч.-практ. конф. [эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slavakubani.ru/print.php?table=1&type=1&id=171>. – Дата доступа: 09.01.2012; Виноградов В.Б. Российский Северный Кавказ: факты, события, люди: кн. регионовед. ст., очерков и зарисовок / Под ред. С.Л. Дударева. – М.; Армавир, 2006; Дударев С.Л. Основные этапы этнической истории вайнахов (до XVIII в. включительно) // Вестн. АГПУ. – 2007. – № 1. – С. 51-56; Кипкеева З.Б. Концепция «российскости» как основа для кавказоведческих исследований // В.Б. Виноградов глазами наставников, коллег и учеников: (к 70-летию со дня рождения): [сб. ст.] / [сост.: С.Л. Дударев, Ю.Ю. Клычников]. – М.; Грозный; Армавир, 2008. – С. 21-25; Клычников Ю.Ю. Из истории формирования Российского Северного Кавказа во второй половине XVI-XVIII вв. – Пятигорск, 2008; Матвеев В. А. Евразийство и российскость как вариации исторической кодификации // «Российскость» в истории Северного Кавказа: Науч. сб. / Под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир, 2002. – С. 13-20.

¹³⁶⁸ См.: Аникеев А.А. Концепция северокавказской цивилизации как современная парадигма кавказоведения // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 25-28; Аникеев А.А., Лубский А.В. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 1997. – № 3. – С. 53-63; Давидович В.Е. Существует ли кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 28-29; Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 3. – С. 154-166.

в XVI-XVII вв.¹³⁶⁹ В процессе работы над созданием концепции северокавказской цивилизации А. А. Аникеев важное место отводил вопросам взаимодействия горцев с Россией в XIX – первой половине XX в., поскольку считал, что в этот период происходила существенная трансформация многих основ северокавказской цивилизации¹³⁷⁰. Противоположное мнение высказал М. А. Магомедов, который отмечал несовместимость и потенциальную конфликтность русско-православной и горско-мусульманской цивилизаций¹³⁷¹. В целом, следует отметить, что применение цивилизационного подхода в контексте рассмотрения проблем присоединения Северного Кавказа к России позволило историкам по-новому взглянуть на причины перехода российско-кавказских отношений от мирного диалога к конфронтации, на характер взаимоотношений, последствия присоединения горцев к империи. Кроме этого, в научном отношении значительно повышался статус региона, что позволило заняться пересмотром объектно-субъектных отношений в рамках международных и межкультурных отношений на Кавказе.

Действенные попытки преодоления кризисных тенденций в изучении политической истории Северного Кавказа многие исследователи связывали с актуализацией источниковедческих изысканий. Это можно объяснить целым рядом причин. Во-первых, в 1990-е гг. резко возросла практическая значимость исторических источников. Публикация документов (при соответствующей выборке) позволяла продемонстрировать, с одной стороны, стремление горских народов к вступлению в состав Российской империи, показать добровольный характер договаривающихся сторон, выступавших с этой инициативой¹³⁷², с другой, – охарактеризовать методы силового воздействия на местное население,

¹³⁶⁹ Черноус В. В. Россия и народы Северного Кавказа... – С. 156.

¹³⁷⁰ Аникеев А. А. Концепция северокавказской цивилизации... – С. 27.

¹³⁷¹ Магомедов М. А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе // ОИ. – 1997. – № 6. – С. 81.

¹³⁷² См.: Под стягом России: Сб. арх. док. / [Сост. А. А. Сазонов и др.]. – М., 1992; Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI-XVII в.: Сб. док. / Выявление, сост., введ., коммент. Е. Н. Кушевой; [Отв. ред. Н. Г. Волкова]. – М., 1997; Документальная история образования многонационального государства Российского ...

цели российского проникновения вглубь региона¹³⁷³. Мощнейшим стимулом для работы в этом направлении являлось наличие центробежных и центростремительных тенденций на Северном Кавказе, которые стремились выстраиваться на достоверной исторической основе. Так, только в 1997 г., в условиях углублявшегося кризиса российско-чеченских отношений, архивисту Н.Г. Волковой удалось опубликовать сборник документов по истории российско-чеченских отношений, подготовленный известным советским кавказоведом Е. Н. Кушевой еще в 1960-е гг.¹³⁷⁴

В этой связи вызывает интерес также публикация первой книги сборника «Документальная история образования многонационального государства Российского», посвященной истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией в XVI-XIX вв.¹³⁷⁵ Указывая на причину его появления, авторы-сопоставители апеллировали к тому, что «многие обстоятельства, связанные с присоединением Северного Кавказа к России, в частности, с кровопролитной Кавказской войной XIX в., имевшей особо тяжкие последствия для чеченцев и адыгских племен Северо-Западного Кавказа и оставившей в исторической памяти народов всего региона глубокий след, почти неизвестны современной российской общественности»¹³⁷⁶. Это подтверждалось и результатами социологического опроса, проведенного в 1994 г. А. Тарасовым¹³⁷⁷. Появление сборника стало итогом исполнения решения Дирекции ИСПИ РАН и Президиума Академии со-

¹³⁷³ Думанов Х. М. Вдали от Родины: [Сб. арх. док.: К 130-летию окончания Кавк. войны (1864–1994)]. – Нальчик, 1994; Сказания народов Дагестана о Кавказской войне: Уст. рассказы, предания, легенды: К 200-летию имама Шамиля / [Сост., авт. предисл. и примеч. М. Р. Халидова; Отв. ред. М. М. Курбанов]. – Махачкала, 1997; Трагические последствия Кавказской войны для адыгов: Вторая половина XIX – начало XX века: Сб. док. и материалов / [Сост.: Р. Х. Гугов и др.]. – Нальчик, 2000; Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II: Сб. док.: в 4 т. / Сост. Р. У. Туганов. – Нальчик, 1996–2004; Эльмесов А. М. Из истории Русско-Кавказской войны: (док. и материалы). – Нальчик, 1991.

¹³⁷⁴ Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI-XVII вв. ...

¹³⁷⁵ Документальная история образования многонационального государства Российского ...

¹³⁷⁶ Там же. – С. 8.

¹³⁷⁷ Самая неизвестная? // Родина. – 1994. – № 3/4. – С. 150–151.

циальных наук о подготовке и публикации серии комплексных монографий, посвященных истории образования Российского многонационального государства, призванных способствовать укреплению целостности, неделимости и безопасности РФ. При анализе сборника обращает на себя внимание авторская методика выборки документов, а также степень их научной новизны. Авторы сделали уклон на публикацию документов, в которых речь идет о прошениях горцев для зачисления их на русскую службу, принятии ими российского подданства. Однако большое количество документов (всего в сборник вошло 254 единицы) ранее были опубликованы. Так, в разделе «Кавказская война» практически каждый третий документ был взят из сборника «Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в.» (Махачкала, 1959). Можно отметить и другой нюанс: из запланированных четырех частей издания была опубликована лишь первая книга – «Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках», хотя в предисловии к ней авторы сообщили, что на очереди следующая книга данной серии – «Россия и Закавказье» (по прошествии 17 лет она так и не вышла). Причиной этого стал крайне запоздалый и заказной характер злободневной темы издания. И все же его роль можно положительно оценить: за многолетний период активной деятельности кавказоведов к началу 1990-х гг. значительная часть их работ стала библиографической редкостью, и мучительный поиск новых решений старых научных и столь злободневных политических проблем заставил исследователей обращаться к источникам изучения темы. В 1990-е гг. публикуются работы С. С. Эсадзе, А. П. Берже, В. А. Потто, И. Ф. Бларамберга, Ф. Боденштедта и др.¹³⁷⁸

¹³⁷⁸ См.: Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа...; Боденштедт Ф. Народы Кавказа и их освободительные войны против русских / [Пер. с нем. М. Исаева]. – Махачкала, 1996; Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв.: [Сб.] / [Сост., введ., вступ. ст. к текстам и примеч. В. Г. Гаджиева]. – Махачкала, 1992; Даргинская трагедия. 1845 г.: [Сб. воспоминаний] / Сост., вступ. ст. и подгот. текстов Г. Г. Лисициной; коммент. Б. М. Миловидова. – СПб., 2001; Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 1995; Потто В. А. Кавказская война: в 5 т. – Ставрополь: Кавказский край, 1994; Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: [Сб.]: в 2 т. / Сост. Х. М. Думанов. – Нальчик, 2001; 100 писем

Значительное внимание историки стали уделять работам исследователей, вынужденных эмигрировать из России в 1860-1920-е гг.¹³⁷⁹ В их преобладающей массе оценка присоединения горцев и его последствия трактуются в духе концепции «абсолютного зла», что является, наравне со слабой и непроработанной источниковой базой, характерной особенностью эмигрантской историографии.

Обращение к историческим источникам позволило по-новому посмотреть на различные аспекты процесса присоединения Северного Кавказа к России. Так, в вопросе выбора хронологических рамок присоединения Чечни к России исследователи стали отталкиваться от нового прочтения известных источников, интерпретируя их содержание в русле современных новационных тенденций. Так, особый интерес заслуживают документы, найденные историком А. В. Бирюковым в АВПР. Автор писал, что для водворения спокойствия в Чечне в 1807 г. главнокомандующий войсками в Грузии и Дагестане И. В. Гудович использовал подкуп местных старшин¹³⁸⁰. Особую ценность найденным документам придает тот факт, что 1807 г. в современных работах по истории российско-чеченских отношений является точкой отсчета в присоединении Чечни к России. К такому выводу приходит Д. И. Олейников в статье «Большая Кавказская война», опубликованной двумя годами позже, чем исследование А. В. Бирюкова!¹³⁸¹ Это наблюдение (к слову, сделанное еще в XIX в. – А. М.) позволяло более критично относиться к комплексу документов

Шамяла / Введ., тексты, пер. с араб., коммент., примеч., прил. и указ. Х. А. Омарова. – Махачкала, 1997; Эсадзе С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. – Майкоп, 1993.

¹³⁷⁹ См.: Кандур М. И. Мюридизм. – Нальчик, 1996; «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана / Публ. и вступ. ст. С. М. Исхакова // ВИ. – 2001. – № 5. – С. 3-31; Трахо Р. Черкесы: (Черкесы Северного Кавказа). – Нальчик, 1992.

¹³⁸⁰ Бирюков А. В. Российско-чеченские отношения в XVIII – середине XIX века // ВИ. – 1998. – № 2. – С. 53.

¹³⁸¹ Олейников Д. Большая Кавказская война // Родина. – 2000. – № 1/2. – С. 52.

не только 1781 г., но и 1807 г., в очередной раз опубликованных в 1997 г.¹³⁸² Кроме этого, интересную деталь в специфике российско-чеченских отношений заметили И. Задворнов и А. Халмухамедов. Анализируя внутреннее устройство чеченского общества, они отметили его специфику, не характерную для других горских народов: «в политике присоединения к России дагестанских, адыгских, балкарских и иных народностей Северного Кавказа приносили успех методы, связанные с использованием статусных и имущественных различий внутри горских обществ, когда большая часть знати (кабардинские, дагестанские, шамхальские князья) путем подкупа, привилегий и льгот переходила в подданство к российским императорам»¹³⁸³.

Однако, в целом, в вопросах хронологии исследователи сохраняли приверженность традиционным подходам. Часть историков связывала процесс присоединения Северного Кавказа с окончанием Кавказской войны¹³⁸⁴, другая – опиралась на результаты международных договоров, в рамках которых происходило закрепление северокавказских территорий за Российской империей¹³⁸⁵. Так, авторский коллектив издания «Национальные окра-

¹³⁸² Документальная история образования многонационального государства Российского... – С. 248-255, 258-262.

¹³⁸³ Задворнов, И., Халмухамедов, А. Тейпы и тукхумы // Родина. – 2000. – № 1/2. – С. 28.

¹³⁸⁴ См.: Бижев А. Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. – Майкоп, 1994. – С. 322; Гамзаева Г. Ш. Политические взаимоотношения феодальных владений Дагестана и России: (конец XVIII в. – 1867 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1994. – С. 23; Георгиев В. А., Георгиева Н. Г. Кавказская война (1829–1864) // Преподавание истории в школе. – 1999. – № 6. – С. 21; Исаев С. А. Присоединение Чечни к России. Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1998; История Дагестана: Курс лекций / [М. Р. Гасанов, Г. Х. Ичалов, А. А. Кандауров и др.]; Отв. ред. М. Ш. Шигабудинов]. – Махачкала, 1992. – С. 188; Национальная доктрина России: (Пробл. и приоритеты). – М., 1994. – С. 300.

¹³⁸⁵ См.: Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность / Предисл. Р. Бзарова. – Владикавказ, 1999; Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в. / Под ред. Н. С. Киняпиной. – Владикавказ, 1992; Его же. Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности // Вестн. Ин-та Цивилизации. – 1999. – Вып. 2. – С. 128-161; Джахияев Г. А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе

ины Российской империи» отмечал, что «присоединение северокавказских народов не произошло одновременно. Конечной датой этого растянувшегося на столетия процесса стал 1864 год – год завершения Кавказской войны»¹³⁸⁶. В отношении территорий Чечни, Балкарии, Карачая, Кабарды существовали и другие критерии определения времени присоединения. В 1991 г. историк Х.М. Думанов, занимаясь разработкой периодизации Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе, пришел к выводу, что Кабарда была завоевана в 1818 г. в результате Кавказской войны (1779–1818)¹³⁸⁷.

Несмотря на значительную «девальвацию» со времен перестройки концепции «добровольного вхождения» в постсоветской историографии от нее окончательно не отказались. Ряд исследователей применяли ее для трактовки процесса присоединения Кабарды, Осетии, Чечни и Ингушетии¹³⁸⁸. Аргументированное опровержение ее применению на примере российско-кабардинских отношений продолжали разрабатывать К.Ф. Дзамихов, Б.К. Мальбахов¹³⁸⁹. В своих исследованиях они по-прежнему от-

(1813–1829). – Махачкала, 1991. – С. 76; Касумов Х.А. Северо-Западный Кавказ (черкесский вопрос) в русско-турецких отношениях: 1774-1829 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 1998; Сотавов Н.-П. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в.: От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира, 1700-1774 гг. – М., 1991. – С. 178-179.

¹³⁸⁶ Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. – М., 1997. – С. 291.

¹³⁸⁷ Думанов Х.М. Кабарда и Кавказская война // Адыги. – 1991. – № 1. – С. 149.

¹³⁸⁸ Тройно Ф.П. Взгляд на создание Российской империи // Рос. ист. журн. – 1994 – № 2. – С. 5, 8; Якубова И.И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40-70-е годы XVIII в. – Нальчик, 1993. – С. 150.

¹³⁸⁹ См.: Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории: Сб. ст. – Нальчик, 1994; Его же. Адыги и Россия. – М., 2000; Его же. От военно-политического союза к колонизаторской политике (К истории русско-кабардинских отношений) // Адыги. – 1992. – № 4. – С. 77-85; Мальбахов Б.К. Взаимоотношения Кабарды с Россией: от военно-политического союза к установлению российской администрации: (середина XVI – первая четверть XIX): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Владикавказ, 1999; Его же. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825). – Нальчик, 1998; Его же. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом,

стаивали концепцию «военно-политического союза», согласно которой Россия и Кабарда исходили из взаимовыгодных интересов во внешней политике. Московское государство было заинтересовано в укреплении своих юго-восточных границ и установлении контроля над крупными военно-стратегическими и торговыми путями, которые шли через Кабарду и другие северокавказские владения. Кабарда же, в свою очередь, видела в России военного союзника против османо-крымской угрозы.

Динамика выстраивания взаимоотношений центра с российской окраиной, а также реанимирование геополитических возможностей Кавказа в новых политических условиях оказали существенное влияние на проблемный круг исследований. В 1990-е гг. стал разрабатываться ряд вопросов, связанных с историей установления российской административной власти на Кавказе, выявление специфики этого процесса¹³⁹⁰, роли и места Кавказа в международной политике¹³⁹¹. Различные аспекты присоединения Северного Кавказа к России нашли свое отражение в разработке целого ряда диссертаций, подготовленных с позиций различных концепций и подходов¹³⁹².

Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). – Нальчик, 1996; Его же. Кабардинская феодальная аристократия во взаимоотношениях России с Кабардой и другими народами Северного Кавказа: (Вторая половина XVI – 70-е годы XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1995; Его же. Средневековая Кабарда: Внутренние и внешние аспекты истории. – Нальчик, 1994.

¹³⁹⁰ См.: Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. – Владикавказ, 1992; Геворкьян Д.П. Учреждение российского управления в Дагестане // Научная мысль Кавказа. – 1998. – № 3. – С. 78-84; Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. – М., 1997.

¹³⁹¹ См.: Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа ...; Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в. ...; Джакиев Г.А. Дагестан в международных отношениях...; Мальбахов Б.К. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом ...; Мальбахов Б.К. Средневековая Кабарда ...; Сотагов Н.-П. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. ...; Якубова И.И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40-70-е годы XVIII в....

¹³⁹² См.: Бадерхан М.Ф. Переселенцы с Северного Кавказа в Турции, Сирии и Иордании. Вторая половина XIX – первая половина XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993; Вачагаев М.М. Чечня в годы Кавказской войны

В центре внимания исторической науки находилось также историографическое осмысление российской политики на Кавказе. В 1996 г. вышла монография И. Х. Дамения «Историография истории народов Кавказа XIX – начало XX вв.»¹³⁹³. Однако комплексный анализ истории развития кавказоведения, предпринятый автором, лишь частично затронул проблему присоединения Северного Кавказа к России. В работе были рассмотрены материалы историков, внесших заметный вклад в изучение проблемы.

Несмотря на пертурбации, происходившие в российском обществе, исследовательскую работу в новых условиях развития исторической науки продолжили такие специалисты в области изучения российско-кавказских отношений, как М. М. Блиев, В. Г. Гаджиев, В. Б. Виноградов, К. Ф. Дзамихов, Т. Х. Кумыков, В. В. Дегоев, Я. З. Ахмадов, Ш. А. Гапуров, В. В. Черноус, А. Х. Бижев и др. В своих исследованиях часть из них пытались перейти на новые научные позиции, другая – по-прежнему защищала

(1816–1859): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995; Гамзаева Г. Ш. Политические взаимоотношения феодальных владений Дагестана и России: (конец XVIII в. – 1867 г.). – Махачкала, 1994; Гаджиев А.-Г. С. Прогрессивная роль России, русского народа в истории Дагестана: (Вторая половина XIX – 90-е гг. XX вв.). – Махачкала, 1995; Идрисов М. М. Влияние движения горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в. на развитие антиколониальной и антифеодальной борьбы на Кавказе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1993; Касумов А. Х. Северо-Западный Кавказ в системе международных отношений XIX века (Черкесский вопрос): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ростов н/Д, 1991; Касумов Р. М. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII в. – Махачкала, 1999; Касумов Х. А. Северо-Западный Кавказ (черкесский вопрос) в русско-турецких отношениях: 1774-1829 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 1998; Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 1998; Малахова Г. Н. Становление российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1996; Матвеев О. В. Кавказская война на Северо-Западном Кавказе и ее этнополитические и социокультурные последствия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 1996; Шаповалов А. Н. Северо-Западный Кавказ в политике Российской империи (70-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 1998; Шатохина Л. В. Политика России на Северо-Западном Кавказе в 20-60-е годы XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000.

¹³⁹³ Дамения И. Х. Историография истории народов Кавказа XIX – начала XX вв. – СПб., 1996.

и развивала более ранние. Так, М. М. Блиев на «круглом столе» в редакции журнала «Родина» отстаивал продукт своего советского научного творчества – двухэтапную периодизацию присоединения Северного Кавказа к России¹³⁹⁴. В 1994 г. он совместно с В. В. Дегоевым опубликовали книгу «Кавказская война», в которой концепция 1983 г. о «набеговой системе» горцев была значительно конкретизирована и дополнена фактографическим материалом¹³⁹⁵. Эта книга вскоре вошла в список обязательной литературы, предусмотренной программой исторических факультетов России¹³⁹⁶.

В целом, характеризуя разновекторное движение исторической науки в 1990-е гг., следует признать, что оно было продиктовано внутривосточной ситуацией в регионе и в России в целом. Это в значительной мере обусловило выделение 1990-х гг. в качестве самостоятельного этапа в изучении проблемы присоединения Северного Кавказа. В этот период историческая наука воплощала в себе крайне важный механизм решения политических задач, хотя она и выступала не только как созидательная, но и как разрушительная сила. В центре научных интересов находилась оценка причин и последствий процесса присоединения Северного Кавказа к России. Используемые критерии оценки отчетливо показали наличие федерального и национального подходов к проблеме.

Несмотря на крайне негативные последствия конфликтов на Северном Кавказе, следует признать, что благодаря им дальнейшая разработка научных проблем была простимулирована значительным числом публикаций различного методологического, концептуального и доказательного уровня. Подспорьем здесь выступал опыт предшественников, которым можно было воспользоваться с целью его научного совершенствования.

¹³⁹⁴ Перевернутый мир бесконечной войны: («круглый стол») // Родина. – 1994. – № 3/4. – С. 22.

¹³⁹⁵ Блиев М. М. Кавказская война. – М., 1994.

¹³⁹⁶ Айрапетов О. [Рецензия] // Рус. сб.: исследования по истории России XIX–XX вв. / ред.-сост. М. А. Колеров [и др.]. – М., 2006. – Т. II. – С. 373–388. – Рец. на кн.: Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М., 2004. – С. 373.

4.2. Концептуальные направления историографии в изучении процесса присоединения Северного Кавказа к России в начале XXI в.

Начало XXI в. ознаменовало собой новый этап в развитии российского кавказоведения. Это событие было обусловлено рядом взаимосвязанных факторов как политического, так и научного содержания. Во-первых, значительное влияние на современную трактовку присоединения Северного Кавказа к России оказала ликвидация открытых очагов вооруженных конфликтов в регионе. Несмотря на системный кризис 1990-х гг. РФ удалось сохранить свою территориальную целостность. Во-вторых, с целью централизации власти в России в период президентства В.В. Путина (2000–2008) был проведен комплекс мер по укреплению ее вертикали (повышение управляемости органов власти субъектов РФ со стороны федерального центра). Так, в 2003 г. Конституция ЧР была приведена в соответствие с основным законом РФ (в отличие от Конституции ЧРИ 1992 г., в ее первой статье подтверждалось, что ЧР является неотъемлемой частью территории РФ).

Новая политическая ситуация отразилась и на исторической науке. В 2002 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья директора Института российской истории РАН А.Н. Сахарова «О новых подходах к истории России». Его взгляды и идеи согласуются с проведенным в исследовании тезисом о вариативности трактовок присоединения Северного Кавказа к России. Было подчеркнуто, что этим концепциям свойственно противоборство и взаимоотрицание выводов. Единственный выход из такого состояния науки историк увидел в выработке и утверждении монополярной концепции, которая могла бы поглотить и подчинить себе все остальные направления¹³⁹⁷. Можно предположить, что на роль такой концепции с подачи политического руководства в настоящее время претендует версия о центристском, добровольном и

¹³⁹⁷ Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // ВИ. – 2002. – № 8. – С. 5.

мирном вхождении отдельных народов и территорий в состав России.

Несмотря на аргументированное опровержение основ концепции «добровольного вхождения» применительно к территории Северного Кавказа¹³⁹⁸, в настоящее время с целью усиления сплоченности национальных окраин с русским народом федеральный центр вновь обратился к традиции проведения юбилейных торжеств по случаю присоединения какого-либо народа в состав России, унаследовав при этом, в ряде случаев, советскую систему отсчета. Так, в начале XXI в. были отмечены 450-летие добровольного вхождения марийского народа в состав России (2002 г.), 230-летие вхождения Северной Осетии (2004 г.), 200-летие вхождения Чечни (2006 г.), 450-летие добровольного вхождения Башкирии и Кабардино-Балкарии (2007 г.), 240-летие вхождения Ингушетии (2010 г.). Такая практика вызвала и продолжает вызывать волну критики, в первую очередь, национальных историков.

Так, несмотря на подписание в сентябре 2006 г. соответствующего Указа Президента РФ применительно к территории Кабардино-Балкарии¹³⁹⁹, большинство национальных историков отстаивали версию об установлении в XVI в. между Московским государством и Кабардой союзнических и дружественных отношений¹⁴⁰⁰. Эта позиция была поддержана руководителем Центра

¹³⁹⁸ См.: Дегоев В. В. Введение в политическую историю Северного Кавказа... – М., 2009; Дзамихов К. Ф. Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI-XVII вв.: (исследования и материалы). – Нальчик, 2007; Половинкина Т. В. Черкесия – боль моя. Ист. очерк (древнейшее время – начало XX в.). – 2-е изд., испр. и доп. – Майкоп, 2001; Трепавлов В. В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и действительная реальность // ВИ. – 2007. – № 11. – С. 155-163; Шнирельман В. А. Быть аламан: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. – М., 2006.

¹³⁹⁹ О подготовке к празднованию 450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства // Архивы и общество [Эл. ресурс]. – 2011. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://http://archivesjournal.ru/?p=225>. – Дата доступа: 01.07. 2012.

¹⁴⁰⁰ См.: Бейтуганов С. Н. Кабардино-русские отношения (XVI-XIX вв.) / Сайт Зольского р-на КБР [Эл. ресурс]. – [1997]. – Режим доступа: <http://www.zolka.ru/articles/19-6/306---q---xvi-xix-q>. – Дата доступа: 12.08.2012; Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Пробле-

истории народов России и межэтнических отношений Института истории РАН В.В. Трепавловым. В ответе на официальный запрос от руководства Республики Адыгея о правомерности датировки добровольного вхождения Адыгеи в состав России серединой XVI в. он подчеркнул, что «450 лет назад произошло не присоединение Черкесии к России, а установление между ними союзнических отношений»¹⁴⁰¹. Пытаясь дать объяснение игнорированию федеральными властями позиции национальных историков, доцент КБГУ Ж.А. Калмыков пишет: «сейчас, похоже, что по политическим соображениям предпочтение отдается «вхождению», нежели «союзу». Это провоцирует нас к новой дискуссии. Но она ни в коей мере не подвергает сомнению необходимость празднования 450-летия начала многовековой дружбы не только Кабарды, но и других народов Кавказа с Россией»¹⁴⁰².

Придание официального политического статуса концепции «добровольного вхождения» привело к появлению близких к ней терминов, характеризующих процесс присоединения. Так, для обозначения характера присоединения Дагестана к России в коллективной работе «История Дагестана с древнейших времен до

ма социально-культурного синтеза). – Нальчик, 2007; Бурда Э. Навеки с Россией. Русско-кабардинское содружество в XVI-XVII вв. [Эл. ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article22729.htm>. – Дата доступа: 12.08.2012; Дзамихов К. Ф. Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI-XVII вв. ...; История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Отв. ред. Б. Х. Бгажноков. – Нальчик, 2007; Калмыков Ж. А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик, 2007; Его же. Размышления историка в поисках истины. – Нальчик, 2009; Рахаев Дж. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2008; Хотко С. К 450-летию заключения военно-политического союза России и Черкесии / Сайт Зольского р-на КБР [Эл. ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.zolka.ru/articles/19-6/266-450>. – Дата доступа: 20.09.2012.

¹⁴⁰¹ Об обстоятельствах адыго-русских отношений в XVI-XVIII вв. и правомерности датировки добровольного вхождения Адыгеи (Черкесии) в состав России серединой XVI в. [Ответ ин-та рос. истории РАН на офиц. запрос по поводу 450-летия отношений между Россией и Черкесией руководству Республики Адыгея в 2006 г.] // Архивы и общество [эл. ресурс]. – 2011. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://archivesjournal.ru/?p=237>. – Дата доступа: 01.07.2012.

¹⁴⁰² Калмыков Ж. А. Размышления историка... – С. 81.

наших дней» авторы использовали новационный для кавказоведения термин «объединение». Отправной точкой «объединения» в тексте определено заключение 26 декабря 1802 г. в Георгиевске между владельцами Дагестана и правительством России «союза»¹⁴⁰³. Как утверждает, «договор в Георгиевске стал этапом в процессе присоединения Северо-Восточного Кавказа к России и консолидации сил в борьбе с иноземной агрессией»¹⁴⁰⁴. Конечной датой окончательного поворота народов Дагестана в сторону северного соседа, по мнению авторов, явилось присоединение Казикумуха и Акуша-Дарго в 1812 г., которое «завершило объединение Дагестана и России»¹⁴⁰⁵. В отличие от курса лекций по истории Дагестана (Махачкала, 1992), в первом томе одноименного московского издания использование термина «объединение» помогло авторам снять вопрос односторонней (со стороны России, но с учетом местных интересов) юридической фиксации акта присоединения Дагестана к России.

В ряде исследований отмечается использование центростремительного по смыслу понятия «*пророссийская ориентация*»¹⁴⁰⁶. Его содержание, во-первых, характеризует существовавшую вариативность курса горцев в выстраивании политических взаимоотношений с соседними народами и государствами на различных этапах своего развития; во-вторых, демонстрирует временную протяженность этих взаимоотношений и, в-третьих, с добавлением к этому понятию таких характеристик, как «рост» и «падение», раскрывает динамику процесса присоединения¹⁴⁰⁷.

В ответ на политизированное навязывание концепции «до-

¹⁴⁰³ История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / [А. И. Османов, М. Г. Гаджиев, О. М. Давудов [и др.]; редкол.: А. И. Османов (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – Т. 1. – С. 455.

¹⁴⁰⁴ История Дагестана с древнейших времен до наших дней... – С. 455.

¹⁴⁰⁵ Там же. – С. 464.

¹⁴⁰⁶ См.: Гапуров Ш. А. Актуальные проблемы истории Чечни в XVI-XIX веках // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всерос. науч. конф., 19-20 апр. 2005 г., г. Москва / Редкол.: Х.И. Ибрагимов, В. А. Тишков (отв. ред.) [и др.]. – М., 2006. – С. 40-48; Магарамов Ш. А. Восточный Кавказ в политике России, Турции и Ирана в конце XVI в. // ВИ. – 2009. – № 4. – С. 149-152.

¹⁴⁰⁷ Магарамов Ш. А. Восточный Кавказ в политике России... – С. 151.

бровольного вхождения» в 2000-е гг. широкое распространение получила концепция «завоевания», в рамках которой представлены *радикальное* и *умеренное* крылья сторонников подобного характера присоединения иноэтничных территорий. И те и другие используют в своих работах термин «завоевание», однако радикальное крыло исследователей (которое в разы уступает умеренным), пытается отстаивать позиции известной концепции «абсолютного зла»¹⁴⁰⁸. Исследовательская свобода и плюрализм мнений в трактовке прошлого позволяет им реанимировать близкие им по духу идеи предшественников и культивировать их на страницах своих работ. Так, характеризуя основные тенденции и направления развития национальной северокавказской историографии, посвященной российско-кавказскому взаимодействию, исследователи Б. В. Виноградов, О. Б. Клочков, В. Е. Федорин отметили следующее: «работы Маркса, Энгельса и Ленина им, как правило, бывают полезны для извлечения наиболее «антицарских» цитат применительно к кавказской политике России, а из работ советских историков выбираются наиболее подходящие тенденциозностью своих оценок, связанные не в последнюю очередь со временем их написания»¹⁴⁰⁹.

Умеренная часть сторонников «завоевания» Кавказа придерживается концепции «*наименьшего зла*». Они традиционно после формулирования в предложении тезиса о наличии негативных тенденций в истории российско-кавказских отношений ставят в нем союз «но», подчеркивая реверсную сторону процесса. Зачастую именно эта сторона если не перевешивает первую часть предложения, то старается всячески ее уравнивать. Так, несмотря на значительное сокращение численности кабардинцев и их тер-

¹⁴⁰⁸ См.: Панеш А. Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). – Майкоп, 2006; Хотко С. Х. Очерки истории черкесов: от эпохи киммерийцев до Кавказской войны: этногенез, античность, средневековье, новое время, современность. – СПб., 2001.

¹⁴⁰⁹ Виноградов Б. В., Клочков О. Б., Федорин В. Е. Основные тенденции и направления развития «национальной историографии» в контексте исследования проблем российско-горского взаимодействия и анализа современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 1. – С. 76.

ритории в результате военных действий, эпидемии чумы, вынужденной эмиграции в процессе завершения в 1822 г. завоевания Россией Кабарды, З. Б. Думанов отмечает, что «включение Кабарды в состав России обусловило ее дальнейшее экономическое развитие»¹⁴¹⁰. Тем самым, умеренные изначально отказываются от односторонней трактовки присоединения, апеллируют к многоплановости проблемы и ее сложносоставному характеру¹⁴¹¹.

¹⁴¹⁰ Думанов З. Б. Политика Российской империи в Кабарде: административно-правовые, социальные и экономические аспекты (конец XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2010. – С. 15.

¹⁴¹¹ См.: Алиева У. М. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Османской империей и Иранской державой: 70-е гг. XVIII – 20-е гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2008; Арсанукаева М. С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010; Блиева З. М. Русско-чеченские отношения в XVII-XVIII веках // ВИ. – 2003. – № 12. – С. 47-61; Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). – Нальчик, 2007; Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Армавир, 2006; Волхонский М. А. Россия на Кавказе. Пять веков истории: науч.-публицист. очерки. – М., 2009; Гапуров Ш. А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2004; Гагагова Л. «Покой, тишина и умиротворение». Образы Кавказа и Кавказской войны в русском общественном сознании // Родина. – 2012. – № 1. – С. 118-121; Генерал А. П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX – начале XX века: [сб. ст. / сост.: Я. А. Гордин, Г. Г. Лисицына; ред.: Я. А. Гордин]. – СПб., 2009; Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX в. – СПб., 2000; Гусейханова, Т. М. Северный Кавказ в составе Российской Империи в первой четверти XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007; Дегоев В. В. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX века) // КС. – 2005. – Т. 2. – С. 90-108; Елифанцев А. А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? – М., 2010; Ибрагимов А. О. Русско-дагестанские политические отношения во второй половине XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2003; Калмыков Ж. А. Размышления историка в поисках истины ...; Лапин В. В. История Кавказской войны ...; Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия ...; Россия и Кавказ сквозь два столетия / [Ист. чтения; Сост. и подгот. Г. Г. Лисицына, Я. А. Гордин]. – СПб., 2001; Трепавлов В. В. Присоединение народов к России и установление российского подданства: (проблемы методологии изучения) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: программа фундаментальных исследований Президиума РАН: [сб. ст.]: в 2 кн. / Под ред. А. П. Деревянко [и др.]. – М., 2006. – Кн. 2. – С. 198-205; Юрченко И. Ю. Умиротворение Кавказа: место и роль казачества: (этноисторический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005.

Давая оценку работам по истории включения иноэтничных территорий к России, вышедшим в 1990-2000-е гг., В.В. Трепавлов заметил, что «в трудах историков наблюдается отход от прежнего апологетического подхода, учитываются как добровольные, так и насильственные формы присоединения»¹⁴¹². Например, исследователь А.Н. Рябиков подчеркивал, что «отношение народов Северного Кавказа и Закавказья к деятельности России на их территории было неоднозначным и варьировалось от добрососедских отношений добровольного принятия подданства до вооруженного выступления. Последнее возникало часто вследствие объективно обусловленного недостаточного понимания и одобрения со стороны российской администрации специфики традиционного уклада кавказских народов, а также отсутствия у горских народов опыта государственности. Разрешение этих проблем часто зависело не только от политики, проводимой Россией в регионе, но и от личностей, проводящих эту политику»¹⁴¹³.

В 2005 г. в Москве на Всероссийской научной конференции «Чеченская республика и чеченцы» в выступлениях А.И. Хасбулатова и Ш.Б. Ахмадова прозвучало предложение более углубленной разработки вопроса прогрессивных последствий присоединения Чечни к России¹⁴¹⁴. А.И. Хасбулатов предложил определить круг вопросов и проблем, которые входят в понятие «прогрессивные последствия», расширить его источниковую базу, а также выявить «узкие» места малоизученных тем¹⁴¹⁵. В качестве объективного критерия оценки присоединения Чечни к России политолог Т.А. Дидигов также предложил опираться на его последствия. Он отметил, что «итоговый результат интеграции определяется степенью сохранения культурного, традиционного

¹⁴¹² Трепавлов В.В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и действительная реальность // ВИ. – 2007. – № 11. – С. 155.

¹⁴¹³ Рябиков А.Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 2007. – С. 16.

¹⁴¹⁴ Ахмадов Ш.Б. Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа и Россией в прошлом // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность... – С. 55-67; Хасбулатов А.И. Исследования по истории Чечни до 1917 года // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность... – С. 68-87.

¹⁴¹⁵ Хасбулатов А.И. Исследования по истории Чечни до 1917 года... – С. 76.

генофонда народа, созданием российским государством условий для его сохранения и развития»¹⁴¹⁶.

Однако при сохранении тезиса о прогрессивных последствиях процесса присоединения в исследованиях высказывается мнение о неизбежности военного силового вмешательства в решение этого вопроса. По мнению историка Н. И. Крамарова, этот сценарий был «предопределен сменой мировоззрения российской политической элиты, освобождавшейся от иллюзий просвещенческого характера, и подготовлен деятельностью командующего Кавказскими войсками генерала П. Д. Цицианова...»¹⁴¹⁷. Его приоритет имел важное значение в плане подтверждения военной мощи и жизнеспособности Российской империи¹⁴¹⁸. В современных работах отводится пристальное внимание анализу докладных записок и проектов, предлагавших различные варианты присоединения горцев к России¹⁴¹⁹ и их публикации¹⁴²⁰.

¹⁴¹⁶ Дидигов Т. А. Интеграция чеченского народа в российском государстве: историко-политологический процесс: автореф. дис. ... канд. политич. наук. – М., 2010. – С. 3.

¹⁴¹⁷ Крамаров Н. И. История народов Северного Кавказа: курс лекций. – Ростов н/Д, 2005. – С. 70.

¹⁴¹⁸ Маремкулов А. Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX века... – С. 130.

¹⁴¹⁹ См.: Арсанукаева М. С. Государственно-правовая политика Российской империи ...; Бабатыева А. С.-А. Российские политики и военные о методах присоединения Кавказа к России // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность... – С. 262-268.

¹⁴²⁰ Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). / Рук. авт. кол. В. А. Козлов. – М., 2011; Дзамихов К. Ф. Адыги: борьба и изгнание. – Нальчик, 2005; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность: начало XIX – начало XX вв.: [сб. / сост.: Я. А. Гордин и др.; подгот. текстов и коммент. Б. П. Миловидова]. – СПб., 2005; Кавказская война: истоки и начало: 1770-1820 гг. / [Сост. А. Я. Гордин и Б. П. Миловидов; Подгот. текстов и коммент. Б. П. Миловидов]. – СПб., 2002; Кавказские письма А. П. Ермолова М. С. Воронцову / [сост.: Я. А. Гордин и др.; коммент., указ.: Б. П. Миловидов]. – СПб., 2011; Кавказский вектор российской политики: сб. док. / Сост.: М. А. Волхонский, В. М. Муханов. – М., 2011. – Т. 1; Карачай – страна на вершине Кавказа: Очерки истории и культуры Карачая: [Сб.] / Сост., вступ. ст. и коммент. С. Х. Хотко. – Майкоп, 2011; «Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании». Князь Г. Г. Гагарин о политике России на Кавказе. 1844 г. / Публ. С. В. Солдатов, А. Л. Худобородов // Ист. арх.

Приоритетным направлением в современной историографии, посвященной различным аспектам присоединения Северного Кавказа к России, является анализ и разработка понятийного аппарата исследований. Значительное внимание уделяется смысловой нагрузке термина «*подданство*», который в советский послевоенный период было заменен на термин «*присоединение*» и рассматривался в качестве синонима. Усмотрев в этом искусственный и антинаучный характер, историки сочли необходимым уточнить дефиниции обоих терминов. В. В. Трепавлов, вслед за наблюдениями дореволюционных исследователей, отмечает: «...отношения подчинения и подданства русская сторона и ее партнеры зачастую воспринимали совершенно по-разному, и нужно учитывать различия во взглядах на присоединение к России и на статус пребывания в ее составе у русских властей и у присоединенных народов»¹⁴²¹. Использование такого подхода широко применимо для трактовки принятия российского подданства на примере отдельных горских народов¹⁴²². Так, анализируя результаты российско-чеченских переговоров в Кизляре в январе 1781 г., З. М. Блиева заметила, что «...чеченские общества по-разному отнеслись к выдвинутым требованиям. Одни, желая получить землю на равнине, готовы были согласиться на любые

– 2004. – № 1. – С. 207-216; Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год / [Вступ. ст. и коммент. А. Н. Лукирского]. – СПб., 2003; Осада Кавказа: Воспоминания участников Кавк. войны XIX в. / [Сост., подгот. и авт. вступ. ст. Я. Гордин]. – СПб., 2000; «Старайтесь убедить их, что сии агенты суть бродяги». Неизвестные документы Хан-Гирея / Публ. В. Захарова // Источник. Док. рус. истории. – 2003. – № 2. – С. 37-40.

¹⁴²¹ Трепавлов В. В. «Добровольное вхождение в состав России»... – С. 155.

¹⁴²² Гапуров Ш. А. Актуальные проблемы истории Чечни в XVI-XIX веках... – С. 41; Дзамихов К. К вопросу политико-правового оформления русско-кабардинских отношений (вторая половина XVI – начало XVIII века) // Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения: [Сб.] / [Сост. Ж. А. Калмыков; ред. А. Х. Мукожев]. – Нальчик, 2012. – С. 11; Закриев Б. Б. Чечня в политике России в последней трети XVIII – начала XIX в.: автореф. дис.... канд. ист. наук. – Грозный, 2005; Магомедов М. Г. История аварцев. – Махачкала, 2005. – С. 167; Осмаев М. К., Алироев Н. Ю. История и культура вайнахов. – М., 2003. – С. 21; Шнайдер В. Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. [Эл. ресурс]. – М., 2005. – Режим доступа: <http://regiment.ru/Lib/D/13/1.htm>. – Дата доступа: 20.09. 2012.

условия, другие сомневались в необходимости присоединения к России. В среде чеченских обществ были и ярые противники присоединения: так, к ним относились общества из горной Чечни – «немирные» чеченцы»¹⁴²³.

По справедливому мнению В.В. Трепавлова, для периода XVI-XVIII вв. изучение российского подданства осложняется размытостью критериев этого правового института. С целью его конкретизации он предложил выделить следующие параметры: 1) включенность территории (народа) в высшую государственную символику – большой царский титул или большой государственный герб; 2) налогообложение в пользу единого государства; 3) распространение на данный регион действия общероссийского законодательства и подведомственности внутригосударственным инстанциям; 4) принадлежности региона к одному из административных подразделений государства¹⁴²⁴. Согласно идее В.В. Трепавлова, «вхождение» территории в состав государства должно отвечать «хотя бы трем из перечисленных четырех критериев»¹⁴²⁵. Анализ горских присяг XVI-XVIII вв., проведенный Н.Н. Великой и Ю.Ю. Клычниковым, показал, что «они не требовали от северокавказских подданных того, что требовалось от центральноросийских. В присягах XVI-XVIII вв. нет речи о повинностях, податях и пр. Вмешательства во внутреннее самоуправление северокавказских обществ они также не предусматривали»¹⁴²⁶. Наложение критериев В.В. Трепавлова на выводы других исследователей свидетельствуют о том, что вопрос так и не снят. В.В. Трепавлов также обращает внимание, что «в исламском мире не считалось зазорным нарушать обещания (в том числе и «присягу»), данные «неверным», и письменные соглашения соблюдались до тех пор, пока они приносили какие-то выгоды»¹⁴²⁷.

¹⁴²³ Блиева З. М. Русско-чеченские отношения в XVII-XVIII веках... – С. 55.

¹⁴²⁴ Трепавлов В. В. Присоединение народов к России и установление российского подданства ... – С. 199.

¹⁴²⁵ Там же. – С. 199.

¹⁴²⁶ Великая Н. Н., Клычников Ю. Ю. Интересы России на Северном Кавказе в отражении горских присяг (XVI – начало XIX вв.) // КС. – 2009. – Т. 7. – С. 32.

¹⁴²⁷ Трепавлов В. В. Присоединение народов к России и установление российского подданства ... – С. 201.

Для описания характера начальной стадии российско-кабардинских отношений активно используется термин «*военно-политический союз*»¹⁴²⁸, который вышел за границы своих географических рамок. В современных публикациях его применение характерно для анализа российско-чеченских отношений¹⁴²⁹. При этом нельзя забывать, что с использованием термина «*военно-политический союз*» его разработчики хотели показать переход политики России по отношению к горцам от мирных форм существования к силовым, поскольку главный акцент ставился на демонстрацию силового сценария присоединения. Однако в последние годы попытки дать более точную формулировку характера российско-кавказских отношений в XVI-XVIII вв. поставили перед исследователями вопрос о внесении в этот термин и концепцию ряда замечаний. Так, в 2001 г. доцент КБГУ Б. М. Моков (наравне с концепцией «добровольного вхождения») посчитал ее недостаточной для

¹⁴²⁸ См.: Бейтуганов С. Н. Кабардино-русские отношения (XVI-XIX вв.) / Сайт Зольского р-на КБР [Эл. ресурс]. – [1997]. – Режим доступа: <http://www.zolka.ru/articles/19-6/306---q---xvi-xix-q>. – Дата доступа: 12.08.2012; Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). – Нальчик, 2007; Бурда Э. Навеки с Россией. Русско-кабардинское содружество в XVI-XVII вв. [Эл. ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article22729.htm>. – Дата доступа: 12.08.2012; Дзамихов К. К вопросу политико-правового оформления русско-кабардинских отношений...; Его же. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). – Нальчик, 2001. Его же. Вопросы политической истории народов Северного Кавказа: Учеб. пособие. – Нальчик, 2001; Его же. Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI-XVII вв.: (исследования и материалы). – Нальчик, 2007; Кажаров В. Х. Политическая история Кабарды в XVI – XVIII веках в постсоветской историографии // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – Вып. 5. – С. 21-28; Половинкина Т. В. Черкесия – боль моя. Ист. очерк (древнейшее время – начало XX в.). – 2-е изд., испр. и доп. – Майкоп, 2001; Хотко С. К 450-летию заключения военно-политического союза России и Черкесии / Сайт Зольского р-на КБР [Эл. ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.zolka.ru/articles/19-6/266-450>. – Дата доступа: 20.09.2012.

¹⁴²⁹ См.: Гапуров Ш. А. Актуальные проблемы истории Чечни в XVI-XIX веках // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность... – С. 40-48; Магомедова Т. С. Русско-чеченский военно-политический союз в конце XVI – в первой половине XVII в. // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность... – С. 246-253.

обобщенной оценки характера кабардино-российских взаимоотношений в XVII в. Он отмечал, что «плодотворным здесь представляется такой подход, который, во-первых, был бы нацелен на максимально полную реконструкцию и интерпретацию форм этого взаимодействия в терминах той исторической эпохи, а не современной политики; а во-вторых, учитывал бы, что ни одна из этих форм не приобрела в XVII в. окончательного характера; исторически необратимым оказался сам процесс кабардино-русского сближения, но он мог развиваться далее альтернативными путями»¹⁴³⁰. Свои замечания высказали также В. В. Трепавлов и Ж. А. Калмыков, которые указывали на то, что «союз возможен между сопоставимыми по военному могуществу и экономическим ресурсам партнерами, а иерархический ранг российских монархов был намного выше статуса адыгских предводителей»¹⁴³¹. Профессор КГУ Б. В. Виноградов также подчеркнул, что использование данного термина возможно только в случае наличия государственности у северокавказских народов, что не имеет под собой широкой аргументированной базы¹⁴³². В связи с этим, ряд исследователей предложили альтернативные варианты характера российско-горских отношений. Так, Ж. А. Калмыков предлагает использовать понятие «*союзно-покровительственные отношения*»¹⁴³³, а директор Кабардино-Балкарского научного центра РАН Б. Х. Бгажноков считает возможным употребление античного термина «*симмахия*» (военно-политический союз,

¹⁴³⁰ Моков Б. М. Кабарда второй половины XVI-XVII веков. – Нальчик, 2001. – С. 134.

¹⁴³¹ Калмыков Ж. А. К вопросу о характере кабардино-русских отношений в XVI – первой половине XVIII века // Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения... – С. 15; Калмыков Ж. А. Размышления историка в поисках истины... – С. 82; Трепавлов В. В. «Добровольное вхождение в состав России»... – С. 158.

¹⁴³² Виноградов Б. В. К проблеме особенностей служения горцев России в контексте сущностных характеристик российско-северокавказского взаимодействия XVI – начала XIX в. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заоч. науч.-практ. конф. [эл. ресурс]. – Краснодар, 2008. – Режим доступа: <http://www.slavakubani.ru/print.php?table=1&type=1&id=171>. – Дата доступа: 09.01.2012.

¹⁴³³ Калмыков Ж. А. Размышления историка в поисках истины... – С. 84.

заклучавшийся между греческими полисами) для анализа российско-кабардинских отношений XVI-XVIII вв.¹⁴³⁴

На современном этапе изучения процесса присоединения Северного Кавказа к России вносятся также предложения о замене классического термина «Кавказская война». Так, В. Б. Виноградов считал его спорным по смыслу, территории и хронологии. Вместо него он предложил использовать термин древнегреческого происхождения «*krisis*», который, по его мнению, «применим и адекватен для системной оценки ситуации, сложившейся в регионе в связи с наступлением принципиально нового этапа в конструировании русско-кавказского единства в конкретных исторических условиях и обстоятельствах, требующих максимального учета»¹⁴³⁵. Как показывают последние публикации, термин «*кризис*» не прижился. Исследователи по-прежнему предпочитают использовать термины «Кавказская война», «антиколониальная борьба», «национально-освободительная борьба»¹⁴³⁶. Наравне с ними в публикациях закрепился термин «Русско-Кавказская война»¹⁴³⁷.

Помимо активной проработки понятийного аппарата в современных исследованиях делаются попытки разработки и применения новационных подходов в изучении процесса присоединения Северного Кавказа к России. Так, опираясь на общую теорию цикла Ю. Н. Соколова, идеи Л. Н. Гумилева, отдельные положения ряда новейших исследований в области изучения цикличности исторических процессов В. Г. Шнайдер проследил

¹⁴³⁴ История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Отв. ред. Б. Х. Бгажноков. – Нальчик, 2007. – С. 57.

¹⁴³⁵ Виноградов В. Б. Современные аспекты российского кавказоведения: мозаика новейших публикаций). – М.; Армавир, 2007. – С. 7.

¹⁴³⁶ См.: Газиумаров С. Д. Россия и Северный Кавказ: колониальная политика самодержавия и освободительная борьба горцев во второй четверти XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009; Круглый стол «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе» (Ростов н/Д, апрель, 2007 г.) / Публ. В. В. Черноус // Научная мысль Кавказа. – 2007. – № 2. – С. 52-61.

¹⁴³⁷ Калмыков Ж. А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик, 2007. Половинкина Т. В. Указ. соч.

взаимосвязь этапов утверждения России на Северном Кавказе с ее внутренними социальными циклами. По его мнению, период Российской империи включает в себя три малых социальных цикла: 1) начало XVII – середина XVIII вв.; 2) середина XVIII – середина XIX вв.; 3) середина XIX в. – 1910-е гг.¹⁴³⁸ Они и предопределили этапы включения региона в состав России, а также начало процесса утверждения в данном регионе доминирующего и определяющего российского исторического типа культуры. Автор поясняет, что их наложение на российско-северокавказские отношения должно учитывать тот факт, что «различные этнокультурные группы Северного Кавказа обладали разным уровнем связей с Россией, а применительно к достаточно поздним периодам можно говорить и о различном уровне интегрированности с ней»¹⁴³⁹.

С позиций геополитического подхода к процессу присоединения Северного Кавказа к России предлагает подойти доцент КБГУ А. Н. Маремкулов. Он считает, что выявление трех факторов (пространственно-территориальный, этнорелигиозный и экономический), составляющих геополитическую основу имперской доктрины России на Северном Кавказе, позволит проследить специфику покорения региона Россией¹⁴⁴⁰.

Новое прочтение дореволюционной традиции описания процесса присоединения Кавказа к России предложил военный историк В. В. Лапин¹⁴⁴¹. При обосновании хронологических рамок этого процесса он отталкивался от научной концепции КВИМ, в которую органически был включен цикл батальных картин художника Ф. А. Рубо, охватывавший события от Персидского похода Петра I 1722-1723 гг. до штурма крепости Карс в 1877 г. Такие широкие хронологические рамки, по мнению В. В. Лапина, снимают вопрос об определении «типа» Кавказской

¹⁴³⁸ Шнайдер В. Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов...

¹⁴³⁹ Там же.

¹⁴⁴⁰ Маремкулов А. Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX века... – С. 127.

¹⁴⁴¹ Лапин В. В. История Кавказской войны ...; Его же. Кавказская война XVIII-XIX веков в исторической памяти // Россия XXI. – 2007. – № 6. – С. 82-102.

войны, поскольку в него вмещаются «и колониальная экспансия, и реализация имперской идеи, и национально-освободительные движения, и цивилизационный конфликт, и феодально-этнические междоусобицы, и религиозная война»¹⁴⁴². Главной причиной продвижения России вглубь Кавказа он считает военно-стратегический фактор.

В настоящее время многие исследователи выделяют Кавказский регион в качестве самостоятельной цивилизационной единицы, пишут о Кавказской войне как о столкновении двух культур¹⁴⁴³.

Процесс присоединения региона к России отражается и на языке карт. В этом направлении активно работает доцент СОГУ А. А. Цуциев¹⁴⁴⁴. Его «Атлас этнополитической истории Кавказа» в 2006 г. выдержал три издания, а к началу 2007 г. тираж достиг 4 тыс. экземпляров¹⁴⁴⁵. В нем в динамике представлена этническая, конфессиональная, языковая и административно-территориальная история региона. Так, применительно к анализу событий на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. (Карта 2), А. А. Цуциев подчеркивает, что международное признание за Россией ряда горских территорий не всегда говорит об их подконтрольности империей, что делает ее границу в регионе условной

¹⁴⁴² Лапин В. В. Хронологические рамки Кавказской войны в контексте ее историографии // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2. – 2007. – Вып. 3. – С. 87; Лапин В. В. История Кавказской войны... – С. 34.

¹⁴⁴³ См.: Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе ...; Гожев К. М. История и философия великой Кавказской войны: к вопросу о методологической концепции // Общество. Среда. Развитие (Тerra humana). – 2008. – № 3. – С. 20-35; Лапин В. В. История Кавказской войны ...; Хотко С. Х. Очерки истории черкесов: от эпохи киммерийцев до Кавказской войны...; Черноус В. В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20-50-х гг. XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. – 2003. – № 1. – С. 50-64; Шнайдер В. Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период...

¹⁴⁴⁴ Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004) [Карты]. – М., 2006.

¹⁴⁴⁵ Колеров М. А. [Рецензия] // Рус. сб.: Исследования по истории России XIX–XX вв. / ред.-сост. М. А. Колеров [и др.]. – 2008. – Т. V. – С. 389-394. – Рец. на кн.: Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М., 2006. – С. 389.

и изменчивой¹⁴⁴⁶. По мнению историка, только с установлением устойчивого военно-административного контроля можно говорить о включенности кавказских территорий в состав России, т.е. после окончания Кавказской войны в 1864 г.

Консервативные позиции в современной историографии сохраняются в вопросах хронологии. Большинство из них опираются на результаты международных договоров¹⁴⁴⁷. В. В. Дегоев пи-

¹⁴⁴⁶ Пуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа... – С. 12.

¹⁴⁴⁷ См.: Алати Н. Б. Нормативное и организационно-правовое обеспечение государственной политики России на Северном Кавказе в период XVIII-XX вв.: (историко-правовое исследование): автореф. дис.... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006; Бадаева Л. А. Социально-экономическое развитие и политические взаимоотношения народов Северо-Восточного Кавказа с Россией (1774-1813 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2009; Бегидов А. М. Кабардино-Балкария. – М., 2003. – С. 23; Блиев М. Черкесия и черкесы XIX в.: Краткий очерк истории. – М., 2011. – С. 41; Гайдабура И. Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.): автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007. – С. 9; Дегоев В. В. Введение в политическую историю Северного Кавказа... – С. 12, 45; Ибрагимова И. И. Дагестан и отношения России с Турцией и Ираном во второй половине 70-х гг. XVIII в. // ВИ. – 2008. – № 11. – С. 152; Касумов Х. А. Разделение сфер влияния России и Турции на Северо-Западном Кавказе (1774-1779 годы) // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 4. – С. 42; Кипкеева З. Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи...; Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.)... – С. 29; Магомедова Л. А. Дагестан в Кавказской политике России, Ирана и Турции в 1802-1813 гг. // ВИЖ. – 2010. – № 11. – С. 37; Мартиросян К. М. Внешнеполитическое положение Северо-Западного Кавказа в конце XVIII – первой трети XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2004; Половинкина Т. В. Черкесия – боль моя... – С. 79; Саламова Н. А. Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях: от Каспийского похода Петра I до присоединения Крыма к России (1722-1783 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2007; Северный Кавказ в составе Российской империи... – С. 49; Сотавов Н. А., Магомедова Л. А. Дагестан в кавказской политике России, Ирана и Турции от Георгиевского договора до Гюлистанского трактата (1802-1813 гг.) // Изв. ДГПУ. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2010. – № 3. – С. 44; Трепавлов В. В., Гатагова Л. С. Государственная и национальная политика на Северном Кавказе до 1917 года: особенности, специфика // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX-XXI вв.): [сб.] / [Редкол.: А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др.]. – М.; Тула, 2009. – С. 14; Якубова И. И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Нальчик, 2004.

шет, что в конце 1820-х гг. Россия добилась юридической санкции на владение Северным Кавказом. Говоря о бесчисленных клятвах и присягах, он отмечает, что «решающее юридическое значение имели не русско-северокавказские «соглашения», а соглашения с Ираном и Турцией по поводу Северного Кавказа»¹⁴⁴⁸. Вместе с тем, историки выделяют два этапа присоединения: они отмечают юридическую сторону процесса, подчеркивая наличие политического (фактического) этапа присоединения, сопровождавшегося установлением общероссийской административной системы и сопротивлением горцев (Кавказская война). Так, Э.Г. Джахиева, анализируя международные договора XVIII – первой трети XIX в., отметила, что они «носили неравноправный характер, нарушали принципы равенства и независимости государств; ущемляли фактическую диспропорцию в соотношении прав и обязанностей сторон при заключении договоров, ущемляли суверенитет потерпевших сторон»¹⁴⁴⁹. Двойное восприятие Адрианопольского мира «демократическими» и «аристократическими» адыгскими племенами усмотрел К.В. Скиба¹⁴⁵⁰. Однако такой подход не является универсальным. Пытаясь отойти от классической интерпретации процесса присоединения Дагестана к России по условиям Гюлистанского мира, М.Р. Гасанов и Э.М. Магомедова пришли к выводу, что с принятием в 1806 г. российского подданства рядом «вольных обществ» «российские власти рассматривали Дагестан уже как неотъемлемую часть империи»¹⁴⁵¹.

По-прежнему многие исследователи связывают процесс присоединения Северного Кавказа к России с окончанием Кавказ-

¹⁴⁴⁸ Дегоев В.В. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX века) // КС. – 2005. – Т. 2. – С. 108.

¹⁴⁴⁹ Джахиева Э.Г. Северо-Восточный Кавказ в международных отношениях: историко-правовые аспекты договоров, заключенных Россией с Турцией и Ираном. 1774-1826 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 2007. – С. 46.

¹⁴⁵⁰ Скиба К.В. О реакции «аристократических» и «демократических» адыгских племен на Адрианопольский мирный договор 1829 г. // Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы науч. конф., г. Краснодар, 16-18 мая 1994 г. / [Редкол.: В.Н. Рагушняк (отв. ред.) и др.]. – Краснодар, 1995. – С. 469-479.

¹⁴⁵¹ Гасанов М.Р., Магомедова Э.М. К вопросу о присоединении Дагестана к России // Изв. ДГПУ. Сер., Общественные и гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 22.

ской войны¹⁴⁵². Так, Ж. А. Калмыков делает вывод, что «в результате Русско-Кавказской войны (1763–1864) были присоединены к России Кабарда, Балкария, Северная Осетия, Дагестан, Чечня»¹⁴⁵³.

Более узко проблемы определения времени присоединения рассматриваются на примере отдельных территорий и народов. Так, детализовано свою позицию по проблеме присоединения Дагестана к России представил М. Гасаналиев. Он подчеркивает тот факт, что Дагестан в XIX в. не был единой страной, а был раздроблен на ряд феодальных владений и более 60 вольных обществ: «часть его территории ко времени подписания Гюлистанского мирного договора уже была присоединена к России <...> другая часть дагестанских феодалов и некоторые вольные общества дали присягу на верность России, они не были присоединены к России, а перешли под ее покровительство <...>, но оставались в Дагестане территории, не вступившие в подданство или под покровительство России»¹⁴⁵⁴. Автор считал, что в 1813 г. по Гюлистанскому миру к России присоединились лишь Кубинское, Дербентское и Кюринское ханства¹⁴⁵⁵.

¹⁴⁵² См.: Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе ...; Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в) ...; Гелаева З. А. Социально-экономическое и политическое развитие надтеречной Чечни в XVIII – XIX вв.: автореф. дис.... канд. ист. наук. – Махачкала, 2004; Дзамихов К. Ф. Вопросы политической истории народов Северного Кавказа ...; Жемухов С. Н. Взаимоотношения Кабарды и России в начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2004; Калмыков Ж. А. Размышления историка...; Магомедов М. Б. Кавказская война 20-50-х годов XIX в.: историко-правовые аспекты: автореф. дис.... д-ра ист. наук. – Махачкала, 2004; Панеш А. Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). – Майкоп, 2006; Трепавлов В. В., Гатагова Л. С. Государственная и национальная политика на Северном Кавказе до 1917 года ...; Хотко С. Х. Очерки истории черкесов: от эпохи киммерийцев до Кавказской войны...; Шигабудинов Д. М. Россия и Северо-Восточный Кавказ в 20-50 гг. XIX в. (Проблемы и опыт взаимоотношений в период народно-освободительного движения горцев против царизма): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 2004.

¹⁴⁵³ Калмыков Ж. А. Размышления историка... – С. 153.

¹⁴⁵⁴ Гасаналиев М. Русско-иранская война 1804-1813 гг. и Северный Кавказ // ВИ. – 2009. – № 9. – С. 154.

¹⁴⁵⁵ Гасаналиев М. Русско-дагестанские отношения в последней четверти XVIII – начале XIX в.: автореф. дис.... канд. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С. 17.

Неоднозначность в определении времени присоединения характерно для территории Чечни. Так, Ш. А. Гапуров акцентировал внимание на том, что чеченские территории не фигурировали в международных договорах¹⁴⁵⁶. Скептически национальные историки оценивают и комплекс документов о принятии российского подданства (1781 г.). В отличие от авторов издания «Северный Кавказ в составе Российской империи» (М., 2007), они считают это событие важным этапом в процессе присоединения¹⁴⁵⁷, но не ее окончательным результатом¹⁴⁵⁸. Критически Ш. А. Гапуров в 2005 г. подошел к обоснованию даты присоединения Чечни в 1807 г., намекая на то, что наиболее адекватной в историческом плане является 1959 г. – окончание военных действий на Северо-Восточном Кавказе¹⁴⁵⁹. Следует отметить, что во время празднования 200-летия вхождения Чечни в состав России в 2007 г. организаторы мероприятия отталкивались от даты 1807 г. – подписание российско-чеченских соглашений после ожесточенного сопротивления горцев генералу С. А. Булгакову в ущелье Хан-Кала.

Окончательное включение Кабарды и Балкарии в состав России Ж. А. Калмыков датировал 1822 г. – введением генералом А. П. Ермоловым Кабардинского временного суда, который, по мнению историка, означал ликвидацию государственности Кабарды и ее реальное включение в административно-территориальное и правовое пространство империи¹⁴⁶⁰. Традиционную в историографии дату присоединения Балкарии к России в 1827 г. вновь обосновали Р. С. Тебуев и Р. Т. Хатуев (прошение балкарцев на имя командующего войсками Кавказской линии Г. А. Эммануэля об их вступлении в состав России)¹⁴⁶¹. Новую версию они

¹⁴⁵⁶ Гапуров Ш. А. Актуальные проблемы истории Чечни... – С. 41.

¹⁴⁵⁷ Арсанукаева М. С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии ...; Блиева З. М. Русско-чеченские отношения в XVII-XVIII веках ...; Гапуров Ш. А. Актуальные проблемы истории Чечни...; Закриев Б. Б. К истории российско-чеченских отношений последней трети XVIII в. // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность... – С. 254-261.

¹⁴⁵⁸ Северный Кавказ в составе Российской империи... – С. 47.

¹⁴⁵⁹ Гапуров Ш. А. Актуальные проблемы истории Чечни... – С. 46.

¹⁴⁶⁰ Калмыков Ж. А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления... – С. 40.

¹⁴⁶¹ Тебуев Р. С. Очерки истории карачаево-балкарцев – М.; Ставрополь, 2002.

предложили в отношении Карачая. Авторы исходили из того, что предпосылки включения этой территории возникли в конце XVIII в., однако в тот момент «Россия, в лице местных генералов не испытывала восторга от обретения новых подданных империи, которых необходимо было поддерживать»¹⁴⁶². Это толкнуло карачаевские верхи в объятия Османской империи. По мнению авторов, окончательной датой присоединения Карачая следует считать 1855 г. – подавление восстания судьи Карачая Магомет-эфенди Хубиева, который хотел поддержать наиба Шамиля Магомет-Амина¹⁴⁶³.

Несмотря на значительные достижения современной историографии и ее новационные разработки и подходы, в исследованиях присутствуют довольно пессимистичные оценки указанным процессам. Так, В. В. Дегоев подчеркивает, что «победа любой, даже самой блистательной концепции, претендующей на статус «официальной» и «исчерпывающей», будет означать только одно – новый этап идеологизации и застоя в изучении этой многострадальной темы»¹⁴⁶⁴. С этим выводом соглашается и К. М. Гожев, который пишет, что «особо остро идеологическая интерпретация войны [Кавказской] нуждалась и будет нуждаться именно в идеологическом обрамлении»¹⁴⁶⁵.

Несмотря на крайне неблагоприятную атмосферу 1990-х гг. для проведения научно-исследовательской работы, к началу XXI в. в российском кавказоведении наметились пути выхода из эмоционально-болезненного состояния в восприятии истории двусторонних отношений. Наложение наработок дореволюционных и советских историков на современный методологический плюрализм позволило уточнить и конкретизировать смысловую нагрузку терминов, употребляемых для обозначения методов, процесса и последствий присоединения, а также времени включения какой-либо территории или народа в состав России.

¹⁴⁶² Тебуев Р. С. Очерки истории карачаево-балкарцев... – С. 102.

¹⁴⁶³ Там же. – С. 110.

¹⁴⁶⁴ Дегоев В. В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Большая игра на Кавказе: история и современность: [Ст., очерки, эссе]. – 2-е изд., расш. и доп. – М., 2003. – С. 295.

¹⁴⁶⁵ Гожев К. М. История и философия великой Кавказской войны... – С. 32.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные выводы исследования сводятся к следующим позициям:

1. В рамках дореволюционного этапа изучения присоединения Северного Кавказа к России был сформулирован четкий критерий оценки процесса присоединения: исследователи, находясь под значительным влиянием европоцентристского подхода, акцентировали внимание на прогрессивных социально-экономических последствиях развития региона в составе России, сохранении генофонда народов региона и прекращении междоусобиц. В то же время они не ставили под сомнение насильственный и завоевательный характер присоединения (такое совмещение в полной мере отражает сущность концепции «*наименьшее зло*», разработанной в 1930-е гг.). В начале XX в. усилиями историков, и в первую очередь генерированных в имперском социуме исследователей горского происхождения, в концепции «*наименьшего зла*» была расширена ее составная положительная часть, что привело в ряде случаев к утверждению тезиса о добровольном и мирном присоединении Кабарды и Северной Осетии к России. В этой связи можно говорить об отчетливой преемственности в изучении, несмотря на то, что в советской историографии ее изначально отрицали. Она во многом не была прямой, поскольку как бы отрицала опыт предшественников, однако повторяла их концептуальный посыл. Историк С. М. Броневский разработал периодизацию российско-кавказских отношений, этапы продвижения России вглубь Кавказа, которые оказали серьезное влияние на последующее изучение проблемы. Исследователями было обращено внимание на специфику правосознания горского населения при принятии условий российского подданства, что являлось спорным критерием для установления времени присоединения отдельных территорий (народов) Кавказа. Достижением этого этапа является проведенная активная работа по выявлению и введению в научный оборот исторических источников, позволивших обеспечить последующие поколения исследователей мощнейшей фактографической базой. Его важным результатом

следует считать сбор и сохранение вещественных памятников о событиях Кавказской войны, что позволило организовать тематический музей (КВИМ);

2. Ключевыми вопросами советской историографии являлись определение характера и последствий присоединения Северного Кавказа к России. Их осмысление связано с переоценкой имперского опыта и имеет свою поэтапную периодизацию. Знаковой чертой этого этапа было идеологическое сопровождение исследования, поскольку оно являлась органической частью государственно образующей темы формирования нового советского многонационального государства. Разработка проблематики велась в рамках двух моделей: военной и мирной. Сущность первой модели выражалась в признании прямых территориальных захватов, осуществлявшихся в результате военных конфликтов, второй – в оценке мирного, добровольного и обоюдодоплезного характера присоединения. Во второй половине 1980-х гг. была разработана также *смешанная* историко-типологическая модель, исходившая из наличия в процессе присоединения двух указанных тенденций. Под формулу «абсолютное зло» в 1920-1940-е гг. была подведена определенная историографическая база, которая позволила обновить ее существенные параметры в новых общественно-политических условиях. В результате в рамках военной модели были разработаны положения концепции «*наименьшего зла*», предложен путь перехода от одной модели к другой через утверждение *объективно-прогрессивной* оценки последствий присоединения. Отказ от негативной трактовки присоединения отдельных территорий и народов Северного Кавказа произошел в 1950-1970-е гг. Основанием для такого кардинального пересмотра стало новое прочтения ранее известных исторических источников – прошений и присяг принятия горским владетелями российского подданства. В исторической литературе термин «*подданство*» стал отождествляться с термином «*присоединение*». Появление альтернативной мирной модели было закономерной реакцией на безраздельное доминирование в довоенной исторической науке противоположной модели, а создание концепции *военно-политического союза* скорректировало ее основания, что поставило

вопрос о добровольности присоединения как явления, имевшем место в прошлом двусторонних отношений;

3. Современная российская историография пребывает в стадии концептуального выбора, отягощенного историографическим наследием предшественников с наносными элементами идеологических конструктов. Объективно назревшая переоценка исторического прошлого ведется по линии переосмысления обширнейшей историографии дореволюционного и советского периодов. Значительным фактором, оказывающим влияние на проблематику, направления и их концептуальное наполнение, стали изменения в сфере государственного устройства России. На Северном Кавказе это ведет к этнизации исторического знания, а в федеральном центре – к институализации принципа этатизма, ставящего во главу державную, а не этническую направленность национальной идеи. Первое направление прилагает усилия на демонтаж историографического наследия советской послевоенной исторической науки. Переосмысление опыта взаимоотношений в рамках российской и советской империй выражается в попытках реанимации существовавших концепций, что привело к условному разделению исследователей на два направления: умеренных и радикальных. Первые, как и преобладающее большинство федеральных историков, опираются на положения концепции «*наименьшего зла*». Представители радикального направления – сторонники, разделяющие положения концепции «*абсолютное зло*», – пытаются придать негативный характер не только целям и задачам присоединения, используемым методам, но и оценке его итогов. Федеральная историография также использует концептуальный опыт предшественников, который отражал центростремительный потенциал истории. В начале XXI в. была возобновлена советская практика юбилейных торжеств по случаю добровольных вхождений различных народов в состав России. Большинство специалистов придерживается умеренного варианта концепции *завоевания* (наименьшего зла), которая сохраняет лидирующие позиции в изучении присоединения Северного Кавказа к России. Многие из них признают многослойность всего процесса, развивавшегося на протяжении столетий на Северном Кавказе. Они считают, что «завоевание» и «добровольное вхождение» должны рассматриваться синтезно, поскольку развивались параллельно, а поэтому нельзя ни одно из этих концептуальных построений обобщать на

событиях, происходивших на Северном Кавказе. Такая версия имеет компромиссный характер, поскольку удовлетворяет интересы и взгляды федеральных и национальных историков;

4. По вопросу о месте Кавказской войны в процессе присоединения Северного Кавказа к России в историографии существуют две версии. Согласно одной – процесс присоединения территории (народа) считался завершенным в результате распространения на нее юрисдикции России, закрепленной на международном уровне (Кючук-Кайнарджийский, Гюлистанский и Адрианопольский мирные договоры). Дальнейший этап двусторонних отношений соответствует формату «монарх – подданный». В этом случае Кавказская война оценивается не как внешнеполитический военный конфликт, а как подавление или усмирение подданных империи, либо как горское сопротивление установлению административной власти на этой уже российской территории. Согласно другой версии, термин «*присоединение*», помимо юридической фиксации, включает в себя этап установления российской административной власти, сопровождавшийся сопротивлением горцев. В этом случае историки используют в тексте понятия *юридическое* и *фактическое* присоединение, когда окончание Кавказской войны органично вписывается в завершение процесса присоединения;

5. Профессиональный и мировоззренческий уровни исследователя, пространственно-временная среда оказывают значительное влияние на выбор хронологических рамок присоединения, и терминов, раскрывающих характер этого процесса. Характер присоединения вычисляется путем суммирования трех слагаемых: *цель присоединения + используемые методы + оценка итогов присоединения*, а также общего видения истории двусторонних отношений с момента включения территории в состав империи, вплоть до событий недельной давности. В зависимости от понимания текста и смысловой нагрузки исторического источника исследователи могут переносить идеологические и политические конструкции из настоящего в прошлое и наоборот. Анализ историографических источников, показал, что терминологический аппарат и хронология являются взаимозависимыми и составляют единое целое в концептуальном подходе.

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- АГПУ – Армавирский государственный педагогический университет
АИМ – Артиллерийский исторический музей
АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВИ – Вопросы истории
ВИЖ – Военно-исторический журнал
ВИО – Военно-исторический отдел
ГИМ – Государственный исторический музей
ДГПУ – Дагестанский государственный педагогический университет
ДГУ – Дагестанский государственный университет
ИСПИ РАН – Институт социально-политических исследований Российской академии наук
КАК – Кавказская археографическая комиссия
КБГУ – Кабардино-Балкарский государственный университет
КБР – Кабардино-Балкарская республика
КВИМ – Кавказский военно-исторический музей
КГУ – Кубанский государственный университет
КК – Кавказский календарь
КС – Кавказский сборник
НАН РБ – Национальная академия наук Республики Беларусь
НБ РБ – Национальная библиотека Республики Беларусь
НИИ – Научно-исследовательский институт
ННБ АН Грузии – Национальная научная библиотека академии наук Грузии
НПБ Грузии – Национальная парламентская библиотека Грузии
ОИ – Отечественная история
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГУ – Ростовский государственный университет
РИГ – Революция и горец
РНБ – Российская национальная библиотека

СКНЦ ВШ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах
ЦГИА Грузии – Центральный государственный исторический архив Грузии
ЦК ВКП (б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦНБ – Центральная научная библиотека
ЧР – Чеченская Республика
ЧРИ – Чеченская Республика Ичкерия

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗАМЕТКИ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА.....	3
---------------------------------	---

Часть I

ПРОЦЕСС ВХОЖДЕНИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ВВЕДЕНИЕ	15
----------------	----

Глава 1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В XVI – XIX ВВ.....	37
--	----

1.1. Проблема периодизации отечественной историографии российско-кавказского исторического взаимодействия.....	37
--	----

1.2. Понятийно-терминологический аппарат исследований процесса вхождения народов Центрального Кавказа в состав Российского государства.....	44
---	----

1.3. Проблема системности в историографическом анализе: дисциплинарная матрица исторической науки Й. Рюзена	57
---	----

Глава 2. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА К РОССИИ.....	69
---	----

2.1. Официальная историография российско-горских взаимоотношений.....	69
---	----

2.2. Включение Центрального Кавказа в состав России в оценке либеральных историков.....	84
---	----

2.3. Отношения России и народов Терека в оценке представителей демократического течения	106
---	-----

Глава 3. ДОСТИЖЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ИЗУЧЕНИЯ ВХОЖДЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	117
--	-----

3.1. Становление и развитие марксистской историографии российско-кавказского исторического взаимодействия в 1920-х – середине 1950-х гг.	117
---	-----

3.2. Смена концептуальных подходов в исследованиях второй половины 50-х – 80-х гг. XX в.....	142
--	-----

Глава 4. СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВКЛЮЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	167
4.1. Анализ проблематики взаимоотношений народов Центрального Кавказа и России в XVI-XIX веках в общероссийском историко- политическом контексте.....	167
4.2. Осмысление интеграции северокавказских народов в состав России в контексте процессов национально-регионального исторического развития	184
4.3. Постановка перспективных проблем исследования вхождения Северного Кавказа в состав России в современной отечественной историографии	214
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	224
ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	233

Часть II

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ В ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XXI В.

ВВЕДЕНИЕ	235
Глава 1. ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	244
1.1. Обзор источников по проблеме исследования.....	244
1.2. Историографический обзор литературы	260
1.3. Методология и методы исследования	266
Глава 2. ПРИСОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ В ОЦЕНКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	271
2.1. Переход от бессистемного к целенаправленному изучению Северного Кавказа (вторая половина XVIII – начало XIX в.).....	271
2.2. Исследование истории российско-северокавказских взаимоотношений в период Кавказской войны	276
2.3. Изучение процесса присоединения Северного Кавказа к России во второй половине XIX – начале XX в.: институализация концепций и подходов	298

Глава 3. ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОЦЕССА ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	320
3.1. Новое в оценках причин и последствий процесса присоединения Северного Кавказа к Российской империи в 1920 – середине 1940-х гг.	320
3.2. Пересмотр концептуальных положений во второй половине 1940 – первой половине 1980-х гг.: причины и результаты.....	343
3.3. Институализация поливариантного подхода к изучению процесса присоединения горцев к России во второй половине 1980 – начале 1990-х гг.	368
Глава 4. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССА ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ.....	389
4.1. Поиск критериев оценки присоединения Северного Кавказа к России в 1990-е гг.	389
4.2. Концептуальные направления историографии в изучении процесса присоединения Северного Кавказа к России в начале XXI в.	411
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	431
ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	435

Научное издание

**Журтова Анжела Ариковна,
Максимчик Андрей Николаевич**

**ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В XVI–XIX В.: ДВА ПОДХОДА К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ**

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн обложки — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 12.12.2017.
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Бум. офс.
Гарнитура шрифта «Minion». Печать цифровая.
Усл. п.л. 25,6. Тираж 300 экз. Заказ 108.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им.В.И.Абаева – Филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр
Российской академии наук»
362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3.